КРУГЛЫЙ ГОД С ЛИТЕРАТУРОЙ

КВАРТАЛ ПЕРВЫЙ

ГЕННАДИЙ КРАСУХИН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор этой книги, как и трёх остальных, представляющих собою кварталы года, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей с 1972 года и Союза журналистов с 1969-го. Перед вами литературный календарь. Рассчитанный не только на любителей литературы, но и на тех, кто любит такие жанры, как мемуаристика, как научно-популярные биографии писателей, типа тех, что издаются в серии «Жизнь замечательных людей». Естественно, что многих, о ком здесь написано, автор знал лично. И это обстоятельство сообщило календарным заметкам отчасти мемуарный характер. Но популярные очерки рассказывают не только о замечательных писателях. Как и все люди, писатели бывают разными: замечательными и не очень, добрыми и злыми, смелыми и осторожными. В этом смысле авторские заметки субъективны. Автор представляет своих героев такими, каким они ему видятся.

- Геннадий Красухин
  -
  - 1 ЯНВАРЯ
  - 2 ЯНВАРЯ
  - 3 ЯНВАРЯ
  - 4 ЯНВАРЯ
  - 5 ЯНВАРЯ
  - 6 ЯНВАРЯ
  - 7 ЯНВАРЯ
  - 8 ЯНВАРЯ
  - 9 ЯНВАРЯ
  - 10 ЯНВАРЯ
  - 11 ЯНВАРЯ
  - 12 ЯНВАРЯ
  - 13 ЯНВАРЯ
  - 14 ЯНВАРЯ
  - 15 ЯНВАРЯ
  - 16 ЯНВАРЯ
  - 17 ЯНВАРЯ
  - 18 ЯНВАРЯ
  - 19 ЯНВАРЯ
  - 20 ЯНВАРЯ
  - 21 ЯНВАРЯ
  - 22 ЯНВАРЯ
  - 23 ЯНВАРЯ

- ○ 24 ЯНВАРЯ
- ○ 25 ЯНВАРЯ
- ○ 26 ЯНВАРЯ
- ○ 27 ЯНВАРЯ
- ○ 28 ЯНВАРЯ
- ○ 29 ЯНВАРЯ
- ○ 30 ЯНВАРЯ
- ○ 31 ЯНВАРЯ
- ○ 1 ФЕВРАЛЯ
- ○ 2 ФЕВРАЛЯ
- ○ 3 ФЕВРАЛЯ
- ○ 4 ФЕВРАЛЯ
- ○ 5 ФЕВРАЛЯ
- ○ 6 ФЕВРАЛЯ
- ○ 7 ФЕВРАЛЯ
- ○ 8 ФЕВРАЛЯ
- ○ 9 ФЕВРАЛЯ
- ○ 10 ФЕВРАЛЯ
- ○ 11 ФЕВРАЛЯ
- ○ 12 ФЕВРАЛЯ
- ○ 13 ФЕВРАЛЯ
- ○ 14 ФЕВРАЛЯ
- ○ 15 ФЕВРАЛЯ
- ○ 16 ФЕВРАЛЯ
- ○ 17 ФЕВРАЛЯ
- ○ 18 ФЕВРАЛЯ
- ○ 19 ФЕВРАЛЯ
- ○ 20 ФЕВРАЛЯ
- ○ 21 ФЕВРАЛЯ
- ○ 22 ФЕВРАЛЯ
- ○ 23 ФЕВРАЛЯ
- ○ 24 ФЕВРАЛЯ
- ○ 25 ФЕВРАЛЯ
- ○ 26 ФЕВРАЛЯ
- ○ 27 ФЕВРАЛЯ
- ○ 28 ФЕВРАЛЯ
- ○ 1 МАРТА
- ○ 2 МАРТА
- ○ 3 МАРТА
- ○ 4 МАРТА
- ○ 5 МАРТА
- ○ 6 МАРТА
- ○ 7 МАРТА
- ○ 8 МАРТА

- 9 МАРТА
- 10 МАРТА
- 11 МАРТА
- 12 МАРТА
- 13 МАРТА
- 14 МАРТА
- 15 МАРТА
- 16 МАРТА
- 17 МАРТА
- 18 МАРТА
- 19 МАРТА
- 20 МАРТА
- 21 МАРТА
- 22 МАРТА
- 23 МАРТА
- 24 МАРТА
- 25 МАРТА
- 26 МАРТА
- 27 МАРТА
- 28 МАРТА
- 29 МАРТА
- 30 МАРТА
- 31 МАРТА
- Список имён тех, кому посвящены календарные заметки

- notes
  - 1

Геннадий Красухин
КРУГЛЫЙ ГОД С ЛИТЕРАТУРОЙ
КВАРТАЛ ПЕРВЫЙ
Календарь, частично основанный на мемуарах

А всё началось с фейсбука. С того, что мне захотелось поздравить моего друга поэта Олега Чухонцева, пригласив читателей насладиться его стихотворением.

Некоторое время я помещал стихи или отрывки из прозы известных поэтов и прозаиков, с которыми был некогда знаком. Выпадала подходящая календарная дата, и я её таким образом отмечал.

Но потом мне самому интересней стало рассказывать о том, каким я знал того или иного писателя или каким он мне представляется, чем он обогатил литературу и, стало быть, необходим читателю.

Тем более что больше 40 лет я работал в периодической печати.

Наконец, я добавил к этому и тех писателей, которых лично знать не мог, но о которых у меня сложилось совершенно определённое мнение. Этим мнением я делился со студентами Литературного института и Московского педагогического государственного университета, где профессорствовал.

Я благодарен многим моим друзьям по фейсбуку за замечания и исправления, которые они вносили в мой текст. Особая благодарность – Евгению Юрьевичу Сидорову, Владимиру Ивановичу Новикову, Марату Рустамовичу Гизатулину, Николаю Аркадьевичу Анастасьеву.

1 ЯНВАРЯ

Анатолий Владимирович Жигулин (родился 1 января 1930 года) пришёл в «Литературную газету», рекомендованный Леонардом Иллариновичем Лавлинским, инструктором ЦК КПСС, бывшим коллегой Евгения Алексеевича Кривицкого, который перешёл к нам из ЦК на должность зама главного редактора – куратора первой тетрадки газеты, куда входил и наш отдел литературы.

И Жигулину казалось, что он пришёл в газету надолго. Помню, как, впервые оказавшись на редколлегии, он старательно пересказывал содержание романа Николая Кочина, опубликованного в «Волге».

– *И как написано?* – устал слушать Жигулина Чаковский.

– *Скучновато,* – простодушно ответил тот.

– *Так что же вы нам морочите голову!* – рассердился Чаковский. – *Вы что предлагаете? Отрицательную рецензию?*

– *Нет, отрицательную не нужно,* – просительно сказал Жигулин. – *Автор всё-таки старый человек.*

– *А на положительную не тянет?* – раздражённо спросил Чаковский. И рассвирепел: – *Так для чего полчаса вы пересказывали нудягу. Это ваша недоработка!* – накинулся он на зава отдела литературы Юрия Буртина. – *Вы собираетесь перед редколлегией, обсуждаете журналы?*

– *Собираемся и обсуждаем,* – ответил Буртин.

– *И что вы решили по поводу Кочина?*

– *Что следует пройти мимо этого романа, не заметить его.*

– *Я как раз и хотел закончить этим предложением,* – миролюбиво вставил Жигулин.

– *А рассказывали так, будто прочитали Дюма! Для чего говорить так много, – бушевал Чаковский, – если предлагаете так мало? Почему вы не объяснили этого новому сотруднику?* – снова накинулся он на Буртина.

Я, сидевший с Жигулиным в одной комнате, подружился с ним сразу: меня захватила биография Толи.

Со студенческой скамьи Воронежского лесного института его отправили на Колыму как антисоветчика за создание вместе с несколькими единомышленниками некоего кружка «правильных» коммунистов, который они именовали коммунистической партией молодёжи. Кружок был довольно невинным: они собирались для чтения Маркса, Ленина, Сталина, но мотавшие им сроки следователи быстро смекнули, какую материальную выгоду можно извлечь из дела о создании новой «партии» –

тягчайшему по тем временам преступлению. И извлекли – одни получили повышение, других даже перевели из Воронежа в Москву. А Жигулин с друзьями получили по 25 лет лагерей.

Лагерь Толю сломал. Выйдя на свободу, он начал пить много и постоянно.

Он появлялся в нашей комнате в длинном плаще с глубокими карманами, доставал из кармана бутылку.

– *Будешь,* – спрашивал он меня, срывая язычок с пробкой.

– *Ну что ты, Толя,* – говорил я ему. – *Ведь сейчас только одиннадцатый час.*

Это на него не действовало. Он наливал себе стакан, опрокидывал водку в рот и садился работать, то есть обзванивать знакомых.

Особенно часто он звонил поэту Игорю Жданову, автору очень неплохой повести, напечатанной в «Молодой гвардии». Дозвонившись, он договаривался о встрече в доме литераторов и, допив бутылку, исчезал.

Конечно, так бывало не каждый день. Иначе он бы и недели не проработал в газете. Но бывало довольно часто. А потом стало всё более учащаться. Эта болезнь и привела его в конце концов к смерти, случившейся 6 августа 2000 года.

Кроме Игоря Жданова был ещё один постоянный собутыльник Жигулина – поэт Владимир Павлинов. Мне он хмуро кивал, наверняка не прощая моей критики его стихотворений. Некогда он и ещё три автора журнала «Юность» составили общую книгу стихов «Общежитие», и я писал о ней. Стихи Павлинова я оценил как наименее удачные.

Павлинов обладал огромной физической силой и мог пить, долго не пьянея. К Жигулину он относился с нежностью.

Именно Павлинову и выпало наказать жигулинского обидчика. Даже не обидчика, а клеветника. Антисемит и сталинист, поэт Василий Фёдоров, прославившийся строками: «Сердца, не занятые нами, немедленно займёт наш враг», пустил сплетню, что Жигулин сидел не по антисоветской, а по уголовной статье: был якобы заурядным карманником. Этого Толя снести не мог.

Фёдоров тоже нередко запивал, и его в запое тоже влекло в ресторан ЦДЛ, где он сидел перед рюмкой и угрюмыми, ненавидящими глазами обводил зал. Вот он увидел Жигулина, пьющего с Павлиновым, и в глазах его (Фёдорова) зажглось ещё больше ненависти.

– *У, сволочь!* – тихо прорычал Толя.

– *А ты подойди к нему,* – посоветовал Павлинов, – *и скажи: «Что смотришь, харя фашистская!»*

Жигулин встал.

Фёдоров не успел ему ответить, потому что, отодвинув Толю со словами: «*Это тебе за моего друга, падла!*», Павлинов ударил Фёдорова в лицо с такой силой, что тот покатился по залу и недвижно затих у чьих-то ног.

На Павлинове повисло несколько официантов, он их стряхнул, они снова пытались повиснуть на нём. Вызвали милицию. Вызвали «скорую». Фёдорова увезли. Павлинова и Жигулина увели и почти ночь продержали за решёткой.

А наутро о драке узнали в газете.

Поговорить с Жигулиным поручили заместителю главного редактора Артуру Сергеевичу Тертеряну, мастеру улаживания всяческих конфликтов.

– *Да, он сволочь,* – согласился с Толиной оценкой Фёдорова Артур Сергеевич, узнав, что послужило поводом для избиения. – *Но это – очень опасная, очень злобная и мстительная сволочь. Ведь он будет добиваться от Чаковского вашего увольнения. И Александру Борисовичу ничего не останется, как вас уволить. Вам это надо? Позвоните ему и извинитесь. Тем более что били-то его не вы.*

Толя пришёл от Тертеряна хмурым.

– *Будешь?* – спросил он меня, доставая из кармана бутылку. Выпил стакан и задумался. Выпил ещё. А потом стал резко листать справочник союза писателей.

– *Василия Дмитрича можно,* – сладким голосом говорил он в трубку. – *И не встаёт,* – озаботился он. – *Скажите, что это Толя Жигулин.* – Он прикрыл трубку рукой и сказал мне: – *Пошла сообщать, стерва! Посмотрим, как он не встаёт.*

– *Вася!* – закричал он. – *Это Толя Жигулин. Ну, как ты там, родной? Я слышал, что ты на меня сердишься! Прости меня, дорогой мой Вася! Прости за то, что это не я тебе вмазал по поганой морде, сволочь ты вертухайская, прости, что я не придушил тебя – гада, мерзавца, фашиста…*

– *Бросил трубку,* – удовлетворённо сказал он мне. И допил водку.

На следующий день его попросили написать заявление об увольнении по собственному желанию.

Мы остались с ним близкими друзьями. И я рад, что он посвятил мне одно из лучших своих стихотворений:

Г. Красухину

Горят сырые листья,
И вьется горький дым.

В саду, пустом и мглистом,
Он кажется седым.
В молчанье нелюдимом
Я думаю о дне,
Когда растаю дымом
В холодной тишине.
Листок заледенелый
Качается, шурша…
Уже почти сгорела,
Обуглилась душа.
Не будет продолженья
В растаявшем дыму.
И нету утешенья
Раздумью моему.

* * *

31 января 2014 года, выступая в эфире радиостанции «Эхо Москвы», министр культуры России Мединский оскорбил писателя Даниила Гранина, утверждавшего, что в блокадном Ленинграде работал кондитерский цех, занимавшийся выпечкой пирожных для партийного руководства города. «*Враньё!*» – уверенно и резко отчеканил Мединский. Посыпались протесты. В частности, возмущённое Открытое письмо министру опубликовал депутат законодательного Собрания Петербурга Б. Вишневский.

За Мединского ответила его пресс-служба. Министр не оскорблял писателя. Сказав «враньё!», он имел в виду, что о производстве «ромовых баб» в блокадном Ленинграде и фотографии из цеха, где их делали, было широко известно задолго до публикации книги Гранина и Адамовича. Информация о производстве этих пирожных в Ленинграде, утверждала пресс-служба, распространялась в военные годы по всей стране, чтобы показать народу, что даже в условиях блокады или осады мы можем делать и кондитерские изделия и шампанские вина.

И вывод: «В любом случае мы должны быть благодарны руководителям блокадного Ленинграда, которые в нечеловеческих условиях обеспечили эвакуацию более миллиона жителей и сделали всё возможное для спасения города».

Даниил Александрович Гранин родился 1 января 1919 года. Воевал на фронтах Великой Отечественной. Став профессиональным писателем, быстро продвигался вверх по номенклатурной лестнице Союза писателей. Был первым

секретарём Ленинградского отделения СП СССР в 1967–1971 гг. А первый секретарь писателей Ленинграда входит по должности в секретариат СП РСФСР. И получает депутатство России.

Позже Гранин был в секретариате Союза писателей СССР. Избирался народным депутатом СССР.

Карьерные устремления писателя очевидны. Очевидно, что он умел их реализовывать.

Но при этом писал книги, которые далеко не всегда встречали благостно партийные надзиратели за искусством. Уже роман «Искатели» (1954) подвергся зубодробительной критике. Роман «Иду на грозу» (1962) официозная критика опять-таки встречает в штыки. «Зубр» (1987) – книга о выдающемся генетике Н.В. Тимофееве-Ресовском одобряется сквозь зубы. А по поводу документальной «Блокадной книги», написанной в соавторстве с А. Адамовичем и впервые напечатанной с купюрами в 1977 году в журнале «Новый мир» тогдашний первый секретарь ленинградского обкома Г.В. Романов заявил: «*Плохо отношусь к Д. Гранину, точнее к тому, что он говорит и пишет о блокаде. Это всё неправильно, необъективно. Что бы он ни говорил, его мысли склоняются к тому, что «город надо было сдать», а это вообще неправильная постановка вопроса. Если бы мы его сдали, от него бы ничего не осталось, жертвы были бы страшнее блокадных […] Руководители страны, включая Жданова, делали всё, чтобы спасти Ленинград*».

Романов клеветал. Гранин с Адамовичем нигде не говорили о необходимости сдачи Ленинграда. Но, как видим, власти уже тогда опровергали любую критику в адрес ленинградского руководства во время блокады. Так что нынешний министр культуры просто подхватывает старую традицию провластного вранья.

* * *

Великий венгерский поэт Шандор Петёфи (родился 1 января 1823 года) не был венгром по национальности. Его отец серб, мать – из бедной словацкой семьи. Но семья Петёфи поселилась в венгерском городе Кишкунфеледьхаза, когда мальчику был год. И Венгрия стала родиной Петёфи, которую он горячо любил.

Его биография слегка похожа на биографию Байрона, который тоже принимал участие в революционных движениях.

Петёфи предпринимает попытки организовать венгерское освободительное движение уже в 1846 году, будучи автором книги стихов и сразу ставших знаменитыми поэм «Сельский

молот» и «Витязь Янош». Его стихи «Против королей», «Дикий цветок» призывают к демократическим преобразованием в Венгрии и обличают деспотизм австрийских Габсбургов. В 1847 году поэт возглавил революционную организацию «Молодая Венгрия», пишет страстные гражданские стихи.

С началом Венгерской революции 1848–1849 гг. вместе с Лайошем Кошутом Петёфи становится одним из руководителей демократического движения. Он, Кошут и Янош Ирини пишут обращение к австрийскому престолу, получившее название «12 пунктов». Фердинанд V, король Венгрии и Чехии, отклоняет обращение. С этого времени Петёфи – один из руководителей восстания 15 марта 1848 года в Пеште и в Буде. Его произведения «Национальная песня», «На виселицу королей», «К нации» становятся как бы манифестом восставших.

Петёфи вступает в «Гонвед» – в революционную армию, организованную Лайошем Кошутом. «Гонвед» на венгерском означает «защитник родины». Против венгерских революционеров брошены австрийские войска, русская армия, румынские и саксонские повстанцы. Петёфи сражается храбро. Одновременно пишет боевые песни, поднимающие дух венгерских бойцов.

В стычке с казаками армии русского генерала Паскевича при Шегешвари в Трансильвании 31 июля 1849 года Петёфи погибает.

Он недаром считается классиком венгерской литературы. Его стихи выразили не только гражданские, но и его человеческие чувства. Переводили его в России многие поэты. В том числе – Борис Пастернак.

Стихотворение Шандора Петёфи в переводе Бориса Пастернака:

Стоит мне о милой замечтаться,
Как в цветы все мысли обратятся.
Из пристрастья к этим-то растеньям,
Занят я весь день их разведеньем.
Солнце, заходя, исходит кровью.
Горы всё лиловей и лиловей,
А любимая недостижимей
Даже этих гор в лиловом дыме.
Солнце ходит на закат с восхода.
Я б ходил не так по небосводу:
Я ходил бы с запада к востоку
К самой лучшей девушке далёкой.
И вечерняя звезда сегодня
Льёт свой свет щедрее и свободней,
И в наряде праздничном, пожалуй,

Оттого лишь, что тебя видала.
О, когда же я тебя увижу,
Сяду пред тобой, лицо приближу,
Загляну в глаза и их закрою,
Небо, небо ты моё седьмое!

* * *

Судьба американского писателя Джерома Дэвида Сэлинджера (родился 1 января 1919 года) трагична. Он прожил огромную жизнь (умер за 9 лет до своего столетия 27 января 2010 года), но после того как его роман «Над пропастью во ржи» (1951) завоевал невероятную популярность», замкнулся, не подпускал к себе журналистов. А с 1965 года прекратил печататься и наложил запрет на издания ранних произведений – на рассказы, написанные им, начиная с 1940 и по 1948 год, – до рассказа «Хорошо ловится рыбка-бананка». То есть он запретил перепечатывать те произведения, которые не были опубликованы в еженедельнике «The New Yorker».

В 1955 году выходит повесть «Выше стропила, плотники», входящая в цикл повествований о семье Глассов, начатый рассказом «Хорошо ловится рыбка-бананка». В 1961-м – повесть в новеллах «Фрэнни и Зуи», продолжающая этот цикл и посвященная православной духовности и, в частности, Иисусовой молитве. В 1965-м печатается повесть «16 Хэпворта 1924 года», представляющая собой письмо семилетнего Симона Гласса – старшего сына своим родителям. Она оказывается последней прижизненной публикацией Сэлинджера. Писатель больше не общается с внешним миром, живёт за высоченной оградой в особняке в городке Корниш, штат Нью-Гэмпшир, и предаётся занятиям разнообразными духовными практиками: буддизмом, йогой, индуизмом и другими.

О Сэлинджере писал Хэмингуэй в своём «Празднике, который всегда с тобой», Хэмингуэй много внимания уделил алкоголизму Сэлинджера. Но, очевидно, что пьянствовал Сэлинджер короткий период своей жизни – после службы сержантом в армии во время Второй Мировой войны. Воевал он храбро, участвовал в высадке десанта союзников в Нормандии, вошёл с войсками в Париж, очищенный от гитлеровцев, где и встретил впервые Хэмингуэя.

Надо сказать, что единственное письмо Хэмингуэю от 1946 года, которое Сэлинджер написал, находясь на лечении в военном госпитале в Нюрнберге, представлено было директором

Бостонской библиотеки имени Джона Кеннеди сразу после смерти Сэлинджера. При его жизни оно находилось в архивах, доступ к которым был закрыт самим писателем.

Мне его странная жизнь напоминает такую же – американского гроссмейстера Роберта Фишера. Тот же ранний феноменальный успех и то же уединение от людей на протяжении большого периода времени.

* * *

Отдел публицистики «Литературной газеты» изобиловал талантливыми сотрудниками. Статьи Александра Борина, Аркадия Ваксберга, что называется, делали газете тираж. Надо отдать должное и Ольге Георгиевне Чайковской. Её очерки вскрывали суть судебной системы в Советском Союзе, отличались тонким проникновением в психологию героев, о которых она писала.

Ольга Георгиевна, родившаяся 1 января 1917 года, была внучатой племянницей композитора П.И. Чайковского.

Мы с ней сблизились на почве любви к Пушкину. Она напечатала в «Новом мире» статью о Гринёве – герое «Капитанской дочки». А я эту статью перепечатал, когда был составителем сборника «Пушкинист» в 1987 году.

Её книга о Екатерине Второй недавно вышла уже третьим изданием. Правление Екатерины противопоставлено в книге правлению Петра I. И хотя, как известно, русская монархиня любила повторять, что ничего не делает, не сверяясь с тем, что делал Пётр, Чайковская показала, что в противоположность страшным бесчинствам, которые творились при Петре, Екатерина установила в России намного более гуманную судебную систему.

Умерла Ольга Георгиевна 13 декабря 2012 года.

2 ЯНВАРЯ

Я не видел кинофильма «Паприка», с которого начался успех великой Франчески Гааль. Именно с этого фильма она ведёт отсчёт своей славы. Сыграв в нём роль, она стала кумиром Австрии, Германии и Венгрии.

«Паприка» снята на немецкой киностудии «Уфа». На дворе 1932 год. С этой киностудией у Франчески подписан многолетний контракт, выгодный, казалось бы, обеим сторонам.

Но через год к власти в Германии пришёл Гитлер. «Уфа» вынуждена разорвать контракт с еврейкой. Вместе с режиссёром Джо Пастернаком Франческа Гааль уезжает в Австрию, откуда приезжала.

Что ж до 1938 года – года аншлюса Австрии с нацистской диктатурой ещё далеко. 1933–1937 годы стали для Гааль временем невероятного взлёта её дарования. Её участие в музыкальной кинокомедии – залог успеха фильма. Люси Карел в фильме «Чичи, забавная девчонка», Марика в «Весеннем вальсе», и особенно – Ева Петер из кинофильма «Петер», особенно – Мари Бонар в фильме «Маленькая мама»! Вся Европа вслед за Францеской Гааль распевает песенки её героинь. Причёска мальчишки Петера, в которого вынуждена превратиться Ева, входит в моду с небывалой скоростью – так пострижено большинство мальчишек Восточной Европы.

Но – год 1938-й. Франческа Гааль вместе с Джо Пастернаком снова спасаются от нацистов. Они приезжают в США. Их ждёт Голливуд, где Джо Пастернак становится директором ведущей кинофирмы «Юниверсал». Франческа снимается в фильме «Флибустьер». Но её Гретхен не трогает американцев так, как трогали европейцев героини «Маленькой мамы» и «Петера». Гааль снялась ещё в нескольких лентах, сыграла в бродвейских мюзиклах и поняла: голливудской звездой она не станет!

Её тянет на родину. И она возвращается в Будапешт, где всю войну скрывается от нацистов в подвале дома, где жила, и у своих венгерских друзей.

И вот – победа. Гитлеровские войска капитулируют. Франческа приезжает в страну победителей. Лето 1945-го. Дальше слово сценаристу и режиссёру Леониду Менакеру, который вспоминает эпизод своей юности:

«… её имя и фамилия – весёлые, звонкие, будто звук колокольчика – Франческа! Гааль! Фильмы с её участием – «Маленькая мама», «Петер» – были смешны и увлекательны. Изящная маленькая фигурка актрисы в широченных мужских

штанах, обаятельная, лукавая мордочка, зажигательные песенки – очаровывали. Советские мальчишки и девчонки радостно пели слова лихой песенки Франчески: «Хорошо, когда работа есть!» Актриса была своей, понятной, близкой, хотя говорила на чужом языке. Русские титры с переводом даже мешали.

Никаких подробностей биографии Франчески мы не знали. Не знали, что Гааль – еврейка, что при немецкой оккупации пряталась в подвале Будапешта. Вышла в мужских брюках к советским солдатам. Когда спела песенку «Петера», наши ребята поняли, кто перед ними. Маршал Ворошилов переправил знаменитую артистку в СССР.

Услышав от папы, что любимая Франческа приезжает в Ленинград и будет гостьей «Ленфильма», упросил взять меня на студию. Чудо сбылось!

Тихонько сижу в углу кабинета директора студии, сухощавого Глотова. Война окончилась совсем недавно, и следы зловещей поры ещё видны: с окон не содраны бумажные крестообразные ленты, стены кабинета обшарпаны, на порванных обоях – подтеки. У дверей – ящики с песком, лопаты, висят брезентовые пожарные робы. На длинном, крытом зелёным сукном с чернильными пятнами столе – скудный «банкетный» ассортимент: бутылки водки, граненые стаканы. Кроме соленых огурцов и крупно нарезанной колбасы, никаких деликатесов не было.

Знаменитую гостью ждали немногочисленные ленфильмовцы, среди них режиссер Эрмлер. Было тихо и скучно. Включённое радио бубнило последние известия. Директор студии Глотов, озабоченный предстоящей встречей, методично шагал вдоль стола, поглядывая на часы.

Распахнулась дверь, и, сопровождаемая человеком в кожаном пальто, появилась тщедушная старуха в шляпке с вуалью. На её руках были длинные, до локтя, чёрные перчатки. Она зябко куталась в широкую темную накидку. Я был ошарашен. Где моя веселая озорная Франческа?! Где забавная «маленькая мама»?! Где бойкий «Петер»?! Какое отношение эта чопорная скучная тётка имеет к моей экранной любимице? Из-за спины человека в кожаном пальто появилась девица в погонах – переводчица. Села рядом с гостьей. За столом не стало веселее…

Глотов провозгласил тост за мир во всем мире. Все согласно чокнулись. Гостья брезгливо слегка пригубила, оставив след помады на краю стакана. Громко щёлкнув военной зажигалкой, прикурила папиросу из пачки «Беломорканала», выпустив дым через сетку вуали.

Директор студии, испытывая ответственность за атмосферу дипломатического приёма, вновь пробормотал тост. Он

процитировал слова вождя мирового пролетариата: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино». Поэтому Глотов и предложил выпить за великого Ленина! Переводчица быстро шептала на ухо гостье. Дама без энтузиазма, вежливо кивнув, сделала маленький глоток. Снова повисла тяжёлая пауза.

Тогда Эрмлер, взяв бутылку водки, подошёл к скучной тётке, налил полный стакан, легко шлепнув даму по плечу, наклонился, по-свойски подмигнув: «Слушай, Фрося, сними шляпу, прими стаканчик и будь человеком!»

Все замерли. Директор подавился солёным огурцом и в ужасе застыл.

Переводчица попыталась что-то шептать, но дама, не слушая, громко захохотала, хлопая маленькими ладошками: «Фрося! Фрося!» – и залпом опрокинула стакан водки. Откинулась на спинку стула, продолжая звонко смеяться, хлопать и скандировать: «Фро-ся! Фро-ся!» Стянула с рук длинные перчатки, скинула шляпку, подскочив к Эрмлеру, влепила ему звонкий поцелуй: «Браво! Браво!»

За столом засмеялись. Директор испуганно посмотрел на непроницаемое кожаное пальто. Франческа заметила в углу пыльный рояль. Со стуком откинув крышку, крутанулась на рояльном стульчике, лихо прошлась по клавиатуре. «Хорошо, когда работа есть!» – звонко запел маленький «Петер» свою знаменитую песенку. И хотя актриса пела по-немецки, все дружно подхватили по-русски слова любимой мелодии. Запела даже переводчица. Молчали только директор и человек в кожаном пальто.

Я впервые ощутил чудо актёрского перевоплощения. Исчезла скучная тётка в дурацкой шляпке, длинных перчатках; снова появилась задорная Франческа Гааль! Сейчас понимаю – стал ещё свидетелем урока режиссуры, данного Фридрихом Эрмлером.

В тот летний вечер сорок пятого года актриса ещё долго с удовольствием пела. Потом кто-то из ленфильмовцев сел за рояль. Танцевали. Запели военные песни. Франческа с милым акцентом, радостно, вместе со всеми пела «Катюшу». Плясала с Эрмлером, кокетливо грозя пальцем: «Фро-ся!»».

В СССР Франческа, разумеется, не осталась. Она перебралась в США, где и скончалась 2 января 1973 года. (Родилась 1 февраля 1903 года).

Порой всемирной славы удостаиваются даже не сами фильмы, а эпизоды из них. «Петер», как уже говорилось, был очень популярен. Но эпизод из него, где Петер поёт и танцует с партнёршей танго, оказался даже популярней самого фильма: недаром его очень часто можно встретить в Интернете.

* * *

Вот любопытный документ:

Документ № 73

Лебедев-Полянский – в Политбюро о журнале «Беседа» Максима Горького

Не ранее 10.06.1924

В Политбюро ЦК РКП(б)

В Главлит было прислано решение Политбюро о беспрепятственном пропуске в СССР журнала «Беседа», в числе редакторов которого числится М. Горький.

Так как Главлит по этому вопросу не был запрошен, и решение обуславливалось, очевидно, настойчивостью Горького, сообщаю: Журнал «Беседа» принадлежит Берлинскому издательству «Эпоха». Издательство «Эпоха» принадлежит меньшевикам, и доходы от него идут на партийные цели. Во главе издательства стоят Дан, Лидия Канцель, Далин и Каплун-Сумский.

Административно-хозяйственной частью ведает Далин и Каплун-Сумский.

Пропуская в СССР «Беседу», Главлит будет способствовать улучшению состояния кассы ЦК меньшевиков, да и самый журнал носит неприятный идеологический уклон, теософско-мистический; на его страницах помещают статьи наши ярые враги и рекламируется вся белогвардейская и меньшевистская литература.

Главлит просит Политбюро прежнее свое решение отменить: журнал «Беседу» в СССР по указанным выше причинам не пускать.

Заведующий Главлитом ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ

Павел Иванович Лебедев-Полянский, родившийся 2 января 1882 года, был не просто заведующим Главлитом, то есть руководителем цензурного комитета, но одним из создателей советской цензуры.

Он сменил на посту руководителя Главлита Николая Леонидовича Мещерякова, пробывшего в этой должности несколько месяцев, и пробыл на ней девять лет.

В будущем Александр Твардовский выведет чиновника Главлита в своей поэме «Тёркин на том свете»:

Весь в поту, статейки правит,
Водит носом взад-вперёд:
То убавит, то прибавит,
То своё словечко вставит,
То чужое зачеркнёт.
То его отметит птичкой,
Сам себе и Глав и Лит,

То возьмёт его в кавычки,
То опять же оголит.

Такое впечатление, что Александр Трифонович имел в виду Лебедева-Полянского.

Тот действительно был неутомим на посту главного цензора. Его тезис о том, что цензура защищает диктатуру пролетариата и руководствуется директивами политбюро ЦК, был положен в основу работы Главлита как единственно правильный. Лебедев-Полянский разработал и структуру главного советского цензурного учреждения в духе большевистской вертикали власти. Во все органы печати, радио, в театр, на почту пришли уполномоченные Главлита, обладавшие неоспоримым правом не пропускать произведения в печать и даже запрещать их.

В 1926 году Лебедев-Полянский направил в ЦК партии «Докладную записку о деятельности Главлита», где вместе с пожеланием приблизить цензурный комитет к центральным партийным органам потребовал передать в ведение Главлита всю печатающуюся в стране литературу. Что, разумеется, и было сделано.

Вместе с тем следует отметить, что Лебедев-Полянский не сочувствовал экстремистам, провозглашавшим: «*Литературная чека нам необходима*». Он был против одних только карательных мер. Однако, как говорится, Голлем уже был им создан. И в дальнейшем действовал независимо от своего создателя.

Имя Лебедева-Полянского носит сейчас Владимирский государственный гуманитарный университет. Разумеется, не потому, что Лебедев-Полянский создал и укрепил цензуру. Он был ещё литературным критиком, литературоведом, редактором журналов «Народное просвещение» и «Родной язык в школе». Стал даже академиком АН СССР.

Но в академию он был избран не за статьи и не за книги, которые научной ценности не представляют. Он прошёл в академию по должности: был с 1937 года и до конца жизни (умер 4 марта 1948 года) директором Пушкинского дома, как называли Институт русской литературы Академии наук СССР.

3 ЯНВАРЯ

Вспоминает писатель Анатолий Рыбаков:

««Волоколамское шоссе» Бек писал в 1942 году, в самый разгар войны, и опубликовал в 1943 году. И эту великую книгу написал не писатель с капитанскими или майорскими погонами – написал её простой рядовой солдат из ополченцев. Мы, прошедшие войну, знаем, что это такое, сколько километров на попутных, а то и пешком, в снег, в распутицу должен был совершить этот рядовой, как пробивался он к генералам, сколько пропусков и мандатов предъявлял на пропускных пунктах он, не умевший стоять по стойке смирно да ещё однофамилец немецкого генерала фон Бека. И все же рядовой Бек все это преодолел. И первый написал книгу о победе. Я читал «Волоколамское шоссе» на фронте. Конечно, были и другие книги. В других книгах было всё – героизм наших солдат, великие жертвы, которые нёс народ, беспримерный трудовой подвиг людей нашей страны, но в «Волоколамском шоссе» мы впервые увидели воина-победителя и почувствовали себя тоже победителями. Это великая книга, обошедшая весь мир, написанная солдатом, рядовым солдатом в разгар войны. Бек не ожидал и не получил за это никакой награды. За всю свою жизнь Бек не получил ни одного ордена – ни за войну, ни за литературу. Говорят, что книга выставлялась на Сталинскую премию, но оказалось, что якобы «Волоколамское шоссе» – книга, написанная с позиций культа личности. Наконец-то мы знаем, кто утверждал у нас культ личности: это был, оказывается, А. Бек!.. Как писатель Бек имел много неприятностей с «Волоколамским шоссе». Момыш-Улы, человек, которого Бек прославил на весь мир, стал его злейшим врагом. Он считал себя соавтором «Волоколамского шоссе». Он измучил Бека экспертизами и тому подобными вещами, отнимавшими у писателя время и рвавшими ему душу».

Что здесь сейчас требует разъяснения? Старший лейтенант, командир батальона казах Момыш-Улы, от лица которого ведётся повествование в повести Бека «Волоколамское шоссе», – лицо реальное. Стал полковником, писателем, автором книг «За нами Москва. Записки офицера» (1959), «Фронтовые встерчи» (1962). Бек сохранил его фамилию, но, как и положено в художественном произведении, создал обобщённый образ своего героя, не всегда совпадающий с реальными чертами прототипа. Однако Баурджан Момыш-Улы, став писателем, так и не понял, почему повесть Бека пользовалась огромным успехом, а его, Момыш-Улы, книги малозаметны. Отсюда и неприязнь бывшего героя «Волоколамского шоссе» к своему, так сказать, биографу.

«Волоколамское шоссе» появилось в 1943 году и действительно выдвигалось на сталинскую премию. Но Сталину она не понравилась. А что до того, что повесть написана якобы с позиций культа личности, то ирония Рыбаков в данном случае направлена в адрес клеветников, которые пытались вколотить в сознание читателя послесталинской эпохи такое объяснение успеха «Волоколамского шоссе» в сталинское время.

Александр Альфредович Бек (родился 3 января 1903 года) успел повоевать ещё в Гражданскую, на которую ушёл в 16 лет. Служил в Красной армии на восточном фронте под Уральском, был ранен. Тогда же начал писать заметки и репортажи по заданию главного редактора дивизионной газеты. Стал первым главным редактором газеты «Новороссийский рабочий».

О службе Бека на фронтах Великой Отечественной хорошо сказал Рыбаков (и я это только что процитировал). Добавлю, что Бек прошёл всю войну, закончив её в Берлине.

Ему не везло с прототипами. В романе «Талант (Жизнь Мережкова)» (1958) прототипом героя был засекреченный в ту пору Главный конструктор авиационных двигателей герой соцтруда, лауреат четырёх сталинских премий, академик, генерал-майор-инженер Александр Александрович Микулин. Бек познакомился с ним в больнице. Прочитав роман, Микулин много сделал, чтобы воспрепятствовать его публикации. Но роман всё же вышел.

А вот роману «Новое назначение» такая удача не выпала. Прототипом героя романа Бека Александра Онисимова был очень известный сталинский нарком и министр металлургической промышленности, зам председателя Совета Министров СССР Иван Фёдорович Тевосян.

Чтобы сбить сходство, Бек даже ввёл в роман наряду с реальными Сталиным и Берия реального Тевосяна. Но вдова министра нашла, что её муж показан Беком бездушным роботом. Дама оказалась очень энергичной: написала Брежневу, привлекла на свою сторону крупных деятелей металлургии и добилась своего. Тогдашний секретарь ЦК Андрей Кириленко запретил печатать книгу. Роман пролежал на полке 22 года. И был издан только в 1986 году – через 12 лет после смерти писателя, который умер 2 ноября 1972 года.

Закончу чудесным стихотворением Тани Бек об отце:

Снова, снова снится папа,
Вот уже который день…
Вечное пальто из драпа,
Длинное,

эпохи РАППа.
Я кричу: «Берет надень!»
Но глядят уже из Леты
Свёрлышки любимых глаз.
Нос картошкой. Сигареты.
«Изменяются портреты», —
Повторяю в чёрный час.
На морозе папа-холмик…
Я скажу
чужим
словам:
– Был он ёрник, и затворник,
И невесть чего поборник,
Но судить его – не вам!

* * *

Ипполит Фёдорович Богданович, родившийся 3 января 1744, прославился благодаря своей поэме «Душенька», в которой обработал историю любви Амура и Психеи. Причём подражал Богданович не римлянину Апулею, а французу Лафонтену, который в романе «Любовь Амура и Психеи» весьма своеобразно обработал сюжет римского писателя. Но и подражание Богдановича тоже было весьма своеобразным. В его поэме проступают черты русского быта, угадываются намёки на современную Богдановичу действительность, вводятся персонажи русских сказок, которые действуют вместе с мифологическими персонажами. Лёгкий, доступный разностопный ямб, каким написана поэма, её свободная поэтическая речь, ориентированная на обычную беседу, обеспечила поэме признание самой императрицы Екатерины II, которая специальным указом заставила Богдановича написать комедию «Радость Душеньки», поставленную в придворном театре.

«Душенька» полюбилась современникам. Её ценил Пушкин, похвально отзываясь о ней, выбирая из неё для эпиграфа к «Барышне-крестьянке» строчку «Во всех ты, Душенька, нарядах хороша!», наконец, поминая её автора в «Евгении Онегине»:

Мне галлицизмы будут милы,
Как прошлой юности грехи,
Как Богдановича стихи.

Умер Богданович 18 января 1803 года.

* * *

О болезни Стаханова я узнал из выступления луганского рабочего на одной из конференций, типа «Рабочий класс и советская литература», которую устроил Союз писателей в 1970 году и на которую я приехал командированный от «Литературной газеты». Выступали на подобных конференциях не только писатели и не только научные работники. Выступали и рабочие, посаженные в президиум, так называемые передовики производства. Вот один из таких передовиков, отбарабанив своё выступление по бумажке, вдруг отодвинул её и сказал: «*А вообще не надо делать богов из рабочих. Они разные. Вот недавно дали героя Алексею Стаханову за подвиг, который он совершил ещё до войны. Да и то многие сомневаются, был ли подвиг? Да и если был, то за что сейчас-то давать героя? За то, что спился, потерял человеческий облик?*»

Очень понравился мне этот передовик, который после перерыва не появился в президиуме. И вообще больше не появлялся на конференции.

Что Алексей Григорьевич Стаханов (родился 3 января 1906 года) на самом деле не в одиночку добыл на шахте в 14 раз больше угля, чем предписывалось нормировщиками, я знал. Наверное, об этом знали и когда объявили о рекорде. Знал я и о том, что он кончил Промышленную академию и был назначен сперва начальником шахты, а потом переведён в Москву в наркомат угольной промышленности и получил квартиру в Доме Совета Министров, как его называли у нас в школе – в том самом «Доме на набережной», описанном Трифоновым. Я учился в особой школе, называвшейся экспериментально-базовой Академии наук РСФСР. Время от времени нам устраивали встречи с интересными знаменитыми людьми: со старой большевичкой Стасовой, с Валерией Борц, входившей в краснодонскую подпольную группу «Молодая гвардия». Обещали и встречу со Стахановым. Но потом наша пионервожатая сказала, что звонили ему несколько раз и что его квартира не отвечает. А на вопрос, где он живёт, ответила: в Доме Совета Министров.

Собственно, с этого мои знания о Стаханове и начались. О том, что он не устанавливал баснословного рекорда, я узнал позже. Как и о том, что директор шахты, выступивший против такой липы, был арестован. Узнал, что на самом деле Алексея Стаханова звали Андрей. Но «Правда» назвала его Алексеем со

слов не близко знакомого с ним человека. А Сталин, узнав об этом, сказал: ««Правда» ошибаться не может!» Пришлось Стаханову менять паспорт.

Да, героя соцтруда ему дали в 1970-м. Мне кажется, чтобы позлить пенсионера Хрущёва, который после смерти Сталина отобрал у Стаханова квартиру в Москве и переселил в Донецкую область замом управляющего трестом. С этого поста Стаханов был понижен до помощника главного инженера шахтоуправления. Ясно, что Хрущёв не любил этого сталинского маяка. Вот в пику Никите Сергеевичу и снова вознесли Стаханова.

Но остановить его болезнь уже не смогли. Умер он в психиатрической больнице, куда попал из-за хронического алкоголизма, 5 ноября 1977 года.

* * *

Со стихами Юргиса Балтрушайтиса я впервые встретился ещё в школе, в пятидесятые годы, прочитав их в дореволюционном «Чтеце-декламаторе», который дал почитать отец моего друга. Они на меня впечатления не произвели. Оценил я Балтрушайтиса позже как переводчика. Причём не поэзии, а прозы. Он великолепно перевёл несколько повестей Гамсуна, которые я прочитал, купив за бесценок «нивский» пятитомник норвежского писателя. Удивительное было время, когда прижизненный Блок у букинистов стоил 90 копеек (нынешними – примерно 100 рублей), а прижизненный Брюсов и того меньше.

Было это в конце пятидесятых. «Голод», «Викторию» Гамсуна в переводе Балтрушайтиса я прочитал, можно сказать, с восторгом: какой чудный стиль, какая поэзия в описании обыденной и даже страшной жизни! Купил четырёхтомник «нивского» Ибсена (он был в тетрадках: несколько тетрадок составляли том). И снова – «Пер-Гюнт» в переводе Балтрушайтиса. Балтрушайтис мне помог постичь, что нравилось Блоку в «Пер-Гюнте», чем нравилась ему эта пьеса норвежского драматурга.

Я увлёкся переводами Юргиса Казимировича Балтрушайтиса. Читал стихотворные его переводы армянских и еврейских поэтов. Одобрял их. И совершенно забыл, что сам он начинал как оригинальный поэт.

Потом я узнал, что после революции ему удалось получить литовское гражданство и, не выезжая из России, стать чрезвычайным и полномочным послом Литвы в ней, то есть в России. Одновременно был представителем Литвы для Турции и Персии. Многим помог уехать от большевиков, многих деятелей

русской культуры спас от террора.

Удивительно: я познакомился с ним, современником Блока, Брюсова, Бальмонта, в школьной юности. И естественно, числил его жителем той золотой дореволюционной эры, которая по своим вкусам и пристрастиям была для меня как время античности. Но в восьмидесятых я вдруг узнал, что он жив, что он в полном здравии живёт в Париже, пишет стихи, переводит, то есть занимается тем, что и в своей молодости. Узнал об этом по какому-то из «голосов» и даже услышал его голос. Кажется, он читал стихотворение, которое сейчас приведу. Конечно, моя память теперь уже не слишком надёжна. Может быть, он читал и что-нибудь другое. Но хочется думать, что я не ошибаюсь:

Цветам былого нет забвенья,
И мне, как сон, как смутный зов —
Сколь часто! – чудится виденье
Евпаторийских берегов…
Там я бродил тропой без терний,
И море зыбью голубой
Мне пело сказку в час вечерний,
И пел псалмы ночной прибой…
В садах дремала тишь благая,
И радостен был мирный труд,
И стлался, в дали убегая,
Холмистой степи изумруд…
С тех пор прошло над бедным миром
Кровавым смерчем много гроз,
И много боли в сердце сиром
Я в смуте жизни перенёс.
Ещё свирепствует и ныне
Гроза, разгульнее стократ,
И по земле, полупустыне,
Взрывая сны, гудит набат…
Но сон не есть ли отблеск вечный
Того, что будет наяву —
Так пусть мне снится, что беспечный
Я в Евпатории живу…

Да, умер он в преклонном возрасте 3 января 1994 года. (Родился 2 мая 1873-го).

* * *

Николай Евгеньевич Вирта был одним из самых главных литературных погромщиков при Сталине.

Я недавно проглядывал материалы, которые сейчас помещают в Интернете об этом деятеле. Как уже повелось, авторы, ностальгически вспоминающие сталинское время, умилённо отзываются и об одном из любимцев Сталина, которому понравился роман Вирты «Одиночество» и который отличил Вирту в 1939-м, когда был опубликован первый указ о награждении советских писателей. Вирта получил орден Ленина.

В 1936 году его пригласили работать в «Правду», что тогда означало высшее к нему доверие. От «Правды» он был корреспондентом на советско-финской войне. В Великую Отечественную, продолжая (недолго) работать в «Правде», он сотрудничает и в «Известиях», и в «Красной Звезде». Наконец, работает в Совинформбюро. Но ничего запоминающегося в этот период не написал. Во всяком случае, очень любопытно, что, в отличие от многих писателей-военных корреспондентов, награждённых во время войны орденами, у Вирты за всю войну три медали – «За оборону Ленинграда», «За оборону Сталинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Последняя медаль вообще давалась всем участникам войны. А две первых – всем участникам обороны, не обязательно только бойцам и командирам, но вообще всем, кто в то время имел отношение к обороне этих городов, в том числе и всем журналистам, писавшим об обороне.

С учреждением сталинских премий в 1941 году Вирта их получает четыре. Одну сразу же, в 1941-м, – за «Одиночество». Три других – три года подряд: в 1948-м – за пьесу «Хлеб наш насущный», 1949-м – за пьесу «Заговор обречённых», в 1950-м – за киносценарий «Сталинградская битва».

Этот фильм сейчас нередко показывают по телевидению. Тот, кто его смотрел, оценил, наверное, великую мудрость Сталина, чьи командующие фронтами только тем и заняты, что исполняют его указания и приказы. Участвуют, так сказать, в реализации одного из десяти, как насчитал Сталин, его, сталинского, удара. Вирта добросовестно отрабатывал заказ.

Те, кто умиляется сейчас этим сталинским лакеем, непременно подчёркивают, что сельский священник Евгений Карельский и его жена, отец и мать Вирты – поп и попадья – были расстреляны красными, намекая, что сын им гибели родителей не простил. Но из чего это следует? Николай Евгеньевич рано начал сотрудничать с «Тамбовской правдой», в чьём литературном приложении печатал материалы на злобу дня. Сразу же стал

подписываться псевдонимом, похерив опасную фамилию.

Биографы Вирты охотно цитируют Ваксберга, рассказавшего о том, как в 1943 году церковь просила у Сталина разрешения напечатать Библию и как Сталин через Молотова и Вышинского с подачи тогдашнего митрополита и местоблюстителя патриаршего престола Сергия обратился к Вирте, чтобы тот прочёл Библию как цензор: можно ли её разрешить печатать. Вирта читал, отслеживая: не появится ли человек с усами. Не появился. Библию печатать разрешили. А Вышинский позже всякий раз присылал личные поздравления Вирте с очередным награждением.

Но Ваксберг не знал, что за эту цензуру церковь заплатила Вирте полмиллиона рублей.

На тамбовском сайте прочитал я умильные воспоминания земляков Вирты о его дружбе с первым секретарём тамбовского обкома Василием Чёрным, который был поклонником писателя, родившегося на Тамбовщине. Чёрный познакомил Вирту с одним из председателей колхоза, тоже читавшего его взахлёб. Дальше – цитата:

«*Колхоз выделил Вирте участок, на котором он и воздвиг по французскому проекту небольшой, но очаровательный двухэтажный дом. Посаженный своими руками обширный сад и особнячок он обнёс забором, выкрашенным голубой краской. Вместе с супругой писатель жил в Горелом с ранней весны до поздней осени, перебираясь в столицу лишь на зиму. Своей молодой, седьмой по счёту жене, любительнице конной выездки, Николай Евгеньевич приобрёл породистую лошадку, на которой та и горцевала по лугам. Молодая женщина сшила себе для выездки «амазонку». Разве могли горельские женщины, горбившиеся с утра до вечера в поле, восхищаться красиво одетой молодкой, скачущей в это время по лугам на резвом скакуне?*

В ту пору такое барство, конечно, вызывало осуждение у многих. Хотя, казалось бы, писатель, обладая к концу жизни достаточными средствами, имел право жить так, как ему хотелось. Но… В Москву улетело возмущённое письмо кого-то из горельских селян. А через некоторое время в «Комсомольской правде» появилась разгромная статья «За голубым забором», обличающая «зарвавшегося» писателя. Вирту вызвали в Москву в правление Союза писателей России, где посоветовали срочно покинуть горельскую усадьбу. Николаю Евгеньевичу ничего не оставалось делать, как подарить свой дом горельскому колхозу и уехать в столицу».

Было это уже после смерти Сталина. Когда разрешили критику его любимцев. А до этого Вирта сам обрушивался с

зубодробительной критикой на своих и сталинских врагов. Например, на космополитов. Выражений он не выбирал: «мразь», «человечье отродье», «фашисты в белых халатах».

Вирта имел не только дом на Тамбовщине. В Подмосковье у него была дача в Переделкине. На ней он не только творил, но, как деликатно выразились тогда члены секретариата Союза писателей, вёл «разгульный образ жизни». Причём не один, а в компании с А.А. Суровым и А.Н. Волошиным. Понимаю, что о Сурове некоторые помнят ещё и сегодня: он яростно громил космополитов, которых вверг в рабство: они за него писали пьесы. А о Волошине – вряд ли. Был такой кузбасский писатель. Имел даже сталинскую премию за книгу «Земля кузнецкая». Так вот эту троицу за разгульный образ жизни на даче Вирты в 1954 году исключили из Союза писателей.

Восстановили потом? Конечно. Ведь пустячный же проступок – подумаешь, разврат! Вирте вернули членский билет СП уже через два года. Про Волошина ничего не знаю. А Сурову пришлось долго ждать восстановления. На его развратные действия наложилось ещё и обвинение в том, что он не писал пьес, за которые получал сталинские премии. Так что восстанавливать его в прежнем статусе драматурга никто не спешил. Но Суров соглашался восстановиться как публицист, имея в виду свои погромные статьи при Сталине. Стучался в дверь союза писателей он долго. И в конце концов ему открыл её в 1982 году ставший первым секретарём Московской писательской организации Феликс Кузнецов. Простили Сурову и разврат, и плагиат, и рабовладельчество.

А возвращаясь к Вирте, скажу, что о нём как близком Сталину человеке ходило немало легенд. Хотел рассказать историю с пьесой «Заговор обречённых», которую Вирта представил, как тогда полагалось, в Комитет по делам искусств, который должен был её либо одобрить, либо зарубить. Но вспомнил, что эта байка уже записана Бенедиктом Сарновым, который расскажет её лучше меня:

«*Спустя некоторое время он [Вирта] пришёл к заместителю председателя Комитета – за ответом.*

– Прочёл вашу пьесу, – сказал тот. – В целом впечатление благоприятное. Финал, конечно, никуда не годится. Тут надо будет вам ещё что-то поискать, додумать… Второй акт тоже придётся переписать. Да, ещё в третьем акте, в последней сцене… Ну это, впрочем, уже мелочи… Это мы уже решим, так сказать в рабочем порядке…

Вирта терпеливо слушал его, слушал. А потом вдруг возьми да и скажи:

– Жопа.

– Что? – не понял зампред.

– Я говорю, жопа, – повторил Вирта.

Зампред, как ошпаренный, выскочил из своего кабинета и кинулся к непосредственному своему начальнику – председателю Комитета, Михаилу Борисовичу Храпченко.

– Нет! Это невозможно! – задыхаясь от гнева и возмущения, заговорил он. – Что хотите со мной делайте, но с этими хулиганствующими писателями я больше объясняться не буду!

– А что случилось? – поинтересовался Храпченко.

– Да вот, пришёл сейчас ко мне Вирта. Я стал высказывать ему своё мнение о его пьесе. А он… Вы даже представить себе не можете, что он мне сказал!

– А что он вам сказал?

– Он сказал… Нет я даже повторить этого не могу!..

– Нет-нет, вы уж, пожалуйста, повторите.

Запинаясь, краснея и бледнея, зампред повторил злополучное слово, которым Вирта отреагировал на его редакторские замечания. При этом он, естественно, ожидал, что председатель Комитета разделит его гнев и возмущение. Но председатель на его сообщение отреагировал странно. Вместо того, чтобы возмутиться, он как-то потемнел лицом и, после паузы, задумчиво сказал:

– Он что-то знает…

Интуиция (а точнее – долгий опыт государственной работы) не подвела Михаила Борисовича. Он угадал: разговаривая с его заместителем, Вирта действительно знал, что его пьесу уже прочёл и одобрил Сталин».

Умер этот сталинский любимец 3 января 1976 года. (Родился 19 декабря 1906 года).

4 ЯНВАРЯ

Вспоминаю, как нас, работников «Литературной газеты», вызвали в зал, где в президиуме уже сидели новый член политбюро Вадим Медведев, зам зава отдела культуры ЦК Владимир Егоров, мой некогда хороший знакомый Юрий Воронов, неизменно даривший свои стихотворные книжки, и поникший Александр Борисович Чаковский.

До работы в ЦК Владимир Константинович Егоров был ректором Литинститута. Сменивший его на этом посту Евгений Сидоров, когда впоследствии станет министром культуры России, пригласит его на работу в министерство, и Егоров в свою очередь сменит Сидорова на посту министра. Правда, проработает министром недолго – Путин назначит его ректором Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

Но вернёмся в зал. Там на трибуне выступает Медведев. Он даёт Чаковскому такую характеристику, что, кажется, вот-вот огласит указ о награждении Александра Борисовича второй звездой героя соцтруда. Но по лицу Александра Борисовича струятся слёзы. Нет, звезды не будет. А будет последняя фраза Медведева: «*И Центральный Комитет принял решение удовлетворить просьбу Александра Борисовича Чаковского об освобождении его от обязанностей главного редактора «Литературной газеты»*.

После этого Медведев перейдёт к рассказу о Воронове. Он не скажет о том, за что его в своё время сняли с поста главного редактора «Комсомолки». Говорили, что за то, что он напечатал статью весьма лояльного по отношению к властям, даже, можно сказать, сервильного Аркадия Сахнина о неком полярнике, человеке сложной, незаурядной судьбы, занявшемся со своим экипажем, ходившим на китов, незаконным бизнесом. Кого в ЦК могла разгневать такая статья, было неясно; да и должность, которую получил после «Комсомолки» Воронов, была всё-таки внушительной: ответственный секретарь «Правды». А вот то, что он на этом посту продержался очень недолго, то, что всесильный идеолог партии Суслов настоял на переводе Воронова спецкором «Правды» в Берлин, показало, что снят был редактор «Комсомольской правды» не только за Сахнина. Воронов был достаточно смел и независим. Напечатал, к примеру, совсем незадолго до снятия статью Евгения Богата о матери Марии: впервые в советской печати воспевался подвиг эмигрантки, участницы французского Сопротивления, прятавшей от гитлеровцев евреев и бежавших из плена советских солдат,

оказавшейся в нацистском концлагере, где, обменявшись одеждой с больной девушкой, пошла вместо неё в газовую камеру. Скажут: ну и что в этом крамольного? Крамолой в то время было то, что воспевался *подвиг эмигрантки*, которая к тому же не приняла большевистский переворот, но боролась с большевиками в Гражданскую. Так что были основания у Суслова люто невзлюбить Воронова, всякий раз сопротивляться его переводу в Москву из Берлина. Только после смерти главного партийного идеолога Воронов оказался в Москве – сперва главным редактором «Знамени», потом в аппарате горбачёвского ЦК.

Ничего этого Медведев не говорит. Он сожалеет о том, что Воронову придётся уйти с поста заведующего отделом культуры ЦК (и не говорит, что принято решение упразднить этот отдел). «*Мы не хотели его отпускать,* – с надрывом. – *Но руководство партии и страны нашло, что свой недюжинный талант литератора Юрий Петрович особенно ярко может раскрыть на посту главного редактора «Литературной газеты*».

Воронов говорит коротко и очень тихо. Просит всех оставаться на своих местах. Свидетельствует, что знает, какой сильный коллектив сотрудников сумел собрать в газете Александр Борисович Чаковский.

А Чаковский продолжает всхлипывать. Ему тяжело расставаться с газетой, которая стала его жизнью. Но солдат партии должен во всём подчиняться её решениям. И он, Чаковский, благодарит коллектив…

– *Который не обойдёт своим вниманием многолетнего редактора и будет приглашать его на все наиболее важные и ответственные мероприятия*, – заканчивает за Чаковского Медведев.

Всё! Финита ля комедиа!

Нет, оказалось, что не финита! Воронов на следующий день на работу не вышел. Его, как выяснилось, привозили из больничной палаты, чтобы показать нам и увезти назад.

Наверное, не знал Медведев, что Юрий Петрович Воронов болен неизлечимо. Самое большое, насколько его хватало в газете, – несколько месяцев. Потом он ложился в больницу, потом снова появлялся на работе на пару-другую недель. Потом слёг надолго. Он всё реже и реже выходил из больницы. И в конце концов, из неё не вышел. Умер 4 января 1993 года, не дожив 9 дней до 64 лет (родился 13 января 1929 года).

* * *

Михаила Николаевич Лонгинова (ударение на «и»), умершего 4 января 1875 года, а родившегося 14 ноября 1823-го, можно было бы охарактеризовать известной шуткой о советском карьеристе-коммунисте: колебался вместе с линией партии. Михаил Николаевич, естественно, в Компартии не состоял, зато примыкал по мере необходимости к разным партиям общественного движения России второй половины XIX века и чуть раньше. Так в конце сороковых его считали своим Некрасов, Дружинин, Тургенев, Панаев, – все, кто группировался тогда вокруг журнала «Современник», но в конце пятидесятых Лонгинов отойдёт от журнала и станет крушить Чернышевского и Добролюбова в своей статье «Белинский и его лжеученики». В начале правления Александра II был яростным сторонником его реформ, метал громы и молнии в адрес тех, кто желал укоротить развязавшиеся языки и призывал к ужесточению цензуры. А когда напуганный Польским восстанием, ростом общественного недовольства и покушением на его жизнь Каракозовым, император резко изменил свою политику в сторону ужесточения, Лонгинов оказался на посту главного цензора России – начальника Главного управления по делам печати. На этой должности он был так свиреп и фанатично нетерпим к инакомыслию, что стал притчей во языцах: кто только ни поминал его, ни издевался над ним – и его современники, и его потомки.

Как будущие его законодательные потомки, он собирался запретить дарвинизм как учение, собирался наложить запрет на русский перевод книги Дарвина «Происхождение видов». Что вызвало к жизни весьма язвительную эпиграмму Алексея Константиновича Толстого «Послание М.Н. Лонгвинову о дарвинисме»:

Правда ль это, что я слышу?
Молвят о́вамо и се́мо:
Огорчает очень Мишу
Будто Дарвина система?
Полно, Миша, ты не сетуй!
Без хвоста твоя ведь ж…,
Так тебе обиды нету
В том, что было до потопа.

Ехидный Алексей Толстой обыгрывал в своей эпиграмме ещё и всем в то время известную нетрадиционную ориентацию Лонгвинова.

Надо сказать, что Лонгвинов отличался отменной

работоспособностью и немалой учёностью.

Особенно проявился Лонгвинов как библиограф, разыскавший и опубликовавший многие неизвестным материалы к биографиям Новикова и Княжнина. Он оставил исследование по истории русского масонства, занимался активным розыском неизданных материалов Пушкина. Составленный им сборник этих материалов до сих пор остаётся в рукописи.

Кроме того, Лонгвинову принадлежат труды на историческую тему – о правлении Екатерины II, о княжне Таракановой. Интересовали его такие фигуры, как Абрам Петрович Ганнибал и Иван Михайлович Долгорукий.

Он оставил воспоминания о Гоголе, который был его домашним учителем, и о Лермонтове, с которым дружил.

Но подлинную прижизненную славу Лонгинову составили его срамные стихи, которые ходили в списках и были напечатаны за границей в Карлсруэ «неизвестным доброжелателем» как раз когда Лонгвинов находился на цензорском посту.

Всё это и запечатлела эпитафия на смерть Лонгвинова, написанная сатириком Дмитрием Минаевым:

Стяжав барковский ореол,
Поборник лжи и вестник мрака,
В литературе – раком шёл
И умер сам – от рака.

5 ЯНВАРЯ

«Три витязя российского стиха», – так назвал Ярослав Смеляков себя, Бориса Корнилова и Павла Васильева – трёх приятелей-поэтов, арестованных почти в одно и то же время НКВД.

Смелякову повезло больше. Его выпустили. После отсидки, разумеется. Но потом отправили воевать на финскую войну. И он там попал в плен. Ну, а из плена, если наши тебя вызволили, куда? Правильно, в лагерь. А в конце сороковых гребут по новой. Взяли и Смелякова. Но выжил. Пришёл в конце концов домой.

Павел Николаевич Васильев (родился 5 января 1909 года) стихи начал писать рано. По просьбе учителя написал стихотворение к годовщине смерти Ленина. Оно стало школьной песней.

Печататься Васильев тоже стал рано. И поначалу как бы повторил судьбу Смелякова.

В том смысле, что в первый раз Васильева арестовали по делу «Сибирской бригады» вместе с Сергеем Марковым, Леонидом Мартыновым и приговорили к трём годам ссылки в Северный край. Но освободили досрочно.

Правда, после статьи М. Горького «О литературных забавах» Васильева снова арестовали, перед этим в январе 1935 года исключив из Союза писателей. На этот раз годичный срок за «злостное хулиганство» он отбывал в Рязанской тюрьме.

Если кто-то помнит фильм «Партийный билет» 1936 года, то прототипом главного героя – шпиона, врага народа был именно Васильев.

Ясно, что его снова арестовали. На этот раз в 1937 году. И уже больше не выпустили. Расстреляли 16 июля 1937-го.

Уж и не знаешь: что в этих его последних стихах, – предчувствие?

Снегири взлетают красногруды…
Скоро ль, скоро ль на беду мою
Я увижу волчьи изумруды
В нелюдимом северном краю.
Будем мы печальны, одиноки
И пахучи, словно дикий мёд.
Незаметно все приблизит сроки,
Седина нам кудри обовьёт.
Я скажу тогда тебе, подруга:
«Дни летят, как по ветру листьё,

Хорошо, что мы нашли друг друга,
В прежней жизни потерявши всё…»

* * *

5 января 1919 года родилась выдающаяся армянская поэтесса Сильва Барунаковна Капутикян. Её очень любил корреспондент нашей «Литературной газеты» по Армении Зорий Балаян. Вместе с Зориком занимала активную гражданскую позицию по Карабахскому вопросу. Встречалась с Горбачёвым в надежде убедить его уступить эту автономную область Армении. Горбачёв не согласился. Зря. Может, Армения и сегодня была бы демократической страной. Стихи Капутикян переводили многие поэты. Я привожу стихотворение в переводе Булата Окуджавы:

Смеюсь несдержанно и бойко,
Чтоб ты не видел, как мне горько.
Смеюсь, и больше ничего.
Смеюсь, чтоб ты за смехом этим
Не распознал и не заметил
Тревоги сердца моего.
Я легкомысленной девчонкой
Шучу, шепчу себе о чём-то
И что-то вздорное пою.
Чтоб слёз моих не мог ты видеть,
Чтоб невзначай тебе не выдать
Любовь мою!..

Умерла Сильва Барунаковна 26 августа 2006 года.

* * *

Леонида Ивановича Тимофеева (5 января 1904 – 13 сентября 1984) я несколько раз слушал в МГУ. Он у нас не преподавал, работал в ИМЛИ, но его приглашали на встречи со студентами.

Производил впечатление очень корректного человека. К каждому обращался уважительно. Действительно, а не пустой забавы ради, интересовался вашим мнением по данному вопросу. Бывало, что он его оспаривал. Но я помню гораздо более частое согласие с оппонентом. Помню его, шагающего на костылях (он ходил на парализованных ногах), в окружении довольно большой

группы студентов.

Был он очень толковым теоретиком литературы. Членом-корреспондентом АН СССР. Предпринимал переложение «Слова о Полку Игореве», к которому специалисты относятся по-разному. Но его книга «Слово в стихе» (1982) до сих пор стоит у меня на полке как весьма ценное пособие.

* * *

С творчеством и с биографией Андрея Платонова меня по существу познакомила его вдова Мария Александровна. Андрея Платоновича только начинали печатать после длительного молчания, и я, работавший в журнале «РТ-программы», пришёл к ней на квартиру, которую она занимала в левом флигеле особняка на Тверском бульваре, 25, принадлежавшего Литературному институту.

Любопытно, что потом в этом левом флигеле расположились Высшие литературные курсы, где я одно время преподавал.

А тогда молодым редактором я пришёл к Марье Александровне, она угощала меня чаем, многое показывала и о многом рассказывала.

От неё я узнал, что их сын был арестован, а потом выпущен из лагеря с открытой формой туберкулёза, которым заразил отца. Он ненадолго пережил сына, скончавшись 5 января 1951 года. (Родился 1 сентября 1899 года).

Нам в журнал Мария Александровна дала рассказ мужа «Семён», который мы напечатали. Но лучшие вещи Платонова я прочитал по подсказке Марии Александровны и с её иногда очень интересными комментариями. За что ей остался навсегда благодарен.

6 ЯНВАРЯ

Константина Фёдоровича Седых (6 января 1908 года – 21 ноября 1979), наверное, все знают (скажу осторожней: знали) по роману «Даурия», получившему сталинскую премию в 1950 году. Много жизни посвятил Константин Фёдорович этому роману, писал продолжение «Отчий дом» – роман, который рядом с «Даурией» уже не поставишь. Хотя и «Даурия» скучноват. В нём много фактического материала из жизни участников гражданской войны в Забайкалье. Но нет художественной цельности. Порой впечатление такое, что читаешь большой этнографический очерк, который сменится, правда, эпическими событиями.

Вообще-то Седых начинал со стихов. И писал их всю жизнь. Можно найти среди них и неплохие. Например:

С зарёй проснувшись, жаворонок серый
Взмыл из гнезда в струящуюся высь,
И от земли до самой стратосферы
Серебряные звуки разнеслись.
Лесным ручьём звенит и льётся песня,
Звенит, звенит, как шалый бубенец.
И вот уже растаял в поднебесье
Весны и солнца яростный певец.

* * *

О том, что Пушкин ценил свою современницу, детскую писательницу Александру Осиповну Ишимову (родилась 6 января 1805 года), можно прочитать в любой посвящённой Ишимовой биографической справке. Да, именно к ней обратился Пушкин в день роковой дуэли с Дантесом: «*Милостивая государыня Александра Осиповна. Крайне жалею, что мне невозможно будет сегодня явиться на Ваше приглашение… Сегодня я нечаянно открыл Вашу Историю в рассказах и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!*».

Известность и даже можно сказать славу принесла Александре Осиповне Ишимовой, скончавшейся 16 июня 1881 года, её «История России в рассказах для детей». Белинский отмечал живость и увлекательность повествования, его прекрасный язык, но, по мнению критика, адресат выбран писательницей не совсем верно: её книга «*не для детей, которым*

чтение истории, какой бы то ни было, совершенно бесполезно, потому что для них в ней нет ничего интересного и доступного, – а для молодых, взрослых и даже старых людей».

Я бы оспорил это заявление. По своему детскому опыту знаю, как полезно и захватывающе было для меня чтение книги Николая Куна о мифах и легендах Древней Греции. Ребёнку интересны любые исторические факты, если они рассказаны понятным ему, доступным языком. А Ишимова именно таким языком говорила с читателями. Пушкинское «*вот как надобно писать!*» вырвалось не случайно и, конечно, с учётом адресата книги Ишимовой. Белинский пишет о «молодых, взрослых и даже старых» людях. С этим я соглашусь. Это очень редкое качество писателя: оказаться интересным читателям всех возрастов.

Литературная деятельность Александры Осиповны была разнообразной. Она написала ещё немало детских книг: «Рассказы старушки», «Священная история в разговорах для маленьких детей», «Колокольчик. Книга для чтения в приютах». Она переводила с французского и английского. Первой, кстати, познакомила русского читателя с приключенческими романами Фенимора Купера. Издавала ежемесячные журналы для детей «Звёздочка» и «Лучи» (первый журнал «для девиц»).

Но «История России в рассказах для детей» остаётся её главной книгой, которую, на мой взгляд, стоит прочесть и сегодняшнему ребёнку, в чью душу западёт немало исторических эпизодов, криво истолкованных нынешними историками.

* * *

Автор «Человека-амфибии» Александр Романович Беляев занимался поначалу юриспруденцией и к 1914 году имел хорошую клиентуру, ездил за границу.

Из воспоминаний об отце дочери писателя Светланы Александровны:

«Однажды его пригласили защитником по делу об убийстве. Процесс был почти копией знаменитого «дела Бейлиса»: еврея обвиняли в ритуальном убийстве русского ребёнка с целью приготовления мацы на его крови. Отец решил построить защиту на цитировании текстов из Торы и Талмуда, по которым суд должен был понять, что никаких подобных указаний там просто нет. Для этого он нашёл человека, знающего древнееврейский язык. Потрудиться пришлось немало, они вместе сделали дословный перевод нужных отрывков, которые зачитывались на заседании суда. Доказательства были столь убедительны, что обвиняемого

оправдали и освободили в зале суда. Процесс наделал много шума, в газетах писали статьи о блестящей защите, а на улице с отцом постоянно раскланивались. Ему прочили блестящее юридическое будущее, но он всё больше увлекался литературной деятельностью, и в результате занятие это стало его единственным средством к существованию».

Да, в 1914-м он всё бросил и посвятил свою жизнь писательству.

И «Человек-амфибия», и другой его роман «Остров погибших кораблей» написаны в двадцатых годах.

Но, когда ему было 36 лет, он слёг: болезнь позвоночника. Шесть лет был прикован к постели, три из них пролежал в гипсе.

Но выбрался. И вернулся к жизни. Он вылечился в Ялте, куда они с матерью переехали в надежде найти специалистов-врачей. Сначала Беляев работает воспитателем в детском доме. Потом его устраивают в уголовный розыск. Однако жизнь в Ялте была очень тяжёлой и Беляев переезжает в Москву.

Он пишет и печатает немало повестей и романов. В том числе и принёсший ему славу роман «Голова профессора Доуэля». Причём не всё он печатает под своим именем, но и под псевдонимами А. Ром и Арбел.

В 1928 году он приезжает в Ленинград, где пишет романы «Голова профессора Доуэля», «Властелин мира», «Человек, потерявший лицо». «Подводные земледельцы», «Чудесное око», рассказы из серии «Изобретения профессора Вагнера». Но обострение болезни заставляет его уехать в Киев.

1930-й оказался особенно тяжёлым для Александра Романовича. От менингита умерла его шестилетняя дочь. Рахитом заболела вторая. Обострилась и собственная болезнь: спондилит.

Он возвращается в Ленинград. Незадолго до войны перенёс операцию, поэтому отказался эвакуироваться. Город Пушкин, где жил Беляев с семьёй был захвачен немцами. Там он, как пишут свидетели, замёрз от голода. Умер 6 января 1942 года (родился 16 марта 1884-го).

Жену и дочь немцы угнали в Германию. После окончания войны они, как бывшие узницы фашистов, оказались в ссылке в Западной Сибири, где провели 11 лет.

7 ЯНВАРЯ

Николай Михайлович Языков был из тех друзей Пушкина, что посетил его в ссылке в Михайловском. Пушкин писал ему:

Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует…
Родня друг другу по судьбе,
Они родня по вдохновенью,
Клянусь Овидиевой тенью,
Языков, близок я тебе!

Пушкин любил Языкова, и тот платил ему тем же. Гоголь радовался, глядя на их дружбу. Сам Гоголь тоже ценил Языкова, восхищался его стихами. Любил их цитировать.

Тем более что с начала тридцатых годов Языков стал проникаться религиозными настроениями, что Гоголю было дорого. Прежде близкий к вольнолюбивым кругам, Языков сближается со славянофилами.

Пушкин, слава Богу, не застал уже Языкова, сочинившего «К ненашим» и «К Чаадаеву» (1844), – стихи, облаивающие Запад и западную демократическую модель государства.

Умер Языков 7 января 1847 года (родился 16 марта 1803-го).

Оставил немало хороших стихов. Вот – из лучших:

Когда, гремя и пламенея,
Пророк на небо улетал —
Огонь могучий проникал
Живую душу Елисея:
Святыми чувствами полна,
Мужала, крепла, возвышалась,
И вдохновеньем озарялась,
И Бога слышала она!
Так гений радостно трепещет,
Свое величье познаёт,
Когда пред ним гремит и блещет
Иного гения полёт;
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зреет для чудес…
И миру новые светила —
Дела избранника небес!

8 ЯНВАРЯ

Вот прекрасный поэт Владимир Николаевич Корнилов, мой друг, увы, уже больше десяти лет ушедший от нас: умер 8 января 2002 года.

С ним у меня связано воспоминание о нештатной работе в 1965 году в «Семье и школе», где мы с ответственным секретарём журнала Петром Ильичём Гелазонией, пробивали мало проходимые по тем временам литературные произведения. В этом нас поддерживал член редколлегии Владимир Михайлович Померанцев.

Поначалу нам это удавалось. Настолько, что мы впали в эйфорию.

Эйфория наша длилась, однако, очень недолго. Причём споткнулись мы, а потом упали совершенно неожиданно: никак не ожидали, что гром грянет с почти безоблачного неба.

Мы напечатали подборку стихов Владимира Корнилова, среди которых мне особенно нравились стихи об Ахматовой. Они сейчас очень известные: «Ваши строки невесёлые, / Как российская тщета, / Но отчаянно высокие, / Как молитва и мечта, / Отмывали душу дочиста, / Уводя от суеты, / Благородством одиночества / И величием беды», ну и так далее: их легко найти в корниловских книжках.

Но то стихотворение, которое нам вышло боком, Корнилов (родился 29 июня 1928 года) потом никогда не перепечатывал. Даже когда рухнула советская власть, и его восстановили в союзе писателей, и он получил возможность доносить до нового читателя все свои прежние вещи. Мне он объяснил, что не печатает «Пса», потому что Лара (его жена и взыскательный читатель), не очень любит, когда он в стихах погружается в быт. Я очень ценю Ларин вкус, но здесь позволю себе с ней не согласиться. По-моему, стихотворение, которое привожу по памяти, замечательное:

Пёс был шелудив и глуп,
Тощ и плюгав.
Пил из водосточных труб,
Жрал – из канав.
Непонятливый, никак
Взять не мог в толк,
Что хоть сто таких собак
Мог кормить полк.
А в полку у нас врачом

Дама была.
Мы пред ней стояли в чём
Мать родила,
Еле вытерпев позор,
Лезли в бельё.
Ну так вот. Из-за неё
Вспыхнул сыр-бор.
Увидала как-то раз
Лекарша пса
И пошла и завелась
На полчаса:
– Что за пёс? откуда пёс?
Что вам здесь – цирк?
Не хватало, чтоб занёс
Всяких бацилл!
А дежурным по полку
Был капитан.
Топал с шашкой на боку,
Плац подметал.
Заспешил на дамский клич,
Как джентльмен,
И осклабился, как хлыщ:
– Это в момент!
Пёс в щенячьей простоте
Не понимал.
А начальник пистолет
Приподымал.
По науке совмещал
С мушкой прицел.
Пёс лежал и не мешал,
Скучно глядел.
…Тонны в полторы удар
Вбил, вдавил в пыль.
Снайпер подмигнул: как дал?
Как, мол, убил?…
Но врачиха сникла вдруг:
Что ж тут смотреть…
Всё-таки не по нутру
Женщине – смерть.
…Вот и всё. Сошла, журча,
Дюжина лет.
Думаю, того хлыща
В армии нет.
Думаю, теперь урод

Малость поблёк:
Возглавляет гардероб
Или ларёк.
Женщины и не глядят
На дурака,
А жена – он был женат —
Ставит рога.
Думаю, забыл всю спесь,
Жалок стал, льстив,
Думаю, что так и есть:
Мир справедлив!

Казалось бы, что здесь можно оспорить? К чему прицепиться? Позиция поэта кристально чиста. Его приговор бездушному негодяю понятен и естественен. Вот стихи, которые добавят человеческим душам гуманности, и потому они особенно уместны на страницах журнала, который называется «Семья и школа»!

Оказалось, что именно на его страницах они особенно неуместны. Потому что существует такое святое для каждого советского человека понятие, как «военно-патриотическое воспитание». Об этом нам напомнила «Красная звезда», напечатавшая обширную злобную реплику некого майора. Где в советской армии, возмущался майор, автор нашёл такого капитана? Что это как не попытка подорвать доверие читателей к овеянному славою советскому офицерству? По какому праву автор и, очевидно, разделяющая его мнение редакция… Впрочем, запал майора, которого сейчас тоже пересказываю по памяти, стандартен и шаблонен: так писали, когда жаждали крови, когда были убеждены, что кровь обязательно прольётся!

И не ошиблись. «Красная звезда» была органом всемогущего ведомства – политуправления армии. Её критика ничего другого, кроме оргвыводов не требовала. И спешно созванное совместное заседание коллегии Министерства просвещения и президиума Академии педагогических наук их немедленно сделало. Орлов получил выговор, Померанцева из редколлегии вывели (или добились, чтобы он сам из неё вышел, – не помню). Искали, конечно, стрелочника. Но я в штате не работал. И было понятно, что в обозримом будущем меня туда и не возьмут.

* * *

В книге Николая Михрохина «Русская партия» (2003)

фамилия Смелякова мелькает среди тех, кого поддерживала «группа Павлова», первого секретаря ЦК ВЛКСМ. Она, как рассказывает Митрохин, стремилась «*поощрять писателей из «прорусской» фракции Союза писателей – М. Шолохова, М. Алексеева, Л. Леонова, Л. Соболева, Я. Смелякова, В. Фирсова и других*». Или в связи с тем мы находим в этой книге фамилию Смелякова, что возглавляемое активистом «группы Павлова» Ю. Мелентьевым издательство «Молодая гвардия» «*завязало и укрепило связи с рядом влиятельнейших писателей, поддерживавших идеи русского национализма, – М. Шолоховым, Л. Леоновым, Я. Смеляковым, В. Солоухиным*». Была в «русской партии» и «группа Шелепина». Она всех этих писателей тоже поддерживала.

В странной, конечно, компании оказывается Ярослав Васильевич Смеляков (родился 8 января 1913 года). В компании друзей?

Однажды он подошёл ко мне в ЦДЛ и стал распекать меня за небольшую статейку о его стихотворении «Мальчики, пришедшие в апреле», напечатанную в московском ежегоднике «День поэзии». «*Ты приписываешь мне свои мысли,* – сказал он. – *Ни о чём подобном, что ты написал, я и не думал*». «*Бывает,* – ответил я. – *Ещё Белинский заметил, что если б сказали Лермонтову, о чём он написал, он мог бы удивиться и даже этому не поверить*». «*Ну, ты не Белинский,* – сказал Смеляков. – *Мне твои «левые» мысли не нужны*». «*Почему «левые»?*» – удивился я. «*А ты что, считаешь себя «правым»?*» – «*Ну, какой же я «правый»!*» «*Вот-вот*, – подхватил Смеляков. – *Чего вы, «левые», лезете ко мне? Читал, небось, книжку, которая недавно обо мне вышла? Тоже одного «левого»!* – И, распаляясь: – *Да оставьте вы меня в покое! Пишите о других!*».

«Левые» и «правые» в то время обозначали абсолютно противоположное теперешнему явление. «Правыми» назывались литераторы, поддерживающие коммунистический режим и, коль скоро я пишу сейчас об этом, его националистические идеи.

А книга, о которой говорил Смеляков, принадлежала Станиславу Рассадину. Я пересказал ему однажды тот, забытый было за давностью лет разговор. В ответ он сослался на Александра Межирова, который будто бы видел, как Смеляков полистал книгу Рассадина, бросил её на стол и заплакал: «Он ненавидит моё поколение!»

– *Правда, Саша мог и приврать!* – сказал Стасик.

Да уж за Межировым ходила эта слава – неистощимого фантазёра!

Стасик задумался и сказал:

– Слушай, а ведь твой рассказ многое в Смелякове объясняет. Ты читал книгу Данина «Бремя суда»?

И Рассадин показал мне то место в книге Даниила Данина, где он вспоминает о своей рецензии на «Кремлёвские ели» – первую книгу Смелякова, выпущенную им после очередной отсидки. Шёл 1949 год. Рецензию обмыли. Смеляков ей очень радовался. Но через некоторое время выступил Фадеев, назвал её «эстетским захваливанием». И редакции, приветившие было Смелякова, перестали его печатать. Разъярённый Смеляков обрушился на Данина: «Зачем ты написал эту статью?» «Ты с ума сошёл?» – спросил тот. «Я-то не сошёл, но вот ты о моей судьбе подумал? Теперь меня снова не будут печатать. Мне надо было жить в незаметности, а что делать после твоей сволочной статьи?»

Страх дважды отсидевшего до этого в лагере Смелякова был очень понятен. И кто знает, не сыграла ли свою роль «сволочная статья» Данина в том, что Смеляков снова был посажен? Наверняка этого утверждать, конечно, нельзя, как нельзя согласиться с испугавшимся Смеляковым в том, что его спасением было жить в незаметности. В преддверии нового Большого Террора, который готовил Сталин после войны для своих подданных, было приказано вновь арестовывать уже отсидевших. Так что долго жить в незаметности у Смелякова, скорее всего, не получилось бы!

Но какое это имеет отношение к тому, что он оказался в той компании, которую привечала антисемитская комсомольская, а потом и партийная аппаратная группа? Самое прямое. Наученный жизнью, он и не собирался опровергать её мнения о собственной причастности к этой компании. Его одаривали: дали государственную и комсомольскую премии. Он стал литературным метром, занял фадеевскую дачу в Переделкине, сидел в президиумах всевозможных пленумов, съездов и совещаний.

И только иные его стихи, которые он писал, показывали, что компания, к которой его пристегнули, состояла не из друзей его, а из нужных ему людей. Но в стихи надо было углубляться, надо было их разбирать, извлекать из них мысли, отличные от мировоззрения всей компании. Потому и злился он на «левых», что те замечали, предавали гласности то, что он старался упрятать, сохранить в незаметности!

Тем более что ему в этом помогала цензура. Не пропускала его лучшие стихи. Вот это, например, – «Голубой Дунай», названное так в честь переделкинской забегаловки на станции, – напечатано уже значительно после его смерти, случившейся 27

ноября 1972 года:

После бани в день субботний,
отдавая честь вину,
я хожу всего охотней
в забегаловку одну.
Там, степенно выпивая,
Я стою наверняка.
В голубом дыму «Дуная»
всё колеблется слегка.
Появляются подружки
в окруженьи ребят.
Всё стучат сильнее кружки,
колокольчики звенят,
словно в небо позывные,
с каждой стопкой всё слышней,
колокольчики России
из степей и от саней.
Ни промашки, ни поблажки,
чтобы не было беды,
над столом тоскует Машка
из рабочей слободы.
Пусть милиция узнает,
ей давно узнать пора:
Машка сызнова гуляет
чуть не с самого утра.
Не бедна и не богата —
четвертинка в самый раз —
заработала лопатой
у писателя сейчас.
Завтра утречком стирает
для соседки бельецо
и с похмелья напевает,
что потеряно кольцо.
И того не знает, дура,
полоскаючи бельё,
что в России диктатура
не чужая, а её!

* * *

В своё время князя Петра Владимировича Долгорукова

(родился 8 января 1817 года) подозревали в том, что он изготовил знаменитый диплом рогоносца, направленный Пушкину и в конечном счёте послуживший причиной гибели поэта.

Несколько раз проводили графологические экспертизы. В 1927 году некий судебный эксперт, Алексей Андреевич Сальков, нашёл, что авторство Долгорукова несомненно.

Однако у дипломата Г.В. Чичерина экспертиза вызвала сомнение. Вместе с П.В. Щёголевым он не согласился с Сальковым. Повторную экспертизу провёл в 1966 году эксперт В.В. Томилин. Тот уверенно отвёл авторство Долгорукова, но высказал предположение, что диплом писал И.С. Гагарин, который одно время сожительствовал с Долгоруковым.

Надо сказать, что и Гагарин, и Долгоруков стали эмигрантами. Поэтому кое-каким советским кругам очень хотелось, чтобы пасквилянт, ненавидящий Пушкина, был бы найден в кругу эмиграции.

Но из этого ничего не вышло. Экспертиза, организованная историком-археографом Г. Хаитом и проводившаяся сотрудниками Всесоюзного НИИ Судебных экспертиз, нашла, что диплом написан не Дологоруковым и не Гагариным, а «третьим лицом».

Что же до Долгорукова, то не так давно – в 80-х годах прошлого века в экземпляре «Воспоминаний» Ф. Булгарина, принадлежащего Долгорукову, обнаружили примечания, сделанные рукою князя. В них Долгоруков опровергает Булгарина, стремящегося после смерти Пушкина, «уколоть его побольнее. Так сказать, в памяти потомства».

В 1840 году под псевдонимом «граф Альмагро» Долгоруков издал в Париже на французском языке «Заметку о главных фамилиях России», где раскрыл немало исторических фактов, порочащих русское самодержавие и аристократию.

Вольнодумство Долгорукова раздражило Николая. Князь был вызван из-за границы и сослан в Вятку в 1843 году, но через год освобождён с запрещением проживать в столицах.

В 1854 году Долгоруков завершил ревизию и пополнение ранее опубликованного родословного сборника и приступил к публикации «Российской родословной книги» – наиболее полного в XIX веке изложения генеалогии русского дворянства. Вышло 4 тома, после чего Долгоруков уехал в эмиграцию и публикация «родословной книги» прекратилась.

За границей Долгоруков издал книгу «Правда о России», содержащую резкую критику правительства. В ответ он был лишён гражданства, княжеского титула, состояния. И вот тут-то

волшебным образом и появилось обвинение Долгорукова в том, что он написал пасквильный диплом Пушкина.

В 1867 году он напечатал на французском языке свои «Записки», которые были переведены и напечатаны на родине только через 140 лет.

Свой богатый архив Долгоруков завещал другу Герцена, польскому эмигранту С. Тхоржецкому. Тот, не имея средств для публикации, продал архив в 1869 году при условии обязательного их обнародования подполковнику Постникову, который, как выяснилось, был агентом Третьего отделения. Рукописи Долгорукова были привезены в Россию и поступили в архив Зимнего дворца, где их в советское время обнаружил Н.Я. Эйдельман.

Умер князь Пётр Долгоруков 18 августа 1868 года.

* * *

Елена Михайловна Гальперина (родилась 8 января 1918 года) мне лично больше всего запомнилась как автор (точнее соавтор с мужем Ю.Л. Анненковым) музыкальной комедии «Севастопольский вальс» (1961).

Она окончила в 1939-м ИФЛИ им. Чернышевского. В годы войны преподавала в Башкирии в средней школе. Там в местных газетах печатала свои стихи. Со стихами выступала в госпиталях.

Вернувшись в Москву, в 1943-1944-м преподавала историю театра в Московском городском театральном училище, работала завлитчастью театра «Ромен».

С 1944 года работала в жанре музыкальной комедии. Семь музыкальных спектаклей написала в соавторстве с мужем – драматургом Юлием Лазаревичем Анненковым. Девять музыкальных комедий написала одна.

Они с мужем были неоднократными лауреатами конкурсов Министерства культуры, Союза писателей.

Хотя во всех биографиях Гальпериной, размещённых в Интернете, написано, что она всю жизнь писала стихи, ни одного её стихотворения в Сети я не нашёл.

Умерла она 24 января 1996 года.

* * *

К этому писателю относятся по-разному. Были у меня когда-то студенты, которые на дух не принимали прозу Андрея Белого

(псевдоним Бориса Николаевича Бугаева). Доказать, чем хороша его проза, я им не мог. Потому что, по правде, она мне тоже не слишком нравилась. Не люблю писателей-философов. Шкловский говорил, что Пильняк – тень от дыма, если Белый – дым. Но мне тень была понятней дыма.

А вот стихи его мне нравились:

Уж с год таскается за мной
Повсюду марбургский философ.
Мой ум он топит в мгле ночной
Метафизических вопросов.
Когда над восковым челом
Волос каштановая грива
Волнуется под ветерком,
Взъерошивши её, игриво
На робкий роковой вопрос
Ответствует философ этот,
Почесывая бледный нос,
Что истина, что правда… – метод.
Средь молодых, весенних чащ,
Омытый предвечерним светом,
Он, кутаясь в свой чёрный плащ,
Шагает тёмным силуэтом;
Тряхнёт плащом, как нетопырь,
Взмахнувший чёрными крылами…
Новодевичий Монастырь
Блистает ясными крестами: —
Здесь мы встречаемся… Сидим
На лавочке, вперивши взоры
В полей зазеленевший дым,
Глядим на Воробьевы горы.
«Жизнь, – шепчет он, остановясь
Средь зеленеющих могилок, —
«Метафизическая связь
Трансцендентальных предпосылок!..
Рассеется она, как дым:
Она не жизнь, а тень суждений»…
И клонится лицом своим
В лиловые кусты сирени.
Пред взором неживым меня
Охватывает трепет жуткий. —
И бьются на венках, звеня,
Фарфоровые незабудки.
Как будто из зелёных трав

Покойники, восстав крестами,
Кресты, как руки, ввысь подъяв,
Моргают жёлтыми очами.

На смерть Белого (он умер 8 января 1934 года) отозвался Мандельштам:

Голубые глаза и горячая лобная кость —
Мировая манила тебя молодящая злость.
И за то, что тебе суждена была чудная власть,
Положили тебя никогда не судить и не клясть.
На тебя надевали тиару – юрода колпак,
Бирюзовый учитель, мучитель, властитель, дурак!
Как снежок на Москве заводил кавардак гоголёк:
Непонятен-понятен, невнятен, запутан, легок…
Собиратель пространства, экзамены сдавший птенец,
Сочинитель, щеглёнок, студентик, студент, бубенец…
Конькобежец и первенец, веком гонимый взашей
Под морозную пыль образуемых вновь падежей.
Часто пишется казнь, а читается правильно – песнь,
Может быть, простота – уязвимая смертью болезнь?
Прямизна нашей речи не только пугач для детей —
Не бумажные дести, а вести спасают людей.
Как стрекозы садятся, не чуя воды, в камыши,
Налетели на мёртвого жирные карандаши.
На коленях держали для славных потомков листы,
Рисовали, просили прощенья у каждой черты.
Меж тобой и страной ледяная рождается связь —
Так лежи, молодей и лежи, бесконечно прямясь.
Да не спросят тебя молодые, грядущие те,
Каково тебе там в пустоте, в чистоте, сироте…

А родился Белый 26 октября 1880 года. Прожил 53 года.

* * *

С отрывками из не совсем обычных мемуаров этой мужественной женщины читателя познакомил перестроечный «Огонёк». А необычность заключалась в том. что Евфросиния Антоновна Керсновская (родилась 8 января 1907 года) свою рукопись сопроводила удивительными рисунками, выполненными в дадаистской манере.

Рисунков было 700, а рукопись насчитывала 2200 страниц (от руки). Полностью эти мемуары опубликованы только в 2001–2002 годах.

Их семья оказалась в Бессарабии, которая в то время была частью Румынии, когда бежала от ЧК из Одессы. Однако 28 июня 1940 года СССР аннексировал Бессарабию и сразу же начал там репрессии.

Евфросиния Керсновская работала до этого на сельскохозяйственных работах. Была человеком зажиточным: работать она умела от зари до зари. Кроме того, она нередко нанимала соседей, помогавших ей трудиться в поле.

НКВД объявил её бывшей помещицей, всё отобрал и выгнал на улицу. Она устраивалась работать по частному найму: работать с людьми ей было запрещено.

Получив советский паспорт, она на выборах перечеркнула бюллетень, увидев среди кандидатов бывшую проститутку.

14 июня 1941 года её и других арестованных поместили в товарные вагоны и через месяц привезли в Нарымский край (теперь Тюменская область).

Её определили на лесоповал, где постоянно не давали выполнить норму, – заставляя голодать.

В феврале 1942 года она заболела, но ей отказались выдать освобождение от работы. И тогда она бежала. Одна через всю Западную Сибирь. За 6 месяцев она прошла 1500 километров.

24 августа 1943 года её из-за отсутствия документов задержали. Переправили в пересылочную тюрьму Новосибирска, и всю зиму 1942 года она провела в неотапливаемой камере предварительного заключения. Она отказалась что-либо подписывать. Тогда, чтобы выбить из неё признание «вины» ей дали лист бумаги, на котором предложили написать просьбу о помиловании. Но она написала: «*Требовать справедливости – не могу, просить милости – не хочу. Дон-Кихот*».

Выездная сессия Нарымского суда в Новосибирске приговорила её к расстрелу, который в феврале 43 года заменили 10 годами лагерей и последующей ссылкой на 5 лет.

В 1944-м ей дали ещё 10 лет за «контрреволюционную агитацию».

В 1952-м освободилась в Норильске, работала шахтёром на угольных шахтах. После окончательного освобождения переехала в Ессентуки, где в 1964–1968 писала мемуары.

В 1982 году они распространялись через самиздат, пока перестройка не сделала их достоянием общественности.

Читать эти мемуары тяжело из-за огромного сочувствия, которое вызывает к себе их автор.

С другой стороны, читать их безумно интересно из-за чудесного живого языка, на котором пишет Керсновская.

На основе этих мемуаров снято два документальных фильма Владимира Мелетина «Евфросинья Керсновская: Житие» (2008) и Григория Илугдина «Альбом Евфросинии» (2006).

Умерла Керсновская 8 марта 1994 года.

9 ЯНВАРЯ

С Леонардом Илларионовичем Лавлинским (родился 30 января 1930 года) меня познакомил наш зам главного «Литературной газеты» Евгений Алексеевич Кривицкий, рекомендовав печатать его как автора материалов о поэзии. Узнав об этом, наш редактор отдела Фёдор Аркадьевич Чапчахов криво усмехнулся и сказал: «А ко мне даже не зашёл! Ну да! Кто я для него?»

Дело в том, что Чапчахов некогда был заведующим отделом ростовского журнала «Дон», а Лавлинский работал у него литсотрудником. А потом Лавлинского взяли в Москву инструктором секции печати отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ, через некоторое время он стал членом редакционной коллегии Госкомпечати РСФСР, но познакомился я уже с ним – инструктором отдела культуры ЦК КПСС.

Он выступал у нас в газете довольно часто. Пока, как он мне сказал, ему не посоветовали в ЦК поумерить прыть. Между прочим, предлагал мне место члена редколлегии Госкомпечати РСФСР, которое когда-то занимал сам. Но я, начинавший свою трудовую деятельность с работы в Госкино СССР, снова вставать на ступени бюрократической карьерной лестницы не захотел.

В ЦК он курировал журнал «Дружба народов». Поэтому, когда в 1970 году освободилось место первого зама главного редактора, он его занял. Главный – Баруздин с ним сработался. Но через 7 лет был создан новый журнал «Литературное обозрение», куда Лавлинского назначили главным. На этом посту он проработал двадцать лет (1977–1997).

Он написал несколько критических книг, которые память о себе не оставили. Совершенно неожиданно стал выступать как поэт. Печатал не только стихи, но большие поэмы. Увы. Пытался выбрать из его книг «Ключ», «Струги», «Домик над обрывом», «Знак Козерога» какие-нибудь характеризующие его стихи. И не смог. Выразить себя в поэзии ему не удалось.

Умер Леонард Илларионович настолько незаметно, что Интернет зафиксировал только год его смерти – 2005.

* * *

С Сергеем Григорьевичем Козловым мы впервые встретились в кабинете поэта Евгения Храмова, который работал тогда литконсультантом «Юности». «Юность» находилась на пятом

этаже дома № 30 на Цветном бульваре, откуда она потом уедет, уступив этот пятый этаж «Литературной газете», куда я через десять лет приду работать.

А тогда в 1957-м Храмов нас вызвал, потому что ему понравились наши стихи, которые мы оба послали по почте. После дружелюбного разговора мы с Козловым зашли в магазин, купили бутылку коньяка, закуски и отправились к нему домой в огромную – метров 30 – комнату в общей квартире дома недалеко от Театра Юного Зрителя.

До сих пор помню начало стихотворения Козлова, которое он прочитал мне тогда:

Знают коровы рыжие
И воробей в саду,
Что те, кто зимою выживут,
Весною не пропадут.

И конец:

Но даже и листья красные
Не знают, как и колосья,
Что лучше любить напрасно,
Чем не любить вовсе.

Долго не расставались: читали друг другу стихи, болтали и распростились друзьями, пообещавшими друг другу встретиться в понедельник в Центральном доме культуры железнодорожников, куда нас обоих направил Храмов, позвонив Григорию Михайловичу Левину – поэту, который в этом клубе вёл литературное объединение «Магистраль».

Меня «Магистраль» очаровала, Серёжа отнёсся к ней более сдержанно. Сказал, что пишет не хуже любого из выступивших поэтов. Мне это показалось неуместным бахвальством.

Но его стихи в «Магистрали» приняли неплохо. И поначалу он не пропускал занятий, выезжал вместе с другими выступать в дома пионеров или в парк культуры. А потом стал потихонечку исчезать.

Однажды, развернув какую-то из московских газет, я сразу увидел заголовок «Стихи Сергея Козлова». Его представлял Сергей Михалков. Удивило, что Козлов, оказывается, детский поэт.

А потом стали выходить его небольшие детские книжки. Потом я увидел мультфильмы по сценариям его сказок. И понял:

он нашёл в этом призвание.

Ежик и Медвежонок стали его любимыми персонажами, сколько он написал о них рассказов и сказок. А киновариант сказки «Ёжик в тумане», осуществлённый Юрием Норштейном, является одним из лучших мультфильмов за всю историю этого жанра.

Умер Сергей Козлов 9 января 2010 года (родился 22 августа 1939-го).

* * *

«Почему так часто ставят на сцене пьесы Булгакова? Потому, должно быть, что своих пьес, годных для постановки, не хватает. На безрыбье даже «Дни Турбиных» – рыба. Конечно, очень легко «критиковать» и требовать запрета в отношении непролетарской литературы. Но самое лёгкое нельзя считать самым хорошим. Дело не в запрете, а в том, чтобы шаг за шагом выживать со сцены старую и новую непролетарскую макулатуру в порядке соревнования, путем создания могущих её заменить настоящих, интересных, художественных пьес советского характера. А соревнование – дело большое и серьёзное, ибо только в обстановке соревнования можно будет добиться сформирования и кристаллизации нашей пролетарской художественной литературы.

Что касается собственно пьесы «Дни Турбиных», то она не так уж плоха, ибо она дает больше пользы, чем вреда. Не забудьте, что основное впечатление, остающееся у зрителя от этой пьесы, есть впечатление, благоприятное для большевиков: «если даже такие люди, как Турбины, вынуждены сложить оружие и покориться воле народа, признав свое дело окончательно проигранным, – значит, большевики непобедимы, с ними, большевиками, ничего не поделаешь», «Дни Турбиных» есть демонстрация всесокрушающей силы большевизма.

Конечно, автор ни в какой мере «не повинен» в этой демонстрации. Но какое нам до этого дело?»

Цитата из письма Сталина Владимиру Наумовичу Билль-Белоцерковскому (родился 9 января 1885 года), написавшему вождю кляузу на Художественный театр и его режиссёра Голованова, который отдаёт предпочтение Булгакову и даже поставил его контрреволюционную пьесу «Бег».

Насчёт «Бега» Сталин согласен: *««Бег» есть проявление попытки вызвать жалость, если не симпатию, к некоторым слоям антисоветской эмигрантщины, – стало быть, попытка оправдать*

или полуоправдать белогвардейское дело. «Бег», в том виде, в каком он есть, представляет антисоветское явление».

Правда, Сталин выдвигает и условия, при которых «Бег» может оказаться на театральной сцене: «*Впрочем, я бы не имел ничего против постановки «Бега», если бы Булгаков прибавил к своим восьми снам ещё один или два сна, где бы он изобразил внутренние социальные пружины гражданской войны в СССР, чтобы зритель мог понять, что все эти, по-своему «честные» Серафимы и всякие приват-доценты, оказались вышибленными из России не по капризу большевиков, а потому, что они сидели на шее у народа (несмотря на свою «честность»), что большевики, изгоняя вон этих «честных» сторонников эксплуатации, осуществляли волю рабочих и крестьян и поступали поэтому совершенно правильно*».

Мы знаем, что никаких сталинских условий Булгаков принимать не стал, но и Билль-Белоцерковский не добился желаемого результата своей кляузой. Наоборот. Ответ Сталина заставил театральных бюрократов озаботиться (ненадолго!) судьбой безработного, почти не имеющего средств к существованию Булгакова.

Что же до самого Билль-Белоцерковского, то стоит послушать его сына, известного правозащитника, эмигрировавшего из России при Брежневе:

«*Расскажу вкратце о литературной карьере отца. Он написал 14 пьес и том рассказов из западной и морской жизни. Некоторые из его пьес шли за границей. В Германии на рубеже 30-х годов большим успехом пользовалась комедия «Луна слева». Впервые ее поставил в Берлине известный немецкий режиссер Эрвин Пискатор, а потом она шла и во многих других немецких театрах. У нас дома хранился толстый альбом вырезок из немецких газет с рецензиями на эту пьесу.*

Но самое выдающееся произведение отца – пьеса «Шторм». В 20-е годы она шла по всей стране, а потом и за рубежом. В архиве отца я нашел журнал «Театр» за 1928, кажется, год. Там был напечатан список наиболее «гонорарных» писателей, и возглавлял его отец! А конкуренция тогда была мощная. В выборе репертуара театры были совершенно свободны – широко шла классика и много кассовых, развесёлых штучек. Во МХАТе, к примеру, блистала пьеска под названием «Сара хочет негра». И там же шла «Белая гвардия» Булгакова. Но со «Штормом» тогда никто не мог конкурировать».

Конечно, определение сыном пьесы отца выше булгаковской ничем, кроме проявления родственных чувств, не объяснишь.

Сын упирает на то, что отец вышел в 1928 году из РАППа, и

рапповцы обратились к Сталину за разрешением расправиться с изменником. Сталин им ответил: «*Много ли у вас таких революционных драматургов, как т. Б.-Белоцерковский?… Неужели вы сомневаетесь, что ЦК не поддержит политики изничтожения Б.-Белоцерковского, проводимой «На литпосту»? За кого же вы принимаете ЦК? Может быть, в самом деле поставить вопрос на рассмотрение ЦК? По-дружески советую вам не настаивать на этом: невыгодно, – провалитесь наверняка*».

Но, вглядываясь в биографию Билль-Белоцерковского, мы видим приспособленца, бесконечно переделывавшего свой «Шторм» по пожеланиям власть имеющих. Да и выход из РАППа ничем ему не грозил. Лично к нему Сталин относился хорошо.

Объективно говоря, Билль-Белоцерковский был человеком не без таланта. Но он растерял его, обслуживая властную верхушку.

Даже тряхнул стариной – написал после значительного перерыва пьесу «Цвет кожи» (1948), чтобы внести свой вклад в антиамериканскую кампанию.

Умер 1 марта 1970 года.

* * *

Виталий Яковлевич Виленкин (родился 9 января 1911 года) один из крупнейших наших театроведов, летописец Художественного театра. Будучи заведующим кафедры искусствознания Школы-студии МХАТ, он стал участником осуществления идеи Театра молодого актёра, которые составили воспитанники Школы-студии, и который через некоторое время стал Театром-студией «Современник».

Но для меня Виталий Яковлевич прежде всего автор книги «В сто первом зеркале» – чудесных воспоминаний о встречах с Анной Ахматовой, о её жизни, о разговорах с ней.

10 ЯНВАРЯ

Лев Фёдорович Федотов (родился 10 января 1923 года) стал известен благодаря своим дневникам, которые вёл в школе и позже.

Его отец был профессиональным революционером, и они получили квартиру в знаменитом «доме на набережной», как назвал его живший в нём Юрий Трифонов.

Они и учились вместе – в школе имени Белинского на Софийской набережной.

В 1941-м Лёва кончил 9-й класс, в декабре 1941-го уехал с мамой в эвакуации. В Татарию, и несмотря на сильную близорукость и слабое сердце стал обивать пороги военкомата, просясь на фронт.

В апреле 1943-го его призвали, направили под Тулу, но воевать ему не пришлось. 25 июня 1943 года грузовик, в котором ехал Лёва, попал под бомбёжку. Юноша погиб.

О том, что Лёва вёл дневник, знали многие.

Этот дневник оказался в 1980-м в руках у Трифонова, который списал с Лёвы своего персонажа романа «Дом на набережной» Антона Овчинникова.

В дневнике от 5 июня 1941 года Федотов записал: «*Я, правда, не собираюсь быть пророком, но все эти мысли возникли у меня в связи с международной обстановкой. А связать их, дополнить помогли мне логические рассуждения и догадки. Короче, будущее покажет*».

И будущее показало.

«*Хотя сейчас Германия находится с нами в дружественных отношениях, но я твёрдо уверен, что всё это только видимость. Тем самым она думает усыпить нашу бдительность, чтобы в подходящий момент всадить нам отравленный нож в спину…*

Рассуждая о том, что, рассовав свои войска вблизи нашей границы, Германия не станет долго ждать, я приобрёл уверенность, что лето этого года у нас в стране будет неспокойным. Я думаю, что война начнется или во второй половине этого месяца, или в начале июля, но не позже, ибо Германия будет стремиться окончить войну до морозов. Я лично твердо убеждён, что это будет последний наглый шаг германских деспотов, так как до зимы они нас не победят. Победа победой, но вот то, что мы сможем потерять в первую половину войны много территории, это возможно.

Честно фашисты никогда не поступят. Они наверняка не будут объявлять нам войну. А нападут внезапно и неожиданно,

чтобы путём внезапного вторжения захватить побольше наших земель. Как ни тяжело, но мы оставим немцам такие центры, как Житомир, Винница, Псков, Гомель и кое-какие другие. Минск мы, конечно, сдадим, Киев немцы тоже могут захватить, но с непомерно большими трудностями…

О судьбах Ленинграда, Новгорода, Калинина, Смоленска, Брянска, Кривого Рога, Николаева и Одессы я боюсь рассуждать. Правда, немцы настолько сильны, что не исключена возможность потерь даже этих городов, за исключением только Ленинграда. То, что Ленинград немцам не видать, в этом я твёрдо уверен. Если же враг займёт и его, то это будет лишь тогда, когда падёт последний ленинградец. До тех пор, пока ленинградцы на ногах, город Ленина будет наш!

…За Одессу, как за крупный порт, мы должны, по-моему, бороться интенсивнее, даже чем за Киев.

И я думаю, одесские моряки достойно всыпят германцам за вторжение в область их города. Если же мы и сдадим по вынуждению Одессу, то гораздо позже Киева, так как Одессе сильно поможет море. Понятно, что немцы будут мечтать об окружении Москвы и Ленинграда, но я думаю, что они с этим не справятся.

Окружить Ленинград, но не взять его фашисты ещё могут. Окружить же Москву они не смогут в области времени, ибо не успеют замкнуть кольцо к зиме. Зимой же для них районы Москвы и дальше будут просто могилой…» (запись от 5 июня 1941).

«Вчера из газет я узнал оригинальную новость: в Германии уже бывали случаи, когда высшие охранные политические органы фашистов, то есть известные всем по своей жестокости и отборной кровожадности члены «СС», проводили аресты в штурмовых отрядах. Дело в том, что мировое мнение полно слухами о разногласиях фашистской партии насчёт войны с Россией, считая её безумным шагом, а известно, что штурмовики – это младшие братья по должности самих членов «СС» и так же, как и последние, состоят из отборных фашистских элементов. Таким образом, аресты штурмовиков говорят о непрочности и шаткости фашистской клики.

Я думаю, что, когда фашисты будут задыхаться в борьбе с нами, дело дойдёт в конце концов и до начальствующего состава армии. Тупоголовые, конечно, ещё будут орать о победе над СССР, но более разумные станут поговаривать об этой войне, как о роковой ошибке Германии.

Я думаю, что в конце концов за продолжение войны останется лишь психопат Гитлер, который ясно не способен сейчас и не способен и в будущем своим ограниченным ефрейторским умом

понять бесперспективность войны с Советским Союзом; с ним, очевидно, будет Гиммлер, потопивший разум в крови народов Германии и всех порабощённых фашистами стран, и мартышка Геббельс, который как полоумный раб будет всё ещё по-холопски горланить в газетах о завоевании России даже тогда, когда наши войска, предположим, будут штурмовать уже Берлин.

Сегодня сводка с фронта была неплохая: было ясно, что немцы, кажется, остановились; но в их дальнейшем продвижении я не сомневаюсь. Они могут укрепиться на достигнутых позициях и перейти вновь к наступлению. От своих рассуждений, которые я излагал в дневнике 5 июня – в начале этого лета, – я ещё не собираюсь отрекаться» (запись от 11 июля 1941)

«*Сегодня мы снова собрались после уроков в комсомольской комнатушке, и, пока я делал заголовок II номера газеты, Сухарева написала краткий текст I. Возились мы часов до пяти. Азаров что-то священнодействовал у стола, а Борька бездельничал и воодушевлял нас стихами.*

– Мы здесь такую волынку накрутили, – сказал я, рассматривая 1-ю газету, – что с таким же успехом могли бы обещать ребятам организованного нами полёта на Марс к Новому году!

– Вот-вот! Именно! – согласился Азаров, – ты прав! Мы именно «накрутили»!

– А чем плохая мысль? – сказал Борька, – если бы осталось место, мы могли бы и об этом написать…

– …Только потом добавить, – продолжал я, – что ввиду отсутствия эстакад и гремучего пороха этот полёт отменяется и ожидается в 1969 году в Америке!» (а эта запись – самая ранняя – от 27 декабря 1940 года).

О юноше-пророке было снято несколько телевизионных передач.

Конечно, прорицания Лёвы удивительны. Но удивительны нам сейчас. А в то время вряд ли Федотов был единственным, кто думал подобным образом. Ведь и Лёва поддавался Советской пропаганде:

«*Многочисленные враги нашей страны, понимая нашу справедливость, но боящиеся высказать это вслух и бесящиеся от своего ничтожества и от правды, которую несёт Советский Союз, яростно бьются в клеветнических ударах. Они понимают политику СССР, но боятся её, так как они являются врагами коммунизма, так разве они останутся в покое в такие времена? Нет! Они стараются оклеветать, опозорить честь СССР. Не зная, что сказать, они выдумывают глупейшие аргументы против нашей страны, лишь бы показать ей свою ненависть. Они ещё выдумали,*

что СССР якобы только того и ждёт, чтобы Финляндия напала на него, тогда он под этим предлогом захватит и присоединит её к себе […]

Польша была присоединена к нам только из-за того, что она была вообще покинута своим правительством, и мы не хотели, чтобы её кровные народы погибли под сапогами алчных капиталистов: да и то ведь зап. Украина и зап. Белоруссия были к нам присоединены не по нашей воле, а по воле их жителей. Вот и сейчас СССР не хочет присоединять Финляндию к себе, а хочет только проучить её правителей за угрозу: освободить финнов от ига поработителей, дать свободу им, а потом отозвать свои войска, чтобы народ Финляндии по своему усмотрению устраивал там, какой ему будет угодно строй».

Даже не верится, что это написал умный Лёва Федотов. Но в его «Дневнике советского школьника» мы встретим немало сочувственных повторений клише советских пропагандистов. Так что вместе с истиной он исторгал из себя ложь, которую тоже считал истиной. Поэтому его «Дневник» следует читать, отделяя зёрна от плевел и восхищаясь тем, что удалось отделить.

* * *

С Вольфгангом Казаком мне повезло. Я пришёл работать в газету «Литература» (Издательский дом «Первое сентября») и через некоторое время взял на работу Сергея Дмитренко. Выяснилось, что Серёжа не просто знаком с Казаком, но дружит с ним, выполняет все его поручения (а в этом смысле Казак не церемонился). Ездил по приглашению Казака и ждёт его в Москву.

Он познакомил меня с Казаком, который оказался удивительно интеллигентным и очень обязательным человеком.

Прежде всего, уезжая, он вёз большую подшивку нашей газеты, которую мы ему собрали, и он через некоторое время прислал нам большую рецензию, которую опубликовал в университетском немецком издании.

Я заказывал ему статьи. И никогда не разочаровывался, получая их. Во-первых, он очень хорошо писал по-русски. А во-вторых, он очень хорошо ощущал нашу аудиторию, которой поэтому его статьи были интересны.

Я ведь слышал о нём ещё задолго до прихода в «Литературу». В тамиздате выходил «Лексикон русской литературы XX века», который, естественно, нельзя было напечатать при советах, поскольку Казак не пропускал ни одного эмигранта, ни одного

диссидента, занимавшихся литературой.

Судьба его была непростой. В восемнадцать лет он оказался на Восточном фронте и почти тут же попал к нам в плен. А из плена, естественно, в наш лагерь. Казак с благодарностью отзывался о каком-то особисте, который его пожалел. Пожалел, когда Казак, говоря на лагерном языке, стал доходить. То есть, слабнуть на почве голода и тяжёлых работ. Вот от этого его и спас особист. Казак выучился языку и, вернувшись из плена, поступил на кафедру славистики.

Потом его послали в Москву, в посольство ФРГ, работать синхронным переводчиком. Так Казак познакомился с многими сильными мира сего.

Любопытно, что из его отца, писателя Германа Казака, наши хотели сделать председателя союза писателей Восточной Германии. Но Герман из Западного Берлина сумел выехать вместе с семьёй в Западную Германию. И пришлось советской администрации на вакантное место брать поэта Иоганесса Бехера.

А Герман Казак был избран президентом немецкой Академии языка и литературы.

Вольфганг Казак после синхронного перевода в посольстве сменил работу: стал преподавать. И дошёл до должности заведующего кафедры славянской филологии и директора института славистики Кёльнского университета.

В этом университете он провёл научную конференцию-презентацию нашей газеты.

Казак был человеком с большими связями. Фонд, в который он обратился, согласился оплатить нам с Дмитренко месячное путешествие по Германии. Поездка была сказочной. Именно тогда Германия мне понравилась больше любой другой зарубежной страны.

«Лексикон» Казака был издан у нас после перестройки, пополнив семью словарей, обязательных для тех, кто занимается русским литературоведением.

Мы часто переписывались с Казаком по электронной почте.

Поэтому смерть его 10 января 2003 года (родился 20 января 1927) оказалась полной неожиданностью. Он не болел, был женат на женщине-преподавательнице йоги, сам занимался йогой. И вдруг известие о смерти!

Вечный мир и покой замечательному человеку!

11 ЯНВАРЯ

Коля Самохин, специальный корреспондент нашей Литературной газеты по Сибири. Я был у него в Новосибирске, и мы с тех пор крепко подружились.

Он часто бывал в Москве. Привозил и дарил свои книжки, вышедшие в Новосибирске. Это были юмористические или сатирические книги. Он, кстати, был довольно частым гостем на нашей шестнадцатой «литературкиной» полосе.

Вообще был хорошим, весёлым парнем.

Но вот он приехал в командировку в Москву и звонит мне из гостиницы «Урал». Она тогда располагалась недалеко от Кузнецкого Моста. Еду к нему. И вижу совершенно другого Самохина. Я ещё ни разу не видел его пьяным. Сейчас он как-то тяжело пьян.

– Застрял, – говорит он мне. – Нечем платить за гостиницу.

Даю ему денег. Спускаемся вместе к окошку администратора. Коля платит. «Нет, – слышу, – я ещё не съезжаю. Вернусь!».

Останавливаем такси. Едем в газету. Коля отмечает командировку. Его видят. Его любят. Его окружают сотрудники.

Мои потайные знаки не приглашать его выпить встречают с недоумением. Наоборот. У кого-то есть. У кого-то пьют. Коля сидит в одном кабинете. Пересел в другой. Отправился в стекляшку. Я с ним – не бросать же мне его на полпути. Пьяного привожу в гостиницу.

Утром телефон не отвечает. Еду к нему. Не могу ли я дать ему денег на билет на самолёт? Хорошо, говорю, я достану денег. Поехали в газету.

Он улетел. И через неделю от него пришёл перевод. Долг вернул.

Но мне не даёт покоя видение странного изменившегося Колю. Словно его подменили.

Вдруг узнаю, что он опять в Москве. Точнее, в Московской области. Живёт у кого-то в Голицыне. Он не звонит. Куда звонить ему, я не знаю. В отделе корсети сказали, что он отметил новую командировку и сказал, что на день-два съездит в Голицыно к знакомым.

Прошла неделя. Коля не появляется.

И вдруг газету облетает новость: Коля Самохин повесился в лесу. Было опознание. В Москву вылетает жена.

Но и она ничего не прояснила. Что случилось с Колей? С этим весёлым, жизнерадостным, неунывающим человеком? Автором многих юмористических книг?

Коля покончил с собой 11 января 1989 года. Все вспоминали, как отмечал он в Москве своё пятидесятилетие (он родился 1 августа 1934 года). Каким весёлым и беспечным он тогда казался. Что же с ним произошло за эти пять лет?

* * *

Очень жаль книги «Эстетическая природа течений в зарубежном искусстве», которая была набрана, свёрстана в издательстве «Искусство» в 1964 году, и речь шла о печатании тиража. Но всё было уничтожено. Почти та же судьба и у статьи об исторических взаимосвязях ремесла, искусства и дизайна. Она вошла в сборник научных трудов ВНИИТЭ (Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики) «Техническая эстетика». Весь тираж пошёл под нож, а потом напечатан без этой статьи.

И автором уничтоженной книги, и автором уничтоженной статьи был Игорь Наумович Голомшток (родился 11 января 1929 года).

Он с самого начала зарекомендовал себя блистательным искусствоведом. Вместе с Андреем Синявским выпустил книгу «Пикассо» в 1960 году – первую книгу об этом художнике в России. Вместе с Б. Виппером – «Искусство Западной Европы» (1964). Под псевдонимом Г. Фомин и уже после отъезда в эмиграцию в издательстве «Искусство» в 1974 году вышла книга «Иероним Босх».

Летом 1964 года по приглашению Виктора Никитовича Лазарева читал курс лекций по современному западному искусству на искусствоведческом отделении МГУ.

Чем он не угодил совдепии понятно из того, что одним из его соавторов был Андрей Донатович Синявский. Он дружил с ним и с его женой Марией Розановой, художниками Борисом Свешниковым и Борисом Биргером. Помимо этого в самиздате ходил роман А. Кёстлера «Мрак в полдень», переведённый Голомштоком.

В 1965 привлекался к суду во время процесса по делу Синявского и Даниэля «за отказ от дачи показаний». Его приговорили к шести месяцам принудительных работ, что фактически означало: крупный денежный штраф.

Ясно, что после всего этого стал добиваться выезда в эмиграцию. В 1972 году уехал в Великобританию. Работал на Русской Службе Би-Би-Си. Был ответственным секретарём журнала «Континент». Работал в «Синтаксисе». Издал на Западе

книгу «Тоталитарное искусство». А в журнале «Знамя», 2011, № 2–4 напечатал мемуарные «Записки старого пессимиста». В 2014 году издательство «АСТ» выпустило его воспоминания под названием ««Занятие для старого городового»: Мемуары пессимиста».

* * *

Михаил Дмитриевич Соколов (родился 11 января 1904 года) написал немного. Тем не менее его роман «Искры» (ч.1–2) отмечен в 1951 году сталинской премией 2 степени. Части 3 и 4 этого романа он написал в 1967–1968 году, когда уже ни о какой сталинской премии не могло быть речи. Но другой ему не дали.

Позже он написал ещё роман «Грозное лето» о событиях 1914 года.

А до этого написал до войны две повести и три очерка.

Но писать ему по большому счёту было некогда.

В 1922 году окончил Коммунистический университет имени Свердлова. До 1928-го был на руководящей партийной, советской и хозяйственной работе. В 1928–1931 учился в Ростовском инженерно-экономическом институте. В 1931–1943 занимался руководящей работой на заводах. В 1943–1945 работал главным редактором Росиздата. С 1950-го – ответственный секретарь Ростовского отделения Союза писателей СССР, а в 1957–1975 был ещё и главным редактором журнала «Дон».

Умер тем не менее не слишком заметно. Настолько, что Сеть не сохранила ни дня, ни месяца его смерти. Умер в 1992 году.

12 ЯНВАРЯ

С Львом Александровичем Кривенко, меня познакомил Борис Балтер, который очень рекомендовал его печатать. «Это – настоящее», – говорил он о его рассказах. Так же, как и Балтер, Кривенко был автором калужского альманаха «Тарусские страницы» – своеобразного «Метрополя» тех лет, потому что подвергся не меньшему, чем в будущем «Метрополь», официальному остракизму. Сразу же после критики «Тарусских страниц» воронежский «Подъём» выломал из макета номера и вернул Лёве его «Фурье». Не спасло рассказ предисловие учителя Кривенко (и Балтера, и многих других, с которыми я познакомился и подружился именно в доме Кривенко) Константина Георгиевича Паустовского.

С этим предисловием и мы в «Семье и школе» заслали рассказ Льва Кривенко в набор. Но, увы. Пропустивший определённое количество радовавших нас материалов, цензор проснулся после злобной реплики «Красной звезды» по поводу опубликованного в «Семье и школе» стихотворения. О публикации засланных в набор материалов нечего было и думать. Но оплатить материалы, как не пошедшие не по вине авторов, было можно. В этом случае автору полагалось 50 % от гонорара, который он получил бы за напечатанный материал. И ответственный секретарь «Семьи и школы» Пётр Ильич Гелазония никого из тех, чьи материалы мы послали в набор, не обидел. В том числе и Лёву, любимого ученика Паустовского.

Но из всех учеников Паустовского был Кривенко человеком, пожалуй, самой несчастной творческой судьбы. Фронтовик, командир взвода автоматчиков, тяжело раненый и демобилизованный в 43-м по инвалидности, он рассказывал мне о том, как его ранило:

– Практически все успели перебраться через шоссе на другую сторону леса, оставались мы, изготовились, и вдруг заработал пулемёт. Да не пулемёт, а пулемёты. Шоссе под огневым ливнем. Пули рикошетят. Вжались в землю, лежим. Час, два, а пулемёты не смолкают. Я говорю ребятам: «И так и так плохо! Но лучше, наверное, перебежать – отделаешься пулей в заднице. А так сильно отстанем от своих – верная смерть. Или плен. Рванём», – говорю я взводу. Рванули. Меня сразу ожгло. Но быстро, быстро на другую сторону. Бежим. Полчаса несёмся как угорелые. Всё! Вот они – наши. Падаю. Голова гудит. «Все живы?» – спрашиваю. А ответа не слышу. Очнулся в полевом госпитале.

– И сколько, – спрашиваю, – выжило?

– Все! – гордо отвечает Лёва. – И ранены все. Каждый свою пулю получил. Но я, видишь как неудачно!

Пуля раздробила Лёве локтевой сустав, отчего его левая рука никогда не разгибается. Ею, согнутой в локте, он жестикулирует, когда рассказывает. Как будто рубит перед собой воздух.

Лёва описал злоключения своего взвода в повести, которая очень горячо была принята на семинаре Паустовского. Защищённая как диплом в Литинституте, она получила высшую оценку и дала возможность её автору продолжать учёбу в аспирантуре. А вот с её публикацией дело обстояло не так здорово. Московские и ленинградские журналы печатать её не решились: слишком не похоже было толкование фронтовых событий в этой повести на то, к чему стали приучать послевоенного читателя. (Вспомним, что даже получившая сперва сталинскую премию «Молодая гвардия» через короткое время была признана порочной, и её автору было предложено ввести в повествование якобы действующее в подполье партийное руководство молодёжной организацией, что Фадеев и сделал, хотя знал, что райком партии позорно бежал, когда немцы подошли к Краснодону.) Паустовский не унимался и продолжал предлагать Лёвину повесть любому объявляющему о себе областному альманаху. В результате из одного из них повесть отправилась в агитпроп ЦК, где её внимательно прочитали и добились по ней некоего закрытого постановления, пресекающего любые Лёвины попытки напечататься. Не имея ни одной публикации, Кривенко попал в чёрный список тех, кто их никогда иметь не будет.

Ничто не вечно под луною! Хрущёвская оттепель сняла табу с Лёвиного имени, и «Тарусские страницы», как я уже сказал, рассказ Кривенко напечатали. Однако эта публикация повлекла за собой новое табу. Сразу же после выхода «Тарусских страниц» по альманаху был нанесён из многих идеологических орудий мощный залп, и 75 тысяч экземпляров, заявленные в выходных данных, на самом деле не поступили в продажу: половина тиража, оставшаяся на складе издательства, была немедленно уничтожена по верховному приказу из Москвы.

Я подарил Лёве гранки нашего набора, и он подколол их к набору воронежского «Подъёма». «Тираж – 2 экземпляра», – невесело констатировал он.

Было в нём, однако, какое-то удивительное жизнелюбие, привлекавшее к нему многих. Я любил бывать у него на улице Чаплыгина в доме, где прежде находилось общество бывших политкаторжан и его издательство, выпускавшее документальные свидетельства очевидцев разного рода революционных событий. В

этом же доме бывшие политкаторжане и жили. Отсюда их увезли на «воронках» славные наши чекисты после того, как общество было разогнано, а издательство закрыто. Надо ли говорить, что с советской каторги или из советских застенков большинство бывших политкаторжан не вернулось? Среди них – Александр Кривенков, отец Лёвы (почему потерялась в их фамилии «в», Лёва не знал). Семью после ареста отца уплотнили, подселили соседей.

В комнате, которую занимали Лёва с женой Еленой Савельевной (Лёлей), вечно было шумно, накурено, но чисто. Чистюля Лёля, работавшая в ведомственном журнале, весь день пропадала там, а в это время у Лёвы собиралась разношёрстная компания. Лёва курил свои папиросы и сигареты гостей, часто очень артистично читал собственные рассказы («сырой ещё, – предупреждал он, надевая очки, – ночью закончил»), иногда играл в шахматы – особенно азартно с Юрием Трифоновым (оба считали себя сильными шахматистами, впрочем, оба неизменно проигрывали Балтеру!) и, наконец, угощал друзей великим множеством баек, особенно фронтовых. Вечером возвращалась Лёля, компания уходила. Иногда – вместе с хозяином, чтобы расположиться во дворе на скамейках вокруг стола, слегка выпивать и слушать Лёвины очень живописные байки.

Уже после Хрущёва в той же Калуге стараниями Лёвиных друзей была издана первая небольшая книжка его рассказов «Голубая лодка». Через какое-то время Лёву приняли в Союз писателей. Но печатали всё так же неохотно. Толстую же свою книгу, которая вышла в «Советском писателе» и даёт более-менее неискажённое представление о его творчестве, он так и не увидел. Лёва умер рано, 12 января 1978 года, от рака. (Он родился 4 ноября 1920 года). Книгу потом уже собрала и издала Лёля: к мёртвому писателю советская власть всегда относилась лучше, чем к живому. Может, потому ещё, что в этом случае редактор получал значительно больше воли: что-то вычёркивал, что-то заменял, а родственники умершего, как правило, вели себя куда более покладисто, чем живой автор.

* * *

Известный востоковед Игорь Михайлович Дьяконов (родился 12 января 1915 года) известен ещё и своими скандалами с коллегами.

Во-первых, его юность пришлась на годы сталинских репрессий. А это значит, что студентов (и Дьяконова в том числе) вызывали в НКВД для дачи показаний на уже арестованных.

Так из двух ассирологов, учившихся вместе с Дьяконовым, уцелел только Лев Александрович Липин. Другой Николай Ерехович был арестован и погиб в заключении. По его делу вызывали Дьяконова и Липина, которые впоследствии упрекнут друг друга в причастности к аресту и гибели товарища.

Во-вторых, научная работа Дьяконова, связанная с шумерским языком, поссорила его с академиком Василием Васильевичем Струве, в то время самым известным специалистом по шумерологии в СССР, директором Института востоковедения АН СССР.

Сперва Дьяконов выступил с несколькими статьями, пересматривающими хозяйственную систему Шумера, давно уже предложенную Струве. Струве ответил, что Дьяконов базирует свои утверждения на ошибочной трактовке некоторых шумерских слов.

В конце пятидесятых полемика между академиком и кандидатом филологических наук Дьяконовым разгорелась с новой силой. Дьяконов критиковал ранние переводы Струве.

В 1959 году Дьяконов пытался защитить докторскую диссертацию по своей книге «Общественный и государственный строй древнего Двуречья: Шумер» (автореферат её вышел ещё в 1957 г.), выбрав в качестве оппонента именно Струве. Но тот выступил с таким количеством поправок, которые Дьяконов не принял и отказался слушать. Защитить докторскую Дьяконову помог Гафуров, бывший первый секретарь ЦК компартии Таджикистана, назначенный директором Института востоковедения АН СССР.

Надо сказать, что Гафуров помог Дьяконову восстановить истину. Игорь Михайлович – действительно один из крупнейших наших востоковедов. Шумеролог, ассириолог, иранист – в каждой из этих дисциплин он сказал новое слово. Он содействовал дешифровке древней письменности и переводу её на русский язык. Он – оригинальный историк, утверждающий, что в древности рабовладельческой формации нигде и никогда не существовало. Он перевёл Эпос о Гильгамеше для серии «Литературные памятники».

Кстати, по этому поводу Дьяконову пришлось пережить ещё один скандал. Его стали обвинять чуть ли не в плагиате отдельных кусков, якобы уже переведённых В.К. Шилейко. Скандал утих, когда в архиве семьи Шилейко нашли письмо вдовы И.М. Дьяконову. Она пишет: «В Вашем письме Вы спрашиваете, не сохранилось ли в бумагах Владимира Казимировича переводов других текстов Гильгамеша (помимо VI таблицы). К сожалению, нет, хотя Владимиром Казимировичем

были переведены все части Гильгамеша полностью, и им об этом эпосе было подготовлено большое исследование. Но по воле рока все материалы по этой его работе пропали на его ленинградской квартире во время пребывания в Москве. Пропажа эта была тяжёлым ударом моему покойному мужу, хотя он и имел обыкновение говорить, что горевать не о чем, так как то, что не удалось завершить ему, всё равно сделают другие. И он, наверно, порадовался бы, найдя в Вашем лице себе продолжателя».

Дьяконов не был избран в Академию наук СССР, хотя состоял академиком Британской Академии наук, почётным членом Американского востоковедного общества, Королевского Азиатского общества Великобритании, Азиатского общества Франции, Американской Академии искусств.

Умер Игорь Михайлович 2 мая 1999 года.

* * *

Аркадий Миронович Минчковский (родился 12 января 1916 года) автор повести о Великой Отечественной («Мы ещё встретимся»), которую он писал на фронте по ходу событий 1942–1945 годов, находясь внутри темы среди героев.

В 1967 году вышла его повесть «Странные взрослые» об отношении детей и подростков к поступкам взрослых. В 1970-м вышли ещё две повести «Дождь летней ночью» и «Третий лишний».

Минчковский писал и для детей. Он обладал мягким юмором, в который раскрашены детские рассказы и повести.

Фильм «Гущак из Рио-де-Жанейро» (1960), поставленный режиссёром Александром Штаденом, не кажется мне удачным: мешает слащавость сюжета.

Фильм «Странные взрослые» (1974) поставила режиссёр Аян Шахмалиева. Он получил Гран-при «Злата Прага» на 12 международном кинофестивале в Чехословакии.

А режиссёр Леонид Макарычев поставил неплохой детский детектив «Таинственный старик» (1980) по сценарию, написанному Минчковским.

Умер Аркадий Миронович в 1982 году.

* * *

Вадим Сергеевич Шефнер (родился 12 января 1914 года), кажется, владел одинаковым даром писать и прозу и поэзию.

Причём и то, и другое писал хорошо.

Ну, разве не прелестен этот кусочек из автобиографической прозы. Время – конец Первой Мировой войны:

«*Помню, дома на подоконнике долго лежала железная стрела, короткая и тяжёлая, – её привёз кто-то с фронта; такие стрелы в самом начале войны немецкие авиаторы вручную сбрасывали со своих самолетов, бомб ещё не было. Тупым концом этой стрелы я колол косточки от компота. Позже, когда стало голодно, мать увезла меня в деревню к няне, в Тверскую губернию. Место было глухое; помню, зимой няня держала собаку в сенях, а меня и днём не выпускали на улицу одного: волки забегали в деревушку средь бела дня. Керосину не было, по вечерам жгли лучину – помню это не только «умственно», но и чисто зрительно. Лучину вставляли в каганец – довольно конструктивный прибор из кованого железа; огарки падали в корытце с водой. Теперь, в век атома, странно сознавать, что я видел это своими глазами, что это было именно в моей, а не чьей-то другой жизни. Так обыкновенный письменный стол, за которым пишу эти строки, превращается в машину времени. Жизнь фантастична и странна*».

Читаю и думаю. А если я начну вспоминать моё детство, совпавшее с началом Отечественной. Так, наверное, и будут читать мои мемуары, как я читаю шефнеровские. Я ведь и не знал, что авиаторы бомбили объекты тяжёлыми металлическими стрелами!

Вадима Сергеевича я знал лично. Был убеждён, что он из интеллигентной семьи. Оказалось, что да, из дворянской. Но отец умер рано, и Шефнер сделался беспризорником.

У него есть об этом где-то в прозе.

Это был неунывающий человек. Очень любил свой город. Да у него и почти во всех стихах, рассказах, повестях дело разворачивается в Ленинграде.

Кстати, удивительная вещь произошла с его библиотекой после его смерти 5 января 2002 года. То есть в 2002-м он умер. А в 2010-м у мусорных контейнеров в Петроградском районе обнаружили несколько мешков с книгами, которые дарили Шефнеру. Не только такие книги были в мешках, были и другие без дарственных надписей. Но чьи они – сомнений не оставляло.

Оказалось, что родственники затеяли ремонт. В мешках было немало строительного мусора. И были мешки с книгами. Рабочие не разбирали: уходя, захватывали мешки и несли на помойку.

Слава Богу, что многое из библиотеки этого чудесного человека удалось спасти.

Он прожил долго – 86 лет. Написал много. В том числе немало «сказок для умных», как определял Шефнер свою

фантастику. Написал автобиографические записки «Приобщение к профессии».

А стихи его почти всегда исповедальны и нелицеприяны. По отношению к самому себе:

Над собой умей смеяться
В грохоте и в тишине,
Без друзей и декораций,
Сам с собой наедине.
Не над кем-то, не над чем-то,
Не над чьей-нибудь судьбой,
Не над глупой кинолентой —
Смейся над самим собой.
Среди сутолоки модной
И в походе боевом,
На корме идущей ко дну
Шлюпки в море штормовом —
Смейся, презирая беды, —
То ли будет впереди!
Не царя – шута в себе ты
Над собою учреди.
И в одном лишь будь уверен:
Ты ничуть не хуже всех.
Если сам собой осмеян,
То ничей не страшен смех.

* * *

Приёмным сыном Сергея Александровича Семёнова был превосходный поэт Глеб Семёнов, чью школу прошли многие ленинградские поэты, родившиеся в конце тридцатых-начале сороковых. Сергей же Александрович особенно прославился своим романом-дневником «Голод» (1922), воссоздав трагическую картину гибели от голода семьи старого рабочего во время Гражданской войны.

Не совпадение ли названий с романом Гамсуна подсказало Горькому в письме Роллану так характеризовать писателя: «*Сергей Семенов, рабочий, очень оригинальный талант, несколько зависимый от Кнута Гамсуна, – хорошая зависимость, на мой взгляд!*» Дело в том, что ничего общего у Семёнова и Гамсуна мы не найдём: совершенно разные стилевые манеры.

Другой роман «Наталья Тарпова» Семёнов печатал по частям.

И, как отмечала тогдашняя «Литературная энциклопедия», ещё незаконченный роман вызвал большие споры.

«*Коммунистка, председатель фабзавкома Тарпова ищет новых форм семьи,* – передаёт «Литературная энциклопедия» сюжет незавершённого романа. – *Стремясь к самостоятельности, она делается сторонницей теории и практики свободной любви, снятия запретов. От неизбежного опустошения спасает её связь с коллективом рабочих, партийная жизнь. Сталкиваясь с Габрухом, не верящим в победу социализма, надеющимся на перерождение диктатуры, Тарпова острее осознаёт необходимость выработать серьёзные принципы личного поведения*».

Вообще-то героиня не «сталкивается», а влюбляется, любит Габруху, классово ей чуждого инженера.

Семёнов рисовал Наталью Тарпову с актрисы Натальи Болотовой, ставшей его женой. Как показал законченный роман, любовь героини к инженеру Габруху отмечена подлинным драматизмом.

Сергей Александрович ездил писать роман в Пушкинские горы. В 1935–1936 году был директором Пушкинского заповедника.

В первые же дни войны вступил в народное ополчение. Командовал писательским взводом ополченцев. В конце 1942 года, направляясь в редакцию газеты «Решающий бой» по Дороге жизни на Ладоге, Семёнов заболел крупозным воспалением лёгких. 12 января 1942 года скончался от этой болезни. Родился 19 октября 1893 года.

13 ЯНВАРЯ

Собственно лучше всех о Лилианне Зиновьевне Лунгиной рассказала она сама в пятнадцатисерийном фильме «Подстрочник», который сделан на основе воспоминаний Лунгиной режиссёром Олегом Дорманом и оператором Вадимом Юсовым.

Фильм появился на телевидении в 2009 году, пролежав на полке из-за позиции руководства центральных каналов ТВ 11 лет. Когда в 2010 году фильм был удостоен премии ТЭФИ-2010, Дорман не приехал получать приз, а его представитель зачитал текст: «Среди членов Академии, её жюри, учредителей и так далее – люди, из-за которых наш фильм одиннадцать лет не мог попасть к зрителям. Люди, которые презирают публику и которые сделали телевидение главным фактором нравственной и общественной катастрофы, произошедшей за десять последних лет».

Я помню Бориса Грибанова, который заведовал в Детгизе зарубежной редакцией. Он учился вместе с Лилианной Зиновьевной. Та в совершенстве знала (преподавала) французский и немецкий языки. Знала и шведский.

Грибанов сказал ей, что получить для перевода французскую или немецкую книгу – пустой номер. Как рассказывает сама Лунгина, он сказал ей, что ему не разрешают давать переводить с этих языков евреям. Узнав, что она знает ещё и шведский, он посоветовал ей почитать шведскую литературу: вдруг что-нибудь найдётся для Детгиза.

Нашлось не «что-то», а «Малыш и Карлсон, который живёт на крыше» Астрид Линдгрен. «*Я сразу почувствовала*, – вспоминает Лунгина. – *что перевести такую книжку – это счастье*».

Первое издание на русском «Малыша» вышло в 1967 году. Успех был бешеным, тиражи требовались огромные.

Лунгина потом перевела немало книг: Шиллера, Гамсуна, Гауптмана, Фриша, Бёлля, Ибсена, Мориака, Виана, Кюртиса. Перевела пьесы Стриндберга и философские сказки XVIII века.

Но «Малыш и Карлсон» остались, как первая любовь, как навсегда незабываемое.

В конце семидесятых – начале восьмидесятых Лунгина вела в Союзе писателей семинар молодых переводчиков. Первым результатом работы был перевод новелл Бориса Виана. В сборник, который издали, вошёл роман «Пена дней» в переводе руководительницы и новеллы в переводе участников семинара.

Надо сказать, что состав семинара был сильным. В разное

время семинар посещали Мария Иосифовна Канн (в её переводе вы читали «Крёстного отца» М. Пьезо), Наталья Самойловна Мавлевич (Франсуа Эмманюэль «Человеческий фактор», Марк Шагал «Моя жизнь»), Ирина Яковлевна Волевич (Франсуаза Саган «Рыбья кровь», Фредерик Бегбедер «99 франков»).

1990-м Лунгина по-французски написала книгу «Московские сезоны», показывающую французам Россию советских времён. В книге представлены многие советские реалии, рассказывается о писателях, деятелях культуры и науки, с которыми Лунгина была знакома, повествуется о жизни автора, который представляет даже свою домработницу Мотю. За эту книгу Лунгина получила премию журнала ELLE (в переводе с французского – ОНА).

Биография у Лунгиной необычна. Так получилось, что детство она провела в Германии, Палестине и Франции. Только в 14 лет вернулась к отцу в СССР. С Давидом Самойловым училась в одном классе. Поддерживала отношения с В. Некрасовым, А. Галичем.

Её дом, как вспоминает Владимир Войнович, был открыт всем хорошим людям. Лилианна Зиновьевна и Симон Львович (муж) Лунгины были люди гостеприимные. Интересные.

Впрочем, никакой пересказ её биографии не заменит «Подстрочника», который стоит посмотреть, стоит потратить на него время. Прекрасный фильм о прекрасном человеке!

Скончалась Лилианна Зиновьевна 13 января 1998 года (родилась 16 июня 1920-го).

* * *

Анну Арнольдовну Антоновскую я помню по книге «Великий Моурави», которую читал школьником. Читал я три книги этого романа. Потом узнал, что она написала ещё три. Причём за первые две она получила сталинскую премию 2-й степени в 1942-м. Третью написала в 1949-м. Четвёртую – в 1953, пятую – в 1957-м, шестую – в 1958-м.

Знаю, что во время войны Михаил Чиаурели поставил фильм «Георгий Саакадзе» по мотивам романа Антоновской, и что там снялась великая Верико Анджапаридзе. Но я этого фильма не видел.

Я не перечитывал этого романа. Мальчиком он мне нравился. Я полюбил Саакадзе. Напряжённо следил за его подвигами.

Больше я ничего у этой писательницы, родившейся 13 января 1886 года (умерла 21 октября 1967-го), не читал. Хотя писала она и пьесы, и киносценарии, и даже ещё один роман – об

интервенции в Грузии «Ангелы мира» (1945–1946).

14 ЯНВАРЯ

Ну что? Я, наверное, как все дети моего возраста в моё время, любил книгу Анатолия Наумовича Рыбакова (родился 14 января 1911) «Кортик». Его продолжение – книга «Бронзовая птица» тогда ещё не вышла, а когда вышла, она мне не очень понравилась (возможно, я её тогда уже перерос).

Потом я больше знал книги Рыбакова по названием, нежели читал их. Вся история с Крошем прошла мимо меня. Я читал в детстве ещё роман Рыбакова «Водители», но он мне показался скучным.

По-настоящему захватил меня «Тяжёлый песок». Заставил поверить в талант Рыбакова. Такую книгу, как у него, я ещё не читал.

А «Дети Арбата» – хит перестройки, роман, принёсший Рыбакову всемирную славу, мне не понравился. Именно сталинскими главами, которые и сделали Рыбакова повсеместно известным писателем. Не понравился мне его Сталин, который всё время предугадывает события. Всё происходит так, как он об этом думает.

В жизни даже прорицатели иногда ошибаются, а тут человек, стоящий во главе государства, не ошибается никогда. То есть взгляд писателя на него понятен: Рыбаков не любит Сталина, но признаёт его невероятный ум, неслыханную способность предвидеть события и ими руководить.

Конечно, такой комплексный взгляд отличает Рыбакова от Павленко или от Вирты. Но не очень сильно. И у Рыбакова Сталин – бог. Злой, беспощадный, бесчеловечный, но бог! То есть плюс у Вирты или Павленко сменился на минус.

Знаю, что со мной многие не согласятся. Но я и не ищу союзников. Просто высказываю своё мнение.

А писатель, судя по «Тяжёлому песку», Рыбаков был талантливый. Этого я не оспариваю.

Он умер 23 декабря 1998 года.

* * *

У Юрия Иосифовича Коринца (родился 14 января 1923 года) в 1938 году расстреляли отца.

Коринец был призван в армию в 1941-м. Но его часть была разгромлена. Он пешком пришёл в Москву и, зайдя в квартиру, увидел, как чекисты уводят его мать. Бросившегося ей на помощь

сына немедленно арестовали и отправили в ссылку в Караганду, где он провёл 11 лет. Мать умерла в тюрьме.

Освободившись, Коринец окончил Ташкентское художественное училище. Устроился художником в журнал «Пионер», где позже были напечатаны его стихи. Коринец поступил в Литературный институт, который окончил в 1958 году. А поскольку к этому времени у него было выпущено немало стихотворений и сказок, его приняли в Союз писателей.

В 1965 году он пишет повесть «Там вдали, за рекой», получившую на Всероссийском конкурсе первую премию. В 1967-м вышло продолжение – повесть «В белую ночь у костра».

Кроме детских стихов, которые он писал всю жизнь (умер 23 января 1989-го), он опубликовал для детей роман «Привет от Вернера» (1972), повесть «Володины братья» (1975), детскую фантастическую повесть «Заблудившийся робот» (1984).

На основе повести «Там вдали, за рекой» в 1971 году был поставлен фильм. Надо сказать, что эта повесть, и её продолжение «В белую ночь у костра», и роман «Привет от Вернера» написаны на автобиографическом материале.

Но мы тщетно стали бы искать там следы репрессий, которые выпали на долю Коринца и его родителей. Его книги написаны убеждённым большевиком, уверенным, что его жизнь прошла великолепно – среди героев и прекрасных людей.

Стихи для детей писал неплохие.

Не было печали —
В цирк братишку взяли.
Всем в квартире с этих пор
Страшно выйти в коридор,
Хищники из-за дверей
На людей кидаются:
Это братец мой
В зверей
Перевоплощается.
То, как лев,
На грудь мне вскочит,
То, как филин,
Захохочет.
Вчера большие валенки
Надел в прихожей он
И ногу мне,
Хоть маленький,
А отдавил, как слон.
Легла я вечером в кровать,

А он меня за пятку – хвать
И рычит: – Я тигр! —
Но мне уж не до игр…
Укротители зверей,
Приходите к нам скорей,
Укротите братца,
Чтоб не смел кусаться!

* * *

Зоя Александровна Крахмальникова (родилась 14 января 1929 года) физически была очень красивой женщиной. Она окончила Литинститут. Я её в «Литературной газете» не застал: она уже ушла из редакции, защитила диссертацию по творчеству эстонского писателя Ааду Хинта, работала научным сотрудником института социологии АН СССР.

Но в «Литературную газету» заходила часто. Особенно в отдел литератур народов СССР, где она прежде работала.

А потом в начале семидесятых обратилась в православие и серьёзно отнеслась к религии. Печататься по этим темам в СССР было негде, поэтому она отдавала статьи в самиздат. Печаталась и за рубежом в «Гранях», в «Вестнике РХД».

По благословению иерархов Русской Православной Церкви Зарубежной стала выпускать просветительский машинописный самиздатовский журнал «Надежда». Это был популярный среди христианской молодёжи журнал, где печатались Отцы Церкви, печатался и отец Димитрий Дудко, ещё не сломленный чекистами.

Она составила 10 номеров и в августе 1982 года была арестована. 1 апреля 1983 года приговорена к одному году заключения и пяти годам ссылки, которую отбывала в Горном Алтае. Освобождена в июле 1987 в рамках горбачёвской кампании по освобождению политических заключённых.

Она написала книги «Горькие плоды сладкого плена (1988–1990), «Слушай, тюрьма!» (1985), «Русская идея матери Марии» (1997; о Марии Скобцовой, арестованной немцами за помощь евреям и погибшей в концлагере). Она отказалась от услуг бывшего своего духовника Димитрия Дудко, до самой смерти 17 апреля 2008 года стала прихожанкой Богородичного Центра.

15 ЯНВАРЯ

Фамилия Александра Сергеевича Грибоедова (родился 15 января 1795 года) являет собой перевод польской фамилии Гржибовский. Эту фамилию носил предок Грибоедова поляк, переселившийся в Россию в начале XVII века.

Уже в шесть лет Грибоедов свободно владел тремя иностранными языками. А в юности, помимо английского, французского, немецкого и итальянского, хорошо понимал латынь и древнегреческий.

В Московском университете он сперва окончил словесное отделение. Потом – нравственно-политическое. И наконец – физико-математическое.

Во время Отечественной войны 1812 года был корнетом Московского гусарского полка под руководством П. Салтыкова. Полк этот, когда французы были в Москве, находился в Казани, а при выдавливании наполеоновских войск последовал в Брест-Литовск присоединиться к разбитому драгунскому иркутскому полку, который и принял название иркутского гусарского.

До 1815 года служил корнетом под командованием генерала от кавалерии Андрея Семёновича Кологривова. В очерке «О кавалерийских резервах» (1814) Грибоедов описал деятельность своего начальника.

В 1815 году Грибоедов приезжает в Петербург, где знакомится с Гречем и драматургом Хмельницким.

Летом 1916 года опубликовал статью «О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады «Ленора»» – отзыв на критические замечания Н. Гнедича о балладе Катенина «Ольга»: впервые Грибоедов обозначил свою литературную позицию.

В начале 1817 года стал одним из учредителей масонской ложи «Du Bien». Летом поступил на дипломатическую службу губернским секретарём (с зимы – переводчиком) Коллегии иностранных дел. В это же время знакомится с Пушкиным и Кюхельбекером, пишет совместно с Катениным комедию «Студент», совместно с А.А. Жандром комедию «Притворная нежность» и с А.А. Шаховским и с Н.И. Хмельницким комедию «Своя семья, или Замужняя невеста». Увы, художественной ценности эти вещи не имели.

В 1817 году произошла дуэль, которую спровоцировал Грибоедов. Он привёз в дом своего приятеля графа Завадовского балерину Истомину, где жил с ней два дня. Любовник Истоминой граф Шереметев вызвал Завадовского на дуэль. Она должна была быть «четверной»: то есть сперва стрелялись Шереметев и

Завадовский, а потом секунданты Шереметева (корнет Якубович) и Завадовского (Грибоедов).

Но Шерметев получил смертельную рану, и дуэль Якубовича с Грибоедовым была перенесена на год.

В 1818-м дуэль состоялась в Тифлисе, Якубович отстрелил Грибоедову фалангу пальца левой руки. Именно по этой примете оказалось возможным опознать обезображенный труп Грибоедова, над которым глумились религиозные фанатики, разгромившие посольство России в Тегеране.

С февраля 1822 года Грибоедов секретарь по дипломатической миссии при генерале Ермолове, командовавшем войсками на Кавказе.

В начале 1823 года покидает службу и поселяется в Москве. Но в 1825, призванный снова на службу, приезжает на Кавказ. По дороге в Грузию наведался в Киев, где встречался с Бестужеым-Рюминым, Н. Муравьёвым, Муравьёвым-Апостолом и С. Трубецким.

На Кавказе в январе 1826-го был арестован по подозрению в причастности к делу декабристов, привезён в Петербург, но смог оправдаться. Несмотря на это, Николай приказал установить за Грибоедовым негласный надзор.

В сентябре 1826 года вернулся в Тифлис, участвует в заключении выгодного для России Туркманчайского мирного договора (1828), доставляет его текст в Петербург. Назначен министром-резидентом (послом) в Иран, по пути провёл некоторое время в Тифлисе, женился на дочери великого грузинского поэта княжне Нине Чавчавадзе, с которой провести ему было суждено всего несколько недель.

Прибыв в Персию, Грибоедов поехал в Тегеран представляться главе государства Фетх Али-шаху. Во время этого визита во дворец ворвалась толпа религиозных фанатиков, убивших членов русской миссии. Было это 11 февраля 1829 года.

Комедия «Горе от ума» была закончена Грибоедовым в 1824 году в Тифлисе. В Петербурге он оставил авторизованный список своему другу – Фаддею Булгарину. Её долго не разрешали ни к публикации, ни к постановке в театре. Но когда разрешили, она в короткое время стала классическим русским произведениям, введённым в школьные программы.

Будучи ещё и музыкальным сочинителем Грибоедов оставил несколько фортепианных пьес, из которых наиболее известны два вальса для фортепиано.

О романе Ю.Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» знают все.

Менее известно, что в 1969 году на Ленинградском телевидении режиссёрами Розой Сиротой и Владимиром

Рецептером был поставлен спектакль по этому роману. Главную роль сыграл Владимир Рецептер. В спектакле были заняты актёры Большого Драматического театра.

Однако Госкомитет по радио и телевидению пьесу запретил. Единственно, чего добилась протестующая интеллигенция, – это закрытый просмотр фильма-спектакля в музее Бахрушина в Москве. Несмотря на почти единодушие в восторженном приёме телеспектакля, он так и не появился на экранах.

* * *

Я помню ещё «Тетрадь Володи Лапина», которая вышла в 1961 году.

Владимир Петрович Лапин (родился 15 января 1945 года) рано заявил о своём таланте. Ещё Корней Иванович Чуковский включил его стихи в книгу «От двух до пяти». Его детские стихи ценил также Маршак.

Он и в дальнейшем писал стихи превосходные:

Странно живём: будто и впрямь воскресенье нам суждено,
Будто бы в будущей жизни мы сотворим чудеса, а пока что
Лучше надолго забыться и не смотреть в окно,
Где погибает какая-нибудь букашка.
Льётся и льётся: с неба, с деревьев, с плащей.
Сырость наполнила дом и нюхает наш подстаканник.
У музыканта несчастье – простужена виолончель,
И у поэта несчастье: слово разводит руками.

По-моему, замечательно. Ни на кого не похоже. Похоже только на Володю Лапина, которого после детских его стихов не стали печатать вообще.

То есть, изредка в каких-нибудь коллективных сборниках. Да и там с одним стихотворением.

Правда, два небольших сборника детских стихов «Верхом» (1976), «По калинку» (1980) всё-таки издали. Но жалели об этом. (Третий детский сборник «Гнездо» не в счёт. Это 1987 год: по стране шла перестройка!)

Отчасти это понятно. Володя был человеком редкой честности и редкого гражданского мужества. Он рано примкнул к диссидентскому движению. А это означало, что заработок будет не всегда и в лучшем случае, если за отзыв на чью-либо рукопись в литературных консультациях.

Гораздо чаще не печатать будут, а вызывать по любому поводу. Быть диссидентом – значит иметь дело с госбезопасностью.

Володе повезло: он не был арестован. Его не ссылали и не гноили в тюремных камерах. Но и жить не давали. Кто бы рискнул из советских редакций печатать его стихи? Или его прекрасные исторические работы? Как много он напечатал во времена перестройки. Сколько журналов сразу обратились к нему, зная, что его стихи украсят их страницы.

Умер он неожиданно. 20 января 2005 года упал на улице и скончался. Не сразу поняли, что он мёртв. Поэтому не сразу и позвонили в «скорую».

Владимир Петрович не был верующим человеком. И всё же писал:

Скользко так! Путь уже, в общем-то, пройден,
Что и таили – уже не таим;
Дай-ка мне руку: ещё и побродим
Сколько-то, или ещё постоим.
Присочинялся за долгим верстаньем
Путь наш (и он же хозяин-артист),
Мерян и знаем, но так первозданен —
Хоть начинай-начинайся-родись:
Солнышко вышло б опять по-дикарски;
Всё в нём касается жива-лица,
И не дождёшься конца этой сказки,
И, чтоб не сказка, не хочешь конца,
И исчезать за веками – занудство;
Чудо всегда было действенней прав:
Знаешь? я чувствую: к нам обернутся,
Здесь мы не намертво канем во прах.

* * *

После того, как большевики уничтожили его отца, бывшего царского генерала, ушедшего служить в Народную армию Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (КОМУЧ), Сергею Борисовичу Рудакову вместе с матерью удалось в начале двадцатых годов переехать в Ленинград.

В 1928 году Рудаков поступил на литературное отделение Высших государственных курсов искусствоведения при Институте истории искусств Наркомпроса РСФСР, где читали лекции

Тынянов, Шкловский, Эйхенбаум, Томашевский.

Но в 1930-м курсы закрыли. Рудаков устроился чертёжником. На волне репрессий против лиц дворянского происхождения, последовавших после убийства Кирова, Рудакова выслали в Воронеж, где он жил с марта 1935 по июль 1936-го.

Там он сблизился с О.Э. Мандельштамом. Этому помогло прекрасное знание Рудаковым русской поэзии XVIII–XIX веков. Как выразилась Э.Г. Герштейн, Рудаков зачитывал Мандельштама Сумароковым.

После нескольких встреч Мандельштам предложил Рудакову стать возможным своим биографом и комментатором будущего собрания сочинений. Рудаков стал входить в работу. Записал: «*Обнаружились большие вещи, им начисто забытые. Вещи порой первоклассные*». Эмма Герштейн свидетельствует о Рудакове, «*что по крайней мере 20 блокнотов были им заполнены под диктовку Осипа Мандельштама, дающего «ключ» к своим стихам*».

Мандельштам познакомил Рудакова с Ахматовой.

Дружеские отношения поэтов сохранились, и когда Рудаков вернулся в Ленинград. У него хранились некоторые автографы Мандельштама и часть архива Гумилёва, переданного для работы Рудакову Ахматовой. К сожалению, после гибели Рудакова на фронте (15 января 1944 года; родился 21 октября 1909-го) архив, остававшийся в пустой ленинградской квартире был в большинстве своём утрачен.

После возвращения в Ленинград Рудаков участвовал в работе Пушкинской комиссии Академии наук. Его работа «Новые редакции стихов Катенина» была принята к изданию в VII томе «Временника Пушкинской Комиссии», который не вышел из-за начавшейся войны. Позже уже во время войны Рудаков пишет работу о ритмико-синтаксической структуре «Медного Всадника», горячо одобренную Б.В. Томашевским.

В первые дни Великой Отечественной Рудаков призван в морскую пехоту. Тяжело ранен под Невской Дубровкой в ноябре 1941 года. После длительного лечения признали ограниченно годным, и с лета 1942 года он служит в Москве инструктором Всеобуча.

Попытался помочь своему знакомому-толстовцу оформить отсрочку от призыва. Был за это арестован и по его просьбе направлен в штрафной батальон. «*Физически чувствую себя убийственно,* – написал он Э.Г. Герштейн. – *И, не хуже Лермонтова в его последний проезд через Москву, думаю, что с передовой не вернусь*».

Он не ошибся.

* * *

Юра Варшавер, мой коллега по «Литературной газете», свои материалы печатал под псевдонимом Юрий Щеглов. Я поздно узнал о его смерти 15 января 2006 года (родился 6 декабря 1932-го). Он оказался в Москве после того, как долго жил в Киеве, был женат недолгим браком на поэтессе Юнне Мориц, а потом поступил почему-то в Томский университет на историко-филологический. Оттуда сумел перейти в МГУ и его окончить.

Я не помнил его повести «Когда отец ушёл на фронт», напечатанной в «Новом мире» Твардовского в 1969 году. Он дал мне её почитать. Она мне понравилась.

Он часто приходил ко мне в кабинет. Я тогда начал заниматься Пушкиным. Оказалось, что он тоже занимается этим временем. Брал у меня нужную ему литературу, рекомендовал то, чего у меня не было, что я не читал.

Был он добродушным, даже добрым человеком, умевшим радоваться за другого. Помню, как понравилась ему одна моя заметка в «Литературке», и как он сиял от возможности высказать мне, что она ему понравилась.

Он рассказывал, как сумели они с матерью, сестрой и с подругой сестры буквально бежать из Киева, когда с противоположной стороны в город входили немцы. Эвакуировались в Уфу, потом в Семипалатинск и Ташкент. Помогла с эвакуацией младшая сестра матери, которая тогда была женой Корнейчука.

А вот про мытарства своего отца не говорил. Я не знал даже, что Юра – не Юрий Маркович Варшавер, а Юрий Маркович Гальперин. Фамилию Юра взял материнскую, потому что все Гальперины были уничтожены советской властью.

Белыми они, конечно, не были, но занимали крупные инженерные посты. Каждый был обвинён в контрреволюционной деятельности.

Жаль, что он не успел кончить роман «Украденная жизнь» – он там всё это описал.

А при мне он выбирался из полосы непечатания, которая наступила после того, как его опубликовал Твардовский. В 1976 году у него вышла, наконец, книжка, куда вошли две повести «Когда отец ушёл на фронт» и «Пани Юлишка». В 1978 году вступил в Союз писателей. И написал те две повести о пушкинских временах, детали которого нам приходилось обсуждать: «Святые горы» и «Небесная душа» (обе 1989).

А вообще он писал быстро и напечатал много. Лично я выделил бы его исторический цикл «Непопулярные люди», куда

входят «Сиятельный жандарм» – о Бенкендорфе, «Вельможный кат» о – Малюте Скуратове и «Верноподданный» – о Константине Леонтьеве.

Не читал я его «В окопах Бабьего Яра», который напечатал «Континент» (2002). А литературно-философский роман «Еврейский камень, или Собачья жизнь Эренбурга» (2004) прочёл. Это очень достойная вещь. Вот цитата из романа:

«*Нынешние русские националисты, считающие, что национализм им послан Богом, и мнящие себя интеллектуалами, клянутся: мы, дескать, ничего не имеем против евреев, объясняющихся или пишущих на идише или иврите, посещающих синагогу и занимающихся еврейской проблематикой – в чём бы и как бы она себя, проблематика эта, не выражала, но евреи по происхождению, вмешивающиеся в русский культурный процесс и частично олицетворяющие его – в добавок непропорционально количеству населения – и только на том основании, что имеют соответствующую прописку и говорят на «нашем» языке, вызывают резкий отпор, граничащий с нацизмом и по угрожающему тону напоминающий о нюрнбергских законах. Вот кто для них представляет опасность! Закон крови нельзя преступить! Разве рождённый в России еврей способен выразить русскую душу?! Да не в жисть! Россия неотделима от православия, только православный имеет право называться русским, Россия неотделима от русских, и никто не вправе перешагнуть раз и навсегда проведённую природой и Богом черту: ни атеисты, ни евреи, ни немцы, ни поляки… Россия не Америка, Россия не тигель, где перемешиваются народы! Эренбургу и Гроссману, Маршаку и Слуцкому, Фальку и Неизвестному претят столь наивные формулы. Среди евреев нашлось много настоящих немцев. Рождённые и воспитанные в Германии, они чувствовали себя немцами и долго не могли понять, что, собственно, от них хотят? Урок они получили в Освенциме. Среди евреев оказалась масса французов. Рождённые во Франции, они сражались и умирали за неё. Скажут: почему евреям такая привилегия? Они и немцы, и французы, и русские, и американцы… Пусть националисты угомонятся: евреи не обладают никакими привилегиями. Еврею ощущать по-настоящему своей родиной Россию и одновременно мыслить себя вне России зачастую очень тяжело и мучительно. И русские евреи не обладают никакими привилегиями, насколько я имею возможность судить по собственному опыту*».

16 ЯНВАРЯ

Викентий Викентьевич Вересаев (родился 16 января 1867 года) окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1888) и медицинский факультет Дерптского университета (1894). Отличился и там и там – и в медицине и в литературе.

Правда, в литературе он не так самостоятелен. На его повестях «Без дороги» (1894), «Поветрие» (1897), «На повороте» (1902) лежит налёт некоторой физиологичности, дурной социальности, характерной для тогдашней второстепенной литературы.

Мы знаем, что Викентий Викентьевич является последним лауреатом Пушкинской премии, вручённой ему в 1919 году. Премия дана за произведения вересаевской прозы. И, стало быть, я расхожусь с её оценкой с тогдашними академиками?

Это не совсем так. Я ведь назвал только небольшую часть написанного Вересаевым. А написал он ещё «Два конца»: «Конец Андрея Ивановича» (1899), Конец Александры Михайловны» (1903). «На японской войне» (1906–1907), «К жизни» (1908). Написал немало рассказов.

Да, они разные. Японская его книга вообще хороша. У него особенно хороши те вещи, которые как бы являются автобиографическими.

В этом отношении просто прекрасны «Записки врача» (1900). Это автобиографическая повесть об экспериментах над людьми, о противостоянии творчества бюрократии.

После революции Вересаев вполне ужился с установившимся строем. Правда, он пишет не столько художественные, сколько биографические и научные книги. Самые известные – «Пушкин в жизни» и «Гоголь в жизни» популярны до сих пор, хотя многие оценки жизненных периодов этих писателей можно оспорить. Не во всём можно согласиться с Вересаевым и в книге «Живая жизнь», где сопоставляются Толстой и Достоевский в первой части, а вторая посвящена Ф. Ницше.

Отметим его литературоведческие штудии. Особенно много Вересаев занимался Пушкиным. Но, увы. Здесь он никаких особых открытий не сделал.

В 1943 году ему вручена сталинская премия 1 степени. Сформулирована она довольно туманно: «За многолетние выдающиеся достижения». Википедия, например, уверяет, что речь шла о достижениях Вересаева в области медицины. Дескать, во время войны особо актуальной стала книга «Записки врача», в

которой угадывается неприятие будущих нацистских опытов над людьми.

Мне это не представляется убедительным. Вересаев писал о многом. Поднимал много тем. Прикасался к совершенно разному материалу. Так, среди его книг есть «Гомеровы гимны», есть переводы древнегреческой поэзии.

Проще думать, что Вересаев получил премию по совокупности.

Умер Викентий Викентьевич 3 июня 1945 года.

* * *

Геннадий Моисеевич Файбусович (родился 16 января 1928 года) учился на классическом отделении МГУ. Был арестован на 5 курсе в 1949-м. Освобождён в 1955 году.

Окончил Калининский медицинский институт. Работал врачом. Потом редактором в журнале «Химия и жизнь». Переводил философскую переписку Лейбница. Издавая книги для школьников «Необыкновенный консилиум» (1975), «Мальчик на берегу океана, жизнеописания сэра Исаака Ньютона» (1981), подписался псевдонимом Геннадий Шингарёв. Но на Западе в журнале «Время и мы» печатал «Час короля» (1976), «Я Воскресение и Жизнь» (1981) под псевдонимом Борис Хазанов, который оставил как единственный, когда в 1982 году уехал в эмиграцию.

Написал много книг. «Запах звёзд» (1977), «Идущий по воде. Статьи и письма» (1985), «Миф Россия. Опыт романтической политологии» (1986). Ну, а дальше – много книг после перестройки выпустили наши издательства.

Стоял вместе с К. Любарским и Э. Финкельштейном у основания журнала «Страна и мир» (1984–1992).

Лично мне больше, чем его художественная проза, нравится его проза метафизическая. Вот к примеру:

«*Мы родились в эпоху величайшего умаления человека. Литература, для которой человек по-прежнему остаётся высшей ценностью, именно об этом, об этой ценности, и твердит. Вопреки всему, она настаивает на том, что нет ничего важней человеческой личности. Вот в чём, с вашего позволения, смысл работы писателя, резон литературы.*

К этому как будто уже нечего прибавить.

Но – ещё два слова. Рано или поздно каждый, кто всерьёз занимается литературой, догадывается, что его суверенность – мнимая. На самом деле он находится в услужении. Не у

государства, или общества, или народа, об этом и говорить сегодня как-то неловко. Литература предстаёт перед писателем как некая сущность или, если хотите, живое сверхсущество, наделённое вечной жизнью. Оно стоит над всеми современниками и соотечественниками. Все мы, великие и невеликие, знаменитые и неизвестные, пляшем под его дудку. Оно существовало до нас и переживёт нас всех. Мы умираем, сказал Блок, а искусство остаётся. Его конечные цели нам неизвестны».

* * *

Юрий Павлович Герман первую свою книжку написал в 17 лет. Это был роман «Рафаэль из парикмахерской». Но Герман считал своим профессиональным дебютом роман «Вступление» (1931), одобренный Горьким.

В годы Великой Отечественной служил на Севере. Официально – писателем-литератором при отделе агитации и пропаганды Политуправления Северного флота в звании капитана административной службы и на Беломорской военной флотилии в качестве военного корреспондента ТАСС и Совинформбюро. Он писал статьи и очерки для ТАСС, печатался в газетах «Правда Севера» и «Северная вахта», писал рассказы. Написал повести («Би хэппи!», «Аттестат», «Студёное море», «Далеко на Севере»), пьесы («За здоровье того, кто в пути», «Белое море»).

В 1948 году за сценарий кинофильма «Пирогов» получил сталинскую премию 2 степени.

В 1952 году опубликовал роман «Россия молодая» – об эпохе Петра Первого.

Любопытно, что этот роман он писал по просьбе-приказу вице-адмирала А.А. Николаева рассказать матросам о прошлом русского флота на Севере. Вице-адмирал приказал Герману поехать в Архангельск и поработать в тамошней библиотеке, тамошних архивах.

В 1981–1982 году режиссёр Илья Гурин по этому роману поставил 9-серийный телевизионный художественный фильм.

Но он не стал явлением в кино, подобно фильмам Алексея Германа «Проверка на дорогах», «Мой друг Иван Лапшин», снятым по произведениям Юрия Германа.

Надо сказать, что сценарист Юрий Герман – очень известный. По его сценариям сняты фильмы «Семеро смелых», «Дело Румянцева» и другие.

Умер Юрий Павлович 16 января 1967 года (родился 22 марта

1910-го).

* * *

Михаил Михайлович Пришвин был отчислен из четвёртого класса Елецкой классической гимназии «за дерзость учителю». Надерзил он учителю географии В.В. Розанову, будущему знаменитому философу. В Рижском политехникуме, где он продолжил образование, вступил в марксистский кружок, за что был арестован, заключён в тюрьму и после освобождения уехал за границу.

В 1900–1902 учился на агрономическом отделении Лейпцигского университета, получил диплом инженера-землеустроителя. Вернувшись в Россию, написал несколько книг и статей по агрономии.

Первый рассказ напечатал в 1905. Тогда же оставил профессию агронома и стал корреспондентом различных газет. Увлёкшись этнографией и фольклором, он путешествует по Северу. Книга очерков о Карелии «В краю непуганых птиц» (1907) была отмечена серебряной медалью Русского географического общества. Он объехал весь Север, в том числе путешествовал по Северному Ледовитому океану. Интересовался бытом и говором северян, записывал их сказы.

В литературном кругу сблизился с Ремизовым и Мережковским. Был в хороших отношениях с Горьким и А. Толстым.

Горький помог Пришвину выпустить в 1912–1914 годах первое собрание сочинений.

После Октябрьской революции учительствовал на Смоленщине. Писал охотничьи и детские рассказы (они в будущем вошли в его «Календарь природы», 1935).

Сам без помощи НКВД посетил Выговский край, где строили Беломорско-Балтийский канал. Написал роман-сказку «Осударева дорога». В 1935 году совершил ещё одно путешествие на Север вместе с сыном. В результате появилась книга очерков «Берендеева чаща» и повесть-сказка «Корабельная чаща».

В 1945 году написал повесть «Кладовая солнца».

Но я согласен с Пришвиным, который главной своей книгой считал «Дневники». Он вёл их с 1905 по 1954 годы. Их объём намного превышает самое полное – восьмитомное собрание сочинений Пришвина.

Вот из недавней публикации «Дневника», которую печатает журнал «Наше наследие». Запись от 31 декабря 1945 года:

«Если у тебя возникает на что-нибудь раздражение, с готовностью обвинить: «какие-то они», то помни, что «их» нет, что это химера, возбуждённая особыми микробами, исходящими от людей, общее имя которым: мелкий бес.

Крупные птицы, журавли хотя бы, совершая свой перелёт на север из Африки, несут на себе тысячи всяких паразитов, причиняющих им боль. При усталости большие птицы начинают очень страдать и понимать совокупность всей несомой ими мелочи как врагов. Но крупные птицы знают лишь крупных врагов, и теперь, чувствуя боль и не видя самих врагов, страдают не так от боли, как оттого, что враги невидимы и невозможно с ними сразиться…»

Умер Михаил Михайлович 16 января 1954 года в 80 лет: родился 4 февраля 1873-го.

17 ЯНВАРЯ

Существует легенда, что первым, к кому в Петербурге отправился Есенин под видом слесаря-водопроводчика, был Сергей Митрофанович Городецкий. И что этот «водопроводчик» вроде сомнамбулически стал читать свои стихи. Городецкий их услышал, восхитился и помог Есенину войти в литературный круг.

Вообще-то Сергей Митрофанович (родился 17 января 1884 года) и в самом деле протежировал крестьянским поэтам. Это когда он разошёлся с символистами и стал в 1912 году одним из руководителей Цеха поэтов. С одной стороны, стало быть, был соратником Гумилёва. А с другой, помогал Есенину, Клюеву, Клычкову, Орешкину.

Октябрьскую революцию принял. Заведовал художественным отделением РОСТА в Баку, потом работал в Политуправлении Каспийского флота.

С 1921 года жил в Москве. Много печатался, переводил поэзию зарубежную и народов СССР. Работал (до 1924 года) завлитом в Театре Революции. Затем до 1932 года в литературном отделе газеты «Известия».

Работал над оперными либретто. Перевёл либретто опер «Фиделио» Бетховена, «Водонос» Керубини, «Нюрнбергские мейстерзингеры» и «Лоэнгрин» Вагнера.

Создал либретто одной из первых советских опер «Прорыв» для композитора С.И Потоцкого, написал для композитора В.М. Юровского либретто оперы «Дума про Опанаса» по одноимённой поэме Багрицкого. Написал новый текст либретто оперы Глинки «Жизнь за царя», которую назвали «Иван Сусанин».

Он умер 7 июля 1967 года, оставив множество книжек стихов. Увы. Большинство их не пережило Городецкого. Особенно стихи советского периода. Да и до революции он не блистал как поэт. Вот стихотворение 1916 года:

Прости меня, когда я грешен,
Когда преступен пред тобой,
Утешь, когда я безутешен,
Согрей улыбкой молодой.
О счастье пой, когда служу я
Твоей волшебной красоте.
В раю кружись со мной, ликуя,
И бедствуй вместе в нищете.
Делись со мной огнём и кровью,

Мечтой, и горем, и трудом.
Одной мы скованы любовью
И под одним крестом идём.
Одна звезда над нами светит,
И наши сплетены пути.
Одной тебе на целом свете
Могу я вымолвить: «Прости!»

Слишком ригорично для любовного послания.

18 ЯНВАРЯ

Удивительно мужественным человеком была Татьяна Григорьевна Гнедич, родившаяся 18 января 1907 года.

Она жила в Ленинграде. Преподавала английский язык, занималась переводами с английского.

Всю блокаду прожила в Ленинграде. Работала военным переводчиком в 1942–1943 годах.

В 1944-м по сфабрикованному обвинению была арестована. Приговорена к 10 годам лагерей. Реабилитирована в 1956 году.

Во время следствия в тюрьме, в одиночной камере она выполнила самую значительную переводческую работу своей жизни – перевод поэмы Байрона «Дон-Жуан».

Хорошо её знавший Ефим Эткинд писал:

«После суда она сидела на Шпалерной, в общей камере, довольно многолюдной, и ожидала отправки в лагерь. Однажды её вызвал к себе последний из её следователей и спросил: «Почему вы не пользуетесь библиотекой? У нас много книг, вы имеете право…» Гнедич ответила: «Я занята, мне некогда». – «Некогда? – переспросил он, не слишком, впрочем, удивляясь (он уже понял, что его подопечная отличается, мягко говоря, странностями). – Чем же вы так заняты?» – «Перевожу. – И уточнила: – Поэму Байрона». Следователь оказался грамотным; он знал, что собой представляет «Дон Жуан». «У вас есть книга?» – спросил он. Гнедич ответила: «Я перевожу наизусть». Он удивился еще больше: «Как же вы запоминаете окончательный вариант?» – спросил он, проявив неожиданное понимание сути дела. «Вы правы, – сказала Гнедич, – это и есть самое трудное. Если бы я могла, наконец, записать то, что уже сделано… К тому же я подхожу к концу. Больше не помню».

Следователь дал Гнедич листок бумаги и сказал: «Напишите здесь все, что вы перевели, – завтра погляжу». Она не решилась попросить побольше бумаги и села писать. Когда он утром вернулся к себе в кабинет, Гнедич ещё писала; рядом с ней сидел разъярённый конвоир. Следователь посмотрел: прочесть ничего нельзя; буквы меньше булавочной головки, октава занимает от силы квадратный сантиметр. «Читайте вслух!» – распорядился он. Это была девятая песнь – о Екатерине Второй. Следователь долго слушал, по временам смеялся, не верил ушам, да и глазам не верил; листок с шапкой «Показания обвиняемого» был заполнен с обеих сторон мельчайшими квадратиками строф, которые и в лупу нельзя было прочесть. Он прервал чтение: «Да вам за это надо дать Сталинскую премию!» – воскликнул он; других критериев у

него не было. Гнедич горестно пошутила в ответ: «Её вы мне уже дали». Она редко позволяла себе такие шутки.

Чтение длилось довольно долго – Гнедич уместила на листке не менее тысячи строк, то есть 120 октав. «Могу ли чем-нибудь вам помочь?» – спросил следователь. «Вы можете – только вы!» – ответила Гнедич. Ей нужны: книга Байрона (она назвала издание, которое казалось ей наиболее наджным и содержало комментарии), словарь Вебстера, бумага, карандаш ну и, конечно, одиночная камера.

Через несколько дней следователь обошёл с ней внутреннюю тюрьму ГБ при Большом доме, нашёл камеру чуть посветлее других; туда принесли стол и то, что она просила.

В этой камере Татьяна Григорьевна провела два года. Редко ходила гулять, ничего не читала – жила стихами Байрона. Рассказывая мне об этих месяцах, она сказала, что постоянно твердила про себя строки Пушкина, обращенные к её далёкому предку, Николаю Ивановичу Гнедичу:

С Гомером долго ты беседовал один,
Тебя мы долго ожидали.
И светел ты сошел с таинственных вершин
И вынес нам свои скрижали…

Он «беседовал один» с Гомером, она – с Байроном. Два года спустя Татьяна Гнедич, подобно Николаю Гнедичу, сошла «с таинственных вершин» и вынесла «свои скрижали». Только ее «таинственные вершины» были тюремной камерой, оборудованной зловонной парашей и оконным «намордником», который заслонял небо, перекрывая дневной свет. Никто ей не мешал – только время от времени, когда она ходила из угла в угол камеры в поисках рифмы, надзиратель с грохотом открывал дверь и рявкал: «Тебе писать велено, а ты тут гуляешь!»

Два года тянулись её беседы с Байроном. Когда была поставлена последняя точка в конце семнадцатой песни, она дала знать следователю, что работа кончена. Он вызвал её, взял гору листочков и предупредил, что в лагерь она поедет только после того, как рукопись будет перепечатана. Тюремная машинистка долго с нею возилась. Наконец следователь дал Гнедич выправить три экземпляра – один положил в сейф, другой вручил ей вместе с охранной грамотой, а насчет третьего спросил, кому послать на отзыв. Тогда-то Гнедич и назвала М.Л. Лозинского».

Лозинский в свою очередь показал перевод Эткинду. Так они заочно познакомились – поэтесса, сидевшая в тюрьме, и блистательный литератор.

Гнедич опубликовала этот перевод в 1959 году, и он сразу же принёс ей известность.

Позже переводила Шекспира, Вальтера Скотта, Корнеля.

С 1957 года вела семинар поэтического перевода. Многие прекрасные переводчики называют её своим учителем.

Всю жизнь писала стихи, которые никогда не публиковала. Они опубликованы после её смерти, случившейся 7 ноября 1976 года.

Одно из её стихотворений о блокаде Ленинграда:

Стояла блокада,
Стояла тьма,
Морозные улицы стыли,
Стояли слепые пустые дома,
Открытые до сухожилий,
По городу смерть ходила сама,
А мы в этом городе жили!
Наш нрав непокорный был прост и упрям,
Мы даже смеяться умели,
Читали стихи, приходя к друзьям,
Любимые песни пели.
А гибель и прочая ерунда
Казались нам, помните вы, тогда
Стрельбою врага не по цели!
Так что ж это было, кто может понять, —
Беспечность, упорство, живучесть?
Иль прадеды нам завещали принять
Высокую, гордую участь?

* * *

«*Письмо дорогому товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу от поэта Ксении Некрасовой:*

В 1935 году, окончив техникум политпросвета, я работала на заводе тяжёлого машиностроения им. Орджоникидзе на Урале культурно-массовым работником и писала стихи. Я пришла на завод, когда на месте завода стоял лес. Люди расчищали площадку будущих строений и жили еще в саманных и тростниковых бараках.

В 1935 году обком комсомола Свердловска направил меня учиться в Москву в Литературный институт ССП.

В 1937 году в журнале «Октябрь» № 3 были напечатаны мои

первые стихи под редакцией Панфёрова и поэта Асеева. Рядом со стихами была напечатана статья Асеева о моих первых серьёзных работах. И дальше, в этом же году, были напечатаны ещё в трёх журналах мои стихи.

В 1938 году была напечатана в газете «Комсомольская правда» (от 9 мая) моя поэма «Ночь на баштане» в 300 строк.

В 39, 40 и 41-м годах мои стихи печатали в журнале «Молодая гвардия» под редакцией Кирсанова.

Следующие пять лет всеобщая государственная стройка отразилась на моём существовании.

В 1941 году мы с мужем (горный инженер) и маленьким сыном эвакуировались с шахтами Подмосковья на восток. Примерно в 100 километрах от Тулы наш эшелон бомбили немцы. Мне контузило правую руку…

С мужем в эти годы тоже произошло огромное несчастье: он сошёл с ума. А я с горя не знала, как мне быть, и ходила по дорогам Киргизии и собирала милостыню. Проезжающие киргизы и узбеки называли меня дервишем, так как я бормотала себе под нос свои стихи или произносила их вслух, а в руках у меня всегда был карандаш и бумага. Иногда киргизы останавливались и делились со мной лепешками или вяленой бараниной. Хлопали меня по плечу и отправлялись дальше, а я шла своей дорогой.

В Ташкенте меня подобрала Ленинградская Академия наук. Вынув из моего мешка стихи и прочитав их, секретарь партийной организации Академии Людмила Ивановна Перепечь, профессор Мейлах сейчас же деятельно принялись устраивать мою судьбу, накормили, вымыли и дали возможность два месяца отдыхать. В 1944 году меня Академия наук в мягком вагоне отправила в Москву. А в Москве я оказалась без вещей и площади. И только благодаря друзьям я всё-таки существую.

За годы войны я написала цикл военных стихов. И цикл азиатских стихов. Из них были напечатаны стихи в 1947 году под редакцией Симонова в журнале «Новый мир». Сейчас у меня груда стихов и больше ничего нет: ни площади, ни материальных средств к существованию. Сплю у друзей под роялем, на полу.

Моя неприспособленность к работе объясняется врачами травматическим энцефалитом – физически я работать не могу и письменную работу производить тоже не могу, так как дрожит и устаёт рука, да и мысли мои направлены в сторону стихов, а уж на остальное сил не остаётся. Свои-то стихи я хотя и медленно и с трудом, но всё-таки записываю.

Прошу Вас, прослушайте, пожалуйста, товарищ Сталин, мои стихи, написанные на пластинке: «Вода», написанная мною в период моих скитаний по Киргизии, и «Саваоф», написанный в период, когда

меня забрала Академия наук под свою опеку. Третье мое стихотворение «Вереск», написанное в 1950-м и посвящено Вашим подаркам. И стихи об огороднице, недавно написанные. И если стихи мои заслуживают внимания, то не может ли государство дать мне пенсию. Желаю Вам, милый Иосиф Виссарионович, быть таким же сильным в своем творчестве и здоровья, мой бог Саваоф».

Собственно, что можно к этому добавить. Ксения Александровна Некрасова родилась 18 января 1912 года. Училась она перед войной в Литературном институте. В 1950 году её портрет нарисовал Роберт Фальк.

После смерти Сталина, который не откликнулся на её письмо, издательство «Советский писатель» выпустила в 1955 году её небольшой сборник стихов «Ночь на баштане».

Асееву действительно понравились её стихи, и он пробил их в печать со своим предисловием.

Ксения Некрасова отозвалась словами благодарности:

Тверской бульвар…
Оленьими рогами
растут заснеженные тополя,
сад Герцена, засыпанный снегами;
за лёгкими пуховыми ветвями
желтеет старый дом,
и греют тлеющим огнём
зажжённые большие стёкла.
И я сама —
торжественность и тишина —
перед засвеченным стою окном;
в окне прошёл
седеющий Асеев,
на нервном, как ковыль, лице
морские гавани
нестылых глаз
теплом нахлынули
на снежные покои.
Мы знаем вас,
друг молодости нашей,
чистосердечность вашего стиха
и бескорыстность светлую
в поэзии.

Ей посвящали стихи многие хорошие поэты. Многие оставили о ней свои воспоминания. Это был чудесный человек, не

озлобившийся на мир. Наоборот. От неё исходили тепло и доброта.

Умерла она 17 февраля 1958 года.

* * *

Удивляюсь тем литераторам, которые любят набить себе цену, любят приврать. Ну вот, например, Владимир Васильевич Карпов, последний первый секретарь Союза писателей СССР. Рассказывает, что он, разведчик, лично взял 79 «языков», то есть пленил и привёл к своим 79 живых фашистов. Мои товарищи-фронтовики смеялись, что же он раньше-то об этом молчал! Из скромности? А другие почему об этом молчали? Да если бы он действительно взял 79, горячились бывшие разведчики, об этом раструбила бы вся фронтовая печать! Это суперподвиг, равный десяткам сбитых самолётов!

Воевал-то Карпов, наверное, храбро, раз получил в 1944 году звезду героя. Но на фотографиях он с двумя. Вторую получил от Сажи Умалатовой, которая при Ельцине щедро раздавала своим единомышленникам награды почившего в Бозе Советского Союза как председатель некоего Постоянного Президиума Съезда народных депутатов СССР.

А в эпизод со штрафбатом, в котором начал в 1942-м войну Карпов, не верили лагерники. То есть в сам-то штрафбат верили, но не верили его рассказу, как он туда попал.

Вспоминал Карпов, что уже должен был в 1941 году получить диплом об окончании Ташкентского военного училища, когда поделился с кем-то из курсантов своим сожалением, что Сталина упоминают в печати гораздо чаще Ленина. Курсант из этого разговора тайны делать не стал. Карпова арестовали, дали знаменитую политическую статью 58–10 и угнали в Гулаг на лесоповал. Он атаковал из лагеря письмами Калинина, просился на фронт. И в конце концов добился своего.

«Липа!» – уверенно утверждали люди, хлебнувшие лагеря, такие как Юра Домбровский, Юра Давыдов. Политическим Сталин не доверял, к штрафбату не допустил бы. В штрафники попадали только уголовники, которым предоставлялась возможность собственной кровью искупить своё преступление.

А о том, что Карпов был полностью и окончательно прощён, свидетельствуют Военная академия имени М. В. Фрунзе, которую он окончил в 1947-м, и Высшие академические курсы Генштаба, на которые тоже могли принять после тщательной проверки (Карпов был их слушателем в 1948-м). И его служба в

Генеральном штабе после войны – лучшее доказательство, что не было на Карпове клейма политического заключённого: в Генштаб брали и вовсе просвечивая человека рентгеном!

Пописывать Карпов стал, ещё работая в Генштабе. Учился в это время на вечернем отделении Литературного института. Наверное, поэтому его из Генштаба перевели на работу в аппарат Союза писателей. Так же в своё время из Главпура бросили на укрепление руководящих писательских кадров Михаила Алексеева и Ивана Стаднюка.

Писал Карпов о военачальниках. Получил государственную премию за документальную повесть о генерале армии Иване Петрове. Но это уже было в 1986 году, когда избрали Карпова первым секретарём Союза писателей. И потому не столько книгу его премией отметили, сколько его престижную должность.

Писал ли тогда новый первый секретарь свой труд о Сталине? Может, и писал. Но издать его при Горбачёве побоялся: знал, как относится к советскому диктатору молодой генеральный секретарь. Это уже много позже выпустил он нашумевшего двухтомного «Генералиссимуса». Как же так? – удивлялись. – Утверждал, что сел за критику Сталина, а сам накатал во славу диктатора сладчайший панегерик!» *Глупый был*, – объяснял про себя в 2002 году Владимир Васильевич Карпов корреспонденту «Комсомольской правды», – «*Сталин и понятия не имел, что творят, прикрываясь его именем*».

Лично мне очень любопытным показался приведённый Карповым в своём повествовании документ 1942 года – предложение Сталина Гитлеру заключить перемирие. О таком сталинском предложении я и раньше знал, но с деталями его ознакомился впервые. Например:

«*СССР готов будет рассмотреть условия об объявлении мира между нашими странами и обвинить в разжигании войны международное еврейство в лице Англии и США, в течение последующих 1943–1944 годов вести совместные боевые наступательные действия в целях переустройства мирового пространства…*»

Я-то действительно о подобной готовности сталинского СССР не знал, но сейчас выписываю такие вещи скорее для тех, кто возмущённо воздымает вверх руки: как можно приравнивать Гитлера к Сталину! И для тех, кто недоумённо пожимает плечами: кто бы мог подумать, что через несколько лет, после того как Советский Союз одолел фашизм с его расовой теорией, ростки этой теории бурно заколосятся в стране-победительнице? Те же гитлеровцы могли об этом подумать. И, судя по их ответу Сталину, напечатанному в той же книге Карпова, приветствовали

его предложение:

«*Правительство СССР должно незамедлительно покончить с еврейством. Для этого полагалось бы первоначально отселить всех евреев в район Дальнего Севера, изолировать, а затем полностью уничтожить. При этом власти будут осуществлять охрану внешнего периметра и жёсткий комендантский режим на территории группы лагерей. Вопросами уничтожения (умерщвления) и утилизации трупов еврейского населения будут заниматься сами евреи.*

Германское командование не исключает, что мы можем создать единый фронт против Англии и США. […]

Германское командование в знак таких перемен готово будет поменять цвет свастики на государственном знамени с чёрного на красный».

Не договорились, потому что Гитлер и Сталин по-разному видели переустройство мирового пространства – каждый хотел отхватить от него кусок побольше и не дать этого сделать другому.

А по поводу международного еврейства полное понимание, даже трогательная готовность перекраситься.

(Истины ради скажу, что многие мои приятели не поверили Карпову: откуда он взял эти документы? сам их и придумал! Да, нигде кроме карповского романа я этих документов не встречал. И всё-таки в существование чего-нибудь подобного верю: недаром же после войны Сталин возмущённо опроверг уж не помню чьё мнение, будто Красная армия могла воевать за то, чтобы спасти малый народ от полного его истребления!)

И что же Карпов?

Здесь он не то, что солидарен со Сталиным и Гитлером, но возражать им не берётся. Объяснил корреспонденту «Комсомольской правды», в чём видел главную опасность для России: «*После того как Ленин был ранен Каплан, первой и главной фигурой в партии, правительстве, стране стал Троцкий*». «*Он везде и всюду*, – продолжал Карпов, – *начал насаждать своих, так сказать, единомышленников и.…*» «*Хотите добавить и соплеменников?*» – догадывался корреспондент. «*Да*, – подтверждал Карпов, – *в первую очередь соплеменников*!» «*Опять*, – восклицал корреспондент, – *вечный еврейский вопрос?*» «*Сионистский!* – строго поправлял бывший первый секретарь. – *Евреев нельзя путать с сионистами. Среди первых есть порядочные люди…*» – «*А среди вторых*?» – «*Нет*! – Владимир Васильевич продемонстрировал непримиримость. – *Истинная цель сионистов – Россия, они мечтают захватить её и основать на её месте своё государство*». «*Просто всё у вас, Владимир Васильевич,*

получается, – вздыхал корреспондент. – *Сталин, значит, ни в чём не виноват, а главный враг человечества – сионист. Конкретно – Лев Давидович Троцкий*». «*Куда попрёшь против фактов и… актов?*» – разводил руками Карпов.

А генералиссимус у Карпова «*был очень талантливый человек. Во всём*» (из того же интервью). Как у Павленко или Вишневского. Эх, дорого яичко к Христову дню! Вот бы в то время выпустить книгу Карпову! Не просто сталинскую получил бы, но высшую – 1-й степени! Впрочем, его «Генералиссимуса» удостоили именно 1-й степени литературной премии «Александр Невский». И немудрено, что отметили высокой наградой. Ведь сопредседателем комиссии по присуждению этой премии является не кто иной, как сам председатель Союза писателей России Валерий Николаевич Ганичев, доктор исторических наук, профессор, академик нескольких академий (творчества, например, Петровской, Российской словесности, Международной Славянской. Вы о таких до сих пор не знали? Так знайте: есть и такие!). А уж Ганичев – истовый поклонник Сталина, чего не скрывал и не скрывает. По Ганичеву, наиболее ценным в диктаторе было «*удивительное, прямо-таки фанатичное отстаивание интересов державы*». «*Далеко не все государственные деятели, – добавлял он, – боролись за интересы своих стран, как Сталин боролся за интересы СССР*» («Наш современник», 1995. № 5).

Умер Карпов 18 января 2010 года (родился 28 июля 1922-го).

* * *

«Маугли» была моей любимой книгой в детстве. Мультфильмы по стихам и сказкам Киплинга я смотрел с удовольствием и в юности и взрослым. А его стихи перечитываю с наслаждением. И радуюсь, когда новый поэт берётся за перевод уже переведённого.

Так я обрадовался Фазилю Искандеру, который перевёл «Балладу о Западе и Востоке»:

> *О, Запад есть Запад. Восток есть Восток, они не сомкнутся нигде,*
> *Пока души не вывернет, как потроха, Всевышний на Страшном*
> *суде.*
> *Но Запада нет! И Востока нет! И нам этот блеф не к лицу,*

Когда с доблестью доблесть, два сына земли – ни с места! – лицом
к лицу!
Кемал бежал с двадцатью людьми в края, где крепок адат,
И кобылу полковника, гордость его, увёл из-под носа солдат.
В конюшню нырнул ни свет ни заря, когда проскрипел дергач,
Шипы крутанул и подковы прочь! Пальцами в гриву – и вскачь!
И полковничий сын, разведчик лихой, в огонь водивший отряд,
Сказал: – Неужто, ребята мои, от нас уйдёт конокрад?
И тогда в ответ встал Мохамед, Россальдара славного сын:
– Кемала ловить – всё равно что ловить рассветный туман долин.
Он в сумерки пройдёт Абазай, в Бонайре встретит зарю,
Но форт Букло ему, как назло, не миновать, говорю.
И если галопом к форту Букло, быстрее, чем птица на юг…
Бог помощь! У входа в ущелье Джагей схлестнёмся, и вору каюк!
Но если прошёл он ущелье Джагей, назад вороти коней,
Там люди Кемала, им нет числа, они как в поле репей!
Справа скала. И слева – скала. Терновник, и небо мертво.
И только затворы клац да клац! Оглянешься – никого. —
– Вот твой хозяин! – кивнул Кемал. – Служи ему, словно щит.
Он водит разведчиков ночью и днём туда, где дело горит.
Пока я сам не расторг союз, в законе его права.
За кровь его теперь на кону, мой сын, твоя голова.
Отныне хлеб королевы – твой хлеб, и враг королевы – твой враг.
И если облавой сквозь мрак на отца – иди на отца сквозь мрак!
Служи ему верно в походном седле, в горах и на плоской земле,
Где, может, в чинах подымешься ты, а я подымусь в петле.
И они взглянули друг другу в глаза, которым неведом страх,
И клятву на братство дали они на соли и на хлебах,
На гладком клинке, который поднял огня и земли замес,

На рукоятке стального ножа, на имени Бога Чудес.
Два сына, два брата на сёдла свои и к форту Букло – намёт!
А в форте Букло: – Он один уходил… Откуда же этот приплод? —
Но вот показались казармы вблизи и двадцать сабель – в упор.
И каждая сабля хотела лизнуть кровь жителя жарких гор.
– Ни шагу! – вскричал полковничий сын. – Ни шагу! Оружие прочь!
Я прошлою ночью вора искал, я брата нашёл в эту ночь.
О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, они не сомкнутся нигде,
Пока души не вывернет, как потроха, Всевышний на Страшном суде.
Но Запада нет! И Востока нет! И нам этот блеф не к лицу,
Когда с доблестью доблесть, два сына земли – ни с места! – лицом
к лицу!

Редьярд Киплинг скончался 18 января 1936 года (родился 30 декабря 1865-го).

19 ЯНВАРЯ

Виктор Петрович Билибин (родился 19 января 1859 года) литературную деятельность начал с публикаций юмористических сценок в журналах «Стрекоза», «Осколки». «Осколки» он после смерти Н.А. Лейкина возглавлял в 1906–1908 годах. Один из юмористических фельетонов, «Пёстрые сказки» (Новая газета, 1886, 27 апреля и 4 мая) опубликовал в соавторстве с Чеховым за подписью Два Аякса.

В конце 1880-х Билибин обратился к драматургии. В 1890-х его пьесы ставились в Александринском театре и на частных сценах, но успеха не имели.

В конечном счёте, он дал себе оценку сам: «*И я сжёг если не всё, то многое из того, чему поклонялся. Чиновник во мне заедает писателя*».

И заел. В 1980-1990-х он возглавлял международный отдел Главного управления почт и телеграфов.

Чехов шутил в письме Билибину: «*Это ужасно, Виктор Викторович! С тех пор как Вы стали служить в ведомстве почт и телеграфа, мои письма не доходят по адресу.*

2-го января сего года я послал Вам громаднейшее письмо, и оказывается, что оно не дошло… Писал я его в ответ на Ваше первое письмо… Вышло оно у меня такое большое, что ни один извозчик не соглашался довезти меня с ним до почтового ящика».

Тем не менее их отношения постепенно расстроились. Билибин явно завидовал неувядаемому таланту Чехова, чего Чехов не мог не чувствовать.

Умер Билибин 12 июня 1908 года.

* * *

Александр Серафимович Серафимович родился 19 января 1863 года. Из казаков. Рано увлёкся революционными идеями и, когда учился на физико-математическом факультете Петербургского университета, был арестован в связи с делом покушавшихся на царя А.И. Ульянова и других (1887) и сослан в Архангельскую губернию.

В 1890 году вернулся на Дон и установил связи с социал-демократическими организациями. Первый опубликованный рассказ «На льдине» (1889) был сочувственно принят Г. Успенским и В. Короленко.

После издания книги «Очерки и рассказы» (1901) переехал в

Москву, познакомился с Горьким, сотрудничал в издательстве «Знание».

Роман «Город в степи» (1912) вобрал в себя обобщённую историю русского капитализма.

Обе революции Серафимович приветствовал. Главным его произведением стал «Железный поток» (1924), в основе которого лежит реальное событие поход Таманской армии под руководством Е.И. Ковтюха в 1918 году. У Серафимовича Ковтюх действует под именем Кожух. Возможно, это спасло роман от изъятия, когда реальный Ковтюх был расстрелян в 1938 году.

С 1926 по 1929 год был главным редактором журнала «Октябрь».

Сталин уже при жизни писателя в 1933 году к его 70-летию переименовал донскую станицу Усть-Медведицкую в Серафимович (сейчас это город). Тогда же Серафимович награждён орденом Ленина, став одним из первых писателей, получивших такой орден.

В 1943 году писателю была присуждена Сталинская премия 1 степени «за многолетние выдающиеся достижения в литературе». Но никаких выдающихся достижений после «Железного потока» у Серафимовича не было.

Другое дело, что это был невероятно сервильный писатель, умевший подхватывать и развивать любую похвалу Сталина. Так он приветствовал Николая Островского и помогал ему. Так он относился и к своему земляку Шолохову – неизменно стоял на стороне земляка, отводя от него любую критику.

Умер Серафимович в свой день рождения 19 января 1949 года.

* * *

Один из выдающихся русских лириков Николай Михайлович Рубцов прожил на свете мало. Успел окончить Литературный институт в 1969-м. Причём будучи уже известным поэтом.

Достаточно сказать, что за год до окончания института в 1968-м ему в Вологде за литературные заслуги была выдана отдельная квартира. До этого он снимал комнаты и ютился по углам.

Фёдор Абрамов называл его «*блистательной надеждой русской поэзии*». Не один он так думал. Большинство стихотворений Рубцова оправдывают эту характеристику.

Но, увы, был Рубцов тяжело болен извечной русской болезнью. В запое, если это было дома, старался никуда не

выходить. Но если это было в других городах, попадал в разные переделки, вплоть до вытрезвителей, где поэта грабили.

Он собирался жениться на библиотекаре и поэтессе Людмиле Дербиной. Накануне похода в ЗАГС они всю ночь пили в его вологодской квартире. Дербина не выдержала издевательств пьяного человека. В драке у него остановилось сердце. Было это в ночь на 19 января 1971 года. И, значит, Рубцов погиб в 35 лет: родился 3 января 1936-го. Дербину обвинили в убийстве, осудили на 8 лет и освободили досрочно через шесть.

А стихи у Рубцова действительно часто были волшебными. Вот – маленький цикл – «Русский огонёк»:

1

Погружены в томительный мороз,
Вокруг меня снега оцепенели!
Оцепенели маленькие ели,
И было небо тёмное, без звезд.
Какая глушь! Я был один живой
Один живой в бескрайнем мёртвом поле!
Вдруг тихий свет – пригрезившийся, что ли? —
Мелькнул в пустыне, как сторожевой…
Я был совсем как снежный человек,
Входя в избу, – последняя надежда! —
И услыхал, отряхивая снег:
– Вот печь для вас… И тёплая одежда… —
Потом хозяйка слушала меня,
Но в тусклом взгляде жизни было мало,
И, неподвижно сидя у огня,
Она совсем, казалось, задремала…

2

Как много жёлтых снимков на Руси
В такой простой и бережной оправе!
И вдруг открылся мне и поразил
Сиротский смысл семейных фотографий!
Огнём, враждой земля полным-полна,
И близких всех душа не позабудет…
– Скажи, родимый, будет ли война?
И я сказал:

– Наверное, не будет.
– Дай бог, дай бог… ведь всем не угодишь,
А от раздора пользы не прибудет… —
И вдруг опять: – Не будет, говоришь?
– Нет, – говорю, – наверное, не будет!
– Дай бог, дай бог…
И долго на меня
Она смотрела, как глухонемая,
И, головы седой не поднимая,
Опять сидела тихо у огня.
Что снилось ей? Весь этот белый свет,
Быть может, встал пред нею в то мгновенье?
Но я глухим бренчанием монет
Прервал её старинные виденья.
– Господь с тобой! Мы денег не берём.
– Что ж, – говорю, – желаю вам здоровья!
За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью…

3

Спасибо, скромный русский огонёк,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далёк,
За то, что, с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле, и нет тебе покоя…

20 ЯНВАРЯ

Леонид Антонович Малюгин с 1925 года работал в газетах и журналах. В 1935–1937 годах был завлитчастью Реалистического театра Леонида Сергеевича Вивьена. С 1937 года зам редактора журнала «Искусство и жизнь». В 1940-1946-м – завлитчастью Большого Драматического театра. В ноябре 1943 года организовал в блокадном Ленинграде театральную студию БДТ и руководил ею.

В 1942 году в БДТ состоялась премьера первой пьесы Малюгина «Дорога в Нью-Йорк», в 1943 году С. Юткевич поставил её в Ленинградском театре комедии.

В 1944-м написана пьеса «Старые друзья», которую выдающийся театральный режиссёр А.М. Лобанов поставил в Московском театре имени Ермоловой. Эта постановка удостоена в 1945 году сталинской премией 2 степени.

Уже как лауреат Малюгин переезжает в Москву, где становится членом редколлегии газеты «Советская культура», членом Комиссии по драматургии в СП СССР.

Правда, попал в жернова кампании по борьбе с космополитизмом. Но космополитом объявлялся недолго. От него отвязались.

Пьесы Малюгина широко идут по стране и ставятся за границей. «Молодая Россия» идёт на сцене Центрального театра транспорта, «Насмешливое моё счастье» ставит театр имени Вахтангова, «Жизнь Сент-Экзюпери» – театр Моссовета.

Кроме того, он пишет сценарии фильмов «Поезд идёт на Восток» (1948), «Доброе утро» (1955), «К Чёрному морю» (1957), «Сюжет для небольшого рассказа» (1969).

Словом в основном удачливая жизнь. Умер 20 января 1968 (родился 4 марта 1909 года).

* * *

Открыл статью в Википедии о Евгении Ивановиче Замятине (родился 20 января 1884 года) и сразу же наткнулся на великолепную цитату-высказывание писателя: *«Русскому человеку нужны были, должно быть, особенно крепкие рёбра и особенно толстая кожа, чтобы не быть раздавленным тяжестью того небывалого груза, который история бросила на его плечи»*.

Очень точно! Поэтому никак не получается у русских людей выбраться из-под этого небывалого груза.

Евгений Иванович Замятин – один из тех, кто сказал об этом громко. Тоже не сразу дошёл до этой истины. Одно время в молодости был большевиком, арестовывался, отбывал ссылку. В 1908 вышел из партии, но тогда это никем не преследовалось.

Но уже во время Гражданской войны Замятин критиковал большевистское правительство. За что был арестован.

Дважды политбюро обсуждало вопрос о его высылке.

Его романы «Островитяне», «Уездное», «На куличках», «Ловец человеков» если и хвалили, то только оппозиционные властям критики. «Напостовцы», рапповцы его терпеть не могли. Поэтому страшно обрадовались кампании, возникшей после публикации Замятиным в конце двадцатых за границей романа-утопии «Мы».

Никого не интересовало, что роман написан в 1920-м, то есть не является новейшей книгой Замятина. Тогдашняя «Литературная газета (в 1929 году!) писала: «*Е. Замятин должен понять ту простую мысль, что страна строящегося социализма может обойтись без такого писателя*».

Эту простую мысль Замятин понял быстро. Поэтому стал добиваться отъезда за рубеж. Но поскольку ему в этом отказывали, он написал письмо Сталину с той же просьбой.

И случилось невероятное: Сталин разрешил уехать.

Дальше начинается и вовсе фантастическое: группа писателей обращается к Сталину за советом: что делать? Находящийся за границей Замятин просит принять его в Союз писателей СССР.

Сталин советует: принимайте! И в 1935 году в Париже Замятин участвует в антифашистском Конгрессе писателей в защиту культуры как член советской делегации.

Неизвестно, как далеко бы зашли эти малопонятные игры, если бы Бог не задул свечу Замятина, не дав ему просуществовать с того парижского конгресса сколько-нибудь приличного времени. 10 марта 1937 года Евгений Иванович скончался в Париже.

А впрочем, может быть, мы сами осложняем существо дела. Однажды Замятин давал показание на допросе чекистам. Зашла речь о возможности для русского писателя творить за границей. Замятин изложил свою точку зрения: «*Я думаю сейчас об этом вопросе как писатель и считаю, что писатель временно, пока у него ещё живут впечатления от Родины – может за границей жить и творить; а затем – ему неминуемо снова прикоснуться к земле и набраться от неё сил*». Слава Богу, что не пришлось снова «прикоснуться». Чем бы это кончилось, догадаться нетрудно!

21 ЯНВАРЯ

Ванда Львовна Василевская (родилась 21 января 1905 года) детство и юность провела в Польше, откуда бежала во Львов, где приняла советское гражданство.

Её называли любимицей Сталина. И похоже, что не зря.

Три сталинских премии – 1 степени – за повесть «Радуга» (1943), 2 степени – за повесть «Просто любовь» (1946), 2 степени – за трилогию «Песнь над водами» (1952).

По повести «Радуга» в 1944 году был поставлен одноимённый фильм.

В 1939 году она получила советское гражданство, а уже в 1941–1943 – полковник Василевская работает в Политуправлении РККА агитатором. Некоторое время редактирует газету «За Советскую Украину».

В 1943–1945 – главный редактор газеты «Советская Польша», председатель Союза польских патриотов.

В 1944 году входила в состав Временного Польского Правительства. Председатель Польской секции Всеславянского комитета и член редколлегии журнала «Славяне».

Из интервью Евгения Степановича Березняка (знаменитый «Майор Вихрь») газете «Экспресс» 21 июня 2013 год. Он работал во Львове на должности начальника городского отдела народного образования:

«*В украинском городе на то время было 90 польских, 14 еврейских и только 3 украинские школы. Я начал переводить школы на украинский язык обучения, и уже через год их было 70. Среди населения это не вызвало сопротивления. Однако писательница Ванда Василевская написала лично Сталину жалобу, что Березняк «извращает понимание национальной политики». Уже через несколько дней приехала комиссия из Москвы, которая должна была завершить проверку до конца июня. Я понимал, что последствия для меня будут неутешительными, если не трагическими. Ведь Сталин благоволил к Ванде, поэтому московские гости были настроены против меня. К тому же, секретарь обкома Приходько испугался и солгал им, что я продолжал реформу без ведома обкома. Но 22 июня на город упали первые бомбы*».

Ванда Львовна умерла 29 июля 1964 года. Но как писательница умерла вместе со Сталиным, после его смерти. Художественной ценности её проза не представляет, поэтому она забыта.

* * *

Олег Васильевич Волков (родился 21 января 1900) по Тенишевскому училищу был одноклассником В.В. Набокова. В 1922–1928 годах работал переводчиком в миссии Нансена, у корреспондента Ассошиэйтед Пресс, у концессионеров, в греческом посольстве.

В 1928 был арестован, отказался стать осведомителем, был приговорён к 3 годам лагеря и направлен в СЛОН. В апреле 1929 года лагерный срок заменили высылкой в Тульскую область, где он работал переводчиком технической литературы.

В марте 1931 года снова арестован, приговорён к 5 годам лагеря и снова направлен в СЛОН. В 1936 году оставшийся срок заменили ссылкой в Архангельск, где Волков работал в филиале НИИ электрификации лесной промышленности.

В марте 1942 года арестован, приговорён к 4 годам лагеря. В апреле 1944-го освобождён по инвалидности. Переехал в Кировабад, где нашёл работу преподавателя иностранных языков. В 1946–1950 жил в Малоярославце и Калуге, работал переводчиком в московских издательствах. В 1950 снова арестован, сослан в село Ярцево Красноярского края, где работал охотником-промысловиком.

В 1955-м освобождён из ссылки и приехал в Москву.

В 1957 году принят в Союз писателей СССР. Написал больше дюжины книг, а, кроме того, переводил Бальзака, Золя и других французских писателей, «Греческую цивилизацию» А. Боннара. Придавал большое значение охране памятников старины и сохранению природы. Входил одно время в правление Всесоюзного общества охраны памятников старины и культуры». Но потом, разочаровавшись в бюрократизме аппарата, вышел из общества.

Его самая известная книга «Погружение во тьму» предлагалась для печати «Новому миру» Твардовского, но напечатать её журнал не смог. Вышла только в 1990-м в России. Но впервые в Париже в 1987 году.

В 1991 во Франции он получил орден «За заслуги в области литературы и искусства». «Погружение во тьму» отмечена Госпремией РСФСР по литературе (1987). Волков – лауреат престижной Пушкинской премии фонда Топфера.

Мы с ним жили в соседних домах, раскланивались. Иногда прогуливались по двору. Его интересовала «Литературная газета», в которой я работал, а меня – его жизнь, о которой он вспоминал не слишком охотно.

Возле наших домов строители вырыли большие ямы для

коммуникаций. Олег Владимирович, выйдя вечером с собакой, не увидел оставленной халатными рабочими открытой ямы и шагнул туда. Сломал ногу. Ему было 93 года. Ему оставалось жить ещё 3 года, но мог он уже только передвигаться по квартире.

Умер 10 февраля 1996 года.

* * *

В детстве «Клуб знаменитых капитанов» была моей любимой передачей. До сих пор помню её музыкальную заставку. Взрослым я узнал, что писали её два литератора Климентий Борисович Минц и Владимир Михайлович Крепс.

Климентий Борисович (родился 21 января 1908 года) в 1930-м окончил кинофакультет Ленинградского института истории искусств. В 1928 был одним из организаторов «Фабрики советского сценария» в Ленинграде. В 1928 дебютировал как кинорежиссёр.

Входил в кинематографическую секцию ОБЭРИУ. Туда же входил и Александр Разумовский, вместе с которым они показали монтажный фильм «Мясорубка».

Но это был единственный фильм, где Минц выступил как режиссёр. Отныне он занимается только кинодраматургией. С 1929 по 1976 год Климентий Борисович сценарист 17 фильмов, из которых наиболее известны «У самого синего моря» (1935) и «Укротительница тигров» (1954).

В декабре 1945 года в радиоэфир вышла первая передача «Клуба знаменитых капитанов», которую Минц написал вместе с Крепсом. Последняя передача прошла в конце 70-го.

С Крепсом Минц написал 9 книг. В том числе и по мотивам «Клуба знаменитых капитанов».

Минц значительно пережил Крепса. Он умер 22 декабря 1995 года.

22 ЯНВАРЯ

Пушкин сумел отделаться от клички «*русский Байрон*». Несмотря на то, что наделил Онегина любовью к этому английскому поэту, отчасти подражанием его Чайльд-Гарольду.

Но когда друзья стали сравнивать пушкинский роман в стихах с байроновским «Дон-Жуаном», Пушкин отвечал (Бестужеву): «*Никто более меня не уважает «Дон Жуана» (первые пять песен, других не читал), но в нём ничего нет общего с «Онегиным»*».

Не удивительно, что Пушкин остановился на шестой песне: с неё роман Байрона теряет набранную было энергию и превращается в вязкое повествование, которое, кстати, и сам Байрон не мог окончить.

О Байроне, кажется, всё известно. Он, родившийся 22 января 1788 года, прожил немного: 36 лет. Его мрачному романтизму подражали все европейские писатели (вот почему подозрение в подражании одно время падало на Пушкина!). Его бесчисленные романы с женщинами обсуждались во всех великосветских салонах Европы. О личной его храбрости рассказывали легенды.

А его вольнолюбие, его любовь к свободе выразились в том энтузиазме, с каким Байрон захотел принять участие в греческом восстании, в борьбе греческого народа за независимость от Османской империи. На собственные деньги Байрон купил бриг, припасы, оружие, взял с собой 500 солдат, полностью им экипированных, и отправился в Грецию. Когда же выяснилось, что нужны ещё средства для борьбы, Байрон распорядился продать всё своё имущество в Англии и полученные деньги отдал повстанцам.

Греция в конечном счёте добилась независимости в этой войне, но, увы, до её независимости Байрон не дожил. Лихорадка унесла его в могилу. Последние его слова застенографированы: «*Сестра моя! дитя моё!.. бедная Греция!.. я отдал ей время, состояние, здоровье!.. теперь отдаю ей и жизнь!*» Было это 19 апреля 1824 года.

* * *

В 1984 году к 50-летию Союза писателей был опубликован указ Черненко, где он весьма щедро раздавал ордена литераторам, в том числе и нескольких произвёл в герои соцтруда. Им, в частности, стал Анатолий Иванов. А вот Петру

Проскурину, которого критика привычно ставила рядом с Ивановым, достался орден Ленина.

Одна известная актриса (так рассказывали), узнав, что к какому-то юбилею Малого театра дирекция занимается распределением наград, которые пойдут для оформления в президиум Верховного Совета, пришла к директору театра Царёву с грозным предупреждением. «*Михал Иваныч, – сказала она, – учтите, если мне дадут орден Ленина, я восприму это как плевок в лицо!*» Похоже, что именно так воспринял свой орден Проскурин. Пьяный, с бутылкой портвейна в кармане, он ходил по нашему двору (мы жили тогда в одном доме), прихлёбывал из бутылки и жаловался каждому встречному: «*Тольке, этому кабану поганому, героя, а? Представляешь, Иванов – герой! А он писать-то умеет?*»

Через четыре года, уже при Горбачёве Проскурин получил-таки к 60-летию звезду. Так что бушевал он зря. Оказался даже с лишним орденом Ленина. Подобрел. Забронзовел. Телевидение транслировало его творческий вечер. Но тогда, в 1984-м, его обида была понятной: чем он хуже Анатолия Иванова?

Впрочем, хуже он или лучше, но близкий мне человек, работавшая вместе с хорошей нашей знакомой Сашей (Александрой) Васильевой корректором в журнале «Москва», рассказывала, как удивился и поначалу не поверил Пётр Проскурин тому, что Роберт Фальк вовсе не западногерманский художник, как было написано у него в журнальном варианте романа. И если б не корректоры, быть бы у Проскурина Роберту Рафаиловичу Фальку, родившемуся в Москве, уехавшему в 1928 году в Париж, но через девять лет вернувшемуся назад в Россию, западногерманским гражданином.

Не удивительно, конечно, было встретить подобные ошибки у Проскурина. Помните, как осторожно предполагал один герой «Мастера и Маргариты» о другом, что тот – «*конечно, человек невежественный*»? А здесь и осторожничать не надо. Примерно в то же время, когда «Москва» печатала роман Проскурина, показали по телевидению его творческий вечер в Останкино, он беседовал с залом о печальном забвении фактов отечественной истории. «*Ну кто, к примеру, был первым главнокомандующим Красной армии?*» – вопрошал он у зала. И, получив ответ: «*Троцкий*», – горестно качал головой: «*Вот так мы знаем свою историю! Не Троцкий, а Сергей Сергеевич Каменев*». Я пожалел тогда, что не нашлось в зале человека, кто встал бы и сказал Петру Лукичу, что Сергей Сергеевич Каменев возглавил Красную армию с августа 1919 года, после отставки её первого главкома Иоакима Иоакимовича Вацетиса, на чём настоял основатель Красной армии Лев Троцкий. Он же поспособствовал Каменеву

стать главнокомандующим, против чего выступал Сталин. Каменев командовал полком в Первой мировой войне, а Сталин категорически не соглашался с Троцким, привлекавшим на командные посты в армии бывших царских офицеров. Но в то время мнение Троцкого было намного весомее сталинского.

Не удивительно, повторяю, что Проскурин путался, перевирал факты. Этот писатель был, судя по всему, таким же знатоком отечественной истории, как и знатоком живописи. Где-то что-то слышал, но, увы, не так понял…

Романов он написал много. Они однообразны. Только к концу жизни (родился он 22 января 1928 года, а умер на 74-м году жизни: 26 октября 2001-го) появилась у него в произведениях страсть: гневно ругать тех, чьими усилиями распался Советский Союзе. Этому занятию он предаётся с сладострастным наслаждением в романе «Седьмая стража», «Число зверя», рассказе «Азъ воздам, Господи». Обратите внимание, как записано название рассказа: «азъ» – с ером, тогда почему «воздам» – без ера? Или Проскурин думал, что по дореволюционной грамоте писали только церковнославянские слова? А кроме того: кто это говорит в Евангелии: «*Мне отмщение, и Аз воздам*»? Христос. Зачем же оповещать Его, что ты нарушишь Его заповедь?

Впрочем, об удручающей неграмотности Проскурина я здесь и написал.

* * *

Георгий Иванович Чулков (родился 22 января 1879 года) был арестован за революционную деятельность в 1901 году и сослан на четыре года в Якутию. В 1903-м после амнистии жил в Нижнем Новгороде под полицейским надзором. Через год переехал в Петербург, где выпустил свой первый сборник прозы «Кремнистый путь». Мережковский пригласил его на должность секретаря журнала «Новый путь», который просуществовал до 1905 года. С 1905-го стал издавать журнал «Вопросы жизни», где печатал Николая Бердяева и Сергея Булгакова.

В 1906 году Чулков выпустил свою известную книгу «О мистическом анархизме», где проповедовал теорию, утверждающую индивидуализм и исповедующую внутреннюю свободу личности, на который не позволено покушаться любым силам, будь они социальные или политические.

Уже в 1911–1912 году Чулков издаёт собрание сочинений в шести томах, куда включает стихи, прозу и философские трактаты.

В 1914-м выпустил роман «Сатана», в 1916-м – роман «Серёжа Нестроев», в 1917-м – роман «Метель».

После революции Чулков не пытался приспособиться к новой власти. Выпустил два сборника прозы «Посрамлённые бесы» (1921) и «Вечерние зори» (1924), сборник «Стихотворения» (1922).

Его мемуары «Годы странствий» (1930) вызвали мощный шквал обвинений в преувеличении Чулковым собственный роли.

В конце жизни занялся литературоведением: составлял и комментировал сочинения Тютчева, издал книги «Жизнь Пушкина» и «Как работал Достоевский», но ощутимого успеха они ему не принесли.

Умер он 1 января 1939 года.

О том, каковы его стихи, можно судить вот по этому стихотворению:

Какая в поле тишина!
Земля, раскинувшись, уснула.
Устав от солнечного гула,
От хмеля терпкого вина.
И я дремал, забыв, что ярость
Страстей мятежных не прошла.
Что не распутать мне узла,
Завязанного мной под старость.
Очнувшись, вспомнил о тебе,
Моя ревнивая подруга,
И сердце будто от недуга
Запело жалобу судьбе.
Но полно! Одолей унылость!
Уныние ведь смертный грех:
Не для себя живёшь – для всех,
И безгранична Божья милость!

* * *

Об Алексее Ермиловиче Разорёнове известно мало. В основном из некрологов, появившихся в некоторых мелких печатных изданиях, откликнувшихся на смерть Разорёнова 22 ноября 1891 года (родился он в 1819 году). В «Саратовском Листке» (1891. № 25), посвящённом Разорёнову, некий А. К-ский пишет: «*В высшей степени оригинально было видеть старика-лавочника в длиннополом (московском) полукафтане, декламирующего из-за прилавка целые монологи из «Гамлета»,*

«Короля Лира», «Ляпунова», «Скопина-Шуйского», «Велизария» и других пьес и с чисто юношеским увлечением произносившего наизусть любимые места из «Демона», «Евгения Онегина», «Бориса Годунова» и «Громобоя»… Отдельным сборником его стихотворения ещё не были пока изданы; в них много искреннего, задушевного чувства; это не плоды фантазии, а песни пережитого и перечувствованного».

В память его кружком Московских самоучек издан был в Москве, в 1896 году, сборник стихотворений «Грёзы», в котором, кроме стихотворений современных самоучек, помещена автобиография, 7 стихотворений А. Е. Разорёнова и его портрет.

«*Вся жизнь моя*, – пишет Разорёнов в автобиографии, – *прошла в тяжёлой борьбе за существование, среди нужды, лишений, тьмы невежества и людей, умом убогих.*

Писательские стремления пробудились во мне очень рано, но большинству первых моих опытов не суждено было увидеть печати.

Писал много, печатал мало (в «Грамотее», «Рассвете» (сборник, изданный И. З. Суриковым), «Иллюстрированной Неделе», «Воскресном Досуге», «Радуге», «Московском Листке», «Новостях Дня», «Русском Курьере» и некоторых других), и всё, что было мной написано и напечатано, – всё это явилось прямо из души в такие минуты, когда я чувствовал непреодолимую потребность писать».

Всё это, добавим от себя, увы, исчезло. Кроме одного стихотворения, которое и сейчас известно каждому:

Не брани меня, родная,
Что я так люблю его.
Скучно, скучно, дорогая,
Жить одной мне без него.
Я не знаю, что такое
Вдруг случилося со мной,
Что так бьётся ретивое
И терзается тоской.
Всё оно во мне изныло,
Вся горю я как огнём,
Всё немило мне, постыло,
Всё страдаю я по нём.
Мне не надобны наряды
И богатства всей земли…
Кудри молодца и взгляды
Сердце бедное зажгли…
Сжалься, сжалься же, родная,
Перестань меня бранить.

Знать, судьба моя такая —
Я должна его любить!

На это стихотворение сочиняли музыку немало композиторов. Но известным романсом оно стало на музыку Александра Ивановича Дюбюка, чьи песни вошли в репертуар почти всех известных певцов того времени.

Во втором томе антологии старинного русского романса автора-составители Елена и Валерий Уколовы под названием «Романсы московского гуляки» поместили почти весь багаж Дюбюка (1812–1898) – более ста романсов и песен. Особый очерк почти детективного характера авторы посвятили романсу «Не брани меня, родная».

* * *

С Юрой Левитанским мы одно время крепко дружили. Жили в одном доме. Ходили друг к другу в гости. Или вместе в гости к другим.

Я уже тогда понимал, что он поэт незаурядный. Хотя не гремел. Его не знали, как популярных. Думал, что узнают, когда он однажды в «Дне поэзии» выдал изумительные пародии на современных поэтов на сюжет зайчика, который вышел погулять, и охотника, который вышел пострелять. Юра оказался волшебником. Он обладал таким даром перевоплощения, что казалось: он вообще не писал этих стихов. Это писала Ахмадулина, это – Самойлов, это – Окуджава и т. п.

Потом вышла книжка пародий. Я успел написать о ней в «Литературке». Но книжка разошлась и больше не допечатывалась.

Тоже как-то прошла мимо ценителей. По телевизору гомерически хохотали над эпиграммами Александра Иванова, а то, что рядом с ним живёт великий и настоящий пародист, – любители веселиться не усвоили.

То же самое происходило и с его стихами. Юрий Давидович родился 22 января 1922 года. Лейтенантом воевал не только с Германией, но и в Манчжурии. Печатался со стихами во фронтовых газетах.

В Иркутске выпустил первый сборник «Солдатская дорога» (1948). Потом ещё несколько в Москве. Окончил Высшие литературные курсы при Литинституте.

То есть был из поколения Самойлова, Наровчатова,

Винокурова, Ваншенкина. Но их знали, а его почти нет.

Есть какая-то тайна, сопровождающая стихи: одни сразу становятся известными читателям, другие – далеко не сразу, третьи – вообще могут стать известными после смерти автора.

Юра, начавший печататься в конце сороковых, становится известным в конце семидесятых. Кажется, с книги «Кинематограф». Но настоящая известность приходит к нему во время и после перестройки. И не только как к поэту.

Левитанский не скрывает своей радости по поводу падения советской власти. Очень рассчитывает, что не повторится больше российская трагедия. С удовольствием окунается в общественную борьбу. Ведёт себя бесстрашно и бескомпромиссно.

Ему вручают Госпремию РФ. Он обращается к вручавшему премию Ельцину с призывом немедленно остановить войну в Чечне.

25 января 1996 года в московской мэрии состоялся «круглый стол» московской интеллигенции против чеченской войны. Юра говорил очень эмоционально. Кончил, откинулся на спинку кресла и умер.

Одно из моих любимых стихотворений Левитанского:

Это город. Ещё рано. Полусумрак, полусвет.
А потом на крышах солнце, а на стенах ещё нет.
А потом в стене внезапно загорается окно.
Возникает звук рояля. Начинается кино.
И очнулся, и качнулся, завертелся шар земной.
Ах, механик, ради бога, что ты делаешь со мной!
Этот луч, прямой и резкий, эта света полоса
заставляет меня плакать и смеяться два часа,
быть участником событий, пить, любить, идти на дно…
Жизнь моя, кинематограф, чёрно-белое кино!
Кем написан был сценарий? Что за странный фантазёр
этот равно гениальный и безумный режиссёр?
Как свободно он монтирует различные куски
ликованья и отчаянья, веселья и тоски!
Он актёру не прощает плохо сыгранную роль —
будь то комик или трагик, будь то шут или король.
О, как трудно, как прекрасно действующим быть лицом
в этой драме, где всего-то меж началом и концом
два часа, а то и меньше, лишь мгновение одно…
Жизнь моя, кинематограф, чёрно-белое кино!
Я не сразу замечаю, как проигрываешь ты
от нехватки ярких красок, от невольной немоты.
Ты кричишь ещё беззвучно. Ты берёшь меня сперва

выразительностью жестов, заменяющих слова.
И спешат твои актёры, всё бегут они, бегут —
по щекам их белым-белым слёзы чёрные текут.
Я слезам их чёрным верю, плачу с ними заодно…
Жизнь моя, кинематограф, чёрно-белое кино!
Ты накапливаешь опыт и в теченье этих лет,
хоть и медленно, а всё же обретаешь звук и цвет.
Звук твой резок в эти годы, слишком грубы голоса.
Слишком красные восходы. Слишком синие глаза.
Слишком чёрное от крови на руке твоей пятно…
Жизнь моя, начальный возраст, детство нашего кино!
А потом придут оттенки, а потом полутона,
то уменье, та свобода, что лишь зрелости дана.
А потом и эта зрелость тоже станет в некий час
детством, первыми шагами тех, что будут после нас
жить, участвовать в событьях, пить, любить, идти на дно…
Жизнь моя, мое цветное, панорамное кино!
Я люблю твой свет и сумрак – старый зритель, я готов
занимать любое место в тесноте твоих рядов.
Но в великой этой драме я со всеми наравне
тоже, в сущности, играю роль, доставшуюся мне.
Даже если где-то с краю перед камерой стою,
даже тем, что не играю, я играю роль свою.
И, участвуя в сюжете, я смотрю со стороны,
как текут мои мгновенья, мои годы, мои сны,
как сплетается с другими эта тоненькая нить,
где уже мне, к сожаленью, ничего не изменить,
потому что в этой драме, будь ты шут или король,
дважды роли не играют, только раз играют роль.
И над собственною ролью плачу я и хохочу.
То, что вижу, с тем, что видел, я в одно сложить хочу.
То, что видел, с тем, что знаю, помоги связать в одно,
жизнь моя, кинематограф, чёрно-белое кино!

* * *

С Володей Павлиновым меня познакомил Владимир Костров, который работал в «Смене», зазвал меня к себе в кабинет и подарил сборник «Общежитие». Это была коллективная книжка четырёх поэтов, выпущенной «Молодой Гвардией» в 1961 году. Павлинов зашёл к Кострову, когда тот сочинял надпись на книге

для меня.

Мы познакомились, и я спросил Кострова: не собираются ли к нему наведаться ещё два автора общежития – Олег Дмитриев и Митя Сухарев? Нет, оказывается, что Павлинов зашёл случайно, а не специально.

Кстати, он был единственный из этой четвёрки поэтов, с кем я до сих пор не был знаком.

Я пообещал «Смене» статью об «Общежитии». Пришёл домой и стал читать книгу. И вот незадача – стихи Павлинова мне не понравились больше других. Там явно выигрывал у всех Митя Сухарев.

Что поделать? Как воспринял, так и написал.

А потом ещё долго Владимир Константинович Павлинов (родился 22 января 1933 года) был сух со мной при встрече. Одно время мы в «Литературной газете» сидели в кабинете вместе с поэтом Анатолием Жигулиным, которого полюбил и всячески опекал Павлинов. Мне он кивал, входя к Толе и уходя вместе с ним (обычно в ЦДЛ). На этом наше общение заканчивалось.

Я не помню, кто в «Литературке» положительно отрецензировал книгу Павлинова «Лицо». Помню только, что он пришёл ко мне в кабинет с женщиной (очевидно, с женой), и та вытащила из сумки бутылку водки. «*Это вам*», – сказала она. «*За что?* – удивился я и сказал: – *уберите бутылку назад!*» «*За доброту вашу*», – сказала женщина, а Володя, набычившись, предложил: «*Может, мы её махнём на троих?*» и достал из портфеля хлеб и колбасу.

Наверное, я не стал бы пить, но дверь моего кабинета распахнулась, и вошёл мой дружок, с которым мы выпивали часто, сотрудник международного отдела Лёва Токарев. «*А вот он я!* – сказал Лёва, – глядя на бутылку. – *За что предлагаете?*»

Так наши отношения с Павлиновым вошли в норму.

Нет, друзьями мы не стали. И отношение к нему, как к поэту, я не поменял. Но по-человечески он стал мне симпатичен. Узнав его поближе, я понял, что это был порядочный, честный человек. Понял я и то, что он живёт в плохо устроенном быту.

При жизни он выпустил шесть книжек. Какие-то его стихи стали песнями. Да и я, очевидно, был слишком уж строг к Володе. Была-была у него своя интонация. Это я обнаружил, увы, после его смерти (а он умер раньше всех своих товарищей по «Общежитию» 22 марта 1985 года), когда взял его книжки и стал их неторопливо читать. Как же я не заметил такого абсолютно самобытного стихотворения?

Ты так нежно и так несмело

В час, когда засыпал залив,
Отдала мне всё, что имела,
Ничего взамен не спросив!..
Режут тени наискосок
Рыжий берег в полосках ила.
Я готов целовать песок,
По которому ты ходила.
Старый пруд затянула ряска,
Укатилась волна, звеня,
Но твоя голубиная ласка
До сих пор убивает меня.
Я брожу по песку годов,
Болью полный, любовью полный,
Но не вижу твоих следов:
Их, наверное, смыли волны.

А ведь он и был таким, Владимир Константиновичем, благодарным, не забывающим добра, всегда старавшийся дать понять тебе, что помнит об этом!

* * *

Виссарион Михайлович Саянов оказался в Сибири с пяти лет, куда проследовал за родителями, осуждёнными на каторгу, а потом на вечное поселение в Иркутской губернии. Детство писателя прошло на знаменитых Ленских приисках. Да и псевдоним он, чья настоящая фамилия Махнин, взял в честь Саянского хребта.

В 1922 году союз горнорабочих откомандировал Саянова в Петроградский университет.

Саянов был активным участником пролетарского литературного движения. В 1923 году вошёл в ленинградскую ассоциацию пролетарских писателей (ЛАПП), был членом правления РАПП и ЛАПП, членом редколлегий выпускаемых этими ассоциациями журналов.

Его первый сборник «Фартовые года» (1926–1927) был хорошо принят литераторами и публикой. Всем нравился его язык с элементами блатной лексики.

Другие сборники встречали не такой горячий приём, но за Саяновым утвердилась слава певца комсомольской молодёжи, героики гражданской войны.

Вместе с тем Саянов пишет и литературоведческие книги, в

которых оценивает современную ему литературную ситуацию. «Современные литературные группировки» (1928), ««От классиков к современности» (1929), «Очерки по истории русской поэзии XX века» (1929), «Начала стиха» (1930).

Поэмы, за которые взялся было Саянов, оказались ему не по плечу. И он оставляет большую стихотворную форму ради большой прозаической формы. В 1930-е годы вышли книги повестей Саянова: «Подруга верная моя» (1930), «Остров Мадагаскар» (1932), «Олегов щит» (1933), «Две реки» (1936), «Страна отцов» (1937), «Детство на Негаданном» (1938).

В 1939-м Саянов вместе с армией участвует в военных походах в качестве корреспондента «Ленинградской правды» в Западную Украину и в Западную Белоруссию. В финской войне работает корреспондентом газеты ленинградского военного округа «На страже Родины». А в Великой Отечественной он в группе писателей при политуправлении ленинградского фронта.

В годы войны он выпускает книгу «Фронтовые стихи» (1941), почти удавшуюся ему поэму «Повесть о Кульнёве» (1942), много современной и исторической прозы. В качестве корреспондента «Ленинградской правды» Саянов присутствует в Нюрнберге на судебном процессе над фашистскими преступниками, пишет об этом «Нюрнбергский дневник» (1948).

Саянов активен в своей общественной деятельности: входит в редколлегии «Библиотеки поэта», «Литературная учёба» (1931–1933), возглавляет журнал «Ленинград» (1944–1946).

Как известно, этот журнал попал под знаменитое постановление ЦК 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Выступая на заседании, решавшем судьбу журналов и их редакторов, Сталин сказал: «*Я бы хотел, чтобы Саянов остался в качестве главного редактора, если он берётся, если у него хватит мужества действительно руководить боевым таким журналом. Бывает так, что журнал – это почтовый ящик, всё что приносят в почтовый ящик – принимают. Чем отличается журнал от почтового ящика? Тем, что плохое откладывает, а хорошее пускает. Если тов. Саянов способен вести дело так, чтобы «Звезда» не превратилась в почтовый ящик и в складочное место, а чтобы «Звезда» был журналом, руководящим писателями, которые пишут, и давал бы ведущую линию направления, я бы выступил за Саянова*».

Тем не менее вместо Саянова главным в «Звезду» назначают партийного работника Еголина. Правда, в отличие от главного редактора «Ленинграда», получившего выговор, Саянов обходится без наказания. И на следующий день пишет Сталину: «*Дорогой Иосиф Виссарионович! Невозможно найти слова, которые*

достаточно полно выразили бы чувство благодарности Вам, живущее в моём сердце. Добрые Ваши слова – самое большое счастье моей жизни. Я не могу, да и до конца дней моих не смогу, вспоминать о них без радостных слёз. Вы спрашивали у меня, есть ли у меня мужество и воля, чтобы вести дальше редакционную работу. Я так был взволнован на собрании, что ничего не смог ответить на Ваш вопрос. Позвольте же теперь сказать, что силы для выполнения порученного дела я найду и, если это потребуется, всем своим опытом, знаниями и практической черновой работой буду помогать новому редактору «Звезды». Преданный Вам В.Саянов».

Такая сервильность приветствуется и вознаграждается. Тем более что Саянов дорожит перепиской с вождём. Пишет ему новое письмо, едва закончив прозаическую вещь: «*Буду счастлив, если до Вас дойдёт прилагаемая к настоящему письму книга, которую я передал через окошко Кремлёвской комендатуры. Два года назад на заседании в ЦК, во время обсуждения вопроса о «Звезде», Вы оказали мне незабываемую моральную поддержку. Ваши слова были особенно дороги для меня, потому что дали мне возможность работать над завершением трёх монументальных романов о нашем времени, которым я отдал почти двадцать пять лет упорного и непрерывного труда. «Небо и земля» – первый (и самый меньший по объёму) из этих трёх романов. В ближайшие четыре года я закончу два других романа. У каждого писателя своя судьба и свои мечты, я же всегда мечтал только об одном – о счастье трудиться в родной литературе, перед которой Вы поставили такие великие цели. Мне хочется, чтобы Вы знали, что на решение ЦК я ответил так, как ответил бы на моём месте каждый советский человек, – неустанным и напряжённым трудом. С чувством глубочайшей преданности и сердечной благодарности В.Саянов – 15.6.1948 г.*».

Нетрудно догадаться, что «Небо и земля» уже в следующем 1949 году получит сталинскую премию. Правда, 3 степени.

После смерти Сталина Саянов работает над расширением романа. Но хорошей вещи из него не получилось.

Умер Саянов 22 января 1959 года (родился 16 июня 1903-го).

* * *

За свою жизнь Александр Александрович Шаховской написал более ста драматических произведений (комедии, водевили, дивертисменты, оперы), большинство из которых до сих пор не опубликовано.

Но из того, что опубликовано и поставлено, видно, что он был человек, весьма одарённый. Пушкинское в «Онегине»: «*Там вывел колкий Шаховской / Своих комедий шумный рой*» появилось не зря: комедии Шаховского действительно были событиями тогдашнего русского театра.

Он нападал на «арзамасцев» будучи членом «Беседы любителей русского слова». Подозревают, что в комедии «Липецкие воды» Шаховской под именем Фиалкина вывел Жуковского. «Арзамасцы» отомстили язвительными эпиграммами, которыми владели лучше, чем члены «Беседы».

Фактически, начиная с 1802 и по 1826 год, Шаховской руководил петербургскими театрами. Но в 1826-м, поссорившись с директором Императорских театров, вышел на пенсию, принялся за написание мемуаров.

Всё-таки жаль, что далеко не всё из наследия Шаховского опубликовано. Он иногда достигал в своих вещах больших высот. И кто знает, что лежит сейчас под спудом в его архиве?

Он умер 22 января 1846 года (родился 24 апреля 1777-го).

* * *

Его фамилия известна прежде всего по знаменитой иронической цитате Пастернака: «*Бедный Пушкин! Ему следовало бы жениться на Щёголеве и позднейшем пушкиноведении, и всё было бы в порядке. Он дожил бы до наших дней, присочинил бы несколько продолжений к «Онегину» и написал бы пять «Полтав» вместо одной*».

Так отреагировал Пастернак на довольно скандальную книгу Павла Елисеевича Щёголева «Дуэль и смерть Пушкина» (1916, 1917, 1936).

Я тоже считаю, что не следовало Щёголеву выставлять напоказ публике пушкинское грязное бельё: книга Щёголева грешит пересказом сплетен.

Обидно за Щёголева. Учёный он очень крупный. Много сделал хорошего и как историк. И как архивист.

К примеру, он после Февральской революции был членом Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства и разбирал архивы царской полиции.

После Октябрьской революции – один из организаторов Петроградского историко-революционного архива. Один из создателей Музея революции в Петербурге.

Его широкий диапазон научных интересов получил воплощение в более 6000 написанных им работ – от истории

декабристов до петрашевцев, до изучения и возвращения на родину архивов царских эмигрантов. Ему мы обязаны почти восстановлением архива Владимира Печерина.

Был крупнейшим библиофилом своего времени. В 1919 году часть своего собрания Щёголев передал публичной библиотеке.

Умер 22 января 1931 года (родился17 апреля 1877-го). После его смерти вдова и сын распродали бóльшую часть библиотеки. Так что около 1200 томов, проданных вдовой, попало через ленинградскую «книжную лавку» в библиотеку дома писателей имени В. Маяковского.

* * *

Дебютировал Борис Константинович Зайцев в 1901 году рассказом «В дороге». С 1907 года стал членом Общества любителей российской словесности.

В августе 1917 года болел воспалением лёгких. В 1922 году был избран председателем московского отделения Всероссийского Союза писателей.

Революцию и гражданскую войну воспринял трагически: были убиты племянник и пасынок писателя. Сам он был арестован за активное участие в Помголе (организация помощи голодающим), затем едва не умер от сыпного тифа.

В июне 1922 года Зайцев с семьёй переезжает в Берлин. В сентябре 1923-го переезжает в Италию, в декабре – в Париж, живя в котором, одновременно с октября 1925 стал редактором рижского журнала «Перезвоны».

С 1925 по 1929 Зайцев публикует в разных журналах первую часть дневниковых записей «Странник».

Занимался подборкой биографических материалов Тургенева, Чехова, Жуковского. Впоследствии опубликовал о каждом из этих писателей книги.

Продолжает публиковать дневниковые записи и во время войны. В 1947 его избирают Председателем союза русских писателей во Франции.

Очень плодовитый писатель. Уже первое его собрание сочинений, изданное в Москве в 1916–1919 годах, насчитывало семь томов.

В 1923-1925-м опубликовал роман «Золотой узор».

Написал «Алексей Божий человек» (1925), «Преподобный Сергий Радонежский» (1925), издал книги путевых очерков «Афон» (Париж, 1928), «Валаам» (Таллин, 1936). Совершил паломничества в монастыри в 1927 и в 1935.

Автор биографической тетралогии «Путешествие Глеба» (1 – 1937, 2 – 1948, 3 – 1950, 4 – 1953).

В 2009 году в России издан его «Дневник писателя».

Умер Борис Константинович 22 января 1972 года (родился 10 февраля 1881-го).

23 ЯНВАРЯ

Увы, князь Владимир Петрович Мещерский (родился 23 января 1839 года) был внуком Н.М. Карамзина. Всегда неприятно встретить несимпатичного родственника известного уважаемого человека. А Мещерский был не просто несимпатичен. Это был монстр!

Он издавал газету «Гражданин» на деньги правительства. Его современник, начальник канцелярии Министерства Императорского двора генерал А.А. Мосолов свидетельствовал: «*За время своей службы при дворе, я не помню ни одного случая, когда бы Мещерский не добился от государя испрашиваемой им для кого-нибудь милости. Он писал непосредственно его величеству, и у меня перебывало в руках немало писем, писанных убийственным почерком князя с неизменною резолюциею императора: «Исполнить»*».

Когда «Гражданин» только начал выходить и был ещё не газетой, какой он стал с 1 октября 1881 года, а журналом, И.С. Тургенев писал в 1872 году о «Гражданине», уже тогда руководимом Мещерским: «*Это без сомнения самый зловонный журналец из всех ныне на Руси выходящих*».

Надо сказать, что сатирические романы Мещерского из великосветской жизни «Женщины из петербургского большого света», «Один из наших Бисмарков», «Лорд Апостол в петербургском большом свете», «Хочу быть русской», «Тайны современного Петербурга», «Ужасная женщина», «Реалисты большого света», «Князь Нони», «Граф Обезьянинов», «Ужасная ночь» пользовались успехов. Не все они подписаны именем князя. Иногда он ставил псевдоним «К.В.М.».

За что его любили сперва Александр III, а потом Николай II, не совсем ясно. Разумеется, князь был сервилен. Возможно, венценосным приятелям князя нравились его афоризмы, типа «*как нужна соль русскому человеку, так ему нужны розги*». И всё же скандалы, в которые попадал Мещерский, перекрывали его речи, которые услаждали царственные уши.

Мещерский был, как сейчас принято говорить, нетрадиционной ориентации. На этой почве поскандалил с графом Фёдором Келлером, героем сербско-турецкой и русско-турецкой войн. Келлер препятствовал Мещерскому видеться с любовником – молодым трубачом из подчинённого графу лейб-стрелкового батальона столичного гарнизона. Мещерский добился отставки Келлера. Но позже проведённое расследование подтвердило правоту Келлера, который был восстановлен в

должности.

Надо сказать, что Мещерского не любили ни либералы, ни консерваторы. Не за то, что он был гомосексуалистом. А за то, что он предпочитал не только этого не скрывать, но помогал продвинуться по службе даже самым бездарным своим любовникам.

«*Содома князь и гражданин Гоморры*», – назвал Мещерского поэт и философ Владимир Соловьёв. Согласившись преобразовать журнал «Гражданин» в ежедневную газету, Александр III приказал выдавать Мещерскому из государственного казначейства секретной субсидии, которая составляла до 100 тыс. руб. в год. Отныне Мещерский поселился в роскошной квартире по Гродненскому переулку, в которой прожил 20 лет. В этом же доме (№ 6) находилась и редакция «Гражданина». У Мещерского появилась собственная дача в Царском Селе. Вокруг журнала сформировался кружок молодых людей, которых Мещерский называл своими «воспитанниками» и «духовными детьми». Любопытно полицейское донесение относительно этих духовных детей: «*Употребляет молодых людей, актёров и юнкеров и за это им протежирует. В числе его любовников называют Аполлонского и Корвин-Круковского. Юнкеров и молодых людей ему сводничают К.Ив. Чехович и Депари. Для определения достоинств задниц его жертв, у него заведён биллиард*».

Наконец, свидетельствует С.Ю. Витте: «*Наиболее любимый молодой человек Мещерского – Бурдуков, отставной корнет, не имеющий никакого образования и воспитания, состоит камергером двора его величества, чиновником особых поручений при министре внутренних дел, получает усиленное содержание. И даже, кажется, на случай смерти Мещерского, когда он, Бурдуков, останется без протекции, ему заранее определена пенсия, сравнительно в большом размере, если только Бурдуков покинет службу*».

Бурдукову выпало большее: он пережил благодетеля, который скончался 23 июля 1914 года, и по завещанию стал его наследником, унаследовав и тот дом, в котором находилась газета «Гражданин», и другой дом Мещерского, и всё его остальное имущество.

* * *

В записи А.В. Никитенко, цензора, будущего академика, сохранился рассказ Норова о его встрече с Пушкиным за год-полтора до женитьбы поэта. Пушкин обнял его, назвал своим

другом после того, как узнал от поэта Туманского, что Норов уничтожил список «Гаврииллиады». Пушкин пользовался обширной библиотекой Норова во время работы над «Историей Пугачёва».

Но, разумеется, что близким другом Пушкина Авраам Сергеевич Норов не был.

Норов – участник войны 1812 года. В Бородинской битве был ранен в ногу, которую пришлось отнять. Побывал у французов в плену.

Впоследствии оказался яростным критиком «Войны и мира» Льва Толстого:

«*Нетрудно доказать* ***историческими*** *трудами наших почтенных военных писателей, что в романе собраны только все скандальные анекдоты военного времени той эпохи, взятые безусловно из некоторых рассказов. Эти анекдоты остались бы совершенно в тени, если б автор, с таким же талантом, какой он употребил на их разработку, собрал и изобразил те геройские эпизоды наших войн, даже несчастных, которыми всегда будет гордиться наше потомство, оставя даже многие правдивые анекдоты, бичующие зло*».

Впрочем, ни Толстому, ни его произведению, нападки Норова ощутимого вреда не принесли. Уже в то время критику Норова отвели как заушательскую.

В 1821–1822 годах совершил путешествие по Европе, посетив Германию, Францию, Италию, Сицилию. В 1828-м издал об этом книгу очерков.

В 1823-м получил чин полковника и служил в Министерстве внутренних дел.

После путешествия в Палестину, Малую Азию и Иерусалим написал книгу «Путешествие по святым местам» (1838), а путешествие по верховью Нила Норов запечатлел в книге «Путешествие по Египту и Нубии» (1840). В 1840-м избран в члены Российской академии. В 1849-м стал сенатором, в 1851 – действительным членом Академии наук по отделению русского языка и словесности.

В 1850-м – товарищ министра народного просвещения, а в 1854-1858-м – министр народного просвещения. На этом посту добился того, что возросло количество студентов в вузах, увеличился объём преподавания, возобновились командировки молодых учёных за границу, ослабла цензура.

Норова влекло к литературе. Будучи полиглотом, он переводил с языка оригинала Вергилия, Горация, Петрарку, Ариосто, Тассо. Норов оказался первым русским учёным, умевшим читать иероглифическую письменность.

Он не принадлежал к какой-либо литературной партии, поэтому печатался в самых разных альманах и журналах.

Его библиотека была собранием не только книг, но и рукописей. Состояла из 16 тысяч экземпляров, включала в себя памятники XV–XIX веков, в том числе много редчайших изданий. Сейчас коллекция находится в Российской Государственной библиотеке.

Умер 23 января 1869 года. Родился 22 октября 1795-го.

* * *

С Максом Соломоновичем Бременером я связался сразу, как только журнал «Семья и школа» попросил меня помочь создать хороший литературный портфель.

Я знал несколько вещей Бременера «Пусть не сошлось с ответом!», «Передача ведётся из класса», и они мне нравились. Бременер очень серьёзно беседовал с юным читателем и этим напоминал мне Аркадия Гайдара. Хотя стилистически они были далеки друг от друга.

Мы посмотрели вместе с Максом Соломоновичем, что можно было взять для «Семьи и школы». Заковыка была в том, что какую-то вещь он уже отдал в журнал «Пионер», а какую-то уже писал по договору с «Юностью». «Но я обязательно буду иметь вас в виду», – сказал мне, улыбаясь, Бременер.

Хорошо, что он вышел вместе со мной во двор. Во дворе мы встретили Бенедикта Сарнова. «*О,* – сказал Бременер, – *вы знакомы?*» «*Да,* – ответил Бен, – *и у Гены лежит моя статейка, которую он обещает напечатать*».

Бременер ударил себя по лбу. «*А вы знаете*, – сказал он мне, – *у меня ведь тоже есть статья о детстве. Её недавно зарубило не буду говорить какое издание*». «*Чтобы не сглазить?*» – спросил я. Бременер засмеялся.

Словом, статью Бременера редакция напечатала. А я с Максом Соломоновичем перезванивался. Я давно уже не был связан с «Семьёй и школой», когда прочитал его «Присутствие духа». Вещь мне чрезвычайно понравилась.

Увы, она оказалась одной из последних, написанных Бременером. Последней была «Гренадская волость», написанная и вовсе в 1978 году – за четыре года до смерти Макса Соломоновича. Он умер 23 января 1983 года (родился 16 ноября 1926 года) и остался в памяти доброжелательным, интеллигентным человеком, талантливым писателем.

* * *

Виктора Михайловича Гусева я запомнил по всякого рода радиопостановкам. Он писал стихи и писал стихом. Порой стихом писал целые пьесы.

Помню его очень популярную пьесу «Весна в Москве». Потом она, кажется, стала фильмом.

Кстати, за сценарии фильмов Гусев получил две сталинских премий 2 степени. Одну при жизни за «Свинарку и пастух» (1944), другую посмертно – «В шесть часов вечера после войны» (1946).

А наиболее популярной из песен, написанных на стихи Гусева, оказалась «Полюшко-поле».

Виктор Михайлович прожил короткую жизнь. Умер 23 января 1944 года в 34 года: родился 30 января 1909.

24 ЯНВАРЯ

Леонид Петрович Гроссман (родился 24 января 1888 года) наиболее известен как автор двух книг в серии «ЖЗЛ» «Пушкин» и «Достоевский».

Но он до войны написал ещё немало исторических и историко-литературных повестей. «Вторник у Каролины Павловой» (1919, 1922), например. Или «Записки Д'Аршиака» (1930). Или «Рулетенбург» (1932)

Он с 1921 преподавал в Литературном институте имени Брюсова, потом работал учёным секретарём литературной секции Государственной Академии художественных наук, потом снова преподавал в разных педагогических институтах Москвы.

Разумеется, он пишет много научных работ, связанных с литературой: «От Пушкина до Блока» (1925), «Поэтика Достоевского» (1925), «Пушкин в театральных креслах» (1926), «Преступление Сухово-Кобылина» (1928), «Жизнь и труды Ф. М. Достоевского» (1935), «Н. С. Лесков» (1945).

В 1948 году попал в число тех, кого обвиняли в космополитизме.

Любопытно, что космополитом был объявлен человек, влюблённый в русскую литературу, очень много для неё сделавший.

Уже почти через полвека после его смерти (15 декабря 1965 года) в 2013 году выпущена книга издательством АСТ. Называется «Литературные биографии». Прочтите собранные здесь биографии Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Лескова, Тютчева, Достоевского, Толстого, Салтыкова-Щедрина, Аполлона Григорьева, Леонида Андреева, Блока, Брюсова, Ахматовой. Прочтите эти биографии, и вряд ли у вас не сложится убеждённости в том, что их писал человек, впитавший в себя уроки русской литературы.

* * *

Татьяна Львовна Щепкина-Куперник (родилась 24 января 1874 года) начинала свою деятельность и как драматург и как актриса. В 1892 году Малый театр поставил её пьесу «Летняя картинка». А в 1892–1893 она играла в Театре Корша.

Дальше цитирую документальную повесть Ивана Евдокимова «Левитан»:

«*Антону Павловичу Софья Петровна не нравилась, он жалел её*

мужа и осуждал Левитана. Роман с Кувшинниковой едва не разлучил старых друзей навсегда. Чехов написал знаменитую свою «Попрыгунью», изобразив в этой роли Софью Петровну, в образе доктора Дымова бедного Дмитрия Павловича, а Левитана в образе коварного, себялюбивого и чёрствого художника Рябовского. Левитан обиделся и за себя и за свою любовь. Он перестал встречаться с Антоном Павловичем, собирался вызвать его на дуэль, ссора была затяжной, тяжёлой, продолжалась больше года, измучила обе стороны.

Однажды зимой в мастерскую Исаака Ильича заехала Татьяна Щепкина-Куперник, молодая писательница. Она пользовалась особым благоволением Софьи Петровны, постоянно посещала вечера её, летом жила вместе, роман с Левитаном проходил на глазах юной приятельницы Кувшинниковой.

Увидев Щепкину-Куперник, Левитан очень обрадовался, помог освободиться от покупок, которыми были полны её руки, и взял заиндевевшую от мороза шубку своей нежданной гости. Радостная, весёлая и звонкоголосая, какими умеют быть только юные девушки, она наполнила тихую мастерскую художника приятным шумом и смехом. И Левитан с удовольствием слушал оживлённую свою посетительницу, приветливо улыбался ей, показывая новые этюды, которые она заехала посмотреть.

Щепкина-Куперник говорила быстро, торопливо, беспокойно взглядывая на свои часики. Художник обратил внимание на её беспокойство и спросил об этом. Левитан узнал, что у неё оставалось полчаса времени и что она должна была попасть на вокзал к отходящему поезду, с которым ехала в Мелехово – имение Антона Павловича. И Левитан перестал улыбаться, задумался, потом признался девушке, что очень жалеет о своём разрыве с Чеховым. Щепкиной-Куперник было известно, что Антон Павлович морщился, вспоминая свою незадачливую «Попрыгунью», поссорившую его с Левитаном. Щепкина-Куперник решила воспользоваться удобным случаем и примирить бывших друзей.

– Едемте! – воскликнула она и перестала смотреть на этюды, которые показывал ей художник. – Едемте сейчас же, только собирайтесь скорее, мы опоздаем на поезд.

Левитан был в нерешительности: энергичный натиск девушки пугал и втайне радовал.

– Как, сейчас? – спросил он тихо и растерянно развел руками, сплошь перепачканными в красках.

– Помойтесь и едем! – почти приказала женщина. – Я уверена, что Антон Павлович только этого и ждёт и не прогонит вас.

Исаак Ильич недовольно нахмурился, поняв, что гостья была на стороне Чехова. Левитан помедлил, вяло отошел к большому

окну студии и грустно стал смотреть на огромную ель перед фасадом, всю засыпанную, как пушистым хлопком, вчерашней метелью.

– А вдруг Антон Павлович не поймёт моего порыва, – пробормотал он печально. – И приезд мой будет совсем некстати.

– Я за всё отвечаю! – воскликнула Щепкина-Куперник. – Я не сомневаюсь, что доставлю ему большое удовольствие, если привезу вас. Собирайтесь же! Время идёт. Наверно, был уже первый звонок, поезд скоро отправится.

Она взяла свои покупки со стула. Исаак Ильич заволновался, быстро отошёл от окна, швырнул кисти в желтенькое ведрышко, где они обыкновенно хранились, и поспешно принялся мыть руки.

Левитан промолчал всю дорогу в поезде. На конечной остановке пересели в сани. Лошади пошли бойко по обкатанной лёгкой зимней дороге.

– Танечка, а если, а если мне суждено пережить неприятную минуту? – словно простонал Исаак Ильич, поёжился, спрятал лицо в поднятом воротнике шубы.

Спутница ничего не ответила, ей передалось его волнение, она пожалела, что слишком погорячилась и была, может быть, напрасно самоуверенной. Страх за Левитана всё усиливался. Теперь она вздыхала не меньше, чем Исаак Ильич.

В сумерках показался низенький мелеховский дом. Левитан думал, что колокольчик под дугой звенел ненужно громко. Сани с шумом раскатило на повороте к дому, и лошади остановились у крыльца. Вышел Антон Павлович. Левитан робко и нехотя вылезал из саней. Друзья с минуту постояли друг против друга в замешательстве и… поздоровались. За ужином они сидели рядом, как будто ничего в прошлом не случилось и они никогда не расставались».

Да, рассорившихся друзей сумела помирить Татьяна Львовна Щепкина-Куперник.

В период с 1895 по 1915 год она выпустила более десятка поэтических и прозаических сборников. Стихотворение «На Родине» («От павших твердынь Порт-Артура», 1905) стало народной песней.

Известность приобрели её переводные (достаточно вольно) стихотворные пьесы Э. Ростана: «Сирано-де-Бержак», «Принцесса Грёза» (в оригинале «Дальняя принцесса»), «Орлёнок», «Романтики», «Шантеклер». Написанную прозой пьесу Метерлинка «Монна Джованна» она перевела стихами. Переводила Лопе де Вега, Шекспира, Кальдерона, Мольера, Флетчера, Гольдони, Шеридана. Перевела стихи из «Алисы в стране чудес» Кэрролла. Писала собственные одноактные пьесы.

Оставила книгу «Из воспоминаний» и автобиографические «Разрозненные страницы».

Умерла 27 июля 1952 года.

25 ЯНВАРЯ

Я уже писал, что в детстве «Клуб знаменитых капитанов» была моей любимой передачей. И что до сих пор помню её музыкальную заставку. Говорил и о том, что взрослым узнал, что писали эту передачу два литератора Климентий Борисович Минц и Владимир Михайлович Крепс.

Крепс (родился 25 января 1903 года), в отличие от своего соавтора был отмечен сталинской премией 2 степени (1950) за сценарий кинофильма «Райнис».

В 1935–1936 году он работал главным редактором киностудии «Межрабпомфильм», редактором киностудии «Союздетфильм». Но, в отличие от Минца, написавшего киносценарии художественных фильмов в одиночку, Крепс является полновластным сценаристом только одного фильма «Дорога к звёздам» (1943), остальные пять написаны в соавторстве. Даже отмеченный сталинской премией фильм «Райнис» имеет двух сценаристов: Крепса и Ф.Я. Ракопелниса.

А вот сценарии к шести документальным и научно-популярным фильмам, таким, как «Александр Покрышкин» (1945), «Борис Щукин» (1963) и другим, Владимир Михайлович Крепс написал один.

В заметке о Минце я писал, что первая их с Крепсом радиопередача «Клуб знаменитых капитанов» вышла в эфир в декабре 1945-го. Двадцать пять лет жила эта передача на радио. 9 книг написал Крепс вместе с Минцем, в том числе и по мотивам радиопередачи: «Клуб знаменитых капитанов. Фантастическая история, записанная гусиным пером в клеёнчатых тетрадях, с приложением частной переписки одного городского воробья с конструктором планетоходов серии ВВН» (1974), «Клуб знаменитых капитанов. Фантастическая история, записанная гусиным пером в клеёнчатых тетрадях, с приложением частной переписки одного городского воробья с конструктором планетоходов серии ВВН». Книга вторая (1977), «На волне знаменитых капитанов» (1974), «Счастливого плавания, Знаменитые Капитаны!» (1980).

Последняя их совместная книга «Путешествие становится опасным» вышла уже в 1989 году – после смерти Крепса. Он умер в 1984-м. Увы, видимо, не слишком заметно, если Интернет не зафиксировал ни дня, ни месяца смерти.

* * *

Ещё в юности, прочитав стихотворение, я его запомнил:

Чтоб стать мужчиной, мало им родиться.
Чтоб стать железом, мало быть рудой.
Ты должен переплавиться. Разбиться.
И, как руда, пожертвовать собой.
Какие бури душу захлестнули!
Но ты – солдат, и всё сумей принять
От поцелуя женского до пули,
И научись в бою не отступать.
Готовность к смерти – тоже ведь оружие.
И ты его однажды примени…
Мужчины умирают, если нужно,
И потому живут в веках они.

Запомнил и автора Михаила Львова. А потом, когда мы с ним познакомились (я работал в «Литературной газете»), я прочитал ему эти строчки и тут же получил приглашение поехать в ЦДЛ, чтобы выпить на брудершафт. Миша казался по-настоящему взволнованным: «*Надо же! Меня-то, оказывается, знают!*»

Львов родился в Башкирии в деревне в семье сельского учителя. Башкирский знал не хуже русского, который шлифовал, учась в педагогическом техникуме. А потом в Литературном институте.

Освоив русский язык, стал писать на нём стихи. Первая его книга «Время» вышла в 1940-м. Кстати, там он объяснил происхождение своего русского псевдонима:

Я взял у Лермонтова – имя
(и в этом – молодость права),
Фамилию – для псевдонима —
Из имени Толстого Льва.

Он работал на военных стройках Урала. В 1943-м стал солдатом Уральского танкового корпуса. Печатал свои стихи, переводил на русский стихи татарских, башкирских и казахских поэтов.

В 1944 году в ноябре «Литературная газета» печатает стихи Михаила Львова с предисловием Эренбурга. Тогда же его принимают в Союз писателей.

По-моему, с публикацией у Львова проблем не было. Хотя стихов, подобных тем, что я процитировал вначале, он не писал, но это были грамотные, актуальные стихи. Так сказать, на темы,

которые подбрасывали пропагандисты. Поэтому книги у Львова выходили часто.

Тем более что в начале 60-х он сменил Старшинова на посту заведующего отдела поэзией журнала «Юность». Через некоторое время, когда Наровчатов стал первым секретарём Московского отделения СП СССР, он сделал Львова секретарём отделения. А уйдя главным редактором в «Новый мир», Наровчатов пригласил Мишу стать своим заместителем. Они дружили – Наровчатов и Львов. Так что корысти здесь не было.

Но для издательских чиновников зам главного журнала или секретарь союза писателей – величина немалая. И Миша пользовался этим. Причём не столько для себя, сколько для других. Знаю, скольким он помог напечататься, скольким пробил книгу.

Он вообще был добрым человеком, не помню, чтобы кому-нибудь он причинил зло. Умер он 25 января 1988 года (родился 4 января 1917-го).

* * *

Николай Ильич Стороженко преподавал в Александровском военном училище и 1 Московской гимназии, где в 1864 году прочитал четыре лекции о Шекспире. Прочитав лекции, понял, в чём отныне его главный литературоведческий интерес.

Он поехал в Англию. Провёл там два года. Работал над темой «Шекспировская критика в Германии», а, кроме того, занимался предшественниками Шекспира.

Через некоторое время Стороженко был выбран советом Московского университета на кафедру всеобщей литературы. О его лекциях ходили легенды.

В 1878 году он защитил докторскую диссертацию на тему «Роберт Грин. Его жизнь и произведения». Работа была нова даже для англичан, которые, переведя её, выбрали Стороженко одним из вице-президентов Нового шекспировского общества.

В России Стороженко стал председателем (с 1894) в литературно-театральном комитете при дирекции Императорских театров. А с другой стороны, он писал оригинальные статьи и редактировал переводные сочинения по Шекспиру таких учёных, как Женэ, Кох, Левес, Брандес.

Он писал не только по шекспировским вопросам. Очень характерны для него такие статьи, как «Философия Дон-Кихота», «Юношеская любовь Гёте», «Личность Лермонтова». Но, разумеется, самый большой вклад Стороженко внёс в русское

шекспироведение.

2 февраля 1894 года на праздновании 35-летнего юбилея научной деятельности Николая Ильича Стороженко была высказана мысль о создании кружка любителей западноевропейской литературы. Среди учредителей кружка были Фриче, Павел Коган, Александр Курсинский, близкий друг Бальмонта и Брюсова, привлёкший обоих в кружок, где они выступали с научными докладами.

А Стороженко однажды попробовал себя в драматургии. Написал пьесу «Троеженец», которую в 1896 году поставил Малый театр.

Умер Стороженко 25 января 1906 года (родился 22 мая 1836-го).

26 ЯНВАРЯ

С сыном Марии Иосифовны Белкиной Димой Тарасенковым я был однокурсником. У его отца, известного критика Анатолия Кузьмича Тарасенкова, давно к тому времени умершего, осталась уникальная библиотека. И Дима приносил книжки нам с Рощиным в журнала «РТ-программы», чтобы мы что-нибудь оттуда перепечатали.

И чтобы потом больше не останавливаться на Диме, скажу, что он напечатал в 1969 году в «Юности» весьма приличную детективную повесть «Человек в проходном дворе», где действует младший лейтенант Красухин. Так он пошутил: мы были дружны. А через девять лет он эмигрировал в США, где уже после смерти матери 26 января 2008 года (родилась 12 июня 1912-го) передал в дар Центру русской культуры в Амхёрсте коллекцию в почти полторы тысячи книг, представляющих собой русскую поэзию зарубежья, а также коллекцию писем русских эмигрантов.

Мать Димы, Мария Иосифовна, является автором до сих пор популярной книги «Скрещение судеб» о судьбах семьи Цветаевых-Эфрон. Книга основана на личных воспоминаниях о Марине Цветаевой, с которой Белкина встречалась после возвращения Марины Ивановны, и на воспоминаниях дочери Цветаевой, Ариадны Эфрон.

Это не первая книга Белкиной. До этого она написала шесть книг очерков и рассказов. Но, повторяю, самая известная.

Мария Иосифовна принимала участие и в документальном фильме, посвящённом Цветаевой.

* * *

Александр Павлович Скафтымов является основоположником саратовской филологической школы. Фольклорист, он в 1921 году приходит на кафедру русской литературы Саратовского университета, где становится профессором уже через два года.

Скафтымов не принял ни социологический, ни формальный подходы к изучению творчества русских писателей. Поначалу он отстаивал телеологический принцип изучения литературы. Он заключается в том, чтобы теоретической работой, способами художественного анализа постичь конечную цель, которую осуществил в своём творении художник, уяснить всю полноту творческого задания автора, – того задания, которым определяются части, компоненты, детали произведения как

художественного целого.

Скафтымов рассматривает произведение как целостную систему. Изучение единства формы и содержания.

Ещё в работах о фольклоре Скафтымов выступил новатором. Былина исследовалась им как художественное произведение со своей поэтикой, своей эстетической функцией.

В 1923–1931 годах он пишет одновременно о Толстом, Достоевском, Чернышевском, о русской словесности XVIII века. Везде он старается внедрить новые теоретические принципы, показать их научную эффективность.

Что не устраивало Скафтымова в работах Овсянико-Куликовского и Мережковского, Гершензона и Переверзева, фрейдистов и компаративистов? Его не устраивало, что, несмотря на несхожесть подхода к произведению, все они, пусть и не желая того, навязывали автору своё «я». Скафтымов старался сказать о произведении только то, что оно само о себе сказало.

Какие работы Скафтымова актуальны сегодня? Да все. И «Тематическая композиция «Идиота»», и «Идеи и формы в творчестве Толстого», и «Чернышевский и Жорж Занд», и «О психологизме в творчестве Стендаля и Толстого», и, конечно, его чудесные работы о Чехове, являющие собой вершину научной деятельности Скафтымова, – «О повестях Чехова «Палата № 6» и «Моя жизнь», «К вопросу о принципах построения пьес Чехова», «О единстве формы и содержания в «Вишнёвом саде» Чехова», «Пьеса Чехова «Иванов «в ранних редакциях».

В 2008 году в Самаре вышел трёхтомник выдающегося учёного, скончавшегося 26 января 1986 года (родился 28 сентября 1890-го).

* * *

Леночка Николаевская. Так звали её знакомые всех возрастов. Студенческая подруга по Литинституту почти всех моих друзей-фронтовиков. И не только их. Но и тех, кто не воевал, кто пришёл в институт чуть позже.

Елена Матвеевна Николаевская, скончавшаяся 26 января 2006, не дожив полгода до 83-х (родилась (18 июля 1923), быстро прославилась как переводчик поэзии. Переводила много и многих. Мустая Карима, например. Или Расула Гамзатова. Причём, на мой вкус, Гамзатова она переводила лучше, чем Яков Козловский. Переводила стихи поэтов Кавказа. Особенно – поэтов Армении.

Она дала почувствовать русскому читателю, что такое стихи

Сильвы Капутикян или Георга Эмина. Для русского читателя очень труден Паруйр Севак. Я знаю только двух поэтов, в переводах которых он адекватен себе. Это Елена Николаевская и Олег Чухонцев.

Я однажды присутствовал на вечере Николаевской в Ленинакане. Зал был большой. Лена начала с классиков – с Саят-Новы, Егише Чаренца, Ваана Терьяна. Сперва читала она, а потом из-за стола на сцене вставал человек и читал это же стихотворение в оригинале. Поразило даже не ритмическое совпадение, а совпадение чувства, настроения. А когда Елена Матвеевна взялась за современников, благодарные слушатели стали волнообразно качаться в ритм.

На банкете, который был дан в честь Леночки, какие произносили цветистые речи. Причём – с достоинством. Без намёка на подхалимаж.

Её любили в Армении, где она получила премию Ованеса Туманяна, была удостоена звания Заслуженного деятеля культуры Армении. Но её любили и в Грузии. Конечно, прежде всего за переводы тех, кем гордятся грузины, – Карло Каладзе, Симона Чиковани, Акакия Церетели, Отара Челидзе, Анны Каландадзе. И здесь она получила республиканскую премию Георгия Леонидзе.

Но коль речь зашла о наградах, не забудем о премии «Венец», которую Союз писателей Москвы присудил Елене Николаевской за многолетний вклад в литературу в области художественного перевода. Она одна из немногих москвичей, удостоенных «Венца» именно за это. И всё же мне кажется, что Елена Матвеевна была слишком скромна к себе. Переводчиком она была, разумеется, хорошим. Но и оригинальным поэтом – тоже. Вот стихи, которые говорят о подлинности:

Не читайте старых писем,
Ни весёлых, ни печальных —
В миг дыханье перехватит,
Если попадутся в руки:
Каждое – как знак разлуки
И как память об утрате
Тех мгновений изначальных,
От которых мы зависим…
Не читайте старых писем!..
Нет, я с этим не согласна!
Лишь былое нам подвластно:
Ведь никто отнять не может
Час и год, что нами прожит…
Если что-то в нашей власти

Целиком, а не отчасти,
Если чем-то мы владеем
В пику призрачным идеям
Это памятью о счастье,
Да, ни грёзами, ни снами, —
Только тем, что было с нами…
Лишь былое постоянно,
Лишь минувшая минута
Без подвоха, без изъяна,
Без обмана, – потому-то
Возвратимся к старым песням,
К старым басням, к старым письмам,
Позовём, окликнем, свистнем —
И очнёмся, и воскреснем…

* * *

Владимир Яковлевич Лазарев (родился 26 января 1936 года) часто приходил к нам в «Литературную газету». Не со стихами. Печатался у нас он редко. А просто пообщаться.

Он вообще был невероятно общителен. Родился он, кажется, в Туле. Во всяком случае, жил там в детстве. Но потом переехал в Москву.

Как правило, выступал на всех писательских собраниях. Если, конечно, это были не съезды и не пленумы. В правление Союза писателей Володя не входил.

Но меня настораживало, что в его выступлениях мелькали националистические нотки. Помню, как расцеловал он Татьяну Глушкову, выступившую в обычной для неё полуфашистской манере. «*Спасибо, очень здорово!*» – говорил Тане Володя. Сам он выступил тут же, но градусов на десять ниже глушковского кипения.

А потом академик Лихачёв добился, чтобы при его фонде мира открылся журнал «Наше наследие», куда главным Лихачёв пригласил своего любимца из софроновского «Огонька» Владимира Енишерлова. Журнал был очень красивый, напоминал дореволюционный «Мир искусств». Очевидно, такой бумаги и такой печати в России не было. Он печатался в Лондоне, куда ежемесячно ездил теперь Енишерлов.

Енишерлов и набрал себе команду, куда взял и Лазарева. И снова неприятно кольнуло от этого известия. Команда Енишерлова была почти бывшая «огоньковская» – «софроновская».

Ну, не совсем, конечно. Но там преобладали активисты общества охраны памятников старины, которые, как правило, входили в «Русскую партию».

Лазарев (а это уже были горбачёвские времена) печатался в парижском Вестнике русского христианского движения и в нью-йоркском «Новом журнале», стал председателем Совета содействия библиотечному делу фонда культуры, председателем общественного комитета спасения Российской государственной библиотеки (был период, когда от Ленинки отгоняли всякого рода нечистых людей, лезущих в директоры). Володя оказался инициатором создания научно-просветительского общества «Лосевские беседы» и Центра русской религиозно-философской мысли «Дом Лосева».

Но потом при Ельцине «Наше наследие» начало увядать. Платить за его издание огромные деньги государство больше не стало. И журнал сократился в объёме, перестал быть ежедвухмесячным, прекратил издавать книги (а он создал было собственное издательство), наконец, перешёл на российскую печать.

Лазарев там давно уже не работает. Но он и не живёт в России. Уехал в Калифорнию. Любопытно, остался ли при этом он членом Попечительского совета музеев Л.Н. Толстого в России?

27 ЯНВАРЯ

27 января по новому стилю в 1891 году родился Илья Григорьевич Эренбург, очень известный во время войны публицист, начавший любопытными романами и неплохими стихами. Словом, человек, чрезвычайно разносторонний.

Следует упомянуть и его воспоминания «Люди, годы, жизнь», восстановившие имена и стихи таких поэтов, как Марина Цветаева и Осип Мандельштам.

Правда, отпечаток времени лежит на советском периоде его творчества. Скучные романы, вялые стихи, осторожно касающиеся острых тем воспоминания.

Всем своим знакомым Эренбург обещал, что напишет главу воспоминаний о Сталине, которого очень хорошо знал и который к нему неплохо относился: доверял выезжать заграницу, награждал орденами и премиями. После смерти Сталина Эренбург написал повесть «Оттепель», уже самим названием запечатлев период советской истории.

Увы, «Оттепель», пожалуй, была самым смелым поступком Эренбурга. Главу о Сталине он так и не написал.

Эренбург обожал Францию, её поэтов, её модернистов-художников. Вот об одном из французских поэтов привожу стихотворение:

Верлен в старости

Лысый, грязный, как бездомная собака,
Ночью он бродил забытый и ничей.
Каждый кабачок и каждая клоака
Знали хорошо его среди гостей.
За своим абсентом молча, каждой ночью
Он досиживал до «утренней звезды».
И торчали в беспорядке клочья
Перепутанной и неопрятной бороды.
Но, бывало, Муза, старика жалея,
Приходила и шептала о былом,
И тогда он брал у сонного лакея
Белый лист, залитый кофе и вином,
По его лицу ребёнка и сатира
Пробегал какой-то сладостный намёк,
И, далёк от злобы, и далёк от мира,
Он писал, писал и не писать не мог…

Умер Илья Григорьевич 31 августа 1967 года.

* * *

Мой старший товарищ Лазарь Ильич Лазарев родился 27 января 1924 года. Окончив школу, в 1941 году поступил в Ленинградское военно-морское училище имени Фрунзе. В январе 1942-го из окружённого немцами Ленинграда училище было эвакуировано в Астрахань. А через несколько месяцев Лазарь был отправлен на курсы пехотной подготовки, окончив которые оказался на Сталинградском фронте. Командовал взводом, потом ротой – разведки и стрелковой. Воевал на передовой. Был контужен, неоднократно ранен. В последний раз в августе 1943 года, где в составе войск Южного фронта штурмовал Саур-могильские высоты на реке Миус, куда прорвались гитлеровцы. Их разрывные пули оторвали Лазарю два пальца на одной руке и выбили кусок кости на другой. Несмотря на его протесты и на его желание воевать дальше, он был комиссован и с белым билетом в 1944 году отправлен в тыл.

Потом учёба в МГУ на филологическом факультете. По окончании был рекомендован в его аспирантуру. И неслучайно: к этому времени (1950) относится первое выступление Лазаря в печати, а диплом, защищённый Лазаревым по драматургии К. Симонова, был издан издательством «Искусство» в 1952 году отдельной книгой.

Правда, поначалу с зачислением Лазарева в аспирантуру тянули: на дворе стояло время разгула государственного антисемитизма. И всё же прогрессивно настроенные профессора МГУ, добились, чтобы их выпускник стал аспирантом, а после её окончания защитил ученую степень кандидата филологических наук.

Во времена хрущёвской оттепели, когда на «Мосфильме» организовали творческое объединение писателей и кинематографистов, Лазарь вошёл в сценарно-редакционную коллегию и художественный совет этого объединения, был редактором фильмов А. Смирнова и Б. Яшина «Пядь земли», А. Тарковского «Андрей Рублев», «Солярис», «Зеркало».

В конце семидесятых Лазаря пригласили на факультет журналистики МГУ, где он читал лекции по современной литературе, получил ученое звание доцента.

Но и работу на киностудии, и преподавание в МГУ Лазарь Лазарев совмещал с делом, оказавшимся главным в его жизни, – журналистикой. В 1955 году он пришёл в «Литературную газету»,

где в конце пятидесятых возглавил отдел современной литературы, вполне сопоставимый по популярности с критическим отделом журнала А. Твардовского «Новый мир» (кстати, и сам Лазарь, и большинство его сотрудников были авторами этого журнала). В 1961 году Лазарев перешёл в журнал «Вопросы литературы», работал ответственным секретарем, заместителем главного редактора по творческим вопросам, а с 1992 года и до конца своей жизни главным редактором. Именно Лазарь Лазарев внёс наибольший вклад в то, что ещё в советское время этот журнал, не поступаясь научностью, сумел привлечь к себе массового читателя, стал трибуной свободной мысли, противостоящей официозу.

В нулевых годах для печати наступило время безденежья. Главные редакторы газет и журналов изворачивались в поисках инвесторов. Сотрудница «Вопросов литературы» Таня Бек, с которой мы были дружны, предложила Лазарю взять себе в первые заместители (с прицелом в будущем сделать главным редактором) Игоря Шайтанова, который руководил аппаратом русской премии Букер. Премию в то время спонсировал Михаил Ходорковский. Таня, и я, поддержавший это предложение, и Лазарь, согласившийся с ним, надеялись, что через Шайтанова журнал получит денежное вливание от щедрого по отношению к оппозиционной печати олигарха. Но через очень короткое время Ходорковского арестовали. Меня тогда поразило, что руководство букеровской премией не выступило в его защиту. Наоборот – на вопрос ведущего телепрограмму «Тем временем» Александра Архангельского: «Что случилось?» Игорь Шайтанов беспечно ответил: «Ничего не случилось!» и рассказал о новом спонсоре.

Меня, дружившего с Шайтановым, это неприятно царапнуло.

Лазарь ввёл меня в редколлегию «Вопрос литературы», а накануне нового 2007 года предложил стать штатным сотрудником.

– Но ты же знаешь, – сказал я Лазарю, – что я занимаюсь Пушкиным. А по русской литературе XIX века у тебя есть прекрасный специалист – Нина Николаевна Юргенева.

– Ты будешь на правах моего заместителя, – сказал Лазарь. – Но официально мы это оформлять не будем. Не говори об этом Шайтанову. Он может этого не понять.

Как в воду глядел. Шайтанов встретил меня с недоумением: зачем я пришёл? Но, узнав, что я буду всего лишь работающим членом редколлегии, успокоился.

Вот здесь мне и пришлось наблюдать, как развивается конфликт Шайтанова со старым коллективом редакции.

Нина Николаевна Юргенева рассказывала мне, что на другой

день после своего появления Шайтанов пришёл к ней со статьёй, которую швырнул ей на стол.

– Это никуда не годится, – сказал он.

Нина Николаевна пошла к Лазарю, рассказала ему о поведении его первого зама. С тех пор Шайтанов материалы на стол сотрудникам не бросал, но его враждебность по отношению к старым работникам ощущалась.

– Если бы ты знал, как меня они приняли! – рассказывал он мне.

Постепенно вырисовалась суть конфликта. Шайтанов, не работавший до этого в печатных органах, придумывал схемы, абсолютно неприемлемые для периодического издания. Так, он объединял материалы, посвящённые одному писателю или одной проблеме в большие блоки, иногда посвящал какой-либо проблеме весь номер, совершенно не заботясь о том, что «Вопросы литературы» – не альманах, а журнал, подписчики которого рассчитывают получать в каждой его книжке самую разнообразную информацию. Так и было до Шайтанова. В конце концов, если подписчик не интересуется современной поэзией, то посвящать ей весь номер – значит отпугнуть его!

Увы, Лазарь занял позицию невмешательства. И старые сотрудники постепенно редакцию покидали.

Почему не вмешивался Лазарь? Потому что Шайтанов, провозгласивший себя противником либеральных идей, что для меня, знавшего его немало лет, оказалось удивляющей неожиданностью, сумел выйти на правительственных чиновников, которые соглашались давать ему гранты. Фактически и Лазарь, и вся редакция стала от них зависеть.

После того, как Лазарь похоронил свою добрую, любимую жену – Надежду Яковлевну Мирову (домашнее имя Ная), он сдал. Стал рассеян, не вникал в материалы, которые подписывал. И объявил, что уходит с поста главного редактора. Главным редколлегия выбрала Шайтанова, а Лазаря сделала шеф-редактором. Но на этом посту он пробыл месяц. Умер Лазарь через год после смерти Наи – 30 января 2010 года.

Ещё через какое-то время я получил от членов редколлегии письмо на имя Шайтанова с просьбой его подписать. Редколлегия обращала внимание Шайтанова на то, что политика журнала не соответствует той, что проводили его предшественники, и на то ещё, что он распоряжается журналом самолично, не советуясь с редколлегией. Поскольку я был работающим членом редколлегии, подписав письмо, я известил об этом Шайтанова.

Его реакция была невероятно злобной. На первом же совещании редакции он в грубой форме объявил мне об

увольнении. А когда, узнав об этом, члены редколлегии поинтересовались, по уставу ли это сделано, Шайтанов объявил им, что принят новый устав, по которому новый редактор не избирается больше редколлегией и не подчиняется ей.

Усомнившийся в этом, Николай Анастасьев был выведен из редколлегии. Другой член редколлегии Евгений Сидоров подал в отставку, которую Шайтанов удовлетворил.

Поначалу высказывалось намерение опротестовать устав, о принятии которого не ведали сотрудники редакции. Но потом от намерения отказались: надо идти в суд, а на него надежды сейчас мало. Шайтанов дружит с государственными чиновниками, а это в какой-то мере означает и его неподсудность.

И чтобы закончить об этом погроме и перейти к Лазарю, скажу, что дочь Лазаря Ира Щербакова организовала вечер, посвящённый 90-летию отца (он умер 30 января 2010 года). Ни приглашённый ею Шайтанов, ни другие сотрудники редакции, которым Шайтанов должен был передать Ирино приглашение, на вечер не пришли. И понятно почему. Друзья Лазаря не могли пройти мимо нынешней обстановки в редакции, а Шайтанову слушать об этом не хотелось.

Лазарь Лазарев таким образом оказался последним редактором журнала, который сохранял в нём дух дискуссионности и неприятия единомыслия.

«Критическое слово Л. Лазарева, – однажды (в 80-х) написал Алесь Адамович, – как-то соучаствовало в том, что делали в 50-60-е годы Бакланов и Бондарев, Быков и Богомолов, что делают многие из нас сегодня в прозе. Что сближает работу этого критика и этих прозаиков, так это общность исходных нравственных стимулов». «Умный, честный, пишет не о пустяках, а о том, что действительно задевает его», – отзывался о Лазаре Виктор Некрасов.

Для полноты картины добавлю, что Лазарь Лазарев вместе с Б. Сарновым и Ст. Рассадиным прославились своими пародиями которые уже по мере публикации их в прессе были причислены к классике этого жанра Их удалось частично – по возможностям тогдашнего времени (1966 год) – собрать в книге «Липовые аллеи». В неурезанном виде она переиздана только в 2008-м. Укажу ещё на мемуары Лазаря «Шестой этаж» (1990), «То, что вспомнилось» (1999), «Записки пожилого человека» (2005). Они являют собой правдивейшее повествование человека о себе и окружающей его жизни.

* * *

Я не являюсь горячим поклонником стихов Риммы Казаковой, которая родилась 27 января 1932 года. Слишком много стихотворной шелухи в её наследии. Но попадаются и искренние, настоящие стихотворения.

Одно из таких:

В какой-то миг неуловимый,
неумолимый на года,
я поняла, что нелюбимой
уже не буду никогда.
Что были плети, были сети
не красных дат календаря,
но доброта не зря на свете
и сострадание не зря.
И жизнь – не выставка, не сцена,
не бесполезность щедрых трат,
и если что и впрямь бесценно —
сердца, которые болят.

Умерла Римма Федоровна 19 мая 2008 года.

* * *

Павел Петрович Бажов (родился 27 января 1879 года) поначалу был эсером. Но в Гражданскую войну действовал на стороне красных в казахском городе Усть– Каменогорск. Казаки устроили там переворот, и Бажов затаился. Действовал по координации подполья.

Позже под видом страхового агента Бажов осуществлял связь между партизанскими соединениями, работая по заданию красных. Ему удалось в ноябре 1919 года объединить краснопартизанские отряды в одну силу. Но рядом с ним действовала повстанческая крестьянская армия Козыря. Вместе с партизанами она взяла Усть-Каменогорск. Образовалось двоевластие, которое кончилось тем, что из Семипалатинска были присланы три красных полка, предотвративших восстание армии Козыря. Бажов под псевдонимом Бахеев/Бахметьев организовал подавление подготовки к восстанию.

В Ревкоме Бажов занял пост заведующего управлением народного образования. Он создаёт учительские курсы, организует школы по ликвидации неграмотности. В казахские волости посылается 87 учителей, подготовленных с участием Бажова.

В конце 21-го Бажов в связи с тяжёлым заболеванием возвращается домой, на Урал, где пишет книги по истории Урала, собирает уральский фольклор. Первая книга «Уральские были» вышла в 1924 году. В 1923–1931 году Бажов работал в областной «Крестьянской газете».

Первый из уральских сказов «Девка Азовка» опубликован в 1936 году. А уже в 1939-м появляется первое издание уральских сказов «Малахитовая шкатулка».

В РКП(б) Бахов вступил ещё в 1918 году. Во время чисток его дважды исключали на год – в 1933 и в 1937 годах. Но оба раза восстанавливали.

Мне думается, что Сталин хранил жизнь таким сказателям, акынам, собирателям фольклора. Они все действовали в одном направлении: неграмотные или полуграмотные люди в своих былинах, песнях, сказках, сказах свидетельствовали о расцвете страны под сталинским правлением.

Недаром с 1940 года Бажову доверили возглавить Свердловскую писательскую организацию. Бажова избирают депутатом Верховного Совета СССР. В 1943 году за книгу «Малахитовая шкатулка» он получает сталинскую премию 2 степени. За литературную работу награждён орденом Ленина.

3 декабря 1950 года Павел Петрович скончался.

* * *

17 мая 1970 года выдавленный из «Нового Мира» А.Т. Твардовский заносит в свою рабочую тетрадь: «*В журнал, который, как я угадал в своё время, подвергался более надуманным, чем вызванным настоящей нуждой нападкам, когда ещё нельзя было ему поставить в вину главную вину – Солженицына, – в этот журнал назначается для окончательного искоренения злого духа и окропления углов святой водой тот самый Таурин, который ездил «на акцию» исключения С[олженицына] в Рязань из Союза писателей. Приём безотказный до жути: парня заставили сперва сделать разовое гнусное дело – теперь откажись, попробуй. А парень, м[ожет] б[ыть], и неплохой «по идее», но уж как попал литначальником, так поделом вору и мука. Впервые встретился я с ним на Ангаре; Иркутск, где он редактировал многотиражку, – однажды я даже пособил ему что-то обработать, заметку какую-то. Потом уж он оказался писателем, выходцем из министерства Якутской АССР, автором двух-трёх читанных мною романов – серая провинция, убожество, хотя знание материала было как будто. Сунулся он было в «Н[овый] М[ир]» с какой-то рукописью,*

но при всём моём благорасположении к нему это было нереально. Помню, кажется, его большие синие глаза с белыми ресницами (он рыжий) в слезах, когда он выслушивал мой отрезный отказ. Или я кого-то другого вспоминаю? Во всяком случае – рукопись была и была решительно отвергнута».

Нет, конечно. Твардовский не ошибается. Вспоминает правильно. Только несколько путает времена. Франц Николаевич Таурин (родился 27 января 1911 года) уже в 1939 вступил в партию. Во время войны был директором Якутского кожевенного комбината. Оттуда был избран секретарём Якутского обкома и членом президиума Верховного Совета Якутской АССР. А в Иркутске оказался в 1952-м. Там он и редактировал многотиражку «Огни коммунизма» – на строительстве Иркутской ГЭС, а потом стал главным редактором альманаха «Ангара». В 1960 году его приняли в Союз писателей и тут же назначили руководить городской писательской организацией, чем он и занимался пять лет.

С этой должности он был переведён в Москву, избран секретарём Союза писателей РСФСР с 1965 года.

Как секретарю ему приказали ехать в Рязань, исключать из Союза Солженицына. И именно потому, что он руководил процессом исключения, назначили в оставленный Твардовским «Новый мир», где он возглавил отдел прозы, тот самый, через который когда-то шёл «Иван Денисович».

А насчёт того, что рукопись Таурина была «решительно отвергнута», Твардовский вспоминает верно. Писал Таурин не просто плохо, но очень плохо. Ещё в Иркутске стал работать над тетралогией «Далеко в стране Иркутской» об истории рабочего класса Сибири – от царских времён и до Братской ГЭС.

Видимо, все было настолько плохо, что Таурину не решились дать даже Госпремию РСФСР имени Горького, которую в народе называли «секретарской»: её выдавали секретарям российского союза. И к 70-летию в 1981-м награждают не бог весть каким большим орденом – Трудовое Красное Знамя.

Словно показывали этим: никуда, голубчик, теперь от нас не денешься: сделал своё дело, ну и помалкивай в тряпочку.

Таурин решил поменять тему. Стал писать биографии революционеров – М. Ольминского «Каменщик революции» и Н. Серно-Соловьевича «Без страха и упрёка».

Но уж не знаю, дождался ли он какого-либо отклика на эти книги.

Во всяком случае, умер он незаметно, настолько, что нигде не зафиксированы день и месяц смерти, указан только год – 1994.

28 ЯНВАРЯ

Геннадий Самойлович Гор (родился 28 января 1907 года) был отчислен из университета за роман «Корова», которую напечатать смогли только в 2000-м – через много лет после смерти писателя (6 января 1981 года).

Он потом больше в университет не поступал, а уехал на Крайний Север. В 1933 году выпустил книжку «Живопись». И, несмотря на то, что книга подверглась жесточайшей критике за формализм, через год стал членом Союза писателей СССР.

В начале Отечественной вступил в народное ополчение.

А после войны в шестидесятые годы, будучи уже известным писателем-фантастом, причём, в отличие от многих, заглядывающим в будущее с единственной целью – подсмотреть там то, что, быть может, уже было или чего, может быть, никогда и не будет, – так вот после войны Геннадий Гор руководит Центральным Литературным Объединением Ленинграда – ЛИТО, из которого выйдут Андрей Битов, Борис Вахнин, Валерий Попов.

Понятно, почему за «Корову» Гора прогнали из университета. Она явно отдаёт традициями Леонида Добычина и Константина Вагинова. Да и научная фантастика Гора словно не отстаёт от этих традиций: её интересует духовное будущее человечества, сформированного нынешними реалиями.

А стихи, которые писал Гор в 1942–1943 годах в эвакуации, после блокадной зимы, отмечены не только влиянием обэриутов, но и постоянным ожиданием смерти. Ясно, что в то время такие стихи никто бы печатать не стал. Они напечатаны тоже значительно после смерти писателя – полностью в 2012 году.

Сон соболю приснился не соболий
И тополю не топал тополь.
И плакала волна в Тоболе
О Ермаке, что не увидит поле.
И плакала волна в Тоболе
О соболе, что не услышит боле,
О Ермаке, что не увидит воли.
И соболю не снился сон соболий.

* * *

Удивительный писатель. Невероятно одарённый и невероятно

циничный. Мне Валентина Петровича Катаева (родился 28 января 1897 года) доводилось видеть довольно часто: я был членом Совета по молдавской литературе, который Катаев возглавлял. На заседаниях он держался сухо, официально и, казалось, что абсолютно серьёзно относится к любым советским реалиям. Например, однажды мы собрались в день, когда был запущен в космос новый летательный аппарат с людьми на борту. Боже, как по этому поводу разливался Катаев, как доносил до нас трёхкопеечную мысль о том, что мы обставили американцев из-за коллективного нашего сплочённого духа, до которого можно ли угнаться духу разрозненному?

Я сравнивал Катаева с Чаковским. Чаковский любил показать, что советскую власть он не любит. Катаев, наверное, её тоже не любил, но об этом, похоже, не знали даже его друзья.

Конечно, я в детстве любил его «Белеет парус одинокий». Но уже продолжение этой повести меня разочаровало. А вся тетралогия заставила забыть, что я любил её начало.

Правда, к тому времени я прочитал уже и «Растратчиков», и «Время, вперёд!», и его комедию «Квадратура круга». Конечно, ничего общего с унылыми «Волнами Чёрного моря». Но все эти вещи мне не нравились.

Показалось, что куда лучше, чем он, пишут его младший брат с другом. Ни одну катаевскую вещь я не мог сравнить с «12 стульями» или «Золотым телёнком».

Разумеется, я обратил внимание на его изменение стиля. Прочитал «Святой колодец», «Кубик», «Трава забвенья», «Алмазный мой венец», «Уже написан Вертер».

Конечно, что говорить: от официальной советской казёнщины Катаев отошёл. Эти романы читаются с интересом: они написаны художником. И всё же от того же «Вертера» воняет антисемитизмом: как некогда под словом «космополит» понимали еврея, так в романе Катаева любой его герой-троцкист всё делает для того, что бы читатель почувствовал в нём еврея.

Когда-то совсем юный Катаев дважды напечатал одно своё стихотворение:

И племя иуды не дремлет,
Шатает основы твои,
Народному стону не внемлет
И чтит лишь законы свои.
Так что ж! Неужели же силы,
Чтоб снять этот
тягостный гнёт,
Чтоб сгинули все юдофилы,

Россия в себе не найдёт?

Стихотворение напечатано в «Одесском вестнике» в 1910-м и в 1911-м. По одному и тому же поводу. Оно посвящено дню рождения Союза Русского Народа в его шестилетие и в его семилетие. Первый раз юному гимназисту было 13 лет. Второй – 14.

Оказалось, что Катаев с тех пор не повзрослел. Притворяться научился. Скрывать сокровенное – тоже. И всё-таки оно проступило в 1979 (год окончания «Вертера») – за семь лет до смерти (12 апреля 1986 год). Проступило и лишило Катаева моего читательского уважения к нему.

* * *

Про Олега Николаевича Шестинского (родился 28 января 1929 года) кто-то ошибочно написал, что тот был в 1973 по 1986 год секретарём Союза писателем по работе с московскими авторами. И пошло: Википедия, Хронос, всякого рода биографические справки: с **московскими**! А зачем московским писателям такой большой секретарь был нужен? Их глава и так входил по должности во все секретариаты.

Шестинский был секретарём, но по работе с молодыми писателями. Устраивал совещания молодых: региональные, всесоюзные, следил за молодыми. Я сам ездил в делегации во Львов, которую он возглавлял. Принимал участие в руководстве семинарами молодых на совещаниях, где он был в председателях.

Он окончил Ленинградский университет в 1952. Специализировался по болгарской литературе. Весь 1963 год стажировался в Софийском университете.

Поэтом он был настолько плохим, что удивляешься критику Александру Макарову, поприветствовавшему две его первые книжки.

А вот почему его в 1971 году избрали руководителем Ленинградской писательской организации, можно только гадать. За два года он так осточертел ленинградцам, что те договорились не избирать его в правление, из которого только и можно попасть в секретари. И не избрали. Был скандал. На писателей давил обком, давил большой секретариат Союза. Но те – ни в какую. И вот тогда Шестинского забрали в Москву и избрали большим секретарём по работе с молодыми. На этой должности он пробыл до самой перестройки.

Смешно читать его слова произнесённые в 2004 году после перестройки, которые приводит В. Огрызко в «Хроносе»: «*Мои попытки вникнуть в проблемы евразийства, православия, русского национального мира вызывали брюзжание у тех, кто не просто «руководил» литературой, а беспокоился, как бы не потерять своё хлебное место*». Смешно, потому что вникать в проблемы русского национального мира никто ему не мешал. А вникать в проблемы православия он, коммунист, и не рвался. Да и у кого его действия вызывали брюзжание? У Маркова? У Карпова? У Михалкова?

Умер Шестинский 6 июля 2009 года.

* * *

Я начинал учиться на филологическом МГУ, когда деканом факультета был Роман Михайлович Самарин. Мне сказали, чем он отличается от почти всех администраторов факультета: он не был членом партии. Но меня такое сообщение заставило насторожиться: таких подарков, как деканство или заведование кафедрой, беспартийным обычно не делали. А раз сделали, значит, было за что!

И точно. Через некоторое время Самарин деканом быть перестал. Но продолжал заведовать кафедрой зарубежной литературы.

Говорили, что он как бы находится под судом общественности. Что создана комиссия, которая проверяет факты участия Самарина в борьбе с космополитизмом. Поговаривали, что он не гнушался доносами на своих коллег.

Во всяком случае, впоследствии это утверждала героиня фильма «Подстрочник» Лилиана Лунгина, учившаяся у Самарина. А известный литературовед Ю.Г. Оксман в письме Л.К. Чуковской от 22 апреля 1960 года уверенно числит Самарина в «*топтунах и проходимцах*» («Знамя», 2009, № 6).

Да и сама Лидия Корнеевна даёт Самарину красноречивую характеристику: «*Назвать Самарина человеком невежественным или бездарным было бы несправедливо; однако истинное его призвание – интриги и проработки. Во время антисемитской кампании 1949-53 годов (вошедшей в историю нашего общества под псевдонимом «борьбы с космополитизмом») Самарин уволил из университета всех профессоров еврейского происхождения. В 1949 году, по прямому заданию КГБ, Самарин стал во главе комиссии, которой поручено было подвергнуть научную деятельность сотрудника ИМЛИ, специалиста по американской литературе, А.*

И. Старцева. По докладу этой комиссии А. И. Старцев (р. 1909) был сначала уволен с работы, а затем арестован… В 1966 году Р. М. Самарин был выдвинут Институтом мировой литературы в члены-корреспонденты Академии наук СССР. Против этой кандидатуры восстали академики В. В. Виноградов и В. М. Жирмунский, обосновывая свой протест тем, что писания Самарина научной ценностью не обладают, а его общественная деятельность – безнравственна».

Но, увы. Хрущёвская оттепель быстро сменилась подморозками. Если и создавали в МГУ комиссию по Самарину, то её либо распустили, либо она самоликвидировалась. Самарин деканом больше не был, но зарубежную литературу читать нам продолжал, особенно напирая на её классовый характер.

И сдать экзамен или зачёт у него было трудно. Он мог ни с того, ни с сего начать гонять вас по всему курсу, не обращая никакого внимания на ваш билет.

Умер Роман Михайлович 28 января 1974 года. Родился 26 октября 1911 года.

* * *

Оказывается, в Союз писателей Леонида Сергеевича Ленча рекомендовал в 1939 году Михаил Зощенко. Но я-то знаю другую историю его вступления в Союз.

Мой бывший редактор журнала «РТ-программы» Борис Ильич Войтехов написал в соавторстве с Леонидом Ленчем пьесу «Павел Греков» об исключённом из партии по доносу молодом человеке и о том, как тот восстанавливает своё доброе имя, попутно обеляя очень авторитетного для него человека, которого тоже исключили из партии за предательство. «Разве можно так верить людям, Греков? Да ещё в такое время?» – говорит ему секретарь парткома. «Вот именно в такое время таким людям, как Ковалев, надо верить», – отвечает Павел Греков. А ведь пьеса была поставлена в театре Революции в 1939-м году. О каком «таком времени» идёт речь, сомневаться не приходится. Скорее всего, именно это – игру на грани, не преступая дозволенного, – и оценил Сталин. Он приказал принять обоих авторов в Союз писателей и определённо им покровительствовал.

Так что рекомендация Зощенко была формальной.

Знаю я это от Бориса Ильича, который за другую пьесу, не принятую к постановке на родине, но поставленную в Англии, был арестован и отсидел 10 лет.

А Ленч сосредоточился на беззубом юморе. Писал репризы,

миниатюры для Рины Зелёной, для Марии Мироновой, для Татьяна Пельцер.

В годы войны вёл сатирический раздел в газете Брянского фронта «На разгром врага».

А после войны написал сценарий фильма «Девушка без адреса». Писал не слишком остроумные книжки, которые выходили в «Библиотечке «Крокодила»».

Умер 28 января 1991 года (родился 2 августа 1905-го).

* * *

Для меня Борис Самойлович Ямпольский начался как писатель с «Рассказов о зверях и птицах», напечатанных во втором сборнике «Литературная Москва» (1956).

Я читал его «Карусель», опубликованную в «Знамени», и снова почувствовал, что писатель он хороший.

Что он настоящий писатель, я понял, прочитав в «Континенте» его посмертную публикацию (он умер 28 января 1972 года, родился 21 августа 1912-го) «Да здравствует мир без меня» (1976).

И наконец, что он большой, настоящий, прекрасный писатель я убедился, прочитав его «Московскую улицу» в 1988-м в «Знамени», которую сам автор назвал «Арбат, режимная улица».

Один из первых Ямпольский исследовал сталинский режим, показал, во что превращались люди, которых режим заряжал и тем заражал своими идеями.

29 ЯНВАРЯ

Илья Захарович Вергасов в 1932 году добровольцем ушёл служить в Красную армию, где закончил школу и служил в войсках ВВС. По состоянию здоровья ушёл из армии, работал старшим механиков в совхозе в Гурзуфе.

Во время войны был начальником штаба партизанского соединения, потом – командиром объединённого партизанского района на территории Крыма.

Позже служил во фронтовой разведке, командовал полком.

В 1947–1948 годах жил в Крыму, залечивал раны.

Писать начал поздно. Написал три книги. Все они посвящены партизанскому движению: «В горах Таврии: Записки партизана» (1959), «Героические были из жизни крымских партизан» (1975), «Крымские тетради» (1982).

Умер 29 января 1981 года (родился в 1914 году).

* * *

Сергей Александрович Макашин (родился 29 января 1906 года) поначалу в 1925–1931 годах был секретарём Отделения литературы, искусства и языкознания редакции Большой советской энциклопедии. В 1930-м работал учёным секретарём музеев Чехова и Горького при Госбиблиотеке СССР имени Ленина. В 1931 был арестован и провёл в заключении два с половиной месяца. В редакции БСЭ восстановить его отказались, и он начал сотрудничать с только что основанным «Литературным наследством».

В 1941 году арестован, приговорён к 5 годам исправительных работ… Но в 1943 мобилизован, служил в штрафбате. С тяжёлым ранением попал в плен. После освобождения продолжал службу в армии. В Чехословакии нашёл архив писателя-эмигранта В.И. Немировича-Данченко.

С 1946 года старший научный сотрудник ИРЛАН (Пушкинский Дом). Был членом редколлегии и одним из руководителей издания «Литературное наследство». В 1950 году удостоен сталинской премии 2 степени за книгу «Салтыков-Щедрин. Биография». В 1951 году в составе авторского коллектива удостоен академической премии имени Белинского за подготовку трёхтомного издания, посвящённого Белинскому в «Литературном наследстве». Руководил созданием 9-томной серии, посвящённой Герцену и Огарёву. Принимал участие в

создании академических собраний сочинений Салтыкова-Щедрина, Герцена, Л. Толстого, Тургенева, Писемского.

Умер 21 октября 1989 года.

30 ЯНВАРЯ

Всеволод Владимирович Крестовский в 1886 году вступил унтер-офицером в 14 уланский Ямбургский полк, расквартированный в Гродно. И уже в 1873-м выпустил «Историю 14 уланского Ямбургского полка» и был в 1874 году переведён в гвардию. По предложению Александра II составил «Историю л. – гв. Уланского Его Величества полка» (1876). Принимал участие в качестве журналиста, прикомандированного правительством к штабу действующей армии в русско-турецкой войне 1877–1878. В 1880–1881 секретарь при начальнике Тихоокеанской эскадры, с 1882 года – чиновник особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе. С 1892 года и до конца жизни (умер 30 января 1895 года; родился 23 февраля 1840-го) был редактором газеты «Варшавский дневник».

В литературу вошёл своим романом «Петербургские трущобы» (отдельное издание в 4 томах вышло в 1867 году). Роман повествует обо всех слоях жизни российской столицы. При выходе был очень популярен. Лесков, например, считал этот роман «самым социалистическим романом на русском языке».

В прошлом веке в девяностых годах роман Крестовского как бы выплыл из забвения. По мотивам романа в 1994 году был снят сериал «Петербургские тайны». Правда, сильно видоизменённый по сравнению с романом. Авторы фильма использовали только начало романа, переписали сюжетную канву и характер действующих лиц. В 1998 году к уже отснятым 48 сериям прибавили ещё 12 под названием «Развязка «Петербургских тайн»», где авторы дали полную волю фантазии, сняли трагический конец романа, поменяв его на хеппи-энд, и ещё более изменили характер действующих лиц романа.

Но в то время, когда роман печатался, он был чрезвычайно актуальным для современников.

Крестовский писал и до романа. Начинал со стихов, которые, правда, критики не одобрили. Хотя некоторые стихотворения Крестовского стали популярными романсами: «Под душистою ветвью сирени», «Прости, на вечную разлуку». А баллада «Ванька-ключник» сделалась известной народной песней.

Крестовский – автор либретто оперы Н.А. Римского-Корсакова «Псковитянка» по одноимённой драме Л. Мея.

Физиологические очерки Крестовский издал в 1865 году в трёх книгах: «Петербургские типы», «Петербургские золотопромышленники» и «Фотографические карточки петербургской жизни».

Писал Крестовский антинигилистические романы «Панургово стадо» (1869) и «Две силы» (1874), которые в совокупности составили дилогию «Кровавый пуф. Хроника о новом Смутном времени Государства Российского» (в 4 томах, 1875).

И наконец, позорная страница в творчестве Крестовского. Точнее, позорное завершение его творчества. Он пишет антисемитский роман-трилогию под условным названием «Жид идёт»: «Тьма египетская» (1888), «Тамара Бендавид» (1890) и «Торжество Ваала» (оставленный незаконченным в 1891 году).

Даже консервативное критика отметила падение мастерства Крестовского в этих романах. «*Сухо, скучно, книжно*, – писал В.Н. Буренин, – *и отдаёт посредственностью*».

Нет, наверное, недаром многие русские писатели отвернулись от Крестовского в 90-х. Достоевский, например, указывал на способность Крестовского «к дурным поступкам». А Аполлон Григорьев – на «разврат ума», которым «пересиливается его прекрасное и мягкое сердце».

* * *

Слуцкий писал о нём:

Это Коля Глазков. Это Коля,
шумный, как перемена в школе,
тихий, как контрольная в классе,
к детской
принадлежащий
расе.
Это Коля, брошенный нами
в час поспешнейшего отъезда
из страны, над которой знамя
развевается
нашего детства.
Детство, отрочество, юность —
всю трилогию Льва Толстого,
что ни вспомню, куда ни сунусь,
вижу Колю снова и снова.
Отвезли от него эшелоны,
роты маршевые
отмаршировали.
Все мы – перевалили словно.
Он остался на перевале.

На войну Николай Иванович Гладков, родившийся 30 января 1919 года, не попал по медицинским показателям. Сейчас появились публикации, намекающие, что Глазков просто «откосил» от армии. Но я знал его лично. «Откосить», то есть обмануть кого-то Коля был не способен. Да, совершенно определённо он был с психическими отклонениями.

Всю войну он зарабатывал себе на хлеб тем, что рубил дрова москвичам. О чём писал в стихах:

Живу в своей квартире
Тем, что пилю дрова.
Арбат, 44,
Квартира 22.

Физической силы он был огромной. Любил её демонстрировать: предложить кому-нибудь выжать как можно бóльшую цифру на динамометре, а потом выжать самому намного больше.

Моё знакомство с его поэзией началось с четверостишия:

Я на мир взираю из-под столика
Век двадцатый – век необычайный
Чем столетье интересней для историка
Тем для современника печальней.

Не помню уж, в какой из московских газет в конце пятидесятых бомбили самиздатовский журнал «Синтаксис». Но эту цитату я запомнил сразу. И с Сашей Ароновым через некоторое время посетили Глазкова, с которым я и познакомился.

Коля оглушил феерической иронией своих стихов. «*У меня их много*», – предупредил он и читал весь вечер. «*Заходите*, – сказал он, провожая нас, – *продолжим чтение*».

Я любил бывать у него. Всегда среди уже знакомого находилось у Коли что-то новое, мною не слышанное. Не скажу, что всё написанное им, мне нравилось. У него было много трухи. Кстати, именно её печатали чуть позже, когда стали выпускать его книги. Но я всё прощал ему за его лучшие вещи.

За:

Господи, вступися за Советы,
Сохрани страну от «высших рас»,
Потому что все твои заветы
Нарушает Гитлер чаще нас.

За:

Мне говорят, что «Окна ТАСС»
Моих стихов полезнее.
Полезен также унитаз,
Но это не поэзия.

За:

От моря лжи до поля ржи
Дорога далека.

За:

И неприятности любви
В лесу забавны и милы:
Ее кусали муравьи,
Меня кусали комары.

За:

Тает снег, лежащий на крыше,
Ибо так установлено свыше.

Но чувствую, пора остановиться. Долго ещё можно цитировать. Много ещё можно цитировать. Глазков это предвидел. Потому и писал:

Поезд едет ду-ду-ду,
Чрезвычайно скоро.
Он везёт не ерунду,
А стихи Глазкова.
И за будущие дни
Я не беспокоюсь,
Потому что искони
Верю в этот поезд.

Умер Николай Иванович Глазков 1 октября 1979 года.

31 ЯНВАРЯ

Литературным творчеством Борис Викторович Савинков (родился 31 января 1879 года) начал заниматься с 1902 года. В 1903 году он пишет рассказ «В сумерках», где выводит революционера, ощущающего греховность убийства. Впоследствии это станет как бы внутренним раздвоением Савинкова, где революционер будет полемизировать с литератором.

В 1905–1909 годах Савинков выступает как мемуарист, автор очерков о товарищах по боевой организации и о знаменитых терактах. Эти очерки лежат в основе книги «Воспоминания террориста» (1917–1918), вызвавшей большую прессу и неоднократно переиздававшейся.

В 1907 году Савинков знакомится с четой Мережковских. Гиппиус дарит ему свой псевдоним «В. Ропшин» и заглавие написанной им книги «Конь бледный» (1909). В основе повести – реальные события: убийство Каляевым под руководством Савинкова великого князя Сергея Александровича. Савинков владеет психологическим анализом. Он показывает героя, какому близки идеи Ницше, но который отравлен рефлексией. Надо сказать, что эсеры, которые выступили и против этой книги, и против «Воспоминаний террориста», и против романа «То, чего не было», требовали изгнать Савинкова из своих рядов. Тем более что Савинков не поверил поначалу в предательство Азефа. Ведь вместе с Азефом они выступили инициаторами убийства Гапона, заподозренного в связях с полицией. И вот Азеф – один из самых смелых террористов оказался провокатором!

Савинков пытался сменить Азефа, стать во главе Боевой организации. Но ни одного успешного теракта ему осуществить не удалось. В конце концов Боевая организация распускается в 1911 году, Савинков уезжает во Францию, вступает после начала Первой Мировой во французскую армию, участвует в боевых действиях и пишет об этом в русской и французской печати.

Одновременно он выступает как поэт, заявляя о себе прежде всего как о последователе Ницше. Савинков не издал поэтического сборника при жизни. Его посмертный сборник «Книга Стихов» (1931) издала в Париже Гиппиус. Но стихи не имели читательского успеха.

В 1914–1923 году Савинков печатает в основном публицистику и очерки. А писать ему было о чём.

После Февральской революции Савинков вернулся в Россию. Временное правительство назначает его своим комиссаром в 7

армии. А через короткое время – комиссаром Юго-Западного фронта. Савинков – за войну до победного конца. Поддержал Корнилова. Советовал Керенскому заменить Корниловым генерала Брусилова на посту Верховного.

23 августа 1917 при наступлении Корнилова на Петроград был назначен военным губернатором Петрограда и исполняющим обязанности командующего войсками Петроградского военного округа. Предложил Корнилову подчиниться Временному правительству, но 30 августа подал в отставку не согласный с этим предложением.

За это был исключён из партии эсеров, чем нисколько не огорчился. Он и Октябрьский переворот считал следствием слабости и неразумности действий Керенского.

В феврале-марте 1918 года создал в Москве подпольный «Союз защиты Родины и Свободы». Однако в мае большевики раскрыли подполье. Многие участники были арестованы.

Некоторое время Савинков состоял в отряде В.О. Каппеля. Рассматривался в качестве кандидата на пост министра иностранных дел в составе Совета министров Временного Всероссийского правительства («Уфимской директории»). По поручению директора Директории Николая Дмитриевича Авксентьева уехал с военной миссией во Францию.

В Варшаву приехал во время советско-польской войны по приглашению Пилсудского. Вместе с Мережковскими издавал в Варшаве газету «За свободу». Пытался представить себя как вождя всех антибольшевистских крестьянских восстаний, что не понравилось Пилсудскому, и он выслал Савинкова из Польши.

10 декабря 1921 года тайно встречается в Лондоне с большевистским дипломатом Красиным. Обсуждали условия, на которых Савинков может вернуться и быть полезным советской власти.

Осторожный Савинков передал суть разговора Черчиллю, сообщил о встрече с большевистским эмиссаром в письме Пилсудскому, ездил для переговоров к Муссолини. В это время он занялся работой над своей повестью «Конь вороной», подводящей итоги Гражданской войны.

Но ЧК перехитрила Савинкова. Его заманили с помощью последней его возлюбленной Любови Ефимовны Дигкоф и её мужа. 16 августа его арестовали в Минске.

На суде Савинков признал своё поражение. Поэтому военная коллегия Верховного суда, приговорившая его к расстрелу, не помешала Верховному суду ходатайствовать перед президиумом ЦИК СССР о смягчении приговора. Приговор был определён в 10 лет лишения свободы.

Савинков написал письма руководителям Белого движения, призывая их прекратить борьбу против Советской России.

7 мая 1925 года по официальной версии ЧК Савинков покончил жизнь самоубийством, выпрыгнув из окна во внутренний двор Лубянки.

По сей день эта версия оспаривается.

* * *

Вадим Эразмович Вацуро, научный сотрудник Пушкинского Дома, отличался огромной эрудицией и потому пользовался уважением среди коллег-пушкинистов.

Он много работал и оставил немало работ. Среди них написанная совместно с М.И. Гиллельсоном книга «Сквозь «умственные плотины»» – о цензуре пушкинского времени (1972), книги ««Северные цветы»: история альманаха Дельвига-Пушкина» (1978), «С.Д.П.» – о салоне Софьи Пономарёвой, который посещали крупнейшие поэты 1820-х годов (1989), «Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа»» (1993, отмечена Пушкинской премией АН СССР), «Записки комментатора» (1994).

Умер Вадим Эразмович 31 января 2000 года (родился 30 декабря 1935-го). Посмертно вышли монография «Готический роман» (2004) и том «Избранных трудов» (2004). В этот том вошла единственная статья Вацуро на политическую тему «М. Горбачёв как феномен культуры».

* * *

В 1912 году Михаил Леонидович Лозинский организовал журнал «Гиперборей», где печатались акмеисты, входящие в «Цех поэтов». В 1913–1917 работал в журнале «Аполлон». С 1914 до 1937 работал в Публичной библиотеке в качестве библиотекаря и консультанта.

В 1916 опубликовал первую стихотворную книжку «Горный ключ», которая была переиздана в 1919.

Больше своих стихов Лозинский не издавал. Поэтому уместно здесь дать понятие о том, каковы были его стихи:

Бесконечною тоскливостью
Льются дни и ночи.
Быль земли давно рассказана
Речью однозвучной.

Торопливой теплясь живостью,
Смотрят в вечность очи.
Мне моя душа навязана,
Как недуг докучный.

Внучка Лозинского, Наталия Толстая, тоже переводчица вспоминает, как Лозинские избегли участи дворян – быть сосланными в Сибирь после убийства Кирова.

Дело в том, что Лозинский был женат на Т.Б. Шапировой, дочери видного деятеля Красного Креста. Их дочь вышла замуж за сына А.Н. Толстого Никиту.

«*Когда убили Кирова, – вспоминает Наталия Толстая, – Михаила Леонидовича Лозинского арестовали, так как он был из дворянского рода. А по одной из версий, Кирова убили дворяне. Потому дедушке грозила ссылка в Сибирь. Мама сказала отцу, что они вынуждены расстаться, так как их семья отправляется в ссылку. Отец обратился к Алексею Толстому с просьбой спасти Лозинских. Тот попросил об этом Горького, который был официальным писателем № 1. Алексей Максимович спрашивает: а кто такие Лозинские? Кто они вам? Мол, как объяснить наверху? И тогда мой 17-летний отец и 18-летняя мать зарегистрировали брак. Лозинского отпустили. Поначалу брак был фиктивным. Каждый ещё несколько лет жил в своей семье, поскольку оба были слишком юные. А затем в этом счастливом браке было семеро детей*».

Но вообще Лозинский задерживался ОГПУ ещё в 1921-м по делу Гумилёва. Находился две недели под арестом. В 1932 был арестован и осуждён на три года лишения свободы условно. Реабилитирован по этому делу только в 1989 году.

Лозинский – основатель советской школы поэтического перевода, тяготел к переводам поэзии крупной формы, драматургии, прозы. Он перевёл Шекспира, Шеридана, Корнеля, Мольера, Лопе де Вега, Сервантеса, Мериме. Переводил восточных поэтов: Николаза Бараташвили, Фирдоуси, Саят-Нова.

За перевод «Божественной комедии» Данте отмечен в 1946-м сталинской премией 1 степени.

В 1986 году в журнале «Литературное обозрение» (№ 7) опубликована переписка Лозинского с Блоком.

Умер Михаил Леонидович 31 января 1955 года (родился 21 июня 1886-го).

* * *

Как поэт Константин Михайлович Гусев (родился 31 января 1916 года) начал печататься до войны в альманахе «Литературный Воронеж». В 1949 году был назначен ответственным секретарём и редактором воронежской областной газеты «Коммуна». В 1951 году его переводят в Москву в редакцию газеты «Правда».

Был он активистом движения эсперантистов в СССР. Участвовал в международных эсперанто-конгрессах. Одним из первых начал переводить стихи испанца Гарсиа Лорки. Это на русский. А стихи Пушкина, Лермонтова, Есенина, Пастернака, Маяковского переводил на эсперанто.

Многие его стихи посвящены землякам-воронежцам. О них написаны книги «Стихи» (1946), «Город дружбы» (1961). Посмертно (он умер 9 ноября 1980 года) издана книга его стихов «Шаг времени» (1985).

К сожалению, в Интернете нет стихов Константина Гусева. Нашёл только его дружеское послание:

Тот день приметен, будто веха,
Средь буден громких и пустых,
Когда в редакцию из цеха
Вы притащили первый стих.
И в нём была всему основа,
Всему, чем так вы хороши;
И жар точенья скоростного,
И божья искорка души.
Поэтому тот день, как мета,
И сердцу близок, хоть далёк:
источником добра и света
Мне стал Ваш тёплый камелёк.

Увы, совершенно не похоже, что имеешь дело с профессиональным поэтом. Такие стихи часто дарят на день рождения и непрофессионалы.

* * *

С Николаем Константиновичем Доризо мне пришлось однажды объясняться весьма нелицеприятно.

Дело в том, что он, не довольствуясь своей заслуженной славой поэта-песенника, писал огромные поэмы, даже стихотворные пьесы и много никуда не годных стихотворений.

Так бывает в литературе. Тексты для песен не требуют

самовыражения. Они вполне могут быть банальными, самоназидательными, назидательными другим. Например: «Эх, рано он завёл семью – / Печальная история. / Я от себя любовь таю, / А от него тем более». Как самостоятельные стихи, строки не выдерживают критики: уж если таишь любовь от себя, то зачем об этом оповещать других! Но к тексту обратился композитор Кирилл Молчанов, и получилась великолепная, ставшая сразу популярной песня.

Но Доризо, повторяю, не хотел, очевидно, быть только поэтом-песенником. А необходимым для поэта искусством самовыражения не обладал. Тем не менее, то в «Октябре», то в «Москве», то в «Молодой гвардии», то в журнале «Дон» печатались его большие подборки.

Я, собирая материал для статьи об амикошонстве современных поэтов с Пушкиным, вдруг наткнулся на удивительные по своей глупости строчки Доризо: «Нет, жив Дантес. Он жив опасно. / Жив до сегодняшнего для. / Ежеминутно, ежечасно / Он может выстрелить в меня».

То есть, хотел или нет этого, но Доризо уподобил себя Пушкину, о чём я и написал в статье.

Её прочитал Саша Иванов, взял у меня эту цитату и, как это он обычно делает, обыграл её, высмеивая.

Озлобленный Доризо пришёл ко мне в газету.

– С чего вы решили, что я уподобляю себя Пушкину?

– С того, что Дантес стрелял в Пушкина, и ни в кого другого.

– Но я же высказываю предположение!

– Не высказываете! Вы прямо пишете, что Дантес, который у вас живее всех живых, жив. И это опасно, потому что он может выстрелить в вас.

– А он не может?

– Тот Дантес, который стрелял в Пушкина, конечно, не может. Его давно уже нет на свете. Да и живи вы в то время, вы убеждены, что Дантес захотел бы с вами познакомиться?

– Дорогой мой! Вы понимаете, что это поэзия с её метафорами, гиперболами, с её не обязательно реалистическими образами!

– Понимаю! И образ оказался у вас как раз реалистический: стрелявший в Пушкина Дантес жив. И это опасно, потому что он может выстрелить в вас.

– Ну, и что в этом плохого?

– А то и плохо, что вы себе в убийцу выбрали убийцу Пушкина.

– Нет, – кипел от злости Доризо, – я так это дело не оставлю.

Потом мне наш редактор отдела литературы Чапчахов,

земляк Доризо, хорошо его знавший ещё по Ростову-на-Дону, рассказывал, как требовал от него Николай Константинович разрешить ответить мне у нас в газете, как вместе они ходили к нашему куратору заму главного Кривицкому, и тот решительно сказал, что печатать материал Доризо по этому поводу газета не будет. А здесь подоспела и пародия Иванова.

Возможно, что Доризо, умерший 31 января 2011 года (родился 22 октября 1923-го), решил, что против него составился заговор. А, может, кто-то из друзей объяснил ему, в чём тут дело. Думаю, что не с нашим с ним спором связано вот это его четверостишие:

Хвали меня как можно реже, —
Не то забудешь свой престиж
И не себе, конечно, мне же, —
Мне завтра это не простишь.

Тоже нужно поломать голову, чтобы понять, чего он здесь хочет! Ну да Бог с ним.

* * *

Жизнь Семёна Яковлевича Надсона была и счастливой и несчастной.

Счастливой – потому что он рано начал печататься со стихами, а главное – к нему рано пришёл успех: он быстро становится любимцем молодёжи.

Несчастной – потому что он рано заболел: кончил курс военной гимназии, поступил в Павловское военное училище, простудился, и врачи констатировали начало чахотки. Тем не менее Надсон окончил и училище и был выпущен подпоручиком в Каспийский полк, стоявший в Кронштадте.

Летом в 1883 года Надсон слёг в постель: на ноге открылась туберкулёзная фистула, явление часто сопровождающее туберкулёз лёгких.

Всю зиму Надсон добивался освобождения от военной службы. Добившись наконец – получил место секретаря в редакции «Недели».

К тому времени он стал уже известным поэтом. Но через несколько недель болезнь приняла такой оборот, что Литфонд выделил 500 рублей, чтобы отправить Надсона сперва в Висбаден, а потом в Ниццу. Как вспоминала сопровождавшая его за границу М. Ватсон: «*Несколько недель перед его отъездом за границу*

комнатка больного буквально осаждалась многочисленными посетителями, желавшими выразить ему своё участие и симпатию. Кроме литературной молодёжи и дам, здесь можно было встретить и самых почтенных деятелей печати».

Летом 1885 года поэт вернул Фонду деньги пожертвованием чистой прибыли с первого издания его стихотворений. Надо сказать, что эта первая и единственно прижизненная книга принесла поэту бешеную славу. Надсон, подражавший Лермонтову и Некрасову, был поэтом безвременья. Ему удалось дожить до своей славы. И, слава Богу, что не удалось пережить её. Он умер 31 января 1887 года (родился 26 декабря 1862-го), а через не такое уж большое время после смерти Надсона публика охладела к его стихам.

Права ли публика? Наверное. Всё-таки красивости стиха, которые позволял себе Надсон, иногда затмевали смысл стихотворения:

Не говорите мне: «он умер», – он живёт,
Пусть жертвенник разбит, – огонь ещё пылает.
Пусть роза сорвана, – она ещё цветёт,
Путь арфа сломана, – аккорд ещё рыдает!..

И всё-таки ощутимая назидательность, «учительность» стиха окончательно вытесняла из него поэзию:

Только утро любви хорошо: хороши
Только первые, робкие речи,
Трепет девственно-чистой, стыдливой души,
Недомолвки и беглые встречи,
Перекрёстных намёков и взглядов игра,
То надежда, то ревность слепая;
Незабвенная, полная счастья пора,
На земле – наслаждение рая!..
Поцелуй – первый шаг к охлажденью: мечта
И возможной, и близкою стала;
С поцелуем роняет венок чистота,
И кумир низведён с пьедестала;
Голос сердца чуть слышен, зато говорит
Голос крови и мысль опьяняет:
Любит тот, кто безумней желаньем кипит,
Любит тот, кто безумней лобзает…
Светлый храм в сладострастный гарем обращён.
Смокли звуки священных молений,
И греховно-пылающий жрец распалён

Знойной жаждой земных наслаждений.
Взгляд, прикованный прежде к прекрасным очам
И горевший стыдливой мольбою,
Нагло бродит теперь по открытым плечам,
Обнажённым бесстыдной рукою…
Дальше – миг наслаждений, и пышный цветок
Смят и дерзостно сорван, и снова
Не отдаст его жизни кипучий поток,
Беспощадные волны былого…
Праздник чувства окончен… погасли огни,
Сняты маски и смыты румяна;
И томительно тянутся скучные дни
Пошлой прозы, тоски и обмана!..

1 ФЕВРАЛЯ

Миша Поздняев – мой старый, добрый товарищ. Добрый – в прямом значении этого слова: Миша был добр. Тёплую его ауру доброты чувствовали многие. Поэтому так невыносимо обожгло известие о его кончине. Он, родившийся 1 февраля 1953 года, умер 9 октября 2009 года в 56 лет.

Родился он в семье известного критика Константина Поздняева, долгое время бывшего главным редактором еженедельника «Литературная Россия», не самого прогрессивного органа. В отца Миша не пошёл, в отличие от своего родного брата, отцовских взглядов не разделял. Работал в периодических изданиях таких, как «Столица», «Общая газета», «Огонёк» – всё это в перестроечное время. С сентября 2003 года стал обозревателем «Новых известий». В январе 2006-го получил Национальную премию в области печатной прессы «Искра».

Одновременно нёс послушание чтеца и иподиакона в одном московском храме. Но после его критики в печати священноначалия Московской патриархии был отстранён от церковнослужения. Думаю, что не без подначивания со стороны церковного чиновничества Клуб православных журналистов присудил Мише антипремию «За самые недобросовестные и злобные публикации против Русской Православной Церкви». Возможно, что эта акция и укоротила жизнь талантливого, доброго, истинно верующего поэта. В память о нём – стихотворение «Ошибка»:

Короче, она позвонила не в ту дверь.
За этой дверью послышался тихий звон.
Она ошиблась: ей надлежало вон
ту, вон ту, не эту кнопку нажать.
Ошиблась, нажала вот эту. Поздно бежать:
кто-то не ту, вот эту дверь отворил.
Короче… Лазарь, как я вам уже говорил,
умер. Прошло трое суток, и у пещеры, где он
смердел, послышался громкий зов. Приложив
усилия, Лазарь вышел вон – и, еще тридцать лет прожив,
стал первым епископом кипрского города Китион…
Богородица вместо Кипра приплыла на Афон
в качаемой ветром шлюпке, похожей на колыбель,
приплыла, спросила: «Где Лазарь?» Афонцы, маша
руками в сторону моря, грянулись на песок…
Шивший палатки римлянам Савл устремился в Дамаск

избивать христиан, а они его там окунули в купель,
откуда он вылез Павлом… Святой Христофор,
перенося путников через бурный поток,
устал и подумал: «Устал. Ещё вот это одно
дитя – и шабаш!» – и с младенцем чуть не пошёл на дно,
потому что себе на плечи в тот миг водворил
весь мир, вместе с Тем, Который весь мир сотворил…
Христофор Колумб вместо Индии залетел в США…
Афанасий Никитин сказал жене, покидая Тверь:
«Я в Персию», сам же в Индию – и всё ему нипочём…
Государь Павел Петрович строго смотрел на сынка
старшего и не запирал в опочивальню дверь…
Государь Александр Павлович, осознав, говорят,
ошибки, стал старцем Феодором Кузьмичом…
Матрос Железняк шёл и шёл на Одессу, пока
не вышел к Херсону, – короче, в засаду попался отряд…
Список можно продолжить. Короче, в самом конце
она позвонила не туда, куда надо. И всё началось с нуля.
«Ошибка», – написано было на её изумленном лице.
«Необратимая», – кивнул обречённо я.

2 ФЕВРАЛЯ

Блистательный специалист по Чехову Александр Павлович Чудаков родился 2 февраля 1938 года.

С 1964 года работал в ИМЛИ, преподавал в МГУ, в Литературном институте. Читал курс русской литературы в американских и европейских университетах. Состоял в Международном Чеховском обществе.

Его книги: «Поэтика Чехова» (1971), «Мир Чехова: Возникновение и утверждение» (1986), «Слово – вещь – мир: от Пушкина до Толстого» (1992).

Он готовил и комментировал сборники В. Шкловского, Тынянова. Опубликовал большое количество научных работ.

Обладал уникальными энциклопедическими знаниями реальности, что сумел выразить в романе «Ложится мгла на старые ступени», за который получил в 2001 году премию «Русского Букера». Через 10 лет он снова получил премию за тот же роман, которая называлась «Русский Букер десятилетия».

Скончался 3 октября 2005 года от травмы головы, полученной при невыясненных обстоятельствах.

На вопрос: в чём она видит главный смысл романа Александра Павловича, его вдова Мариэтта Омаровна Чудакова ответила:

«*Мы должны остро ощущать, что Россия – наша страна. Для меня смысл книги в первую очередь в этом. Второе – стремиться к правде. Не дать замутить себе голову ложью, идущей сверху, от власти. Важно сохранить ясность сознания. В книге дед учит этому внука. Александр Павлович в этой книге описывает и другого своего деда, который золотил купола Храма Христа Спасителя. Он был из села Воскресенское Бежецкого района Тверской губернии, а в золотильщики куполов, особенно в бригадиры, брали только самых честных людей. И когда он в ноябре 1931 года увидел, как храм разрушают, он пришёл домой, лёг, в ближайшие же дни тяжело заболел, выяснилось, что у него рак желудка, и вскоре умер*».

* * *

Валериан Павлович Правдухин (родился 2 февраля 1892 года) учился в университете Шанявского, где близко сошёлся с Есениным.

Февральская революция застала его в Закавказье. Он вступил

в партию эсеров. Но после Октябрьской революции из партии эсеров вышел. Жил в Челябинской губернии вместе с женой писательницей Лидией Сейфулиной, заведовал местным политпросветом.

В конце 20-го переехал в Новониколаевск, руководил сибирским ГИЗом. Был одним из инициаторов создания журнала «Сибирские огни». Выступал на страницах этого журнала как критик.

В начале 1920-х выходят книги Правдухина «Виссарион Белинский – основоположник социальной эстетики» (1923), «Творец – общество – искусство» (1923), сборник статей «Литературная современность» (1924).

По приглашению А.К. Воронского переехал в Москву. Писал статьи для «Красной нови» и «Красной нивы», где заведовал отделом литературной критики.

В середине 1920-х отходит от литературной критики. Вместе с Сейфулиной пишет пьесы «Виринея» (1924), «Чёрный Яр» (1931). Выпускает очерковые книги «По излучинам Урала» (1929), «Годы, тропы, ружьё» (1930). Пишет повесть «Гугенот из Териберки» (1931), которая подвергается яростной критике за якобы искажённый показ большевистского руководства и идеализацию классового врага – героя повести.

Начальные главы исторического романа «Яик уходит в море» печатались в журнале «Красная новь» (1936). Роман вышел в 1937-м.

В 1930-м Правдухина, как и других близких Воронскому людей, заклеймили троцкистом. Припомнили эсеровское прошлое. Хотя он его не скрывал и публично от него отказался.

16 августа 1937 года был арестован и 28 августа 1938 года был расстрелян.

* * *

Известность к Алексею Феофилактовичу Писемскому пришла после выхода повести «Тюфяк» (1850). Он немало написал повестей из жизни дворянско-чиновничьей провинции: «Комик», «Богатый жених» (обе 1851), «Фанфарон» (1854), «Виновата ли она?» (1855). Его комедии «Ипохондрик» (1852) и «Раздел» (1853), его пьесы «Ваал», «Просвещённое время», «Финансовый гений» – всё это укладывалось в русло традиции натуральной школы.

Самым значительным его произведением считали роман «Тысяча душ» (1858) – так называемый «деловой роман», предвещавший эстетику «натурализма». Его трагедия «Горькая

судьбина» (1863) была встречена оглушительно похвальной критикой и не сходила с театральной сцены.

Однако роман «Взбаламученное море» (1863) обозначил некий кризис писателя. И этот кризис особенно заявил о себе в романах «Люди сороковых годов» (1869) и «Масоны» (1880–1881).

Вот как описает состояние писателя Алексей Фёдорович Кони:

«*Писемский вошёл в просторном летнем платье, но без галстука. Расспрашивая Куликова о его семейных делах, он отстранил рукой налитый ему стакан чаю и, налив большую рюмку водки, выпил её залпом, ничем не закусив. Через несколько минут он повторил то же самое и угрюмо замолчал, неохотно отвечая на вопросы. Через десять минут он выпил третью рюмку. Я взглянул вопросительно на бедную Екатерину Павловну. Она с печальной улыбкой в ответ мне пожала плечами и с затаённым страданием посмотрела на мужа.*

– Алексей Феофилактович, – сказал я, – зачем вы это делаете? Ведь это вам вредно.

Он тяжело посмотрел на меня и снова протянул руку к графину.

– В самом деле, – зачем? – присоединился ко мне Куликов. – Вспомните, как вы бывали больны в Петербурге.

Писемский молчаливо налил четвёртую рюмку, «опрокинул» её, взял маленький кусочек хлеба и, помолчав, вдруг оживлённым и вместе жалобным голосом, с очевидным волнением, сказал, обращаясь к моему приятелю: «Понимаешь ты, я без этого не засну! Не могу я спать без этого. Они – вот те, о ком я вам читал, не дают мне спать. Стоят вокруг меня и предо мной всю ночь и смотрят на меня, – и живут и не дают мне заснуть! И не могу я без этого – понимаешь?» Он тряхнул косматой головой, как бы стараясь освободиться от созданных его творчеством образов… и потянулся к пятой рюмке».

Ясно, если «не могу я без этого», то талант писателя стал крупно увядать.

«Он скончался за неделю до Достоевского, в 1881 году», – написал Кони.

Да, он умер 2 февраля 1881 года, не дожив чуть больше месяца до шестидесятилетия: родился 23 марта 1821 года.

3 ФЕВРАЛЯ

Она недаром носит имя и фамилию шотландской принцессы: Елизавета Стюарт. Елизавета Константиновна Стюарт действительно шотландского происхождения.

Но, конечно, ничего общего с королевской фамилией. Наша Стюарт жила в Новосибирске, печаталась сначала как детская писательница. В военные годы служила в сибирском отделении ТАСС. Первую взрослую книгу стихов выпустила в 1943 году. И в дальнейшем подтвердила своими стихами приверженность к классической традиции, к сибирской тематике и к лирическому автобиографизму.

В 1946-м, когда Ахматову ругали во всех городах и весях СССР, Стюарт досталось за «ахматовщину». Но после её уже уважительно называли «сибирской Ахматовой».

Я бы всё-таки отвёл такое сравнение. Стюарт достаточно самобытная поэтесса:

Из кухни, где я девочкой жила,
Меня позвали в пышные хоромы.
Я фартучек застиранный сняла
И на порог ступила незнакомый.
Мне драгоценных кукол принесли:
«Играй, – сказали, – мы пока не тронем…»
Меж кукол были даже короли
В бумажной, но сверкающей короне!
Я незаметно увлеклась игрой.
Король?…
Полцарства за любовь сулил он.
Но юный принц казался мне порой
Совсем живым – так я его любила!
На короля не подняла я глаз,
А принц мне о любви шептал невнятно…
Но пробил час.
Конечно – пробил час,
И мне сказали: «Всё верни обратно».
Была на кухне темнота и тишь,
Лишь в печке перемигивались угли,
Под полом, осмелев, шуршала мышь,
А на полу устало спали слуги.
Я плакала. Мне было не до сна.
Казалась непосильной мне кручина…
Но помогла бессонная луна.

Сказала: «Встань и наколи лучину.
Трудись весь день, не покладая рук,
А после, средь молчания ночного,
Я научу,
привычный мир вокруг
Преображать волшебной силой слова».
Тот добрый дар спасал меня не раз,
Вдруг облекая властью непонятной…
Но пробил час!
Конечно, пробил час,
И жизнь сказала: «Всё верни обратно».
На кухне снова темнота и тишь,
Лишь в печке тускло догорают угли.
Забота осмелела, словно мышь,
И спят слова, усталые, как слуги…
Но и сейчас есть радость у меня:
Скупая радость, если мне случится
Озябшему дать место у огня,
А голоден —
и хлебом поделиться.

Елизавета Константиновна умерла 3 февраля 1984 года (родилась 28 сентября 1906-го).

* * *

Очень загадочная личность. Взял себе псевдоним Константин Льдов. Печатался во многих журналах и регулярно посещал «пятницы Случевского», – тогдашние поэты собирались на квартире Константина Константиновича Случевского. Для чтения стихов.

Льдов писал стихи в разных жанрах. В юмористических. В детских. Например:

Как-то летом на лужайке
Господин учитель Жук
Основал для насекомых
Школу чтенья и наук.
Вот стрекозы, мушки, мошки,
Пчёлы, осы и шмели,
Муравьи, сверчки, козявки
На урок к Жуку пришли.
«А» – акула, «Б» – букашка,

«В» – ворона, «Г» – глаза…
Шмель и муха, не болтайте!
Не шалите, стрекоза!
«Д» – дитя, «Е» – единица,
«Ж» – жаркое, «З» – зима…
Повторите, не сбиваясь:
«И» – игрушка, «К» – кума!
Кто учиться хочет с толком,
Пусть забудет в школе лень…
«Л» – лисица, «М» – мартышка,
«Н» – наука, «О» – олень.
«П» – петрушка, «Р» – ромашка,
«С» – сверчок, «Т» – таракан,
«У» – улитка, «Ф» – фиалка,
«Х» – ходули, «Ц» – цыган».
Так наш Жук, махая розгой,
Учит азбуке стрекоз,
Мушек, мошек и козявок.
Мурашей, шмелей и ос.

Надо сказать, что он выпустил множество книжек-комиксов. И собственных, и переводных.

Он написал несколько сборников стихов. Написал роман «Лицедеи» (1892). Написал поэтический сборник в прозе «Без размера и созвучий» (1911). Постепенно от юмористических стихов переходил к серьёзным. К трагическим. К мистическим.

Мятежный хмель разлит в природе,
Земля грозой опьянена,
О буйной власти и свободе
В бреду кощунствует она.
Не о земном ей гром грохочет
И не о дольнем вихрь поёт —
Она поверить им не хочет
И о греховном вопиёт.
Напрасно молния сверкает
И мечет стрелы в прах земной,
Напрасно плачет и рыдает
Над нею ливень грозовой.
Она прощения не просит,
Не внемлет вещим голосам…
И аркой радужною бросит
Ответ суровым небесам!

В 1915 году Льдов уехал из России. И больше в неё не вернулся. Жил во Франции и Бельгии. В Брюсселе опубликовал книги о русских поэтах XIX века.

Там же, в Брюсселе, скончался 3 февраля 1937 года (родился в 1862 году).

* * *

У меня есть несколько дореволюционных книг Михаила Ивановича Пыляева. «Старая Москва», «Старый Петербург». Он был замечательный этнограф, хотя этнография не была его основной профессией.

Он был очень плодовитым журналистом. Писал исторические очерки и описание собора Александро-Невской лавры. Писал о драгоценных камнях, о свойствах минералов. Написал две превосходные книги «Замечательные чудаки и оригиналы» (1898) и «Эпоха рыцарских каруселей и аллегорических маскарадов в России» (1885).

Он приобрёл портрет отца генералиссимуса Суворова – Василия Ивановича, передал его в журнал «Исторический вестник» для публикации, а заодно написал и биографию Василия Ивановича Суворова. А в статье «Исторические колокола» (в том же «Историческом журнале») пустился в исторический экскурс колокольного звона на Руси, начиная с XII века и кончая 1890-ми.

Умер Михаил Иванович 3 февраля 1899-го (родился 13 ноября 1842 года).

4 ФЕВРАЛЯ

«8 сентября 1833 года.

Милостивая государыня Александра Андреевна! С сердечной благодарностью посылаю вам мой адрес и надеюсь, что обещание ваше приехать в Петербург не есть одно любезное приветствие. Примите, милостивая государыня – изъявление моей глубокой признательности за ласковый приём путешественнику, которому долго памятно будет минутное пребывание его в Казани.

С глубочайшим почтением честь имею быть…»

Благодаря этим пушкинским строчкам Александра Андреевна Фукс, умершая 4 февраля 1853 года, осталась в литературе. Хотя и она писала стихи и выпустила поэтическую книжку. Жена казанского профессора медицины Карла Фёдоровича Фукса, она с мужем организовала в доме литературный салон, который в разное время посетили Баратынский, Ознобишин, Деларю и другие менее известные литераторы. В её альбом писали стихи Баратынский и Языков.

Знакомством с Пушкиным (пусть и мимолётным) Александра Андреевна очень дорожила. Подробно описала в «Казанских губернских ведомостях», как оно состоялось, при каких условиях, запечатлела знакомство и в стихах «На проезд Пушкина через Казань».

То есть, получается, что, несмотря на собственные её сочинения (а большинство из них – этнографические очерки), Александра Андреевна сама согласилась остаться в литературе пушкинским адресатом.

О годе её рождения спорят исследователи. Одни считают, что родилась она в 1788, другие, что в 1805-м. Понятно, что если нет ясности по поводу года, то уж день её рождения тем более не установлен.

* * *

Михаил Фёдорович Чумандрин из рабочих. В писательстве ему много помогал Горький, редактировавший его прозу.

Главным героем произведений Чумандрина – повестей «Склока», «Родня», романов «Фабрика Рабле», а также «Год рождения 1905», построенном на тульских воспоминаниях автора, – был рабочий человек.

Однако в 1930 году Чумандрин опубликовал повесть «Бывший герой» и тут же попал под обстрел критики, обвинившей

автора, что тот «преувеличил силы и значение оппозиции на примере одного завода, где сильны были антиленинцы». Повесть была запрещена.

В 1937 году Чумандрин оказался замешан в деле о «контрреволюционной троцкистской организации». На него дал показание поэт Вольф Эрлих, который по этому делу был расстрелян.

Чумандрина заставили выступить на собрание и признать, что в его ранних произведениях действуют «левые коммунисты». Почему-то этим работники органов и ограничились.

А когда началась советско-финляндская война, Чумандрин принял в ней участие и погиб в бою 4 февраля 1940 года. Ему так и не исполнилось 35: родился 18 сентября 1905 года. Посмертно награждён орденом Ленина.

5 ФЕВРАЛЯ

Вадим Габриэлевич Шершеневич (родился 5 февраля 1893 года) учился много. Сперва в Мюнхенском, затем в Московском университетах на филологическом, потом в том же Московском, но на юридическом и математическом факультетах.

Первый сборник стихов «Весенние проталинки» вышел в 1911 году.

Шершеневич перебрал многие «измы» для подражания. В первой книжке он подражал Бальмонту. Во второй «Carmina» (1913) – Блоку.

В 1913-м он создал группу эгофутуристов «Мезонин поэзии». В 1914-м редактировал «Первый журнал русских футуристов». Оказавшись на фронте, он поступил вольноопределяющим в автомобильную часть. Автомобиль придал скорости и мобильности его поэзии. Не зря он назвал свою новую книгу «Автомобильная поступь» (1816). А в предисловии к ней писал о её абсолютной новизне: «*Наша эпоха слишком изменила чувствование человека, чтобы мои стихи были похожи на произведения прошлых лет. В этом я вижу главное достоинство моей лирики, она насквозь современна*».

Ещё прежде Бенедикт Лившиц назвал Шершеневича «*самовлюблённым графоманом*». Похоже, что Шершеневич готов был оправдать эту характеристику.

Хотя во время Гражданской вместе с Маяковским оформлял «Окна РОСТА». Принимал участие в создании Всероссийского союза поэтов. Стал в мае 1919 председателем этого союза.

Однако в 1918 вместе с Есениным и Мариенгофом учредил «Орден имажинистов», декларация, написанная Шершеневичем, заставляет вспомнить о «самовлюблённом графомане»: «*Скончался младенец, горластый парень десяти лет от роду (родился 1909 – умер 1919), издох футуризм. Давайте грянем дружнее футуризму и футурью – смерть! Академизм футуристических догматов, как вата, затыкает уши всему молодому. От футуризма тускнеет жизнь…*»

И дальше – о своём – «новом»: «*Образ, и только образ. Образ – ступнями от аналогий, параллелизмов – сравнения, противоположения, эпитеты сжатые и раскрытые, приложения политематического, многоэтажного построения – вот оружие производства мастера искусства. Всякое иное искусство – приложение к «Ниве». Только образ, как нафталин, пересыпающий произведение, спасает это последнее от моли времени. Образ – это броня строки. Это панцирь картины. Это крепостная артиллерия*

театрального действия. Всякое содержание в художественном произведении так же глупо и бессмысленно, как наклейки из газет на картине. Мы проповедуем самое точное и ясное отделение одного искусства от другого, мы защищаем дифференциацию искусств…»

И хотя эту декларацию подписали и друзья Шершеневича Р. Ивнев. С. Есенин, А. Мариенгоф, характеризовала она в основном поэзию Шершеневича.

Он печатает стихи в журнале имажинистов «Гостиница для путешествующих в прекрасном», завлекая публику эпатажностью, интересом к гаерству. Состязался с Маяковским в разработке акцентного стиха. Любил тактовик и диссонансную рифму.

Написал книгу об имажинизме «2х2 = 5» (1920) и книгу-эссе о своих товарищах «Кому я жму руку» (1921).

Последнюю книгу оригинальных стихов назвал «Итак итог» (1926). Она последовательно построена на рифмах-диссонансах. И посвящена своей второй жене, покончившей с собой.

Кроме поэзии Шершеневич работал в искусствоведении. Его книга «Игорь Ильинский» выдержала два издания. Работал в кино, и театре. Переводил на русский язык пьесы Шекспира, Корнеля, Рильке. Перевёл целиком «Цветы зла» Бодлера. Работал над книгой мемуаров «Великолепный очевидец», которую не смог напечатать при жизни.

Умер Шершеневич в эвакуации на Алтае 18 мая 1942 года.

Стихи его в основном экспериментальны. Как этот «Принцип развёрнутой аналогии»:

Вот, как чёрная искра, и мягко и тускло,
Быстро мышь прошмыгнула по ковру за порог…
Это двинулся вдруг ли у сумрака мускул?
Или демон швырнул мне свой чёрный смешок?
Словно пот на виске тишины, этот скорый,
Жёсткий стук мышеловки за шорохом ниш…
Ах! Как сладко нести мышеловку, в которой,
Словно сердце, колотится между рёбрами проволок мышь!
Распахнуть вдруг все двери! Как раскрытые губы!
И рассвет мне дохнёт резедой.
Резедой.
Шаг и кошка… Как в хохоте быстрые зубы.
В дёснах лап её когти блеснут белизной.
И на мышь, на кусочек
Мной пойманной ночи,
Кот усы возложил, будто ленты веков,
В вечность свесивши хвостик свой длинный,

Офелией чёрной, безвинно —
Невинной,
Труп мышонка плывёт в пышной пене зубов.
И опять тишина… Лишь петух – этот маг голосистый,
Лепестки своих криков уронит на пальцы встающего дня…
…
Как тебя понимаю, скучающий Господи чистый,
Что так часто врагам предавал, как мышонка меня!..

* * *

Иван Федорович Варрава (родился 5 февраля 1925 года) ушёл на фронт со школьной скамьи. Получил тяжёлое ранение и контузию. Оставил стихотворную подпись на стене Рейхстага.

Поступил учиться на заочное отделение Киевского университета. Начал печататься. Его стихи оценили Твардовский, Сосюра. По их рекомендации переведён из Киевского университета в Литературный институт, который окончил в 1953 году. В 1954-м вышла первая книжка «Ветер с Кубани», за которую Варраву принимают в Союз писателей.

В конце 1950-х окончил Высшие сценарные курсы.

При участии Варравы был создан альманах «Кубань» и возрождён Кубанский народный хор.

Собирал народные казачьи песни. В 1966-м выпустил сборник «Песни казаков Кубани».

В 1971–1974 – ответственный секретарь Краснодарской краевой писательской организации.

В 2000–2001 годах был заместителем главного редактора альманаха «Кубань».

На стихи Варравы написаны песни профессиональными и самодеятельными композиторами.

По поводу Варравы я прочитал, что современники называли его «кубанским Пушкиным» и «Кубанским Кобзарём».

Мне кажется, что современники сильно преувеличивали возможности кубанского стихотворца:

Красиво мальчики играют
В войну, прошедшую давно:
Кричат, куражатся, стреляют,
Рейхстаг штурмуют, как в кино.
Я тоже в канувшие лета

В войну такую же играл —
Рубал, стрелял из пистолета
И города и веси брал.
Прошли забавы и гулянки,
Мои погодки подросли:
Пропели трубы марш «Славянки»,
И нас по тракту повезли.
Мы шли в атаку на ученье,
Кричали гулкое «ура!..»
Была учёба в ополченье
Как повзрослевшая игра.
Когда ж сошлись стеной на стенку,
Металл куроча о металл,
Земляк сердешный Сеня, Сенька…
Упал и больше не вставал.
А где-то втайне нам казалось,
Что всё закончится игрой.
От роты горсточка осталась
В бою под Лысою горой.
Ах, Сеня, Сенька… Сеня, друг мой!
Видать, каюк твои дела.
Такая кроха, пуля-дура,
А жизнь огромную взяла!
Ну как же можно, как тут можно?…
И у-ух!.. – снаряд по блиндажу,
Взрывной волной на землю брошен,
В пыли клубящейся лежу.
Ещё вчера, призвав нас к норме,
Вещал Карпенко, старшина:
– Теперь вы все в защитной форме,
Война, не игрище… – война! —
Свою отковывая ярость,
Крепчала воинская рать,
Да так, что мальчикам досталось
На всё столетье нас играть.

Ну, о каком «Пушкине» тут можно говорить? «Видать, каюк твои дела» – это после того, как сказано: «Упал и больше не вставал»! Зачем же это предположительное «видать»? А рифма: «друг мой-дура»? Вряд ли Пушкин или Шевченко соблазнились бы такой!

Понятно, почему предисловия к книгам Варравы писали Н. Доризо, В. Фирсов, И. Стаднюк. Они, ясное дело, могли называть

Варраву, скончавшегося 13 апреля 2005 года, «Пушкиным». Доризо, например, и самого себя Пушкиным называл.

6 ФЕВРАЛЯ

Мы дружили с Толей Рубиновым – с Анатолием Захаровичем Рубиновым (родился 6 февраля 1924 года), моим коллегой по «Литературной газете».

Мне кажется, что представлять его до сих пор не нужно.

Живо ещё поколение наших читателей шестнадцатиполосной «Литературной газеты». То есть, нас – зачинателей этой газеты, осталось уже мало. Всё-таки 1967 год! Но живы те, кто читал газету в восьмидесятых, девяностых. А там каждая статья Рубинова была подарком читателям.

Что его любили, свидетельствую: был несколько раз на выездных заседаниях редакции газеты и видел, что творилось с залом, когда только объявляли: «Анатолий Рубинов».

Зал часто вставал и бурно приветствовал Толю, который смущённо разглаживал листы той статьи, которая ещё не напечатана и которую он сейчас собирается прочитать.

Но так же, как любила Рубинова читательская аудитория, так ненавидела Рубинова и номенклатурная чиновничья братья: с той же страстью.

Последняя книга, которую подарил мне Толя, была выпущена издательством «Новая газета» (2009). И понятно! «Литературная газета», полностью поменявшая свой облик при Юрии Полякове, печатать книгу Рубинова бы не стала.

Хотя допускаю, что, где-нибудь вспоминая старую «Литературку», Поляков о Рубинове пишет хорошо. Знает, что покойник (Рубинов скончался 9 мая 1909 года) ему не ответит. А ответил бы, если был бы жив. И очень нелестно для Полякова.

* * *

Морис Романович Слободской, конечно, более всего знаменит тем, что это они с Яковым Костюковским написали для Л. Гайдая сценарии трёх самых выдающихся его фильмов «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», «Кавказская пленница» и «Бриллиантовая рука».

Но на фронте Слободской написал «Новые похождения бравого солдата Швейка», которыми зачитывались бойцы.

А в соавторстве с В.А. Дыховичным Слободской написал немало искромётных пьес «Человек с того света», «Воскресенье в понедельник», «200 тысяч на мелкие расходы», «Ничего подобного», «Женский монастырь». Написали соавторы массу

сатирических стихов, фельетонов. Они писали для пародийного театра «Синяя птичка», для Московского театра миниатюр, Театра эстрады. Я-то помню их «Кляксы», которые исполняли Миронова и Менакер. Помню их чудесный водевиль (к соавторам присоединились В. Масс и М. Червинский) «Гурий Львович Синичкин», поставленный в ленинградском театре комедии.

Морис Романович умер 6 февраля 1991 года (родился 12 декабря 1913). Хорошую оставил по себе память.

7 ФЕВРАЛЯ

Я с Владимиром Кирилловичем Карпеко познакомился в писательской делегации, которая ездила на открытие нового автозавода в Тольятти. Жили мы в Куйбышеве, а в Тольятти ездили на автобусе, который за нами присылали.

Вообще-то вместе со мной ехал сотрудник «Литературной газеты» поэт Володя Дагуров. Но именно он ехал – от газеты. А я в составе делегации. И это значило, что никаких материалов мне из Куйбышева и из Тольятти везти в газету не требовалось.

Но едва только освобождалось рядом со мной в автобусе место: Володя пробирался к кому-то, кто его звал, как немедленно рядом со мной садился Карпеко.

Меня смешила его манера начинать разговор: «А вот это моё ты знаешь?» и, не дожидаясь ответа, читать свои стихи. Но, не ожидая отклика, опять: «А это знаешь?».

В конце концов я к нему привык. Со слуха стихи я вообще плохо воспринимаю. А здесь я понял, что стихи посредственные, и не слушал его воркотание, а смотрел в окно.

Но однажды мы ужинали в куйбышевском ресторане. И вдруг Карпеко, который сидел рядом, сказал: «*Вижу, не по душе тебе мои стихи. А зря. Я только вот этой песней почти год безбедно жил*». И тихонько запел:

Два туза, а между
Кралечка вразрез,
Я имел надежду,
А теперь я без.
Ах, какая драма,
Пиковая дама,
Всю ты жизнь испортила мою.
А теперь я бедный,
И худой, и бледный,
Здесь, на Дерибасовской, стою.
Девочки любили,
А теперь их нет,
И монеты были,
Нет теперь монет.
Ах, какая драма,
Пиковая дама,
Всю ты жизнь испортила мою,
А теперь я бедный,
И худой, и медный,

Здесь, на Дерибасовской, стою.
Мальчики, на девочек
Не кидайте глаз,
Все, что вы имели,
Вытряхнут из вас,
Ах, какая драма,
Пиковая дама,
Всю ты жизнь испортила мою.
А теперь я бедный,
И худой, и бледный,
Здесь, на Дерибасовской, стою.

Конечно, я знал эту песню. Не помнил, правда, из какого она кинофильма. Карпеко напомнил: «Страница былого».

– *Неужели это ты написал*? – спросил я.

И Карпеко не только подтвердил своё авторство, но рассказал историю, связанную с этой песней, которую с его слов записал Валерий Поволяев, самый молодой секретарь союза писателей РСФСР, бывший мой коллега по «Литературной газете». Историю эту я рассказывать не буду: не очень в неё верю.

Но Карпеко – автор «Пиковой дамы» немедленно вырос в моих глазах.

А потом я узнал, что он автор ещё некоторого количества песен. Но для меня он, скончавшийся 7 февраля 1993 года (родился 18 февраля 1922-го), – автор одной хорошей песни.

* * *

Лидия Корнеевна Чуковская – одна из тех писательниц, которых правильней называть совестью нашей литературы.

Даже если ничего её не читать, а только читать о ней записи в дневнике её отца, Корнея Ивановича Чуковского, вам раскрывается человек невероятного нравственного мужества. Ну, а уж когда вы читаете письмо Шолохову, выступившему на съезде партии по поводу суда над Синявским и Даниэлем «как представитель советской литературы»:

«*Но Вы держали речь как отступник её. Ваша позорная речь не будет забыта историей.*

А литература сама Вам отомстит за себя, как мстит она всем, кто отступает от налагаемого ею трудного долга. Она приговорит Вас к высшей мере наказания, существующей для художника, – к творческому бесплодию. И никакие почести, деньги,

отечественные и международные премии не отвратят этот приговор от Вашей головы», – когда вы читаете гневные строки Лидии Корнеевны по поводу травли академика Сахарова:

«*Первыми выступили, осуждая академика Сахарова, деятели науки, искусства и литературы. К ним я обращаться не стану. Они образованные, начитанные, они прекрасно знают истинную цену и Солженицыну, и Сахарову, и, главное, самим себе. На них тратить слова не стоит. Подпись Шостаковича под протестом музыкантов против Сахарова доказывает неопровержимо, что пушкинский вопрос решен навсегда: гений и злодейство совместны. Гений и предательство. Гений и ложь. Члены Академии Наук, члены Союза Писателей и прочих «творческих Союзов» – и в первую очередь те, кто дергает их за верёвочку, – продумали всё отлично, они ведают, что творят, они понимают, почему и чем Сахаров и Солженицын, каждый на свой лад, им помеха.*

К ним, к писателям, художникам, музыкантам, артистам, ученым, обращаться мне незачем. Им и без моего разъяснения известно, где правда. Худшие из них – профессиональные предатели, давно уже не имеющие никакого отношения ни к науке, ни к литературе или искусству; лучшие – талантливы, любят литературу, искусство, науку, но полагают, что «нельзя терять связи с читателем» (зрителем, слушателем) – сподручнее продать слово; полагают, что если они не подпишут подготовленный начальством документ, издательства перестанут печатать их научные труды, повести, рассказы, стихи; раскидают набор уже принятой научной статьи или повести; не выпустят за границу с концертом; закроют выставку картин. И тогда? что же тогда станется с бедной литературой, наукой, с бедным искусством – и с ними? Они не домысливают: нельзя без конца вырезывать фестоны из собственного сердца – оно перестаёт плодоносить. Не знаю, как в математике или в музыке, но в литературе – в слове – нельзя. Пишите ваши повести, ваши стихи и рассказы, печатайтесь! Вас больше нет», – когда вы читаете всё это, то вам раскрывается, что Чуковский в своём дневнике был абсолютно прав. Немногие в те людоедские годы решились бы на столь отчаянную дерзость сильным мира сего.

Единственно, в чём я не соглашусь с Лидией Корнеевной, – это в том, что гений и злодейство совместны. Она не замечает, как комментирует этот тезис другим, прямо ему противоположным: «*нельзя без конца вырезывать фестоны из собственного сердца – оно перестаёт плодоносить*». И, стало быть, гениальность, если она до этого была, улетучивается.

Но она сказала это по поводу конкретного гения – Дмитрия Шостаковича, подписавшего злодейское письмо. (И тем снова

себе противоречит: написала же: «Не знаю, как в математике или в музыке…»!) Да, Шостакович, который попадал под колёса репрессивной советской машины (январь 1936-го, февраль 1948-го), струсил. А трусость – это всё-таки не злодейство, трусость – это гадостный способ борьбы за собственное существование. Неприятно, конечно, было встретить Шостаковича в компании злодеев. Но сам по себе Дмитрий Дмитриевич злодеем не был. Не был героем, каким был Сахаров, это правда. Но Шостакович не олицетворял собой зло.

Зло, говорил блаженный Августин, не есть умаление добра. Зло есть отсутствие добра, ибо зло не имеет сущности. Потому и получил Шолохов, как предсказывала Лидия Корнеевна, высшую меру наказания для творца – творческое бесплодие!

Лидия Корнеевна Чуковская скончалась 7 февраля 1995 года (родилась 24 марта 1907 года).

8 ФЕВРАЛЯ

Ольга Константиновна Кожухова сразу после школы ушла на фронт медсестрой, окончила военное училище и младшим лейтенантом служила во фронтовой печати.

Первые её публикации начались с 1937 года в родном городе Воронеже.

Окончила Литературный институт в 1950-м.

Издала около 20 книг прозы. В 1979-м за повесть «Донник» удостоена Госпремии РФСФР имени Горького. Работала заместителем главного редактора молодёжного журнала «Смена», потом – в приёмной СП РСФСР.

В последние годы много болела. Писала дневник, до сих пор не опубликованный.

Из дневника:

«*ЧЕТЫРЕ утра. Полночи не сплю, вспоминаю войну, День Победы… За окном в туманной серебрящейся дымке облачков – луна, огромная, словно шар, светит прямо в глаза, на подушку.*

…В декабре сорок первого под Москвой стояли мы в брезентовых палаточках. Наш медсанбат, попавший потом в окружение под Вязьмой… Я должна была идти с ними, но отстала – заболела в дороге воспалением лёгких, добиралась с повозочными. Комбат наш, прекрасный человек, тоже ушёл со всеми, а вместо него был один… здоровенный мужик, выгонял меня из кабины, чтобы я шла пешком, а сам садился. Тридцать градусов мороза, и я шла с воспалением лёгких, сил не было, а на Смоленщине мы попали под дикую бомбёжку и танковую атаку, отступали по глубоким снегам. Остались живы, а те, кто ушёл вперёд, с кем и я шла вначале, погибли все.

НА ВОЙНЕ мне были страшны не те ужасы, которые я переживаю или уже пережила, а те, которые на мою долю ещё не выпали, но я о них слышала: ужас окружения, ужас плена и пыток, ужас смерти во сне – как у шофёра в Износках, лежавшего надо мной на полатях. Я проснулась тогда не оттого, что самолёт обстрелял улицу, и не оттого, что крупнокалиберная пуля пробила стенку дома прямо над моей головой, а оттого, что капли крови стали капать на меня с убитого человека. Шофёр погиб, не проснувшись».

А ведь умерла 8 февраля 2007 года (родилась 20 июня 1922-го). До самой смерти снилась война. Да и большинство её произведений о войне.

* * *

Иван Петрович Мятлев (родился 8 февраля 1796 года) написал роман «Как хороши, как свежи были розы», который прославился тем, что это название сперва ретранслировал в своем стихотворении в прозе Тургенев, а потом в своей песенке Вертинский.

Но вообще Мятлев самую большую известность приобрёл путевыми впечатлениями, изложенными макароническим стихом, под общим заглавием «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границей, дан л'Этранже» (1840–1844).

Сейчас это сочинение читается со скукой, но тогда в новинку был язык Мятлева. Хотя и не совсем в новинку. Такой язык ещё Грибоедов назвал смешеньем французского с нижегородским. Да и не столько для чтения писал Мятлев эти «Сенсации»: они были переделаны для сцены и поставлены в Александрийском театре.

Вообще Мятлев нередко представал перед читателем непохожим на себя самого.

Богач, сын директора банка, завсегдатай светского общества, где его любили как острослова, – он мог написать и народные стихи-раёшники, и грустные философские, в которых не узнать создателя г-жи Курдюковой:

Что ты, ветка бедная,
Ты куда плывёшь?
Берегись – сердитое
Море; пропадёшь!
Уж тебе не справиться
С бурною волной,
Как сиротке горькому
С хитростью людской […].

Иван Петрович умер 25 февраля 1844 года.

* * *

Лев Васильевич Успенский (родился 8 февраля 1900 года) стал литератором, филологом далеко не сразу.

Он работал землемером, учился в Лесном институте. В 1920 его мобилизовали в трудармию, где он, работая на лесозаготовках, проходил военное обучение. Участвовал в Гражданской войне, получил тяжёлую контузию под Варшавой.

Осенью 1922-го вернулся в Петербург, где снова сдал экзамены в Лесной институт.

Но после 1924 года Лесной институт был реорганизован. Успенский ушёл из него. Поступил на Высшие курсы искусствоведения, а потом – на литературное отделение Института истории искусств.

В 1928 году в соавторстве с Л.А. Рубиновым под общим псевдонимом Лев Рубус был опубликован авантюрный роман «Запах лимона».

В 1929 году окончил Институт истории искусств, работал редактором, а в 1930–1932 – аспирантом Государственного Института речевой культуры.

В 1935–1936 году Успенский работал в Доме занимательной науки, одним из инициаторов которого он был сам. Начал печататься в детских журналах «Чиж» и «Ёж», выпустил детскую книжку «Кот в самолёте». С 1936 и до начала войны заведовал научно-познавательным отделом журнала «Костёр». Написал две книги по древнегреческим мифам «12 подвигов Геракла» и «Золотое руно» (позже объединённые в книгу «Мифы Древней Греции». В 1939 году выпустил написанный совместно с военным историком Георгием Николаевичем Караевым «Пулковский меридиан» и вступил в Союз писателей СССР.

Воевал во флоте.

В 1946 году напечатал в журнале «Вокруг света» научно-фантастический рассказ «Плавание «Зеты»» – о плавании подводной лодки по подземным рекам Европы.

В 1954 выходит первое издание книги, которая прославит Успенского, – «Слово о словах». В 1960 году появляется вторая филологическая книга Успенского «Ты и твоё имя».

В марте 1970 года он выпускает автобиографическую книгу «Рассказы старого петербуржца». И через некоторое время ещё две научно-фантастические повести: Эн-два-о плюс икс дважды» (1971) и «Шальмугровое яблоко» (1972).

18 декабря 1978 года Лев Васильевич скончался.

* * *

Эти известные строчки принадлежат очень молодому поэту: «*Мы были высоки, русоволосы. / Вы в книгах прочитаете, как миф, / О людях, что ушли, не долюбив, / Не докурив последней папиросы. / Когда б не бой, не вечные исканья / Крутых путей к последней высоте, / Мы б сохранились в бронзовых ваяньях, / В столбцах газет, в набросках на холсте*».

«Когда б не бой», Николай Петрович Майоров мог бы стать очень большим поэтом.

Он в 1937 поступил на исторический факультет МГУ и одновременно с 1939-го учился в Литературном институте в семинаре Павла Антокольского. В октябре 1941 года он уходит в действующую армию. И 8 февраля 1942 года погибает в бою за деревню Баранцево Смоленской области. Погибает на 23-м году жизни. Он родился 20 мая 1919 года.

В своём поколении был один из лучших поэтов. Слава Богу, многие стихи его остались. Но многие и погибли.

В 2013 году сестра поэта Михаила Кульчицкого, товарища Майорова, разделившего его судьбу, нашла три тетрадки с неизвестными школьными стихами Майорова. Уже по ним видно, в какого мощного художника мог бы развиться Майоров.

Да и по тем, что напечатаны… Можно ли поверить, что эти строчки сочинил 22-летний юноше:

Мы все уставы знаем наизусть.
Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд
И ждём приказа нового. И пусть
Не думают, что мёртвые не слышат,
Когда о них живые говорят.

Называют традиции разных поэтов, на которые опирался Майоров. Опирался, конечно. Но главное в этом мальчике он был самобытен!

9 ФЕВРАЛЯ

9 февраля 1783 года родился Василий Андреевич Жуковский, умерший 24 апреля 1852-го, выдающийся русский поэт.

Его судьба слегка похожа на судьбу Фета. Василий Андреевич – тоже незаконнорождённый. Он – сын Афанасия Ивановича Бунина. Фамилию свою мальчик получил от жившего в имении бедного белорусского дворянина Андрея Григорьевича Жуковского, который по просьбе Бунина стал крёстным отцом ребёнка. А потом его усыновил. Однако незадолго до рождения Василия Бунины потеряли своего единственного сына. И Жуковского решено было взять в семью Буниных и воспитать как своего законного ребёнка.

Усыновление не давало право на передачу дворянства. А это в свою очередь приводило к тому, что Жуковский не мог претендовать на наследство: по правилам ему ничего не доставалось по завещанию.

Для получения дворянства Жуковского зачисляют в 1785 году на службу в полк, квартировавший в Туле, с командиром которого Бунин был дружен. Но простая запись в полк давала право на продвижение по службе только потомственным дворянам. Незаконнорождённый, даже если бы сумел записаться в полк, должен был, чтобы стать дворянином, получить офицерский чин. Бунин через очень влиятельную родственницу Наталию Афанасьевну Бунину (в замужестве Вельяминову) добивается от Тульского и Калужского генерал-губернатора Кречетникова составления им формулярного списка в 1789 году о службе В.А. Жуковского, в котором ему присвоен первый офицерский чин прапорщика. А в 1790 году семилетний прапорщик Жуковский выходит в отставку. Фет, живший много позже, дворянства за чин прапорщика не получил бы, но в конце XVIII века прапорщика Жуковского внесли в дворянскую родословную книгу Тульской губернии. Грамота на дворянское достоинство, которую получил мальчик, позволила ему впоследствии получить право на образование в частном пансионе, а затем в Тульском училище.

Четыре года (1797–1901) Жуковский учился в Московском университетском благородном пансионе.

Познакомившись с Карамзиным, Жуковский печатает в его «Вестнике Европы» (1802) элегию «Сельское кладбище» – вольный перевод англичанина Грея. Элегия обращает на себя внимание знатоков. В следующем году Жуковский в подражание Карамзину пишет повесть «Вадим Новогородский».

Но дальше – в короткое время – Жуковский становится одним из лучших русских поэтов. И мне кажется, что прав Л. Троцкий, объяснивший истоки этой ослепительной поэтической карьеры Жуковского: «*На Западе романтизм XIX ст. был поэтическим переживанием исторического опыта средних веков. Но мы, русские, проходили свою историю, так сказать, по сокращённому учебнику. Мы не знали ни рыцарства, ни крестовых походов, ни готических соборов. Усвоив нашей литературе романтическое направление, Жуковский обогатил наше сознание теми идейными элементами, которые были завещаны Западной Европе эпохой феодализма и католицизма. Таким образом, Жуковский не просто переводил Шиллера, Гёте, Грея и Вальтер Скотта, – нет, он сделал нечто большее: он «перевёл» на русский язык европейский романтизм*».

Биография Жуковского не менее известна, чем биографии Пушкина или Гоголя. Поэтому повторяться не стану. Процитирую его стихотворение, которое люблю:

Изменой слуга паладина убил:
Убийце завиден сан рыцаря был.
Свершилось убийство ночною порой —
И труп поглощён был глубокой рекой.
И шпоры и латы убийца надел
И в них на коня паладинова сел.
И мост на коне проскакать он спешит,
Но конь поднялся на дыбы и храпит.
Он шпоры вонзает в крутые бока —
Конь бешеный сбросил в реку седока.
Он выплыть из всех напрягается сил,
Но панцирь тяжёлый его утопил.

* * *

Ефрем Михайлович Марьенков (родился 9 февраля 1898 года) лично мне стал известен в 1967 году, когда «Новый мир» напечатал его повесть «Записки краскома», а главный редактор А.Т. Твардовский написал предисловие к этой повести.

Оказалось, что «Записки краскома» во многом перепечатываются, потому что начал их писать Марьенков в начале 1930-х.

Марьенков и сам был краскомом, окончил курсы в 1919-м, после краскома был командиром батальона, помощником командира полка. Демобилизовался в 1924-м.

Ещё в армии, в 1919-м написал пьесу «Жертва идеи». Она была поставлена и с успехом шла в красноармейских частях в Смоленске. А после демобилизации Марьенков стал печатать в смоленских газетах рассказы о гражданской войне и о жизни советской деревни. В 1929-м получил премию за рассказ, посланный в московскую газету «Беднота».

С 1924 по 1935 год Марьенков работал в смоленской печати, был одним из редакторов Смолгиза и местного Партиздата. И печатал «Записки краскома» (они назывались ещё «На земле Смоленской»).

А дальше Марьенковым начинают интересоваться органы НКВД.

Сейчас рассекретили архивы. И нам известен тот иуда – Василий Горбатенков, который оклеветал Ефрема Михайловича Марьенкова и Адриана Владимировича Македонова, приятелей молодого Твардовского, поддерживающих его.

Из доноса: «*В 1934 году на первом областном съезде писателей Македонов выступает с докладом о поэзии в Западной области, в котором всячески расхваливает антисоветскую поэму А. Твардовского «Мужичок горбатый», изъятую органами Лита из печати, куда она была сдана бывшим заведующим ЗапГизом Н. Виницким (тоже сподвижником Авербаха, ныне разоблачённым в Свердловске). Больше того, выгораживая Твардовского от какой бы то ни было критики (Твардовский – сын крупного кулака, сосланного в первые годы коллективизации. В своё время был изгнан из ВЛКСМ), Македонов и Винницкий посылали своих делегатов в Москву – в Главлит с заявлением разрешить публикацию поэмы Твардовского…*»

Что до Марьенкова, то Горбатенков характеризует его как человека, не написавшего «*почти ни одного произведения без клеветы на партию*».

Македонову и Марьенкову дали по 8 лет лагерей и направили в г. Медвежья гора в БеломорБалтЛаг.

Марьенков весь срок не отсидел. Его мобилизовали в армию. Воевал на Карельском фронте. Был тяжело ранен и контужен.

Вернулся в опустевший кров. Семья брата была казнена гитлеровцами за связь с партизанами и за то, что она позволила себе удочерить еврейскую девушку.

Марьенков написал о партизанах Смоленщины. Книга «Вдалеке от больших городов» вышла в 1949-м.

И продолжал дописывать «Записки краскома». Теперь у него получилась трилогия: «На земле Смоленской», «Детство Алёши Боброва», «Огонь на Севере». «Огонь на Севере» имеет второе название в скобках «Записки краскома».

Умер Ефрем Михайлович 14 июля 1977 года.

* * *

Для меня Ашукин – это прежде всего Николай Сергеевич и Мария Григорьевна Ашукины, написавшие книгу «Крылатые слова». Эта книга у меня была. И я её очень любил.

Позже я узнал, что Николай Сергеевич Ашукин писал поначалу стихи и прозу, а потом перешёл на краеведение и литературоведение.

Впрочем, текст книги «Пушкинская Москва (Москва в жизни и творчестве А.С. Пушкина)» восстановлен Елизаветой Муравьёвой, дочерью Марии Григорьевны Ашукиной от первого брака.

Остальные книги живут, слава Богу. Это «Библиография Блока» (1923), «А. Блок в воспоминаниях современников и его письмах» (1924), «По грибоедовской Москве» (1924), «Живой Пушкин» (1926), «Литературная мозаика» (1931), «Как работал Некрасов» (1933), «Летопись жизни и творчества Некрасова (1935), «Как работал Пушкин» (1936), Брюсов (2006, в «ЖЗЛ»).

Ашукин ещё много чего напечатал. Это был действительно незаурядный учёный.

Умер 9 февраля 1972 года (родился 4 сентября 1890).

10 ФЕВРАЛЯ

10 февраля 1890 года родился Борис Леонидович Пастернак. Многие ли знают вот это его стихотворение:

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Как было хорошо дышать тобою в марте,
И слышать на дворе, со снегом и хвоёй,
На солнце, поутру, вне лиц, имён и партий,
Ломающее лёд дыхание твоё!
Казалось, облака несут, плывя на запад,
Народам со дворов, со снегом и хвоёй,
Журчащий как ручьи, как солнце, сонный запах —
Всё здешнее, всю грусть, всё русское твоё.
И тёплая капель, буравя спозаранку
Песок у желобов, грачи и звон тепла
Гремели о тебе, о том, что иностранка,
Ты по сердцу себе приют у нас нашла.
Что эта, изо всех великих революций
Светлейшая, не станет крови лить. Что ей
И Кремль люб, и то, что чай тут пьют из блюдца.
Как было хорошо дышать красой твоей!
Казалось, цель свята, как копоть в катакомбах
В глубокой тишине последних дней поста.
Был слышен дерн и дром, но не был слышен Зомбарт,
И грудью всей дышал Социализм Христа.
Смеркалось тут… Меж тем свинец к вагонным дверцам
(Сиял апрельский день) – вдали, в чужих краях
Навешивался вспех ганноверцем, ландверцем.
Дышал локомотив. День пел, пчелой роясь.
А здесь стояла тишь, как в сердце катакомбы.
Был слышен бой сердец. И в этой тишине
Почудилось вдали курьерский нёсся, пломбы
Тряслись, и взвод курков мерещился стране.
Он – «С Богом, – кинул, сев; и стал горланить: – К чёрту! —
Отчизну увидав: – Чёрт с ней, чего глядеть!
Мы у себя, эй жги, здесь Русь, да будет стёрта!
Ещё не всё сплылось, лей рельсы из людей!
Лети на всех парах! Дыми, дави и мимо!
Покуда целы мы, покуда держит ось.
Здесь не чужбина нам, дави, здесь край родимый.

Здесь так знакомо всё, дави, стесненья брось!»

_____

Теперь ты – бунт. Теперь ты – топки полыханье
И чад в котельной, где на головы котлов
Пред взрывом плещет ад Балтийскою лоханью
Людскую кровь, мозги и пьяный флотский блёв…

Оно показывает, что был Пастернак весьма здравым реалистом. Стихотворение написано в 1918 году, то есть уже тогда он оценил, во что выродились революционные порывы либеральной интеллигенции начала века.

Но чтобы выжить, встал в позу, так сказать, философствующего чудака. Отказался подписать коллективное соболезнование Сталину, потерявшему жену, однако добился, чтобы рядом с коллективным было напечатано его личное, пастернаковское: «*Присоединяюсь к чувству товарищей. Накануне глубоко и упорно думал о Сталине; как художник – впервые. Утром прочёл известье. Потрясён так, точно был рядом, жил и видел*».

В 1934-м выступивший на съезде писателей Бухарин объявил Пастернака лучшим поэтом современности. Вырос, дескать, новый читатель поэзии, которого уже не удовлетворяют стихи Демьяна Бедного и даже Маяковского. Скорее всего, именно в ответ Бухарину появилось в декабре 35-го в печати резюме Сталина, навсегда установившего, кто в Советском Союзе лучший и талантливейший. Пастернак правильно понял, *кому* отвечает Сталин. И верно решил, *как* ему вести себя в этом случае – отодвинулся от своего восторженного поклонника, которого однажды уже исключали из партии – давали понять, что тот утратил благорасположение Хозяина. Потому и писал поэт Сталину: «*Теперь, после того, как Вы поставили Маяковского на первое место, […] я с легким сердцем могу жить и работать по-прежнему, в скромной тишине, без которых я бы не любил жизни. Именем этой таинственности горячо Вас любящий и преданный Вам Б. Пастернак*». Чрезмерно горячая благодарность говорит о страхе. Очень может быть, что письмо, где он взял сторону косноязычного Сталина, а не его красноречивого оппонента, спасло поэту жизнь.

А вот два стихотворения Пастернака о Сталине, напечатанные 1 января 1936 года в «Известиях», таким противоядием быть не могли. Во-первых, благоволение Сталина к своим льстецам не было для них индульгенцией: мнительный вождь частенько менял милость на гнев. А во-вторых, вряд ли Сталин вообще понимал поэзию Пастернака, которого считал,

должно быть, мастером всяческих изощрённых поэтических выкрутасов. Не подобным ли мастером Сталину представлялся и Мандельштам и не решил ли Сталин проверить своё представление, позвонив Пастернаку? «*Но ведь он же мастер, мастер?*» – спросил об арестованном Мандельштаме. И, мне думается, очень удивился, услышав в ответ: «*Не в этом дело*». Не в этом, а в чём же тогда? Поэт Мандельштам или не поэт? Поэт Пастернак или не поэт? Впрочем, из кажущейся Сталину невнятицы, напечатанной в «Известиях», он наверняка извлёк, что поэт пишет о своём восприятии *гениального поступка* вождя:

И этим гением поступка
Так поглощён другой поэт,
Что тяжелеет, словно губка,
Любою из его примет.
Как в этой двухголосной фуге
Он сам ни бесконечно мал,
Он верит в знанье друг о друге
Предельно крайних двух начал.

И этого было достаточно для благосклонного прочтения.

Вполне возможно, что, читая эти строчки, Сталин вспоминал просьбу поэта в их телефонном разговоре о личной встрече. О чём бы он хотел с ним поговорить? – поинтересовался Сталин. «*О жизни и смерти*», – ответил Пастернак. Пришлось Сталину бросить трубку: небожитель!

Согласиться с многими, что был в жизни Пастернака период, когда тот увлекался Сталиным, – значит согласиться с этой сталинской характеристикой. Но небожителем Борис Леонидович только притворялся. Его близкие это знали. К примеру, его двоюродная сестра Ольга Фрейденберг, которой он писал 1 октября 1936 года: «*…началось со статьи о Шостаковиче, потом перекинулось на театр и литературу (с нападками той же развязной, омерзительно несамостоятельной, эхоподобной и производной природы на Мейерхольда, Мариэтту Шагинян, Булгакова и др.). Потом коснулось художников и опять-таки лучших, как например, Владимира Лебедева и др. Я, послушав, как совершеннейшие ничтожества говорят о Пильняках, Фединых и Леоновых почти что во множественном числе, не сдержался и попробовал выступить против именно этой стороны всей нашей печати, называя всё своими настоящими именами. Прежде всего я столкнулся с искренним удивлением людей ответственных и даже официальных, зачем-де я лез заступаться за товарищей, когда не только никто меня не трогал, но и трогать не собирались. Отпор*

мне был дан такой, что потом ко мне отряжали товарищей из союза […] справляться о моём здоровье. И никто не хотел поверить, что чувствую я себя превосходно, хорошо сплю и работаю. И это тоже расценивали как фронду».

(Понимаю нынешних молодых: Пастернаку *приходилось заступаться* за Мариэтту Шагинян, Федина или Леонова? Но *в то время* эти трое не обслуживали режим с той одиозностью, с какой стали обслуживать позже. А позже «совершеннейшие ничтожества» на них и не накидывались: чуяли родственные души!)

«*Чувствую я себя превосходно*», – писал сестре Пастернак, запечатлевая избранную им тактику – прилюдно или в письме к вождю неизменно демонстрировать свою любовь и преданность ему.

Нет, у него демонстрация таких чувств не отдаёт холуйством, как, скажем, у Алексея Толстого или у Демьяна Бедного. Но вот, отказавшись подписать письмо с требованием расстрела Тухачевского, он в этот же день почти истерически, умоляюще объясняет в письме Сталину причины отказа: вождь может располагать его жизнью, но поэт не считает для себя возможным «*быть судьёй в жизни и смерти других людей*». Несомненно, что Сталин его письмо прочитал. И понятно, почему приказал включить Пастернака в число подписантов. Раз против расстрела Тухачевского тот не выступает, стало быть, сомневаться нечего – смело ставьте подпись этого небожителя.

Учтём ещё, под гнётом каких чувств жил Пастернак после суда над Бухариным. Сталин никогда ни о чём не забывал. Помнил он и кого особенно превозносил его враг. И похвала эта в любое время могла обернуться для Пастернака полновесным компроматом. Не меньшим, чем тот, каким отозвалось Сергею Есенину хвалебное слово о нём Троцкого. Но Есенин умер раньше, чем начали хватать граждан сталинские душегубы. Единственное, что мог теперь Сталин, – распорядиться, чтобы имя поэта почти исчезло из читательской памяти.

Но уйдя невредимым от зубов одного безжалостного зверя, он попал в пасть к животному куда менее кровожадному.

Хрущёв в своих «Воспоминаниях» сожалеет о случившемся. О, если бы он опомнился, когда властвовал! Сколько ушатов помойной, мерзкой критики было вылито на Бориса Леонидовича, виновного только в том, что он напечатал на Западе своего «Доктора Живаго».

Хорошо, конечно, что Хрущёв раскаялся. Но это не отменяет самого факта планомерного уничтожения Пастернака, у которого в конце концов не выдержало сердце. Он скончался 30 мая 1960

года.

* * *

10 февраля 1837 года погиб Александр Сергеевич Пушкин. В память о нём приведу стихотворение из моих самых любимых:

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, снова, слова, слова.[1]
Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно? Бог с ними.
Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать, для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданиями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
– Вот счастье! вот права…

* * *

С Мишей Рощиным, родившимся 10 февраля 1933 года, я познакомился, когда пришёл к нему, заведующему отделом литературы журнала «РТ-программы», в 1966 году наниматься на работу. Мы понравились друг другу. И работали, понимая друг друга с полуслова: мы были единомышленники, и оба одинаково радовались, если удавалось провести в печать такую вещь, какую читатель нигде уже прочитать не сможет: времена были ранние постхрущёвские, и цензура в Радиокомитете (а журнал был его органом) ещё не так свирепствовала, как в печатных органах.

Миша уже написал «Седьмой подвиг Геракла» – пьесу, которую поставят позже. А в то время был он не драматургом, а прозаиком. Хорошим. Его печатали в «Новом мире» Твардовского.

Правда, он до «РТ-программ» работал у них в штате. Но, как я в этом убедился, Твардовский был одинаково требователен ко всем – знакомым и незнакомым. Не напечатал и рассказ Рощина о медведе, который мне нравился. Миша огорчился, но следующую вещь снова отнёс в «Новый мир». «*Им – в первую очередь*», – говорил он мне.

Дружил Рощин в то время с Андреем Тарковским, который часто бывал у нас в редакции на нынешнем Никитском бульваре в том самом доме, где умер Гоголь, и где сейчас располагается библиотека его имени. С ними двумя мне нередко приходилось посиживать в Доме журналистов, который находился на противоположной стороне бульвара. Сидели до закрытия ресторана, перебираясь после к Николаю Глазкову, который жил не слишком далеко на Арбате.

Полгода проработали мы с Мишей, пока нас обоих не выдавило из журнала руководство Радиокомитета.

Я устроился в «Литературную газету», и Миша ко мне нередко приходил.

Он набирал вес как драматург, стал другом и любимцем Олега Ефремова, который его очень ценил. «*У Станиславского в Художественном был Чехов*, – говорил Олег, – *у Ефремова в Художественном есть Рощин*». Конечно, он говорил так, когда мы выпивали, но для истины такого высказывания это не имело значения: никому из сидящих за столом и в голову не приходило в ней усомниться.

Что ж, Миша Рощин писал действительно незаурядные пьесы. И несмотря на то, что не было в них какой-либо политической фронды, цензура относилась к ним кисло. На сцене появилась только третья написанная им пьеса «Радуга зимой» (1968; ленинградский ТЮЗ), а в печати та же пьеса «Седьмой подвиг Геракла» опубликована только в 2000 году.

Он стал известным драматургом после «Валентина и Валентины», поставленной на сцене сразу трёх театров – «Современника» (режиссёр В. Фокин), Большого драматического театра (режиссёр Г. Товстоногов) и МХАТа (режиссёр О. Ефремов). К тому же её экранизировали (режиссёр Г. Натансон).

А из его прозы мне больше всего нравится повесть «Шура и Просвирняк», напечатанная в «Новом мире». Была ли она сразу задумана как киноповесть, не знаю. Но фильм по ней Николая Досталя вышел. И, по правде сказать, понравился мне намного меньше повести. Ушла рощинская мелодия. К сожалению.

В ЖЗЛ выпустили книгу Рощина о Бунине. Миша не писал специально для ЖЗЛ. Он написал книгу в Ялте. Напечатал, кажется, в «Новом мире».

А из его драматургии стоит вспомнить о пьесах «Эшелон» и «Старый Новый год». Сатирическая комедия «Старый Новый год», поставленная Олегом Ефремовым на сцене МХАТа, потом была перенесена им и режиссёром Наумом Ардашниковым на киноэкран с тем же (почти) актёрским составом.

У Миши было больное сердце. Однажды в Америке его сильно прихватило. Ему сделали операцию – продлили жизнь. Умер он 1 октября 2010 года.

* * *

Из иркутской группы писателей. Одно время она явно оформилась: Александр Вампилов, Геннадий Машкин, Валентин Распутин, Юрий Самсонов и вот – Вячеслав Михайлович Шугаев (родился 10 февраля 1938 года). Почти все они приняли участие во всесоюзном литературном семинаре в Чите (1965). Там и сгруппировались.

Сказать по правде, мне проза Шугаева не нравилась. Ощущал её вторичность на фоне его же согруппчан.

Знал, что Шугаев премирован. И премией местного иркутского комсомола (1971), и премией Всесоюзного (1977).

Кстати, после получения премии Всесоюзного комсомола он переехал в Москву и начал работать завом отделом прозы в рептильнейшем журнале «Молодая гвардия». Преподавал в «Литературном институте. В 90-е был главным редактором литературного альманаха чеховского общества «Дядя Ваня».

Выпустил довольно много книг. Но мне думается, они в литературе не останутся.

Умер 3 марта 1997 года.

11 ФЕВРАЛЯ

Один из самых скандальных (с точки зрения критиков) поэтов конца прошлого века.

Я с Юрием Поликарповичем Кузнецовым (родился 11 февраля 1941 года) познакомился у Кожинова, послушал стихи, который тот прочёл по просьбе хозяина, и они мне не понравились. Не понравилась мне и книжка «Гроза», которую Кузнецов мне тогда же и подарил. Я внимательно прочитал стихи, и чего в них нашли Кожинов и Ростовцева (а она тогда везде хвалила Кузнецова), не понял.

Потом я прочитал почти в одно и то же время «Поэму горы» и статью Кузнецова о Пушкине в альманахе «Поэзия» и увидел: Кузнецов Пушкина не любит. Это на меня никак не подействовало. На меня подействовало другое: Кузнецов Пушкину противопоставляет себя. Меня это рассмешило. Особенно то, что в союзники себе Кузнецов взял Гоголя. Гоголь, великий знаток мифов и фольклора, писал о Пушкине: «*В нём русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла*». А Кузнецов нашёл в этой фразе подтверждение не объёмности Пушкина, а его линейности: дескать, никакое оптическое стекло не в состоянии отразить явление во всём объёме.

Ясно, что Кузнецов, который, по мнению превозносящих его критиков, опирался на фольклор и миф, на самом деле не знал элементарного мифа о круглом зеркале, которое, по мнению древних, значило мир, вселенную: недаром в такую зеркальную раму вставил Босх свои полотна.

Я написал об этом. А через некоторое время получилось так, что меня позвали в Литинститут преподавать на Высших литературных курсах. Оказалась, что преподавать мы будем в пару с Кузнецовым.

Он встретил меня довольно дружелюбно. Нисколько не обиделся за статью. Попросил дать ему литературу по мифологии и разъяснять её слушателям: «Я в этом не очень», – сказал он честно, опровергая здесь того же Кожинова.

Преподавать с ним было легко по причине удивительной бездарности слушателей. Кузнецов дипломатом не был: графоманов не хвалил.

И вот что ещё интересно. Он в это время много печатался. Иногда читал свои стихи на семинаре. Но я на них не отзывался.

Обижался ли он на это? Не знаю. Не думаю.

О себе он однажды написал: «…*Сначала мне было досадно, что современники не понимают моих стихов, даже те, которые хвалят. Поглядел я, поглядел на своих современников, да и махнул рукой. Ничего, поймут потомки…*»

Прямо, как Баратынский о своём бытие: «*Его найдёт далёкий мой потомок / В моих стихах; как знать? душа моя / Окажется с душой его в сношенье, / И как нашёл я друга в поколенье, / Читателя найду в потомстве я*». Перекличка намеренна и не случайна: мнил себя никак не ниже Баратынского!

Я и сейчас утверждаю, что поэт этот очень перехвален. Что те же Передреев и Соколов выше. О Рубцове я и не говорю. У него редко встречаются неяркие стихи. У Кузнецова же как раз редко встречаются яркие.

Но встречаются.

«Атомную сказку», например, он написал в 1968 году. Но она не устарела и сегодня.

Эту сказку счастливую слышал
Я уже на теперешний лад,
Как Иванушка во поле вышел
И стрелу запустил наугад.
Он пошёл в направленье полёта
По сребристому следу судьбы.
И попал он к лягушке в болото,
За три моря от отчей избы.
– Пригодится на правое дело! —
Положил он лягушку в платок.
Вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток.
В долгих муках она умирала,
В каждой жилке стучали века.
И улыбка познанья играла
На счастливом лице дурака.

А это стихотворение 1970 года. Но из тех – словно существовало всегда и будет существовать вечно:

Из земли в час вечерний, тревожный
Вырос рыбий горбатый плавник.
Только нету здесь моря! Как можно!
Вот опять в двух шагах он возник.
Вот исчез. Снова вышел со свистом.
– Ищет моря, – сказал мне старик.

Вот засохли на дереве листья —
Это корни подрезал плавник.

Юрий Поликарпович скончался 17 ноября 2003 года.

* * *

Пушкин любил поэта Ивана Ивановича Козлова, ценил его поэму «Чернец», которая оказала безусловное влияние на лермонтовского «Мцыри».

В 1827 году по прозаическому подстрочнику, сделанному П.А. Вяземским, Козлов полностью перевёл «Крымские сонеты» Мицкевича.

А вообще его переводы Байрона, Данте, Торквато Тасса, Шенье, Бёрнса и других остались в русской поэзии.

Особенно повезло переводу Козлова из Томаса Мура «Вечерний звон». Положенный на музыку он стал классическим русским романсом.

Иван Иванович, умерший 11 февраля 1840 года (родился 22 апреля 1779-го), рано заболел параличом, который лишил его обеих ног. Следом новая беда – к 1821 году он ослеп.

Но выучил наизусть всю европейскую поэзию, которую, как я уже сказал, много переводил. При этом писал и хорошие оригинальные стихи.

Заря погасла; ветерки
В поляне дуют меж кустами,
Срывают ландыш, васильки —
И вместе с алыми цветами,
Подобно пёстрым мотылькам,
Кружа, разносят по лугам.
Так изумруды, аметисты,
Жемчуг и яхонты огнисты
Небрежно резвою рукой
С лилейных пальцев, в час ночной
Ложася спать, полунагие,
Роняют девы молодые.

* * *

Вообще-то его фамилия Покровский. Но в 1925 году он

опубликовал в «Молодой гвардии» своё первое стихотворение «Мёд». От него решил произвести псевдоним.

Григорий Александрович Медынский (родился 11 февраля 1899 года) войну провёл в тылу на пропагандистской работе. Написал роман «Марья» – о труде колхозниц в Великую Отечественную. Роман отмечен сталинской премией 3 степени в 1950 году. А после смерти Сталина роман критиковали за бесконфликтность.

Позже он написал книгу о преступности «Честь». Его жена, учительница, рассказала ему о своём ученике, который связался с бандитами, попал в тюрьму. Но смог исправиться начать новую жизнь. «Честь» была напечатана в журнале «Москва» в 1959 году. И стала популярной. По этой повести Медынский (совместно с В. Токаревым) написал пьесу «Жизнь и преступление Антона Шелестова» (1961).

Он написал ещё несколько книг. В том числе и документальных. Но с «Честью» рядом они не встанут.

Умер 22 февраля 1984 года.

* * *

С детства знал автора «Старой крепости» Владимира Павловича Беляева. Потом через много лет узнал, что по этой повести Беляев написал киносценарий и что режиссёр Мирон Белинский снял в 1937 году на Одесской студии фильм. Но его не выпустили на экраны: в Москве ждали гитлеровского министра Риббентропа. И нашли, что ему не понравятся кадры о разгроме немецких интервентов Красной армией в 1918 году.

Позже, когда я заинтересовался Ярославом Галаном, писателем-чекистом, погибшим от украинских националистов, я узнал, что ближайшим другом Галана был Беляев.

Он, кстати, написал несколько повестей и документальных повестей, посвящённых послевоенной борьбе с украинскими националистическим элементами, но даже советские историки обвиняли Беляева в фальсификациях.

Он приезжал в «Литературную газету», в которой о нём рассказывали, что ему однажды пришлось побывать под судом. Якобы после заседания регионального отделения Союза писателей привёл он к себе домой во Львове женщину. Дело было в конце сороковых. Выпили. Легли спать. Беляев забыл поставить пистолет на предохранитель, но на всякий случай сунул его под подушку. И пистолет в пикантный момент выстрелил. На выстрел сбежались. Беляева арестовали. Но выпустили. С тех пор его

называли в Львове: «стреляющий член союза писателей».

А потом похожий анекдот я прочитал в «Дневнике» Нагибина. И готов поверить Юрию Марковичу. Он намного правдоподобней:

«*Знакомство с Владимиром Беляевым, детским писателем, тёмным человеком. Бесконечные рассказы о всевозможных жестокостях. Повешенные, сожжёные, ослеплённые, разорванные между двух берёз, ущемлённые в расколотых топором пнях, подстреленные из-за угла, изнасилованы, зарублен топором и шашкой – обычные герои его устных рассказов… Беляев выпивал в доме старого друга, львовского профессора-филолога. Водки, как всегда, не хватило, и профессор побежал за угол, в ларёк. Беляев стал добиваться у его жены, пожилой женщины, чтобы она отдалась ему по-быстрому, пока муж не вернулся. Та пыталась его пристыдить, но он вынул пистолет и пригрозил, что застрелит её. Глупая женщина продолжала упираться, он выстрелил и попал ей в бедро. Она навсегда осталась хромой, а Беляеву вкатили «строгача». Его оправдывает только одно: на следствии выяснилось, что эта женщина – сестра убийцы Воровского. Всё-таки Беляев не зря старался*».

Умер 11 февраля 1990 года (родился 3 апреля 1909-го).

12 ФЕВРАЛЯ

Василий Николаевич Ажаев (родился 12 февраля 1915 года) уже в девятнадцать лет по ложному доносу был арестован, отбыл срок и в качестве вольнонаёмного проработал на Дальнем Востоке ещё 15 лет.

Роман «Далеко от Москвы» (1948) написан был там, на Дальнем Востоке. Он – о беззаветном труде во время Великой Отечественной войны. Производственный роман, для героев которого завершить стройку в срок становится делом жизни. Был напечатан в журнале «Дальний Восток», но Симонов, который работал над поручением Сталина найти и опубликовать роман о беззаветном труде советских людей в годы Великой отечественной войны, уговорил Ажаева отдать роман ему в «Новый мир». Говорят, что в журнале поработали над редактурой, превратив похожих на зеков героев в комсомольцев-энтузиастов, а похожего на начлага душегуба в строгого директора. Сталин оценил роман, который был отмечен сталинской премией 1 степени (1949). Экранизирован Столпером (1950). На основе романа композитор Иван Дзержинский написал одноимённую оперу (1954). Ажаева перевели в Москву. Назначили на руководящий пост в Союзе писателей СССР. Сделали главным редактором журнала «Советская литература».

Ажаев вынужден был писать установочные статьи в «Литературной газете». Однако писатели с этим не смирились. 23 декабря 1954 года в «Литературной газете» появилась «Реплика товарищу Ажаеву», подписанная В. Кавериным, Э. Казакевичем, С. Щипачёвым и другими.

Надо сказать, что больше в директивном тоне Ажаев не писал.

Через много лет после прославившего его романа Ажаев пишет новый роман «Вагон». Предлагает его журналу «Дружба народов». На дворе 1964 год. Роман написан в форме рассказа героя о своей судьбе и судьбах своих товарищах – трагических судьбах строителей метрополитена. Осенью сняли Хрущёва. И «Дружба народов» отказывается печатать роман.

И всё же та же «Дружба народов» напечатала «Вагон». Но в 1988 году. Через двадцать лет после смерти автора, который скончался 27 апреля 1968 года.

* * *

Инна Иналовна Кашежева (родилась 12 февраля 1944 года) впервые напечаталась со стихами в шестнадцать лет в журнале «Юность». В 18 лет в 1962 году в Нальчике выпустила первую книжку стихов «Вольный аул». Начало было настолько ошеломительным, что через несколько лет к юной девочке в очередь выстраивались известные композиторы, желавшие писать песни на её стихи.

Вот – история, рассказанная журналистом:

«Однажды Инна Кашежева, придя к Островскому, застала композитора в глубоком раздумье.

– Как вы относитесь к импрессионистам? – неожиданно спросил он.

– Они мне нравятся, – ответила Инна. – В них много чувства, настроения, красочности.

– Да, пожалуй, – согласился Островский. – В музыке импрессионизм – это своеобразная звуковая живопись. Давайте, Инна, напишем несколько песен в стиле музыки Дебюсси и Равеля. Что-нибудь в неярких тонах, как в картинах Ренуара или Моне… Песни-пейзажи в полутонах…

Инна согласилась. Так началась работа над этим совершенно новым для стиля и всего творческого облика композитора циклом. Его так и назвали – «Полутона». Задуман он был из шести песен. Закончить удалось только три.

В этих песнях много печали и грусти. В них глубина чувства, мысли и предельная искренность. Как только началась работа над циклом, Островский пригласил Эдуарда Хиля. По существу, Эдуард Хиль стал третьим соавтором «Полутонов» и первым исполнителем».

Не только Островский. Флярковский, Мартынов, Колкер, Саульский, Рубашевский, Блантер, Я. Френкель…

В очень короткое время песни Кашежевой стали популярными у тогдашней молодёжи.

И её стихи.

Мои друзья уже постарше
отцов, вернувшихся с войны.
Чем я иду по жизни дальше,
тем больше мне они нужны.

Свела судьба нас, а не случай,
свела и силу мне дала.
Мои друзья других не лучше,
но ведь они – мои друзья.
Ко мне друзья приходят редко,

уж так диктует бытиё.
Но помню их, как помнит ветка
большое дерево своё.
Порой беды колючий ветер
влетит ко мне… Но знаю я:
они живут на белом свете,
мои друзья. Мои друзья!
И дружба вновь легко и смело
беды отводит остриё.
О, только б вечно зеленело
большое дерево моё!

А потом её как подменили. Редко появлялась в концертных залах. Редко ездила в командировки. Стала намного реже печататься.

Сыграл ли этом роль алкоголь, о чём настойчиво твердили знатоки? Не знаю. Мне пьяной Инну Кашежеву видеть не довелось.

Знаю, что у неё была Наташа, которую она называла сестрой. И вот – как навалилось. Один за другим ушли родители. В автокатастрофе она ломает ноги. А ещё через короткое время умирает от рака Наташа.

О смерти Инны Кашежевой сообщила дочь Наташи Маша. Инна умерла 14 мая 2000 года, а Маша объявила об этом через неделю, сказав, что выполняет желание покойной, которая никого не хотела видеть на своих похоронах. Грустно.

* * *

Ну, что ж. Можно сказать, что Семён Петрович Гудзенко напророчил себе, написав: «*Мы не от старости умрём, / От старых ран умрём*».

Он получил тяжелейшее ранение в 1942-м. В 1944-м выпустил книгу «Однополчане», в 1945 – «Стихи и баллады», в 1947 «После марша», в 1948 «Битва». Он спешил писать, спешил издаваться, потому что старые раны всё время напоминали о себе, становясь смертельными.

В последние месяцы жизни, он не мог уже писать сам. Диктовал стихи, диктовал правку. Умер 12 февраля 1953 года в 30 лет: родился 5 марта 1922-го.

Я в гарнизонном клубе за Карпатами
читал об отступлении, читал

о том, как над убитыми солдатами
не ангел смерти, а комбат рыдал.
И слушали меня, как только слушают
друг друга люди взвода одного.
И я почувствовал, как между душами
сверкнула искра слова моего.
У каждого поэта есть провинция.
Она ему ошибки и грехи,
все мелкие обиды и провинности
прощает за правдивые стихи.
И у меня есть тоже неизменная,
на карту не внесённая, одна,
суровая моя и откровенная,
далекая провинция – Война…

13 ФЕВРАЛЯ

Николай Иванович Гнедич (родился 13 февраля 1784 года) наиболее известен своим переводом «Илиады». Пушкину приписывают два ровно противоположенных отзыва на этот труд:

Крив был Гнедич-поэт, преложитель слепого Гомера,
Боком одним с образцом схож и его перевод.

И:

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.

Пушкин был великим озорником. Несомненно, ему захотелось обыграть одноглазие Гнедича, взявшегося за перевод слепого Гомера. И он это обыграл. Но устыдился содеянного: перевод, судя по всему, ему восхитил. Отсюда – второй отзыв, даже своей музыкальностью показывающий, как искренен здесь Пушкин.

Гнедич писал и оригинальные стихи. Был в 1811 году избран в члены Российской Академии, назначен библиотекарем публичной библиотеки, где заведовал отделением греческих книг.

Гнедич великолепно перевёл простонародные древнегреческие песни.

Он был не первым из русских поэтов, кто брался переводить «Илиаду». До него «Илиада» была дважды переведена прозой. А в 1787 году были напечатаны первые шесть песен эпопеи, которые Ермил Козлов перевёл александрийским стихом.

Гнедич решил продолжить Козлова, напечатал в 1807 году седьмую песнь, которую перевёл тем же александрийским стихом. Однако в 1813 году, когда Гнедич дописывал уже одиннадцатую песнь, к нему с письмом обратился С.С. Уваров, доказывающий превосходство гекзаметра над александрийским стихом. Завязалась полемика. Дело в том, что в русском стихе гекзаметр до сих пор использовал только Тредиаковский, а стих этого поэта, по мнению, например, В.В. Капниста или А.Ф. Воейкова, был лишён гармонии. Пока шёл спор, Гнедич вернулся к началу, перевёл «Илиаду» гекзаметром и продолжил переводить её именно этим стихотворным размером.

Прежний свой перевод он уничтожил.

Целиком «Илиаду он издал в 1829 году.

Белинский считал гекзаметры Гнедича выразительней гекзаметров Жуковского, который этим размером перевёл «Одиссею».

Правда, раздавались голоса, что «Илиада» Гнедича, изобилующая архаизмами, потеряла в своей простоте, приобрела ненужный ей торжественно-риторический стиль.

Но большинство поэтов признали торжество Гнедича.

Он был очень больным человеком: безуспешно лечился на водах Кавказа. В 1831 году врачи убедили его лечиться в Москве искусственными минеральными водами. Лечение не помогло, и 15 февраля 1833 года Гнедич умер.

* * *

Юрист по профессии Фридрих Евсеевич Незнанский эмигрировал из России в 1977 году. Работал в эмигрантских газетах, на радио «Свобода».

Известным писателем стал, написав вместе с Э. Тополем две книги «Журналист для Брежнева» (1981) и «Красная площадь» (1983). В 2004 году по «Красной пощади» был снят восьмисерийный телесериал.

Но Незнанский поссорился с Тополем, который выступил с заявлением, что взял себе в соавторы Незнанского по знакомству и что Незнанский не писал вместе с ним книг. После разгоревшегося скандала соавторство распалось. И хотя Тополь утверждает, что за Незнанского писали негры, книга «Марш Турецкого» подписана только Незнанским и является его наиболее известным романом.

Умер 13 февраля 2013 года (родился 27 сентября 1932-го).

* * *

Павел Иванович Мельников-Печерский поначалу был очень жесток к раскольникам. Преследовал их обысками и выемками, предлагал правительству в местах, где живут православные и раскольники брать рекрутов только из раскольников. Но впоследствии в «Записке о русском расколе», написанной в 1857 году для великого князя Константина Николаевича и в «Письмах о расколе» (1862) призывал к примирению.

За обращение многих раскольников в православие даже

получил орден Св. Анны 3 степени.

Псевдоним «Андрей Печерский» был придуман для Павла Ивановича В. Далем. Печерский – от названия улицы, на которой жил Мельников. Но, подписавшись: Андрей Печерский, он другие свои произведения подписывал как Мельников-Печерский.

Самые известные его произведения – дилогии «В лесах» (1871–1874) и «В горах» (1875–1881).

Очевидно, находясь под впечатлением от прочитанного, П.М. Третьяков заказал художнику Ивану Крамскому портрет Мельникова-Печерского для своей галереи.

Сам Мельников-Печерский ставил себе в заслугу в «Автобиографии», где он пишет о себе в третьем лице, что «*выводя на свежую воду творимые в потёмках злоупотребления, П.И. Мельников более всего нападал на казнокрадство: «всяко казённо дело, – говорит он в «Медвежьем углу», – от того казне дорого стоит, что всякий человек глядит на казну, как на свою мошну и лапу в неё запускает по-хозяйски. Всякому барину казной корыствоваться не в пример способнее, чем взятки брать, для того, что с кого взял, тот ещё, пожалуй, караул закричит, а у матушки казны языка нет, за то и грабят её, что без ответа*».

Актуальный до сих по писатель! Он умер 13 февраля 1883 года (родился 6 ноября 1818-го).

* * *

Литературный салон Дмитрия Николаевича Свербеева располагался в его доме 6 по Страстному бульвару. Его обычные посетители – Жуковский, Крылов, Гоголь, А. Тургенев, Чаадаев, Языков. Был ли в числе посетителей Пушкин? Мог, конечно, быть. Во всяком случае, о встрече с Пушкиным у Свербеевых 15 мая 1836 года писала Е.М. Языкова брату поэту Н.М. Языкову из Москвы. Пушкин был знаком также и с женой Свербеева Екатериной Александровной (урождённой княжной Щербатовой), которая была истинной хозяйкой салона. Сохранилось письмо о Пушкине А. Тургенева к Е. Свербеевой от 21 декабря 1836 года: «*Он полон идей, и мы очень сходимся друг с другом в наших нескончаемых беседах*». Свои письма-отчёты о здоровье и смерти Пушкина, которые А. Тургенев писал близкой знакомой А.И. Нефедьевой после дуэли поэта с Дантесом, он просил непременно показывать Свербеевой.

В последние годы Дмитрий Николаевич провёл в Швейцарии, где написал свои «Записки». Там он и скончался 13 февраля 1874 года (родился 8 сентября 1799-го).

* * *

Елена Александровна Скрябина, рождённая 13 февраля 1906 года. Её фамилия не девичья – от мужа, который композитору Скрябину доводился двоюродным братом. Родной брат Елены Павел погиб в белой армии в Крыму. В 1936-м в Омске расстреляли ещё одного её брата Георгия.

С началом войны муж ушёл на фронт, прошёл всю войну и умер в 1946 году. А Елена Александровна с матерью и двумя детьми, пережив полгода блокады Ленинграда, в феврале 1942 года эвакуируется в Пятигорск. По дороге умирает мать. В Пятигорск вошли немецкие войска, и в 1943 году Скрябина с детьми отправлены в трудовой лагерь в Бендорфе. После войны это была французская зона оккупации. В 1950 году Скрябина с младшим сыном уезжают в США. Старший остался в Германии, потом работал в Иельском университете США профессором фармакологии.

Она год работала посудомойкой, потом преподавала русский язык в Сиракузском университете.

В 1963 году её младший сын погиб во время свадебного путешествия. Она села за воспоминания. Её книга «В блокаде» (1964) переведена на английский и на немецкий. За ней последовали ещё 3 книги: «Годы скитаний» (1975), «Пять встреч» (1975) и «Это было в России» (1980).

Скончалась 22 октября 1999 года.

Закончу её цитатой из книги «Годы скитаний», где эпизод, описанный ею, напоминает её жизнь в целом. Запись от четверга, 25 сентября 1941 года:

«*Сегодня забежала взволнованная Ирина и сообщила печальное известие. Марина Толбузина, моя приятельница с раннего детства, погибла. Оказывается, Марина, с группой сослуживцев и со своей неразлучной домработницей Тоней, была отправлена на рытьё окопов в окрестности Ленинграда. Проработав определённый срок, вся группа возвращалась по шоссе, когда с ними поравнялась красноармейская машина. Марина, изнемогавшая от усталости, попросила подвезти её и Тоню. Шофер согласился. Машина обогнала шедшую группу, но не успела ещё скрыться за поворотом, как на глазах у всех взлетела в воздух. Всё это сопровождалось грохотом и дымом, заслонившим автомобиль. Когда окопники поравнялись с местом происшествия, то не нашли и следов пассажиров. Задерживаться было невозможно, так как начинался сильный обстрел этого участка шоссе. Вот то, что нам пришлось услышать. Погоревали о Марине – красивой, молодой, полной жизни женщине, так безвременно погибшей […] и опять вернулись*

к нашим повседневным заботам о спасении собственной жизни.

Примечание Е. Скрябиной к тексту её книги «Годы скитаний»:

«Впоследствии оказалось, что Марина, хотя и вылетела из машины, наскочившей, по-видимому, на мину, но не погибла, как все предполагали. Каким-то образом она очутилась в придорожной канаве, где и пролежала без сознания до тех пор, пока один из немцев не стал вытирать кровь и грязь с её разбитого лица. Приняв немца за милиционера, она что-то спросила его по-русски. Каково же было её изумление, когда она услышала немецкую речь! После долгих скитаний и всевозможных передряг, Марина в 1953 г. попала в Америку, где и живёт теперь».

14 ФЕВРАЛЯ

Абрам Маркович Арго (родился 14 февраля 1897 года) дебютировал книгой стихотворений «Старая Англия» (Харьков, 1919).

С 1917 года работал совместно с поэтом Н. Адуевым. Они написали новые русские тексты к опереттам «Жирофле-Жирофля» Лекока (1922, Камерный театр), «Прекрасная Елена» (1924, Большой театр), «Орфей в аду» Оффенбаха (1925, Московский театр музыкальной комедии).

В двадцатые годы работал для театральных коллективов «Синяя блуза», «Смычка», Теревсат (Театр революционной сатиры).

Написал книги: «Сатирические очерки из истории русской литературы» (1939 г.), «Подлинники и переводы» (1957 г.), «Из зарубежных поэтов» (1958 г.), «Звучит слово. Очерки и воспоминания» (1962 г.), «Своими глазами. Книга воспоминаний» (1965 г.), «За много лет. Стихи» (1969 г.).

Много переводил, особенно с французского, которым владел в совершенстве: В. Гюго («Рюи Блаз»), О. Барбье, Ф. Вийона, А. Рембо, Т. де Банвиля и др. В 1960-е гг. выступал со статьями в журнале «Советская эстрада и цирк».

Умер 13 апреля 1968 года.

Стихи оставил разные. Мне некоторые из них напоминают рассказы Ильфа и Петрова. Например, вот это – «Небывалый случай»:

Это не выдумка – выдумки нет,
Это не может быть названо бредом.
Пришёл в издательство некий поэт
И стихи положил перед предом.
И пред учтиво, учтя нужду,
На миг прервав деловую беседу,
Рукопись тут же тычет реду,
И ред, просмотрев её на ходу,
Говорит:
– Подходящее. В самый раз.
Берём. Печатаем. Деньги сейчас.
И вот в тиши канцерярско-келейной
Перья выскрёбывают ордера,
И всё готово.
И марки наклеены,
И поэт у кассы стоит.

Ура!
И получивши без оговорок,
Что ему следует, —
Тридцать иль сорок,
Бежит домой, довольный вполне,
Утолять свои аппетиты.

_____
Этого не было.
Это было во сне.
Но всё-таки без волокиты.

* * *

Волик (так звали его друзья) Рецептер. Владимир Эммануилович Рецептер (родился 14 февраля 1935 года).

Он окончил Ташкентский театрально-художественный институт. И почти сразу стал ездить по стране с моноспектаклем «Гамлет», из которого он не выпустил ни одного шекспировского слова. Рецептера заметили. В 1962 году он был приглашён в Ленинградский Большой драматический театр. Сыграл большое количество ролей. И не только в БДТ. Но в Государственном пушкинском театральном центре в Санкт-Петербурге, который Рецептер возглавляет с 1992 года.

Его фильмография внушительна. Его роли в телеспектаклях запомнились. Как режиссёр в том же Театральном центре он поставил 20 спектаклей.

Но и это ещё не всё. Владимир Эммануилович – профессиональный поэт, член Союза писателей Санкт-Петербурга и международного Пен-клуба. Он – профессиональный литературовед-пушкинист. Автор некоторых гипотез о текстах Пушкина, которые он порой ставит в театре по-своему.

А кроме того Рецептер пишет прозу. Проза его в основном документальная. И ещё он председатель комиссии по наследию своего закадычного друга – критика Станислава Рассадина.

Вот какой он поэт:

Я к матери ехал всю ночь,
доехать не чаял.
Туман, отлетающий прочь,
глаза мне измаял…
То вскроется даль, то опять
исчезнет, обманет.

А сколько ещё куковать
в вагоне, в тумане?…
Мелькали кресты деревень,
дымили заводы.
Я к матери ехал весь день
в тридцатые годы…
Я ей фотографин вёз
её молодые…
Свистел и летел паровоз
сквозь клочья седые;
сквозь время, сквозь сон и пожар
блатную частушку,
сквозь бред и военный кошмар,
сквозь слёзы в подушку…

* * *

Вообще-то если б не скандальная история с Шолоховым (был или нет он автором «Тихого Дона»?), может быть, никто бы о Фёдоре Дмитриевиче Крюкове (родился 14 февраля 1870 года) и не вспомнил.

Он заведовал отделом литературы и искусства в журнале Короленко «Русское богатство».

В Первую Мировую служил в санитарном отряде и написал очерки из быта военного госпиталя, которые перекликаются с военными эпизодами «Тихого Дона». Был одним из идеологов Белого движения. Секретарь Войскового круга.

Крюков является прообразом Фёдора Ковынёва весьма значительного персонажа «Красного колеса» Солженицына.

Крюков написал большое количество рассказов и повестей из казачьего быта. Его прозой зачитывались Горький, Короленко и Серафимович.

С 1906 года он депутат от Войска Донского в Первой Государственной думе.

Там выступает с речью против использования казаков в карательных акциях царского правительства.

Считают, что уже тогда на него обратил внимание Ленин, который несколько раз в своих статьях оболгал писателя-казака.

Крюков ему ответил. И эти ответы попали теперь в «Тихий Дон».

Да, этот роман не написан Шолоховым. Во всяком случае, большая часть романа (особенно три первые книги).

В 2006 году ИМЛИ издал шолоховские «черновики» и «беловики» и тем самым сам себя высек. Хотел доказать несомненное авторство Шолохова, а доказал, что перед нами несомненный плагиат – текст, который копировальщик без ошибок и списать не смог.

Много лет назад академик М.П. Алексеев уверенно утверждал: «*Ничего Шолохов не мог написать, ничего!*».

Мы не знаем, как окончилась жизнь Фёдора Дмитриевича Крюкова. По одной версии Крюков умер от тифа в больнице 4 марта 1920 года. По другой – в этот же день он – казацкий офицер расстрелян большевиками.

* * *

Всеволод Михайлович Гаршин (родился 14 февраля 1855 года) не закончил Горного института: занятия прервала османская война, где он воевал вольноопределяющимся, был ранен в ногу. После войны получил офицерский чин и вышел в отставку.

Дебютировал в 1877 году рассказом «Четыре дня», сделавшим его известным. Этот антивоенный рассказ направлен против истребления человека человеком. Он написал ещё несколько новелл на эту тему.

Другая тема – «падшей женщины» поднята Гаршиным в рассказах «Происшествие» и «Надежда Николаевна». В чудесной новелле-сказке Гаршина «Attalea princeps» речь о пальме, которая рвётся наружу из стеклянной клетки, пробивает в конце концов стекло и замерзает от мороза.

Великолепна сказка Гаршина «Лягушка-путешественница», которую так любят и нынешние дети.

Гаршин мастер реалистической новеллы. В этом смысле он не то чтобы предшествовал Чехову, но шёл с ним вровень.

Писатель страдал депрессией. Видимо поэтому его произведения почти не знают счастливых концовок. Жизнь впереди не обещала Гаршину ничего хорошего.

5 апреля 1888 года он совершил самоубийство, бросившись в лестничный пролёт.

* * *

Агния Барто написала о нём:

Никто другой, никто другой
Не пишет так, как Д. Благой.
Он без поэзии ни шага.
На свет родился Д. Благой
Родной поэзии на благо.

Но вот – другой взгляд на Дмитрия Дмитриевича Благого, другая его оценка: Осип Мандельштам. «Четвёртая проза»:

«*Есть прекрасный русский стих, который я не устану твердить в московские псиные ночи, от которого, как наваждение, рассыпается рогатая нечисть. Угадайте, друзья, этот стих – он полозьями пишет по снегу, он ключом верещит в замке, он морозом стреляет в комнату:*

…не расстреливал несчастных по темницам… Вот символ веры, вот подлинный канон настоящего писателя, смертельного врага литературы.

В Доме Герцена один молочный вегетарианец, филолог с головёнкой китайца – этакий ходя, хао-хао, шанго-шанго, когда рубят головы, из той породы, что на цыпочках ходят по кровавой советской земле, некий Митька Благой – лицейская сволочь, разрешённая большевиками для пользы науки, – сторожит в специальном музее верёвку удавленника Сережи Есенина.

А я говорю – к китайцам Благого, в Шанхай его – к китаёзам – там ему место! Чем была матушка филология и чем стала… Была вся кровь, вся непримиримость, а стала псякрев, стала всетерпимость….»

Мнения высказаны полярные: «родной поэзии на благо» или на её удушение «на свет родился Д. Благой»?

Вообще если суммировать всё, что сделал для литературы член-корреспондент Академии наук СССР, академик педнаук, лауреат сталинской премии 2 степени, Пушкинской премии АН СССР Дмитрий Дмитриевич Благой, то картина удручающей выглядеть не будет. Изучал Тютчева, публиковал его неизданные письма, позже занялся Пушкиным, начал писать трилогию о поэте. Первая книга «Творческий путь Пушкина. 1813–1826» (1950). Вторая – «Творческий путь Пушкина. 1826–1830» (1967). Третья – «Творческий путь Пушкина. 1830–1837» в печати не появилась. Благой скончался 14 февраля 1984 года (родился 9 февраля 1893), и после смерти среди бумаг покойного третьей пушкинской книги не нашли.

Ну, а вообще, по подсчётам специалистов, общее количество работ Благого по литературоведению достигает 500. Среди них такие книги, как «Три века. Из истории русской поэзии XVIII, XIX

и XX веков» (1933), «История русской литературы XVIII века» (1945), «От Кантемира до наших дней» в 2 т.: 1 том (1972), 2 том (1973), «Душа в заветной лире. Очерки жизни и творчества Пушкина» (1977).

Я помню, как Кожинов восхищался названием работы Благого «Гениальный русский поэт Фет». «*Это очень важно*, – говорил он мне. – *Теперь можно писать о Фете отрытым текстом: «гений», и цензура ничего против этого возразить не посмеет: название-то Благого залитовано!*»

Всё это правда. Но вспоминаю вечер в Политехническом в 1973 году, посвящённый 70-летию Тютчева. Вёл вечер Михалков, который предоставил слово Благому. Сперва слушали внимательно. Потом зал стало расхолаживать. Потом речь Благого начала утопать в постороннем шуме, всё усиливающемся.

– Дмитрий Дмитриевич! – окликнул выступающего Михалков. – Вы говорите уже добрый академический час.

– Я скоро закончу, – откликнулся Благой.

Но дело было не во времени, хотя и в нём, наверное, тоже. Дело было в рассказе о Тютчеве, куда чьи только цитаты не запихал Благой, – от Аполлона Григорьева и Ивана Аксакова до Ленина, Брежнева и даже Суслова. Разумеется, последние двое возможно и не слышали о таком поэте. Но Дмитрий Дмитриевич так поворачивал их выступления на съездах и пленумах, что они каким-то незаметным образом выводили на Тютчева.

– Силён, – сказал я о Благом поэту Льву Озерову, с которым мы вместе покидали вечер.

– Ну, – сказал на это Лев Адольфович, – если Благому потребуется объявить гением Кукольника, он на вас обрушит решения всех партийных конференций. Это его фишка!

Тогда-то мне и подумалось, насколько оказался прав Мандельштам, не привыкший к таким «фишкам», в отличие от нас. Потому и писал: «*Была вся кровь, вся непримиримость, а стала псякрев, стала всетерпимость…*»!

15 ФЕВРАЛЯ

Один из замечательных поэтов современности. Из-за протекционистской политики советских властей по отношению к своим подхалимам, из-за политики, направленной против любого проявления модернизма в поэзии был почти неизвестен. Поэтому открытие Тимура Юрьевича Кибирова (родился 15 февраля 1955 года) прозвучало откровением. Перестройка принесла книги, читателей, наиболее престижные премии.

Я не так давно разговаривал с профессиональным любителем поэзии. Он согласен, что Кибиров – поэт выдающийся. «*Но в прошлом*», – заметил он. «*Почему в прошлом?*» – обомлел я. «*А потому что он сейчас почти ничего не пишет, а то, что пишет, – не так интересно*».

По-моему, это глупость. Вот стихотворение, написанное сравнительно недавно:

Их-то Господь – вон какой!
Он-то и впрямь настоящий герой!
Без страха и трепета в смертный бой
Ведёт за собой правоверных строй!
И меч полумесяцем над головой,
И конь его мчит стрелой!
А наш-то, наш-то – гляди, сынок, —
А наш-то на ослике – цок да цок —
Навстречу смерти своей.
А у тех-то Господь – он вон какой!
Он-то и впрямь дарует покой,
Дарует-вкушает вечный покой
Среди свистопляски мирской!
На страсти-мордасти махнув рукой,
В позе лотоса он осенён тишиной,
Осиян пустотой святой.
А наш-то, наш-то – увы, сынок, —
А наш-то на ослике – цок да цок —
Навстречу смерти своей.
А у этих Господь – ого-го какой!
Он-то и впрямь владыка земной!
Сей мир, сей век, сей мозг головной
Давно под его пятой.
Виссон, багряница, венец золотой!
Вкруг трона его весёлой гурьбой
– Эван эвоэ! – пляшет род людской.

Быть может, и мы с тобой.
Но наш-то, наш-то – не плачь, сынок, —
Но наш-то на ослике – цок да цок —
Навстречу смерти своей.
На встречу со страшною смертью своей,
На встречу со смертью твоей и моей!
Не плачь, она от Него не уйдёт,
Никуда не спрятаться ей!

Ну что? Плохо, неинтересно написано? По-моему, написано блестяще. Великолепное стихотворение.

* * *

Последней женой Василия Абгаровича Катаняна была знаменитая Лиля Брик. Катаняна с молодости тянуло к окружению Маяковского. В 1927 году он, житель Тифлиса, переехал в Москву, вступил в «ЛЕФ», с июня того же года становится секретарём журнала «Новый ЛЕФ», а с 1929–1930 года входит в РЭФ.

Он, весьма разносторонний литературовед, много работ посвятил Маяковскому.

Первая работа о Маяковском – статья «Корни слова» была напечатана в «Альманахе с Маяковским» (1934). В 1940 году Катанян собрал статьи о Маяковском в книгу «Рассказы о Маяковском».

Он – составитель и редактор первых трёх Полных собраний сочинений Маяковского (1934–1939, 1939–1949, 1955–1961).

В 1939 году выпустил «Краткую летопись жизни и работы В.В. Маяковского», которая только при жизни Катаняна переиздавалась в 1945, 1948, 1956, 1961 годах. Посмертное издание (а Катанян умер 15 февраля 1980 года, родился 15 апреля 1902-го) вышло под названием «Маяковский. Хроника жизни и деятельности» (1985).

Можно отметить ещё и пьесу Катаняна «Они знали Маяковского (1954).

Он очень много лет жизни посвятил Маяковскому, но не всю жизнь.

Первой его опубликованной работой была книга «Цензурные изъятия в «Воскресении» Л. Толстого» (1926). Катанян ещё и автор сценариев фильмов «Анна Каренина» и о Н.Г. Чернышевском, а также автор либретто оперы «Не только любовь»

по рассказам Сергея Антонова, музыку написал Родион Щедрин.

* * *

Андрей Сергеевич Некрасов, прославившийся своей повестью «Приключения капитана Врунгеля». Врунгель – это вариант морского Мюнхгаузена.

До этого Некрасов много служил на флоте на Севере и Дальнем Востоке.

Писать начал для детей. В 1935 году опубликовал сборник рассказов «Морские сапоги». А в 1936-м вместе с Б. Житковым, Б. Ивантером и Б. Шатиловым выпустил книгу «Повесть о товарище Кирове».

Считается, что это Житков навёл Некрасова на мысль о капитане Врунгеле. Но, как говорится, пить шампанское Некрасову пришлось нескоро: повесть вышла в 1937 году.

А в этом году Некрасов был помощником первого секретаря Днепропетровского обкома ВКП(б). Он был арестован и отбывал срок в Норильлаге. Освобождён в 1953 году и тогда же издал книгу рассказов «Завидная биография».

Он, конечно, имел в виду не собственный лагерь, а просто собрал новые детские рассказы, которые ничем о лагере не напоминают.

После реабилитации Некрасов входил в руководство закрытого яхт-клуба для советских капитанов. Часть московских яхт-клубов составляли яхты руководства гитлеровской Германии. Из-за неправильной эксплуатации дорогие суда быстро пришли в негодность, и одно из них досталось реабилитированному Некрасову. Увы, при спуске на воду судно затонуло, а после ремонта однажды зацепилось стальными вантами за линию электропередачи судоремонтного завода, загорелось и выгорело по ватерлинию.

В утешение Некрасову стоит сказать, что его книга о капитане Врунгеле была переиздана. А потом не раз ещё переиздавалась.

Умер он 15 февраля 1987 года. Родился 17 июня 1907-го.

Есть кое-какие неясности в его биографии, которые требуют разъяснений.

16 ФЕВРАЛЯ

Николая Семёновича Лескова (родился 16 февраля 1831 года) Сятополк-Мирский назвал не только «самым русским из русских писателей», но и писателем, «который всех глубже и шире знал русский народ таким, каков он есть».

Николай Семёнович начал печататься сравнительно поздно на двадцать шестом году жизни, напечатав несколько заметок в «Санкт-Петербургских ведомостях».

В начале творческой деятельности Лесков печатался под псевдонимом М. Стебницкий.

30 мая 1862 года в журнале «Северная пчела» Лесков упомянул о курсирующих вокруг слухах о пожарах и поджигателях – революционно настроенных студентах и поляках. Он потребовал от властей подтвердить или опровергнуть эти слухи, что было воспринято демократической публикой как донос. Прочитав это, Александр II, написал: «*Не следовало пропускать, тем более что это ложь*».

В связи с этим Лесков был отправлен «Северной пчелой» в длительную командировку не только по России, но в конце её – и в Париж.

Романом «Некуда», где сатирически изображён быт нигилистической коммуны, сам писатель остался недоволен. «Роман этот носит все знаки поспешности и неумелости моей», – признавал Лесков.

Но это был один из первых романов писателя, который предопределил жизнь Лескова в литературном сообществе. Активно циркулировали слухи, что роман написан по заказу Третьего отделения. «Гнусное оклеветание» (слова Лескова) надолго испортило ему жизнь. Демократическая пресса предпочитала не иметь с ним дела. Ему пришлось сблизиться с Катковым, с его «Русским вестником».

Однако дружбы с Катковым не получилось. Он словно не доверял Лескову, хотя и напечатал его «Соборян» (1872), его «Запечатлённого ангела» (1872).

В том же году Лесков пишет повесть «Очарованный странник» и ссорится из-за неё с Катковым. Тот привык редактировать Лескова, а писатель с этой редактурой соглашался очень неохотно. Не согласился учесть замечания Каткова, который не стал публиковать повесть в своём журнале. «Очарованный странник» пришлось печатать в разных номерах газеты. Последовал разрыв с Катковым.

В предисловии к повести «Однодум» Лесков написал:

«*Ужасно и несносно… видеть одну «дрянь» в русской душе, ставшую главным предметом новой литературы, и… пошёл я искать праведных, […] но куда я ни обращался, […] все отвечали мне в том роде, что праведных людей не видывали, потому что все люди грешные, а так, кое-каких хороших людей и тот и другой знавали. Я и стал это записывать*».

Отношение Лескова к церкви было близко к Л. Толстому. «*Я всегда с ним в согласии, – писал Лесков В.Г. Черткову, – и на земле нет никого, кто мне был бы дороже его. Меня никогда не смущает то, чего я с ним не могу разделять: мне дорого его общее, так сказать, господствующее настроение его души и страшное проникновение его ума*».

А Толстой говорил о Лескове как «*о самом русском из наших писателей*». Чехов считал Лескова своим учителем.

И ещё одно. Прокатившиеся по России еврейские погромы заставили Лескова приняться за труд «Еврей в России. Несколько замечаний по еврейскому вопросу», который он писал в течение всего 1883 года.

При советской власти эта книга была запрещена. И только благодаря усилиям литературоведа Л. Аннинского вышла из забвения.

Умер Лесков 5 марта 1895 года.

* * *

Аделаида Каземировна Герцык (родилась 16 февраля 1874 года) поначалу проявила себя как переводчица. Печатала свои переводы в символистском журнале «Весы» под псевдонимом Сирин.

Вышла замуж за Д.Е. Жуковского, учёного, издателя, переводчика философской литературы. В их квартире собирались известные литераторы.

Первая самостоятельная значительная публикация – цикл «Золотой ключ» в альманахе символистов «Цветник Ор. Кошница первая» (1907). Стихи религиозно-философские, поэт погружается в мир знаков и символов, полный внутреннего значения.

Лучшие стихи этого периода вошли в единственную книгу Герцык «Стихотворения» (1910).

Более поздние стихи фиксируют служение Творцу. Эти стихи приводят Герцык в Православную церковь.

Её проза – автобиографична: это эссе о ряде литераторов. Кроме того, она пишет очерки, посвящённые становлению ребёнка.

Она уезжает в Крым, где переживает красный террор, аресты и расстрелы близких. Провела несколько недель в тюрьме в Судаке, где создала цикл стихотворений «Подвальные». Позже написала ещё и «Подвальные очерки», чья тема – пограничное состояние людей на пороге смерти, когда уходит всё временное и человеку открывается Вечное, Божественное. Борис Зайцев назвал стихи Герцык этого периода «религиозными гимнами».

Умерла она в Судаке 25 июня 1925 года. Вот какие писала стихи:

Когда я умру – ты придёшь проститься,
Мёртвым нельзя отказать —
На умершие, стихшие лица
Сходит с небес благодать.
Для строгой души и строгого тела
Не будет ни зла, ни добра…
Ты скажешь, ко мне наклонясь несмело:
«Она была мне сестра…»

* * *

Анна Дмитриевна Радлова (родилась 16 февраля 1891 года), несмотря на то, что выпустила несколько книг стихов, больше известна как переводчик Шекспира. Причём переводчик превосходный. Редактор восьмитомного Шекспира А.А. Смирнов очень хвалил перевод Радловой «Отелло» и «Ричарда III». Пастернак называет Радлову в числе тех «*хороших поэтов, которые переводили Шекспира*». И замечательно отозвалась о переводах Радловой М. Шагинян: «*Переводчица во многом «навела» режиссёра, сумела отразить в передаче текста […] моменты перелома комедии в трагедию […] главное Анной Радловой сделано: она поняла, как надо расшифровать речь Шекспира в переводе на русский язык*».

Хотя в то время, когда выходили её переводы, были и недовольные ими. Например, Корней Иванович Чуковский, обвинявший Радлову в огрублении переводов. Но большинство шекспироведов и актёров с ним были решительно несогласны.

Переводы Радловой выходили до войны.

А во время войны Радлова с мужем – известным театральным деятелем Сергеем Эрнестовичем Радловым, главным режиссёром Театра имени Ленсовета (Анна Дмитриевна заведовала в этом театре литчастью) были эвакуированы в Пятигорск, который

захватили немцы и отправили театр сперва в Запорожье, а затем в Берлин, где он выступал в основном перед гастарбайтерами. В конце концов, Радловы оказались на юге Франции.

После окончании войны они переехали в Париж, где охотно откликнулись на приглашение советской миссии вернуться на Родину.

Самолёт с эмигрантами опустился на Ходынском поле. Их погрузили в воронки и отвезли на Лубянку.

Обвинили в измене родине. Приговорили к 10 годам заключения, которые муж и жена отбывали в Переборгском лагпункте под Рыбинском. Радлову дали набрать из заключённых артистов театр, который выступал перед заключёнными и лагерным начальством. Анна Дмитриевна занималась с актёрами сценической речью.

Сергей Радлов пережил жену. Она скончалась от инсульта 23 февраля 1949 года. Реабилитирована посмертно.

* * *

Николай Елисеевич Шундик одно время жил в одном подъезде дома со мной.

Вообще-то он из Хабаровского края. Живя там, напечатался в московском журнале «Смена» (1949). В 1952 году, окончил Хабаровский пединститут (1952), написал повесть «На Севере дальнем», за которую получил первую премию на конкурсе Министерства просвещения РСФСР на лучшую книгу.

А через год выпустил роман «Быстроногий олень», который его прославил (много раз издавался, переведён на разные языки).

После этого окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте и поселился в Рязани, где до 1965 года возглавлял местную писательскую организацию. Дальше – понятно: вошёл в номенклатуру.

Назначен главным редактором саратовского журнала «Волга». Оттуда переведён рабочим секретарём Союза писателей РСФСР в Москву. Там в 1979–1981 был директором издательством «Современник».

Написал ещё пару романов о чукотском крае.

Писателем был посредственным, хотя, конечно, по ранжиру получил Госпремию РСФСР имени Горького за роман «Белый шаман». И четыре ордена.

Умер 16 февраля 1995 года (родился 30 июля 1920-го).

17 ФЕВРАЛЯ

Белла Абрамовна Дижур (родилась 30 июля 1903 года) по образованию была химиком. Одно время работала химиком-экспертом в Свердловском областном управлении милиции.

Первая книга «Раздумья» вышла в 1954 году в Свердловске. Наряду с писательством занималась криминалистикой. В члены Союза писателей в 1940 году её рекомендовал и принял Павел Петрович Бажов.

Она писала научную прозу для детей, которая хорошо расходилась. Во время борьбы с космополитизмом, её муж, врач, подвергся репрессиям.

После отъезда за границу её сына, блистательного скульптора Эрнста Неизвестного, она для многих стала матерью «врага народа».

После смерти мужа в 1979-м переехала в Юрмалу. А оттуда, благодаря Е. Евтушенко, который написал письмо председателю КГБ Чебрикову с просьбой выпустить Дижур к сыну, её выпустили.

В Америке она издаёт книгу стихов на двух языках – русском и английском с иллюстрациями Э. Неизвестного.

Последний раз приезжала с выступлениями в Екатеринбург в конце 90-х.

Умерла 17 февраля 2006 года на 102 году жизни.

Одно из её стихотворений:

Это было в первый день войны.
Ты стоял спокойно у стены.
Ты курил, и синеватый дым
поднимался облаком густым.
Вот и всё. А после – ты ушёл.
Солнце освещало жёлтый пол,
сероватый пепел на полу
и окурок, брошенный в углу.
Так пришла ко мне в тот день война,
и была такая тишина,
будто в мире ничего и нет,
только твой задумчивый портрет
в солнечных квадратах. А над ним —
горьковатый папиросный дым.
Вот и всё, а после по утрам
выметала чисто по углам.
Всё казалось, что не на виду
где-нибудь окурок твой найду.

18 ФЕВРАЛЯ

Сын архитектора, Евгений Иванович Чарушин рисовал с детства, обучаемый отцом.

В 1922 году в Петрограде поступил на живописный факультет в Петербургской Академии художеств ВХУТЕИНе (ВХУТЕИН – высший художественно-технических институт), который окончил в 1937 году.

Начал работать в детском отделе Госиздата, которым заведовал Владимир Лебедев, много помогший Чарушину.

Поначалу, иллюстрируя книги, Чарушин испытывал сильное влияние Лебедева.

Стал писать собственные книги для детей, которые сам и иллюстрировал.

В 1930 году начал работать в детской литературе, поощряемый Маршаком. Написал много книги про животных. Иллюстрировал книги Бианки, Чуковского, Маршака, Пришвина.

Во время войны эвакуировался в Киров. Там работал над «Окнами РОСТА».

В 1954-м вернулся в Ленинград. Продолжал писать и иллюстрировать книги.

Скончался 18 февраля 1965 года. Родился 11 ноября 1901 года.

Его рассказы любимы детьми:

«Что за зверь?

Выпал первый снег.

И всё кругом стало белым.

Деревья белые, земля белая, и крыши, и крыльцо, и ступеньки на крыльце – всё покрылось снегом.

Девочке Кате захотелось по снежку погулять.

Вот она вышла на крыльцо, хочет по ступенькам спуститься в сад и вдруг видит: на крыльце, в снегу, какие-то ямки. Какой-то зверёк ходил по снегу. И на ступеньках следы, и на крыльце следы, и в саду следы.

«Вот интересно-то! – подумала девочка Катя. – Что за зверёк, тут ходил? Это надо узнать».

Взяла Катя котлетку, положила её на крыльцо и убежала.

День прошёл, ночь прошла. Настало утро.

Проснулась Катя – и скорее на крыльцо: смотреть, съел ли зверёк её котлетку. Смотрит – котлетка цела! Где её положила,

тут она и лежит. А следов ещё больше стало. Значит, зверёк снова приходил.

Тогда убрала Катя котлетку и положила вместо неё косточку. Из супа. Утром опять бежит Катя на крыльцо. Смотрит – косточку зверёк тоже не трогал. Так что же это за зверёк такой? И косточек не ест.

Тогда положила Катя вместо косточки красную морковку. Утром глядит – морковки нет! Зверёк приходил и всю морковку съел!

Тогда Катин папа сделал западню. Опрокинул на крыльце ящик кверху дном, подпёр его лучинкой, а к лучинке привязал бечёвкой морковь. Если морковку дёрнуть – лучинка отскочит, ящик упадёт и накроет зверька.

На следующий день и папа пошёл, и мама, и даже бабушка – все пошли смотреть, не попался ли зверь в западню.

А Катя впереди всех.

Есть в западне зверь! Прихлопнул кого-то ящик, упал с подставки! Заглянула Катя в щёлочку, видит – сидит там зверь.

Белый-белый, пушистый-пушистый, глаза розовые, уши длинные, прижался в угол, морковку дожёвывает.

Это кролик! Унесли его домой, на кухню. А потом сделали большую клетку. И он стал в ней жить. А Катя его кормила морковкой, сеном, овсом и сухарями.

* * *

Константин Николаевич Державин рано – с 16 лет стал печататься. В 1926 году издал в Харькове монографию «Шекспир». Именно он написал предисловие к Дантовой «Божественной комедии» в переводе М. Лозинского. Автор многих исследований по испанской, французской, русской и болгарской литературе. И по театру этих стран. Его книга «Сервантес. Жизнь и творчество» (1958) до сих пор не потеряла своего познавательного значения. В Болгарии ценят его книги «Болгарский театр» (1950) и об И. Вазове (1951), Х. Ботеве (1962). Он был избран членом-корреспондентом Болгарской Академии наук.

А русскому театру, его драматургам и его актёрам Державин

посвятил книги «Эпохи Александрийской сцены» (1932), «Книга о Камерном театре»: 1914–1934» (1934), «Александр Николаевич Островский. 1823–1886» (1950), монографии о Е.П. Корчагиной-Александровской, В.А. Мичуриной-Самойловой.

В двадцатых годах он сотрудничал с кино. Написал книгу о немецком актёре экспрессионистского кинематографа «Конрад Вейдт» (1926). Выступил режиссёром двух фильмов «Торговый дом «Атланта и К»» (1923) и «Самый юный пионер» (1924).

Перевёл с испанского плутовскую повесть «Ласарильо с Тормеса» и плутовской роман Ф. де Кеведо «История жизни пройдохи по имени дон Паблос».

Умер Константин Николаевич на 54 году жизни: родился 18 февраля 1903-го, скончался 2 ноября 1956 года. Весьма насыщено прожита эта сравнительно небольшая жизнь.

Конечно, Константину Николаевичу повезло с родителями. Его отец – известный филолог-славист академик Николай Севастьянович Державин. Мать – ведущая исполнительница характерных танцев в Государственном театре оперы и балета имени С.М. Кирова, а позже балетмейстер Нина Александровна Анисимова. Было кому наставлять его в детстве, раскрывать прелесть тех пластов культуры, которые ценились в семье и были ей дороги.

Так-то оно так. И всё же личные таланты Константина Николаевича сбрасывать со счёта не будем. Приходилось встречаться с детьми академиков. Разные это были люди. В том числе и не одарённые.

19 ФЕВРАЛЯ

По воспоминанию дочери Георгия Георгиевича Демидова, родившегося 29 ноября 1908 года, её отца академик Ландау забрал с третьего курса Харьковского физико-технического института со словами: «Тебе нечего там делать». Демидов защитил у Ландау диссертацию. Но в 1938 году Ландау был арестован и освобождён только по ходатайству Нильса Бора и Петра Капицы.

Его ученикам повезло меньше. Демидов был арестован в 1938 году, осуждён на 5 лет и отправлен на Колыму. Там он наладил производство по восстановлению перегоревших лампочек. За это Демидов ожидал освобождения. Но ему в качестве премии дали часть одежды, которая была получена по ленд-лизу. Он не взял эти подарки со словами: «Я отказываюсь брать американские обноски!». За это получил ещё 8 лет.

В тяжёлом состоянии попал в Центральную лагерную больницу, где, едва залечившись, стал работать рентгенотехником. Там он познакомился и подружился с Варламом Шаламовым. Судьба Демидова положена в основу рассказов Шаламова «Житие инженера Кипреева» и «Иван Фёдорович».

Решив, что Демидов умер, Шаламов посвятил его памяти пьесу «Анна Ивановна». В своих воспоминаниях Шаламов писал: «*Что же касается моих многих наблюдений, то самым умным и самым достойным человеком, встреченным мной в жизни, был некто Демидов*».

Но тот после больницы снова попал в лагерь. В 1951 был вывезен из Колымы для работы над атомным проектом. Но благодаря зачётам его срок иссякал через несколько месяцев. Поэтому его направили на север Коми в Инту как административно ссыльного. С 1954 до 1972 работал до пенсии в Ухте, признавался «лучшим изобретателем Коми АССР».

В 1965 вторично встретился с Шаламовым, переписывался с ним. Однако из-за творческих разногласий относительно изображения жизни в лагере (а Демидов писал свои рассказы), разорвал свои отношения с ним, хотя уважение к нему сохранил.

Продолжал писать рассказы после ухода на пенсию в 1972-м.

В 1980-м по всем адресам, где хранились рукописи Демидова, КГБ провёл обыск. Всё было изъято.

Георгий Георгиевич умер 19 февраля 1987 год. Летом того же года дочь Демидова обратилась к секретарю ЦК А.Н. Яковлеву с просьбой вернуть рукописи. В июле 1988 рукописи были

возвращены.

Но опубликовать их оказалось трудно. Первым рассказ «Дубарь» напечатал в 1990-м Коротич в «Огоньке». Во Франции издали книгу, но из-за краха СССР, русское её издание не состоялось. После отъезда дочери в Канаду рассказы начали печататься в зарубежных изданиях. С 2008 году издательство «Возвращение» выпустило три тома сочинений «Демидова»: «Чудная планета», «Оранжевый абажур», «Любовь за колючей проволокой». Увы, пока дальнейшее издание рассказов прекращено.

Режиссёр Светлана Быченко сняла документальный фильм «Житие интеллигента Демидова», построенного на интервью с дочерью – В.Г. Демидовой, со знакомыми писателя в Ухте и на текстах писем Г. Демидова.

* * *

Зиновий Давидович Львовский (родился 19 февраля 1891 года) занимался переводами на русский язык с французского, норвежского, английского, немецкого языков – в основном произведений Д. Лондона и О. Генри. Во второй половине 1926 года эмигрировал во Францию, где переводил писателей на французский язык (например, Эптона Синклера).

21 июня как иностранный подданный еврейского происхождения был арестован нацистами в Париже. 7 октября 1943 года этапирован в Освенцим, где погиб 12 октября 1943 года.

Так завершилась карьера весёлого человека, начинавшего в России пьесами «Безнравственная женщина» (1916) и «В купальне» (1912).

* * *

Борис Николаевич Агапов (родился 19 февраля 1899 года) в 1922 году окончил филологический факультет Тбилисского университета и переехал в Москву.

Вместе с К. Зелинским, В. Инбер и И. Сельвинским работал над созданием идеологической и формальной программы группы «конструктивистов» – их Литературного центра. В первом поэтическом сборнике центра «Госплан литературы» (1924) напечатал стихи и повесть в стихах «Топчук». Как и другие конструктивисты активно разрабатывал стихотворный размер –

тактовик.

Затем посвятил себя описанию жизни учёных, инженеров, конструкторов. Писал документальные книги. Один из авторов книги «Канал имени Сталина» (1934).

Писал сценарии к документальным кинофильмам. Их написал много.

В 1946 году за фильм «Возрождение Сталинграда» (сценарий написан в соавторстве с И.М. Посельским) получил сталинскую премию 1 степени.

Такую же премию получил и в 1948 году за фильм «День победившей страны».

Умер 6 октября 1973 года.

20 ФЕВРАЛЯ

Николай Георгиевич Гарин-Михайловский (родился 20 февраля 1852 года) был крупным инженером-путейщиком.

Весной 1880 участвовал в строительстве порта Батуми, отвоёванного у Турции в войну 1877–1878 гг. Был помощником начальника участка на строительстве железной дороги Батум-Самтредиа. Подвергался вместе со строителями опасности нападений разбойничьих банд.

Отличался исключительной честностью и, в конце концов, подал в отставку, возмущённый корыстью коллег, отщипывающих в свой карман из бюджета.

Два с половиной года Гарин-Михайловский вместе с женой и двумя детьми провели в Саратовской губернии, где купили имение. Жена лечила крестьян, а Михайловский пытался провести народнические идеи: укрепить крестьянскую общину, искоренить кулаков. Но недругов у Михайловского было много. Бесконечные поджоги вытеснили семью Михайловских из деревни.

В мае 1886-го Михайловский возвращается на службу путейцем. Он вёл изыскания на участке «Уфа-Златоуст», который позже станет начальным пунктом Транссибирской магистрали. Однако он вновь столкнулся с бюрократией и казнокрадством.

Надо сказать, что одновременно Михайловский описал свой неудачный деревенский эксперимент в повести «Несколько лет в деревне».

Рукопись была доставлена в Москву, прочитана однофамильцем и тёзкой писателя главой народников Николаем Константиновичем Михайловским, который предложил напечатать её в «Русской мысли». Для переговоров с автором отправился Станюкович.

Станюкович сообщил Михайловскому об успехе его рукописи, выслушал первые главы из повести «Детство Тёмы», пришёл в восторг и предложил самарскому помещику Михайловскому присоединиться к группе московских литераторов, которая намеревалась выкупить захиревший к тому времени журнал «Русское богатство», но не располагала наличными. Николай Георгиевич сумел достать денег, перезаложив имение.

С 1 января 1982 года «Русское богатство было выкуплено, издательницей его официально значилась Надежда Валерьевна Михайловская. В первых трёх номерах обновлённого журнала была напечатана повесть «Детство Тёмы» под псевдонимом Н. Гарин.

Повесть имела огромный успех, что подвигло Гарина-Михайловского на продолжение. В 1893 году в том же журнале появляется продолжение «Гимназисты», в 1895 – «Студенты». Над последней повестью «Инженеры» писатель работал с 1898 года и до конца своих дней, то есть до 10 декабря 1906 года. «Инженеры» он закончить не смог.

Этому мешало новое поступление Михайловского на службу. И новое в ней разочарование.

В конце концов, он примкнул к экспедиции Звегинцева, которая исследовала сухопутные и водные пути вдоль северокорейской границы и далее до Порт-Артура.

Несмотря на физические трудности, Михайловский совершил это путешествие. Из Порт-Артура на океанском пароходе прибыл в Сан-Франциско, а оттуда пересёк на поезде весь американский континент и приплыл на английском пароходе в Великобританию.

В России его встречали как известного путешественника. С Михайловским беседовали во дворце, хотели наградить орденом, но отменили награждение, а вместо этого административно выслали из Петербурга за то, что он подписал протест против избиения студентов и публики 4 марта 1901 года.

Михайловский умер известным русским писателем и прекрасным публицистом, отстаивавшим строительство в России недорогих железных дорог.

* * *

Александр Христофорович Востоков был внебрачным сыном знатного остзейского дворянина Х.И. Остен-Сакена. В младенчестве был отдан на воспитание в Ревель, в бедную полукрестьянскую семью.

Когда мальчику исполнилось 7 лет, Остен-Сакен, не желая усыновления, придумал ребёнку фамилию Остенек, которую тот впоследствии в будущем изменил на «Востоков».

Тогда же Остен-Сакен распорядился отправить мальчика на учение в Санкт-Петербург.

В Петербурге Востоков быстро стал активным деятелем Вольного общества любителей словесности, наук и художеств.

Востоков – прежде всего исследователь русского тонического стихосложения, памятников древнеславянской письменности, грамматики славянских языков, в том числе и русского. Он заложил основы сравнительного славянского языкознания в России.

В будущем Р.О. Якобсон будет превозносить работу Востокова «Опыт о русском стихосложении» (1812), где представлены типология систем стихосложения, анализ прасодических предпосылок русского языка, обзор разных форм русского фольклорного языка.

В работе «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к Грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам» (1820) Востоков выделил три периода истории славянских языков: древний (XII–XIII вв.), средний (XIV–XV вв.) и новый (с XVI века). В этой же работе он открыл носовые гласные (юсы), сопоставив русские слова с польскими. Эти буквы означали носовые гласные носовое «о» и носовое «е». Он впервые понял, что в славянских языках буквы «ъ» и «ь» обозначали краткие гласные.

Востоков много сделал для русской науки. Впервые перевёл «Остромирово евангелие», составил «Словарь церковнославянского языка», редактировал и писал работы в четырёхтомный «Словарь церковнославянского и русского языка».

О том, каков он был поэт, скажет его (до Ломоносова!) перевод римского поэта Горация. Великое стихотворение «К Мельпомене»:

Крепче меди себе создал я памятник;
Взял над царскими верх пирамидами,
Дождь не смоет его, вихрем не сломится,
Цельный выдержит он годы бесчисленны,
Не почует следов быстрого времени.
Так; я весь не умру – большая часть меня
Избежит похорон: между потомками
Буду славой расти, ввек обновляяся,
Зрят безмолвный пока ход в Капитолию
Дев Весталей, во след Первосвященнику.
Там, где Авфид крутит волны шумящие,
В весях скудных водой Давнус где царствовал,
Будет слышно, что я – рода беззнатного
Отрасль – первый дерзнул в Римском диалекте
Эолийской сложить меры поэзию.
Сим гордиться позволь мне по достоинству,
Муза! сим увенчай лавром главу мою.

Умер Александр Христофорович 20 февраля 1864 года. Родился 27 марта 1781-го.

21 ФЕВРАЛЯ

Я немало встречал людей, которые относились довольно враждебно к диссидентам. Особенно к тем, кто преуспел в жизни, кто при правителях, против которых выступал диссидент, добился неплохого, хорошего, а то и очень хорошего положения в обществе. «*Ну, чего ему не хватало?*» – почти плаксиво выводили те, кто осуждал, допустим, академика Сахарова. Ту же песню заводили и по отношению к Петру Григорьевичу Григоренко.

Особенно много среди осуждавших было тех, кто уже достиг какого-то положения, надеялся на дальнейшее продвижение, втайне при этом соглашаясь с диссидентскими высказываниями. Они вели двойную жизнь, в которой им было комфортно, поэтому морщились от сознания того, что кому-то такая двойная жизнь может надоесть, и он пренебрежёт всеми благами и привилегиями ради возможности открыто говорить правду.

Пётр Григоренко из крестьянской семьи. Уже в 1922 году стал членом бюро комсомольской ячейки в родном селе. В 1926–1927 секретарь Селидовского сельского райкома комсомола. В1927-1929 – секретарь комитета комсомола транспортного комбината.

Понятно поэтому, что ему легко было поступить в 1929 году в Харьковский технологический институт, откуда его в 1931 году перевели в Военно-техническую академию в Ленинграде, а после перемещения её факультета в 1932-м – в Военно-инженерную академию в Москве. Её Григоренко и окончил в 1934-м. Дальше учился в Академии Генерального штаба, которую окончил в 1939 году. А перед ней в 1934–1936 году был начальником штаба отдельного сапёрного батальона в Западном особом военном округе. Винился позже в том, что на этом посту руководил разрушением трёх православных храмов. Писал, что, приняв на совесть эти разрушения, решил отныне не разрушать, а строить. И добился того, что ему дали руководить строительными работами: сделали командиром инженерного батальона Минского укрепрайона.

Ещё одна подробность. На 2 курсе Академии Генерального штаба написал письмо секретарю ЦК партии А.А. Андрееву, в котором, требуя повысить качество обучения, обвинял преподавателей в восхвалении врагов народа и в преуменьшении роли Сталина в Гражданской войне. В своей автобиографической книге «В подполье можно увидеть только крыс» он вспоминал о таких вещах: «Нас обманули потому, что мы хотели быть обманутыми. Мы так верили в коммунизм и нам так хотелось в

него поскорее протиснуться, что мы готовы были оправдывать любые преступления, если они хоть немного подлакировывались коммунистической фразеологией. Мы не хотели охватывать происходящие события широким взглядом. Нам больше нравилось упереть взгляд в конкретное явление и заставить себя поверить, что это единичное явление, а в целом дело обстоит так, как его партия освещает, то есть так, как это и положено по коммунистической теории. Так было спокойнее для души и… признаемся честно, БЕЗОПАСНЕЕ». Однако уже тогда он действовал не так уж осмотрительно. Арестовали, потом отпустили родного брата Ивана, который рассказал Петру о чудовищных злоупотреблениях органов безопасности в Запорожье. Григоренко написал об этих преступлениях Вышинскому, добился у него приёма. После этого организаторы запорожских репрессий были арестованы. Позже Пётр Григорьевич, на которого уже был выписан ордер на арест, понял, что справедливость восторжествовала потому, что разговор с Вышинским и с его заместителем совпал по времени со сменой руководства НКВД. «Это уже действовала бериевская метла», – написал Григоренко. В 1939-м Григоренко служил офицером Генштаба в управлении фронтовой группы во время боёв на Халхин-Голе. Был ранен. В 1940 году – офицер в штабе Дальневосточного фронта. В 1942-1943-м – командир отдельной 18 стрелковой бригады. С декабря 1943 года – заместитель начальника штаба 10 гвардейской армии (2-й Прибалтийский фронт). В феврале 44-го тяжело ранен. Ещё в 1941 году выступил с критикой Сталина за политическую близорукость, из-за чего не получил генеральской должности. В дальнейшем у Григоренко были неприятности со СМЕРШем, перехватившим письмо, где Пётр Григорьевич критикует методы ведения войны. Так что звание генерал-майора получил только после смерти Сталина и критики его культа – в 1959 году. С 1945 по 1961 работал в Военной Академии имени Фрунзе. Был инициатором, создателем и начальником кафедры военной кибернетики. Был автором более 60 военных работ.7 сентября 1961 года на партийной конференции Ленинского района Москвы выступил с призывом отказаться от номенклатурных привилегий, ратовал за сменяемость и выборность руководящих кадров. И поскольку его выступление было признано ошибочным, Григоренко написал открытое письмо к избирателем, в котором критиковал Хрущёва и его окружение за «неразумную и часто вредную деятельность». После чего был уволен из Академии и с понижением переведён на Дальний Восток. В 1962–1964 году – начальник оперативного отдела штаба 5 армии (Дальневосточный военный округ). Осенью

1963 года создал «Союз борьбы за возрождение ленинизма», который выпускал листовки с критикой советской бюрократии, за народный контроль над властями.1 февраля 1964 года вместе с сыновьями генерал был арестован и направлен на судебно-психиатрическую экспертизу в Институт имени Сербского. Экспертиза признала его невменяемым. Он был переведён в Лефортовскую тюрьму. 17 июня 1964 года Военная коллегия Верховного Суда СССР признала Григоренко душевнобольным, лишила воинских званий. 14 августа 1964-го он был этапирован в Ленинградскую специальную психиатрическую больницу. После отставки Хрущёва весной 1965-го Петра Григорьевича освободили, но не восстановили в воинском звании, так что для того, чтобы прокормить семью, он работал грузчиком в овощном магазине, швейцаром. В связи с обсуждением книги А.М. Некрича «22 июня 1941» написал работу о первых месяцах войны и ответственности Сталина за трагедию поражений того времени. Работа была издана в самиздате. В 1967-м неофициально читал лекции студентам МГУ по истории Великой Отечественной войны. В 1968-м осудил советскую агрессию в Чехословакии. Разочаровался в подпольных методах ведения борьбы, выступил за активную и гласную деятельность диссидентов. Название его до сих пор актуальной и очень интересной книги «В подполье можно встретить только крыс» восходит к его высказыванию о том, что «власть стремится уйти из-под света, изображает наши действия, как нелегальные, подпольные, пытается загнать нас в подполье. Но мы твёрдо знаем, что В ПОДПОЛЬЕ МОЖНО ВСТРЕТИТЬ ТОЛЬКО КРЫС». Григоренко решительно поддержал движение крымско-татарского народа, призвал его требовать всего, что у народа было незаконно отнято.7 мая 1969 года во время поездки в Ташкент на процесс крымских татар был арестован и помещён в специальную психиатрическую больницу. Но там не подтвердили его психической болезни. Тогда его перевезли в Институт имени Сербского, который подтвердил свой прежний диагноз и направил Григоренко в Черняховскую психиатрическую спецбольницу. С жалобой на такое положение дел к Генеральному прокурору Руденко обращались правозащитники А.Д. Сахаров, М.А. Леонтович, В.Ф. Турчин, В.Н Чалидзе. Молодой врач-психиатр Семён Глузман за проведение заочной экспертизы, доказывающий факт психического здоровья Григоренко, был в 1972 году осуждён на 7 лет лагерей. В 1974-м под давлением мировой общественности бывший генерал был освобождён и продолжил диссидентскую деятельность. В конце 1977 года выехал в США для операции и встречи с сыном и лишён вдогонку советского гражданства.21 февраля 1987 года Пётр

Григорьевич скончался в Нью-Йорке (родился 16 октября 1907 года). Посмертная судебно-психиатрическая экспертиза 1991 года признала заключение о невменяемости Григоренко необоснованным. А возвращаясь к тому, о чём написал вначале, ещё раз сошлюсь на замечательную книгу «В подполье можно встретить только крыс»:

«*…после XX съезда партии, после всех лицемерных разговоров о культе Сталина, при одновременном создании нового культа, в моей душе царил разлад. Мне трудно было молча терпеть лицемерие правителей, но одновременно я понимал, что выступление будет стоить мне крушения всего устоявшегося и вполне меня устраивающего уклада. Поэтому я старался давить свои протестные настроения волевым усилием и работой. Теоретический труд, о котором я уже упоминал, создание курса лекций для новой кафедры и работа над докторской диссертацией плюс текущая служебная деятельность забирали меня всего. Но постепенно обстановка разряжалась. В 1960 г. вышел в свет теоретический труд. Учебные материалы на 1961/62 учебный год впервые кафедра закончила разработкой к началу августа. В последних числах этого же месяца я сдал в совет академии также докторскую диссертацию и почувствовал себя освободившимся.*

И тут с особой силой навалилась на меня уже давно преследовавшая мысль: «Надо выступать. Нельзя молчать. Тем более что я могу иметь трибуну, с которой далеко прозвучит…» […]

Тогда опасности мне представлялись преувеличенными. И готовился я к самому худшему. Страха не было. Но было хуже страха. Жалость к близким людям. Жалость опустошающая, когда стоишь рядом с любимым человеком, видишь его муку и помочь ему не можешь. И отчаяние охватывает тебя: «Нет, к черту, никаких выступлений, простите меня, родные, за то, что хотел вам такое зло причинить». Но проходит время, и новые, не менее мучительные, мысли: начинаю с иронией: «Да, правильно. Зачем это тебе? Генеральские погоны надоели, высокие оклады, специальные буфеты и магазины? Какое тебе дело до каких-то там колхозников, рабочих, гниющих в тюрьмах и лагерях. Живи сам, наслаждайся жизнью. Подонок ты этакий, Петр Григорьевич». И так от одной до другой крайности. Всё ищу ответа, как быть. А ответа нет, нет до самой конференции, до самой трибуны конферентской».

О том, что было после этой трибуны, мы уже здесь говорили.

* * *

Измаил Иванович Срезневский получил степень кандидата в 17 лет, представив в Харьковский университет на факультет этико-политических наук диссертацию «Об обиде».

В 1837 году (в 25 лет) Срезневский представил в тот же университет магистерскую диссертацию «Опыт о сущности и содержании теории в науках политических». В 1839 вышла и докторская диссертация «Опыт о предмете и элементах статистики и политической экономии». Однако новизна материала и несомненный аналитический талант Срезневского вызвали зависть харьковских коллег: диссертация была забракована.

Срезневский не огорчился. Ещё раньше он принял предложение Министерства просвещения поехать в славянские земли для подготовки к званию профессора славянской филологии.

В 1839-м он выехал за границу, где провёл почти три года, путешествуя (часто пешком) по Чехии, Моравии, Силезии, Верхней и Нижней Лужицам, Крайне, Штирии и так вплоть до Черногории, Хорватии, Славонии, Сербии, Галиции, Венгрии, изучая местные говоры, собирая песни, пословицы фольклор, знакомясь с бытом и нравами славян и окружающих их народов (к окружающих их народам относились венгры).

За границей он писал отчёты министру, путевые заметки в «Отечественных записках», писал, а потом напечатал «Путевые письма к матери».

Он становится крупнейшим специалистом по славянским литературам – от фольклорных до современных.

Переехав в Петербург, он, уже защитившийся доктор, занимает кафедру славянско-русской филологии. В 1851 году Академия наук избирает его экстраординарным академиком, а в 1854-м – ординарным. По его почину возникают «Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности».

В начале 1850-го Срезневский задумал свой древнерусский словарь. В связи с этим поручает своим ученикам составлять словари к отдельным древним памятникам.

Увы, печатание «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам», началось только через 10 лет после смерти Измаила Ивановича, скончавшегося 21 февраля 1880 года (родился 13 июня 1812-го).

В бумагах его после смерти оказалось огромное собрание палеографических снимков с древних и старых славянских и русских рукописей (более 900, в том числе более 700 снято вручную, путём калькирования). Поэтому он по праву является

автором и составителем этого памятника русской литературы.

* * *

В возрасте 14 лет в 1790 году Сергей Никифорович Марин был зачислен в гвардейский Преображенский полк, где сразу получил чин подпрапорщика, в 1797 получил портупей-прапорщика, но через месяц по приказу Павла I разжалован в рядовые за то, что во время парада в присутствии императора сбился с ноги. Однако вскоре восстановлен в звании. Небезынтересно отметить, что в ночь с 11 на 12 марта 1801 года, когда в результате заговора был убит Павел, преображенцев в карауле дворца возглавлял Марин.

Фактически Марин всё время находится в армии. Он участник Аустерлицкого сражения, был тяжело ранен, награждён золотой шпагой с надписью «За храбрость». Через два года контужен в звании штабс-капитана и в чине флигель-адъютанта в бою под Фридландом. Награждён за храбрость орденом Св. Владимира 4 степени и золотою медалью «Земскому войску» 1807 на георгиевской ленте.

В 1809 он – полковник, прикомандирован к особе Герцога Ольденбургского, женатого на сестре Александра I.

Во время Отечественной воюет под командованием П.И. Багратиона. Вскоре после Бородинского сражения скончался 21 февраля 1813 года от ран на даче под Нарвой на руках своей возлюбленной Веры Завадовской. Она, родившаяся в 1768 году, была старше своего любимого: Марин родился 29 января 1776 года.

Война не мешала Сергею Никифоровичу проявить свои таланты в поэзии. Надо сказать, что в 1814 году русские войска вступили в Париж под «Преображенский марш», который в 1805-м написал Марин.

Но не только этот марш снискал Марину известность. Его бойкие шуточные стихотворения, пародии, повторялись из уста в уста, переписывались любителями.

Вот – в адрес того, кто когда-то его разжаловал:

Главы обстрижены солдатски
Ты мог ли пуклями снабдить.
И их одевши по-дурацки,
В казармы кучами набить?
И вдруг ударивши тревогу,
Подобясь зверю, а не Богу,

От трусости как лист дрожать
И двух в солдаты написать?

22 ФЕВРАЛЯ

22 февраля 1821 года родился поэт Алексей Михайлович Жемчужников, умерший 7 апреля 1908 года. Прежде всего он известен тем, что вместе с родными братьями Александром и Владимиром и двоюродным братом Алексеем Константиновичем Толстым создал Козьму Пруткова – поэта, драматурга, философа, гениального сатирика.

Алексей Жемчужников немало стихов написал и сам. Его стихотворение «Осенние журавли» вызывает в памяти песню Петра Лещенко и является одним из самых лучших у А.М. Жемчужникова:

Сквозь вечерний туман мне под небом стемневшим
Слышен крик журавлей всё ясней и ясней…
Сердце к ним понеслось, издалёка летевшим,
Из холодной страны, с обнаженных степей.
Вот уж близко летят и все громче рыдая,
Словно скорбную весть мне они принесли…
Из какого же вы неприветного края
Прилетели сюда на ночлег, журавли?..
Я ту знаю страну, где уж солнце без силы,
Где уж савана ждет, холодея, земля
И где в голых лесах воет ветер унылый, —
То родимый мой край, то отчизна моя.
Сумрак, бедность, тоска, непогода и слякоть,
Вид угрюмый людей, вид печальный земли…
О, как больно душе, как мне хочется плакать!
Перестаньте рыдать надо мной, журавли!..

* * *

Феликс Феодосьевич Кузнецов (родился 22 февраля 1931 года) одно, очень далёкое время работал в «Литературной газете» замом редактора отдела русской литературы. Редактором-членом редколлегии в то время был Юрий Васильевич Бондарев. Это был конец 50-х – начало 60-х годов, когда войну разрешили описывать с точки зрения «окопной правды» (то есть, глазами солдата или младшего офицера), но ПУР такие книги не одобрял. ПУРу нравились книги о победах, одержанных благодаря мудрым решениям штабов армий и их начальников.

Бондарев в то время был «окопником», держался правды о войне, выступал против главпуровского вранья.

Впрочем, были и другие – не только военные – темы, которые требовали правдивого освещения, за что и сражалась «Литгазета» со своим врагом, сидевшим с ней в одном здании, – с газетой «Литература и жизнь».

Я постепенно перезнакомился с сотрудниками «Литгазеты» и с частью из них подружился: Лазарь Лазарев, Бенедикт Сарнов, Станислав Рассадин, Валентин Непомнящий, Инна Борисова. В этот отдел, как на работу приходили внештатники Наум Коржавин, Лев Кривенко, Владимир Максимов, Борис Балтер. Знал я, конечно, и Феликса, но он для меня был очень высокой птицей полёта. Хотя со всеми (и с ним тоже) я был на «ты».

Ну, вот. Обычно люди в редакции задерживались. Порой просто потрепаться. Сходились в большом кабинете Бондарева. Или в кабинете напротив – Кузнецова. Естественно, когда хозяев почему-либо не было в редакции.

Работал там в отделе ещё Володя Стеценко. Звёзд с неба не хватал, но был невероятно любопытен. Обычно он садился за стол Бондарева или Кузнецова и начинал обшаривать их ящики на предмет, нет ли чего секретного, связанного с работой редколлегии. Поскольку он это делал на виду, никто ничего плохого в этом не видел.

Вот так и залез Стеценко в стол Феликса. Достал папку, прочёл и присвистнул. Это была копия письма Кузнецова на имя Суслова. «От молодого члена партии», как специально подчеркнул Кузнецов. Он месяц назад возвратился из командировки в Польскую Народную Республику. И вот – считает своим долгом молодого коммуниста информировать секретаря ЦК КПССС по идеологии о положении дел у польской интеллигенции.

«Удивил! – сказал Стеценко Лазарь. – Феликс на партсобраниях такие вещи откаблучивает: куда этому доносу!»

Но меня тогда это письмо страшно удивило. До этого я доносов не читал. И поразился тому, что Феликс информировал Суслова о том, как он постарался влезть к такому-то и к такому-то в доверие, чтобы глубже понять идеологического противника.

Вот с каких пор проводил свою глубокую эшелонированную разведку в тылу врага патриот-коммунист. И ведь держали его в разведчиках до поры, до времени.

* * *

Так получилось, что книгу Владимира Сергеевича Варшавского «Незамеченное поколение» я прочитал только в 2013 году. Её издал «Русский путь» как самую последнюю редакцию книги. Не скажу, что она меня захватила. Да она на это не рассчитана. Добросовестное описание: кто есть кто в поколении Варшавского – партии, общества, группы и подгруппы.

Есть и описание отдельных фигур. Например, поэта Б. Поплавского. Но впечатление такое, что автор пишет некий учебник.

Знаю, какая полемика развернулась вокруг этой книги. Но это потому, что Варшавский обвинил старшее поколение русских эмигрантов в равнодушии к его поколению. Старшие, естественно, взвились. Ровесники Варшавского им ответили. Впрочем, полемика напечатана в том же издании «Русского пути».

Судя по всему, Варшавский был человеком скромным и храбрым. Храбрость особенно проявилась на фронте Второй мировой. В конце концов, Варшавский был пленён гитлеровцами. В феврале 1945-го освобождён советскими войсками, но глупости не сделал, на родину не вернулся, а уехал во Францию.

Вёл интересные передачи на Радио «Свобода». После женитьбы переехал в Мюнхен, где остался сотрудником Радио «Свобода».

В 1972 году издал автобиографический роман «Ожидание», куда включил повесть «Семь лет».

В 1974-м переехал вместе с семьёй в Ферней-Вольтер на швейцарско-французской границе. Там начал работать над историко-философским исследованием «Родословная большевизма». Он доказывал, что большевизм не есть русская черта и не может быть выведен из русской истории, но что он привнесён в Россию из Европы марксистской идеологией. На мой взгляд, это неверно. Марксистская идеология, в том виде, в каком она воспринята в России, попросту растворилась и в русской истории, и в так называемой «русской душе». Но книга Варшавского осталась незаконченной. Он умер в Женеве 22 февраля 1978 года (родился 24 октября 1906-го).

23 ФЕВРАЛЯ

Анастасия Алексеевна Вербицкая (родилась 23 февраля 1862 года) начала писать в 1883 году в «Русском Курьере».

Написала немало романов, повестей, драм.

Но известность и даже славу принёс ей роман «Ключи счастья» (1909). В этом романе Вербицкая открыто поднимает тему сексуальной свободы женщины. Её героиня Мария Ельцова, талантливая, незаурядная натура с тончайшим художественным чутьём. В основе романа проблема взаимоотношений художника и общества. Или лучше сказать – проблема безграничной свободы творческой личности, в том числе в половой сфере.

Продолжение «Ключей счастья» составило 6 книг (до 1913 года). В честь романа называли даже популярные вальсы.

В 1913 году режиссёры В. Гардин и Я. Протозанов осуществили его экранизацию, ставшую самой кассовой лентой до революции.

В 1912 году режиссер В. Гардин экранизировал роман Вербицкой «Вавочка».

До революции были экранизированы ещё несколько романов Вербицкой.

Тираж книг Вербицкой достиг 280000 экземпляров.

Однако деятели революции решили покончить с произведениями писательницы.

Наркомпросс добивается сожжения книг. Но после гласного суда заведующий Госиздатом Воровский создаёт комиссию из 12 литераторов-коммунистов, которые признали книги Вербицкой безвредными.

После убийства Воровского в 1924 году её книги всё-таки изъяты из всех библиотек и магазинов.

Она спровоцировала литературную дискуссию, где её книги защищал А.В. Луначарский.

Умерла она 16 января 1928 года. Такое было впечатление, что вместе с ней умерли и её книги. Но нет. Они снова появились в России во времена перестройки.

* * *

Рюрик Ивнев (настоящее имя Михаил Александрович Ковалёв, родился 23 февраля 1891 года) в 1912 году окончил юридический факультет Московского университета.

После Октябрьской революции становится секретарём А.В.

Луначарского.

В 1919 году командирован на юг в качестве заведующего оргбюро агитпоезда Луначарского. Посещает Украину и Грузию. Вернувшись в Москву, становится главой Всероссийского Союза поэтов. В этот период сближается с имажинистами. В их издательстве выходит его сборник «Солнце во гробе».

В 1925 году принимает участие в составлении сборника воспоминаний о Сергее Есенине. В дальнейшем часто вспоминает Есенина в своей мемуарной прозе.

В годы Отечественной войны работает в газете «Боец РККА». В послевоенные годы издаёт свои книги весьма активно.

Тем не менее, прав германский славист Казак в том, что в советскую литературу Ивнев вошёл в тени имажинизма. Ничего лучшего он не написал.

Увы, Ивнев писал вот на таком уровне:

Был хмурый день. Мы ехали в тумане,
Дрожали стекла, плача и звеня.
Любить тебя душа не перестанет,
Но Серпухов не радует меня.
В холодный день весеннего ненастья
Несутся тучи, как бы говоря:
Пусть сердце разрывается на части,
Не обольщай себя мечтами зря —
Ты никогда не восстановишь счастья
По сорванным листкам календаря.

Не Бог весть какая мысль, чтобы её закладывать в стихотворение. Умер Рюрик Ивнев 19 февраля 1981 года.

24 ФЕВРАЛЯ

24 февраля 1913 года родился очень неплохой русский писатель Эммануил Генрихович Казакевич (умер 22 сентября 1962 года). Он начинал как поэт. Писал на идиш. Публиковал их в газете «Биробиджанер штерн» («Биробиджанская звезда»), первым главным редактором которой был его отец. В середине 1930-х заведовал в этой газете литчастью. Переводил русских поэтов. в том числе и классиков. Писал для еврейского театра в Биробиджане.

С 1938 года жил в Москве. В 1941-1945-м служил в действующей армии. Сперва в писательской роте народного ополчения. Прошёл путь от рядового разведчика до начальника разведки дивизии и капитана – помощника начальника разведки армии. Пришёл с фронта с четырьмя боевыми орденами.

Первое же произведение на русском языке – повесть «Звезда» (1947) была сразу же отмечена как очень незаурядное произведение и удостоена сталинской премии второй степени. Её продолжение «Весна на Одере» (1949) тоже получило сталинскую премию второй степени, хотя эта повесть значительно уступает «Звезде».

В 1948 году Казакевич пишет повесть «Двое в степи», в 1953-м – «Сердце друга». Обе повести вызвали ураганную критику пуровских наймитов.

После смерти Сталина не менее ураганной критике он подвергся и как редактор двух номеров альманаха «Литературная Москва».

А в конце жизни Сталина стал жертвой кампании государственного антисемитизма. Особенно нападали на него два ужасающих антисемита: драматург Суров (позже исключённый из Союза писателей, когда выяснилось, что пьесы под его фамилией писал не он, а клеймённые им писатели-евреи) и Бубеннов, автор повести «Белая берёза» и погромных статей в «Правде».

Однажды в писательском доме, на квартире одного из них Бубеннов и Суров повздорили, подрались, продолжали драться, сбегая по лестнице, выскочили на улицу, где один из них воткнул в задницу другого вилку.

Казакевич немедленно отозвался: сочинил сонет:

Суровый Суров не любил евреев,
Где только мог, их всюду обижал.
За что его не уважал Фадеев,
Который тоже их не уважал.

Но как-то раз сей главный из злодеев,
Однажды в чём-то где-то не дожал,
М. Бубеннов, насилие содеяв,
За ним вдогонку с вилкой побежал.
Певец «Березы» в жопу драматургу,
Как будто иудею Эренбургу,
Фамильное вонзает серебро…
Но следуя традициям привычным,
Лишь как конфликт хорошего с отличным
Всё это расценило партбюро.

Говорят, что строчка «фамильное вонзает серебро» принадлежит Твардовскому. И вообще Твардовский несколько по-своему отредактировал понравившееся ему стихотворение:

Суровый Суров не любил евреев,
Он к ним враждой старинною пылал,
За что его не жаловал Фадеев
И А. Сурков не очень одобрял.

Во всяком случае, этот сонет, отредактированный или в первоначальном виде, долго гулял по Москве.

Повесть Казакевича «Синяя тетрадь» была экранизирована в 1964 году (режиссёр Л. Кулиджанов). Что же до «Звезды», то она экранизирована дважды: в 1949 году режиссёром А. Ивановым и в 2002-м режиссёром А. Лебедевым.

* * *

Ирина Александровна Велембовская (настоящая фамилия Шухтгальтер, родилась 24 февраля 1922 года) в 1941 году окончила курсы медсестёр, добровольно вступила в РККА и отправлена на фронт. Однажды её с подругами послали охранять склад, откуда в первую же ночь пропало несколько пар валенок. Вместе с подругами была осуждена, прогнана по этапу на Урал и посажена в Нижне-Туринскую тюрьму. В 1942 году отпущена на поселение.

И в тюрьме, и на поселении она занималась тяжёлым физическим трудом: возила на подводе воду, работала на лесоповале, копала огороды.

С 1942 по 1948 работала в Свердловской области. В конце войны трудилась на лесоповале вместе с угнанными из

Трансильвании и Баната гражданскими немцами и венграми. Они не были военнопленными, просто по произволу советского правительства их вывозили на тяжёлые принудительные работы за Урал из Югославии, Румынии, Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Польши. Эти много лет замалчиваемые события были отражены в её романе «Немцы». Однако при жизни этот роман ей опубликовать не удалось. Да и после смерти, последовавшей 14 марта 1990 года, прошло 12 лет, прежде чем роман был опубликован – в 2002 году.

В 1948 году Велембовской удалось вернуться в Москву. В 1964 окончила заочное отделение Литературного института.

Начала публиковать свои произведения с 1961 года. В 1966 стала членом Союза писателей. Вышли книги повестей и рассказов «Лесная история» (1967), «Третий семестр» (1973), «Вид с балкона» (1981).

Наиболее известное её произведение «Сладкая женщина» (1975) было экранизировано в 1976-м режиссёром Владимиром Фетиным. В главных ролях выступили Наталья Гундарева, Олег Янковский, Римма Маркова, Пётр Вельяминов, Светлана Карпинская. Рассказ «Женщины» экранизирован в 1966 году режиссёром Павлом Любимовым и был лидером проката того года (36,6 млн. зрителей).

Она написала ещё сценарии фильмов «Женщины» (1965), «Люди как реки…» (1968), «Впереди день» (1970), «Молодая жена» (1978), «Варварин день» (1982).

25 ФЕВРАЛЯ

Натан Эйдельман в своей повести «Твой восемнадцатый век» пишет о нём:

«*Владислав Михайлович Глинка (1903–1983) – один из самых интересных людей, которых я встречал. Он написал для школьников немало прекрасных книг о людях конца XVIII – начала XIX века («Повесть о Сергее Непейцыне», «Повесть об унтере Иванове» и другие)… кроме того, что они написаны умно, благородно, художественно, их отличает щедрость точного знания. Если речь идёт, например, об эполетах или о ступеньках Зимнего дворца, о жаловании инвалида, состоящего при шлагбауме, или о деталях конской сбруи 1810-х годов, – всё точно, всё так и было, и ничуть не иначе!*

Удивляться этому не следует, ибо Глинка-писатель был и крупным учёным, который работал во многих музеях, был главным хранителем русского отделения Государственного Эрмитажа и великолепно знал немыслимое количество людей и вещей прошлого…

Приносят ему, например, предполагаемый портрет молодого декабриста-гвардейца, Глинка с нежностью глянет на юношу прадедовских времен и вздохнёт:

– Да, как приятно, декабрист-гвардеец; правда, шитья на воротнике нет, значит, не гвардеец, но ничего… Зато какой славный улан (уж не тот ли, кто обвенчался с Ольгой Лариной – «улан умел её пленить»); хороший мальчик, уланский корнет, одна звёздочка на эполете… Звёздочка, правда, была введена только в 1827 году, то есть через два года после восстания декабристов, – значит, этот молодец не был офицером в момент восстания. Конечно, бывало, что кое-кто из осуждённых возвращал себе солдатскою службою на Кавказе офицерские чины, но эдак годам к 35–40, а ваш мальчик лет двадцати… да и прическа лермонтовская, такого зачёса в 1820-1830-х годах ещё не носили. Ах, жаль, пуговицы на портрете неразборчивы, а то бы мы определили и полк и год.

Так что никак не получается декабрист – а вообще славный мальчик…»

Да, Владислав Михайлович на любимые свои темы: Отечественная война 1812 года и декабристы знал всё. Его приглашали консультировать свои исторические работы режиссёры С. Бондарчук, Г. Товстоногов.

Но главное удовольствие он доставлял детям, молодёжи. Для них написаны *«Бородино»; «Судьба дворцового гренадёра»;*

«Старосольская повесть» (1948); *«Жизнь Лаврентия Серякова»* (1959); *«История унтера Иванова»; «Повесть о Сергее Непейцыне»* (1966), «*Дорога чести*» (1970).

Для всех своих читателей – молодых и старых Глинка был прежде всего честным человеком, то есть человеком с совестью. «Хранитель совести» – назвала свою рецензию на мемуары Глинки критик «Континента». Очень точное название!

Умер писатель 25 февраля 1983 года. Родился 19 февраля 1903-го.

26 ФЕВРАЛЯ

Евгения Ефимовича Поповкина (родился 26 февраля 1907 года) я запомнил по прочитанному в детстве роману «Семья Рубанюк» – о борьбе с фашистами на украинской земле. Хотя позже понял, что таких романов-близнецов появлялось в то время (послевоенное, сталинское) много. И что сталинскую премию 3 степени за этот роман Поповкин потому и получил, что не отклонялся от привычной схемы.

Он написал ещё несколько книг: повесть (потом роман) «Большой разлив», путевые очерки «Чехословацкие впечатления», «На древней земле Эллады». «Несентиментальное путешествие».

Но главное было не в этих книгах.

Он сразу после войны становится секретарём Крымского отделения Союза писателей СССР. В 1951-м стал депутатом Крымского областного совета депутатов трудящихся. И уже оттуда переведён в Москву, где с 1958 года 10 лет до самой смерти (15 февраля 1968 года) занимал должность главного редактора журнала «Москва».

Мне рассказывала Елена Сергеевна Булгакова, как Поповкин решился напечатать «Мастера и Маргариту» у себя в журнале. «Новый мир» отпадал, потому что недавно напечатал «Театральный роман» Булгакова. Елена Сергеевна поняла, что если отнесёт рукопись Кожевникову в «Знамя», у неё будет мало шансов: Кожевников на хорошую литературу не клюнет и напечатать Булгакова так быстро после «Нового мира» не решится. И она отнесла рукопись в «Москву». Поповкин прочитал и влюбился в роман. Ему очень захотелось его напечатать. Я не помню, кому он сказал эту, по-моему, довольно известную фразу: «Писателя Поповкина забудут, главного редактора журнала Поповкина забудут. А вот главного редактора журнала Поповкина, напечатавшего «Мастера и Маргариту», не забудут никогда. Как и журнал, где этот роман напечатан».

Разумеется, цензура читала роман Булгакова очень внимательно. Но Поповкин не советовал Елене Сергеевне упрямиться. Разумеется, 1 номер «Москвы» за 1967 год вышел умноженным тиражом: подписчики налетели на окончание романа. Поповкин рассчитал правильно. Первую часть «Мастера и Маргариты» была напечатана в 11 номере за 1966 год. А вторая – через номер, чтобы дать не успевшим к началу читателям получить конец.

Всё было продумано верно.

И своё имя Поповкин сохранил благодаря роману. Правда, он

ещё сумел напечатать у себя подборку Мандельштама и, кажется, ещё каких-то неофициальных поэтов.

* * *

Владислава Петровича Скобелева я впервые увидел в доме моего друга Бориса Александровича Неверова, сына писателя Александра Сергеевича Неверова. Борис Александрович представил мне Владислава Петровича как своего двоюродного брата по отцу. Настоящая фамилия писателя Неверова – Скобелев. Говорили, что писатель не захотел быть однофамильцем прославленного генерала.

Приехал Владислав Петрович из Воронежа к брату. Он подарил мне две книжки – о дяде писателе (1964) и о воронежском писателе Гаврииле Троепольском.

На следующий год я поехал в Воронеж в командировку от «Литературной газеты». Зашёл к Владиславу Петровичу. И мы ещё больше сблизились.

Я знал, что родился Скобелев в Самаре. Потом его отца, главного агронома областного земельного управления отправили в посёлок Усть-Кинельский, а когда через несколько лет они вернулись назад, Самара уже носила имя Куйбышева.

Окончил Куйбышевский педагогический институт и уехал в Москву, где поступил в аспирантуру ИМЛИ. После защиты кандидатской диссертации вернулся в Куйбышев, стал работать в литературном музее имени Горького. Но его знакомый, с которым Скобелев познакомился на одной из конференций, позвал его преподавать старшим преподавателем в Муром. В педагогический институт, где Владислав Петрович проработал около трёх лет. В 1961 году приятели ему сообщили, что в Воронежском университете есть вакансия доцента. Скобелев подал документы туда и прошёл конкурс.

В Воронеже он жил долго. Его там приняли в Союз писателей: он там много печатался. Выпустил, помимо тех двух книг, которые подарил мне, монографию «Масса и личность в русской советской прозе 1920-х годов. К проблеме народного характера» (1975), «Поэтика сказа» (в соавторстве; 1978). Напечатал большое количество статей, в том числе о многих воронежских писателях. Здесь же, в Воронеже, защитил докторскую диссертацию.

А в 1979 году смог вернуться в Куйбышев и продолжить преподавание в Куйбышевском (потом Самарском) государственном университете, где в 1985 году стал профессором.

В частности он занялся теорией пародии. Читал по ней спецкурсы.

Перестройка оживила его научную деятельность. В 1996 году он опубликовал статью о поэзии Бродского «Большой лирический сюжет Иосифа Бродского». (У меня, кстати, был экземпляр «Вестника Самарского университета» 1999 года, где напечатана работа Владислава Петровича ««На смерть Жукова» И. Бродского и «Снигирь» Г. Державина (К изучению поэтики пародического использования».) Познакомился с Василием Аксёновым. Вместе с ним организовал несколько научных конференций в Самаре, посвящённых литературе «третьей волны» эмиграции.

По-моему, последней его работой была книжка «Системно-субъектный метод в трудах Б.О. Кормана (2003), где он отдал дань своему учителю, который изучал структуры повествовательных форм.

Скончался Владислав Петрович 26 февраля 2004 года. Родился 11 ноября 1930-го.

27 ФЕВРАЛЯ

Первые стихи Павла Николаевича Шубина (родился 27 февраля 1914 года) появились в печати в тридцатые годы. Первая его книга «Ветер в лицо» вышла в 1937-м. Вторая – «Парус» – в 1940-м.

Он служил на фронтах Великой Отечественной, на Дальнем Востоке, Маньчжурии. Выступал со стихами во фронтовой печати.

В 1943-м в Ленинграде вышла его книжка «Во имя жизни», в 1944-м в Беломорске – «Люди боя».

А после войны он успел выпустить ещё три книги. И умер 10 апреля 1950 года от сердечного приступа.

Оставил после себя неплохую песенную поэзию. Это его «Волховскую, застольную» распевала вся страна:

Вспомним о тех, кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград пробирался болотами,
Горло ломая врагу…

Его стихотворение «Алёнушка» положил на музыку Александр Николаевич Вертинский и пел эту песню, вернувшись на родину.

Его вариант текста «На сопках Манчжурии», конечно, не похож на канонический. Но эти стихи – о другой Манчжурии, написанные на старую мелодию.

И наконец – его стихи – один из эпизодов, который он успел подсмотреть за свою совсем короткую жизнь:

Был дом. Была с наивной верой
Подкова врезана в порог.
Но пал на камни пепел серый,
А дом бегущий немец сжёг.
Рыбачья грубая бахила
Валяется… Хозяев нет.
А может, это их могила —
Из щебня холмик без примет?
Лишь у рябины обгорелой,
Над вечной, медленной водой
Сидит один котёнок белый…
Не белый, может, а седой?
На стуже не задремлешь, нежась,

Но он не дрогнул, как ни звал, —
А может, всё-таки – норвежец —
По-русски он не понимал?
Или безумье приковало
Его к скале? Он всё забыл.
И только помнит, что, бывало,
Хозяин с моря приходил.

28 ФЕВРАЛЯ

Вячеслав Иванович Иванов (родился 28 февраля 1866 года), яркий представитель «Серебряного века».

Сперва женился на Дарье Михайловне Дмитриевской. Но в 1893 познакомился с Лидией Сергеевной Зиновьевой-Аннибал, спустя 5 лет ставшей его женой. В это же время близким человеком семьи Ивановых становится М.М. Замятнина, которая оказывает им помощь до самой своей смерти в 1920.

Католик, и ранние его стихи написаны под сильным влиянием католического мистицизма.

Большую помощь Иванову оказал Владимир Соловьёв, который помог ему напечатать первые стихи в 1898 году.

В 1905 году поселился в Петербурге. Его квартира на углу Таврической и Тверской (дом 1), где по средам собирался кружок символистов, была одним из идейных центров символизма. В литературных «средах» на своей башне Иванов видел прообраз соборных общин.

Жена умерла в 1907 году. Большим скандалом оказалась женитьба Иванова на дочери жены от первого брака Вере Шварсалон. Многие знакомые были шокированы их связью. Тем не менее зимой 1913 года Иванов и Вера поженились в Ливорно.

По возвращении из Италии поселился в Москве. Так получилось, что Иванов и М. Гершензон оказались в двух углах на одном этаже московской больницы в страшные дни большевистской разрухи. Так появилась их совместная книга под названием «Переписка из двух углов».

Октябрьскую революцию Иванов не принял, перебрался в Баку, а оттуда в Италию.

В 1936–1943 в Папском восточном институте в Риме преподаёт церковнославянский язык, читает лекции по русской литературе, в основном по Достоевскому.

Умер 16 июля 1949 года.

В последние дни жизни прожил в одиночестве, никого не принимал, делая исключения только для Мережковских.

Стихи его на любителя. Мне они не очень нравятся. Вот, например, «Улов»:

Обнищало листье златое.
Просквозило в сенях осенних
Ясной синью тихое небо.
Стала тонкоствольная роща
Иссечённой церковью из камня;

Дым повис меж белыми столпами;
Над дверьми сквозных узорочий
Завесы – что рыбарей Господних
Неводы, раздранные ловом, —
Что твои священные лохмотья
У преддверий белого храма,
Золотая, нищая песня.

* * *

Когда родился князь Пётр Иванович Шаликов, точно не известно. Одни считают, что в 1767-м, другие, что в 1768-м. Но точно известно, что скончался князь 28 февраля 1852 года.

Не смог выехать из Москвы в Отечественную 1812 года, пережил французскую оккупацию в собственном доме на Пресне. Но уже в 1813 году издал воспоминания о поведении французов в Москве.

Был поклонником Карамзина и его сентиментализма. В подражанье карамзинским «Письмам русского путешественника» выпустил в 1803–1804 годах «Путешествие в Малороссию» и в 1805-м – «Путешествие в Кронштадт».

Обожал «нежную чувствительность, сопряжённую с моралью». Её заложил в основу журнала «Аглая» (1808–1812) и «Дамского журнала» (1823–1833).

Мало кто в русской литературе был осыпаем таким градом насмешек, и эпиграмм. Шаликов стал синонимом приторной слащавости.

Беда Шаликова состояла в том, что его любимый сентиментализм давно остался в прошлом. И кроме этого литератора сентименталистских вещей никто не писал.

Так что если говорить о том серьёзном, что оставил после себя Шаликов, так это «Историческое известие о пребывании в Москве французов 1812 года».

Вот небольшой отрывок этого свидетельства:

«*Ничего не было трогательнее зрелища, как отчаянные жители Москвы переходили из одного места в другое, из одной части города в другую, из угла в угол, с бедными остатками своего имущества, в узлах сберегаемого, преследуемые, гонимые грозным пожаром и безжалостными грабителями, которые вырывали из трепещущих рук последнюю одежду, или последний кусок хлеба! Малейшее сопротивление стоило ударов ружьём или тесаком, невзирая ни на пол, ни на лета. Я видел почтенного старца,*

мирного гражданина, отдыхавшего на бранных лаврах, украшенного орденами; видел, говорю, с глубокою раною на щеке, полученною им в безмолвном смирении, при неистовстве Вандалов, от одного из них, распалённого жаром Бахуса и Плутуса – двух идолов, которым преимущественно поклоняются сии Вандалы; слышал о богатых, о чиновных людях, которые употреблялись ими в самую презрительную работу, – под тяжёлую ношу гнусной добычи, и проч. И такова была судьба почти всех московских жителей! весьма немногие избежали её».

1 МАРТА

После гимназии Михаил Алексеевич Кузмин учился несколько лет в консерватории у Н. Римского-Корсакова и К. Лядова. Выступал как исполнитель музыкальных произведений на свои тексты. Был близок «мирискусникам», выступал на их «Вечерах современной музыки».

В юности дружил с Г.В. Чичериным. Путешествовал по русскому Северу (увлекался старообрядчеством).

Вступал ли Кузмин в Союз русского народа в точности не известно, но его устойчивый интерес к национализму засвидетельствован современниками.

Для Серебряного века дебютировал поздно. В 1906 году выступил в «Весах» с «Александрийскими песнями» и прозаическим философским романом «Крылья». Сразу обратил на себя внимание. «Крылья» вызвали скандал из-за первого в России сочувственного описания гомосексуальных отношений.

Выступая со стихами, Кузмин часто прибегал к их музыкальным сопровождениям. Написал музыку к постановке блоковского «Балаганчика» в театре Комиссаржевской.

В первые годы после революции сотрудничал как композитор с Большим драматическим театром – писал музыку ко многим его спектаклям.

Был эмоционалистом (разновидность экспрессионизма»). Его усложнённое послереволюционное творчество отсылает к гностицизму (например, книга 1929 года «Форель разбивает лёд»).

Возможно, относительно спокойная жизнь Кузмина в эти годы объясняется его дружбой с наркомом иностранных дел Чичериным.

Кузмин, как многие, зарабатывает переводами. Классическим стал его перевод «Метаморфоз» Апулея. Он переводил Петрарку, Шекспира, Мериме, Гёте, Байрона. Увы, далеко не всё из переведённого сохранилось. Многое утрачено во время войны, до которой Кузмин не дожил. Он умер 1 марта 1936 года. Родился 18 октября 1872.

Вот – типичный Кузмин:

Уезжал я средь мрака:
Провожали меня
Только друг да собака.
Паровозы свистели:
Так же ль верен ты мне?

И мечты наши те ли?
Надвигались туманы:
Неужели во тьме
Только ложь и обманы?..
Только друг, да собака
Пожалели меня
И исчезли средь мрака.

2 МАРТА

Хорошо известно, что в двадцатые годы познакомившийся через Дельвига с Баратынским (родился 2 марта 1800 года) Пушкин относился к нему очень дружески. Он и сам об этом свидетельствовал – в письмах друзьям, в своих стихах, в том, с какой охотой брал эпиграфы из Баратынского для «Выстрела», для «Евгения Онегина», наконец, в стихотворных откликах на произведения друга. В частности, в послании Пушкина к Баратынскому по поводу «финляндской» поэмы последнего «Эда», раздражившей Бестужева, и, как впоследствии выяснилось, Надеждина, Пушкин не просто выразил удовольствие от прочитанной поэмы:

Стих каждый повести твоей
Звучит и блещет, как червонец,
Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанок Байрона милей, —

но весьма резко отвёл от неё критику Булгарина, написавшего в «Северной пчеле» об «Эде»: «Нет ни одной сцены занимательной, ни одного положения поразительного. Скудость предмета имела действие и на образ изложения: стихи, язык в этой поэме не отличные»:

А твой зоил прямой чухонец.

Даже необычно резко, потому что перешёл на личности. Не зря В. Виноградов некогда писал о «каламбурном «кольце» образов» в этом стихотворении. Каламбур основан на том, что живой, полной неподдельного обаяния героине Баратынского – финнке или как по В. Далю звали эту народность в Петербурге, – чухонке («чухоночке») противостоит «зоил», обруганный презрительной кличкой «чухонца», то есть дурака, деревенщины («чухны», «чушки»), как зафиксировал тот же В. Даль. Грубость Пушкина понятна. Он и в незаконченной рецензии на другую поэму Баратынского «Бал» назвал статью Булгарина об «Эде» «неприличной статейкой», так что не считает нужным церемониться с тем, кто вышел за рамки приличия.

А третья глава «Евгения Онегина»! Кто не помнит там Автора, мучающегося от сознания, что не сумеет донести в русском своём

переводе все оттенки французского письма Татьяны к Онегину, которые передадут самую суть натуры его героини? Долго подступается к переводу Автор, в какой-то момент даже «готов уж отказаться» от своего намерения, готов просить перевести письмо куда большего, чем он, умельца. Для него нет сомнений в том, что больший – «Певец Пиров и грусти томной» – «Е.А. Баратынский», – уточняет Автор в сноске к этому стиху и продолжает:

Когда б ещё ты был со мной,
Я стал бы просьбою нескромной
Тебя тревожить, милый мой:
Чтоб на волшебные напевы
Переложил ты страстной девы
Иноплеменные слова.
Где ты? приди: свои права
Передаю тебе с поклоном…

Многие исследователи решили, что в данном случае Автор обращается к Баратынскому как к признанному Пушкиным мастеру совершенно определённого литературного жанра. Ведь как раз перед этим обращением он фиксирует реалии современного ему литературного процесса: «Я знаю: нежного Парни / Перо не в моде в наши дни». А «не в моде», как верно указал Лотман, – это отсылка читателя к популярной в то время статье В. Кюхельбекера в «Мнемозине» «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие». Там весьма жестоко разруган Батюшков за то, что «взял себе в образец двух пигмеев французской словесности – Парни и Мильвуа». Для страстного поклонника оды и непримиримого борца с элегией Кюхельбекера француз Э. Парни потому и пигмей, что пишет в основном элегии, которыми смог увлечь Батюшкова.

А для Пушкина Парни – «нежный». Для Пушкина нет греха в том, что Парни увлек Батюшкова на стезю элегии, а тот, по всей очевидности, Баратынского: «*Признайся, что он превзойдёт и Парни и Батюшкова*, – писал Пушкин о Баратынском Вяземскому ещё в 1822 году, – *если впредь зашагает, как шагал до сих пор – ведь 23 года – счастливцу*!».

«Счастливец» продолжал шагать по той же стезе и во время работы Пушкина над «Онегиным»:

«*Первые произв.[едения] Баратынского были элегии и в этом роде он первенствует,* – набросал Пушкин начерно в 1827 году рецензию на первый сборник стихов Баратынского. – *Ныне вошло в моду порицать элегии – как в старину старались осмеять оды; но*

если вялые подража[тели] Ломоносова и Баратынского равно несносны, то из того ещё не следует, что роды лирическ[ий] и элегическ.[ий] должны быть исключены из разрядн.[ых] книг поэтической олигархии».

И всё-таки, когда речь в романе напрямую заходит об элегии, Автор вспоминает не Баратынского, а Языкова, его «свод элегий драгоценных». Именно с Языковым он обсуждает нашумевшую статью Кюхельбекера: «*Критик строгий / Повелевает сбросить нам / Элегии венок убогий…*» Так что вряд ли Баратынский в данном случае был призван Автором участвовать в полемике с Кюхельбекером. Нет, скорее всего, Баратынский оказался в романе не только и не столько для этого.

«*Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинален, ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко*». Это тоже из черновика, созданного Пушкиным, как полагает большинство исследователей, Болдинской осенью 1830-го, но из полноценного куска его – из вполне законченного предисловия, за которым начинается незавершённый анализ поэзии Баратынского.

А такое определение сути творчества почитаемого Пушкиным поэта, которому Автор доверил бы перевод Татьяниного письма, раскрывает, мне кажется, и суть этого доверия: Татьяна оригинальна, она мыслит «по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко». Вот главное, что хотел передать в своём переводе письма Татьяны с французского Автор и что, кроме него (а, может быть, и лучше него!), мог бы сделать один только Баратынский!

Подлинной кульминацией их дружбы стала книга 1828 года «Две повести в стихах», куда вошли «Граф Нулин» и «Бал». Ни с кем больше совместных книг Пушкин никогда не издавал.

Не трудно понять, почему Пушкин решился на такое соседство. «*Сиё блестящее произведение исполнено оригинальных красот и прелести необыкновенной. Поэт с удивительным искусством соединил в быстром рассказе тон шутливый и страстный, метафизику и поэзию*», – пушкинский отзыв о «Бале» 1828 года тоже, как я уже замечал, незакончен, но приведённая цитата из него показывает, что Пушкин почёл за честь для себя выступить под одной обложкой с Баратынским.

Евгений Абрамович Баратынский скончался 11 июля 1844 года.

У него много прекрасных стихов. Привожу одно из моих самых любимых:

Нет, обманула вас молва,
По-прежнему дышу я вами,
И надо мной свои права
Вы не утратили с годами.
Другим курил я фимиам,
Но вас носил в святыне сердца;
Молился новым образам,
Но с беспокойством староверца.

* * *

Что Анри Труайя – псевдоним Леона (Льва) Аслановича Тарасова известно довольно широко от самого писателя, который почти во всех своих интервью возвращается в детство или в юность.

Жил он поначалу в Москве в доме на углу Скатерного и Медвежьего переулков в богатой армянской семье.

После революции семья бежала в Кисловодск, а затем из Новороссийска в Константинополь. Из Турции все уехали во Францию и осели в Париже.

Первый роман «Обманчивый свет» был опубликован в 1935 году под псевдонимом, который и прославил писателя. Хотя Тарасов не думал сперва менять фамилию, но на этом настоял издатель. По его словам, фамилия Тарасов ввела бы читателя в заблуждение. Читатель решил бы, что ему предлагают переводной роман.

Уже в 1938 году Труайя за роман «Паук» удостоен Гонкуровской премии. Всего он написал около 100 томов литературных произведений. Получив последовательно звания командора ордена искусств и литературы, командора Национального ордена заслуг, командора Большого креста ордена Почётного легиона.

Разумеется, что Труайя – член Французской академии.

Должно быть, у нас особый интерес к этому писателю. Ведь он так заинтересовался русской культурой, что создал романизированные биографии Достоевского, Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого, Гоголя, Чехова, Тургенева. Горького, Цветаевой, Пастернака. А его интерес к русской истории сказался в романах «Екатерина Великая», «Александр I», «Иван Грозный», «Николай II», «Григорий Распутин», «Борис Годунов», «Павел I».

Всё это, подчёркиваю, – романы.

А ведь кроме российской тематики он разрабатывал и

другую. И тоже писал романы. Написал мемуары, которые назвал очень точно «Моя столь длинная дорога». Жизненный его путь и в самом деле оказался очень длинным – 95 лет. Умер 2 марта 2007 года. Родился 1 ноября 1911-го.

3 МАРТА

Илья Зверев – фамилия, мне известная с детства. Очень часто встречалась в газетах и журналах.

А у меня ещё была книжка этого писателя «Что за словом?» (1965) с предисловием Корнея Ивановича Чуковского.

Лично я познакомился с ним, родившимся 3 марта 1926 года, именно в этом – 1965-м: просил у него материал для журнала «Семья и школа». Он обещал, но попросил, чтобы я через некоторое время позвонил – напомнил. А, может, он к этому времени уже даст мне материал.

Я позвонил. Хотя уже в «Семье и школе» не работал. Работал в журнале «РТ-программы». Решил: если он написал: уговорю его отдать в «РТ».

Но телефонный собеседник сказал, что Илья Юрьевич сейчас в больнице. А ещё через некоторое время звонить не было смысла: я прочитал некролог. Он умер в 1966 году.

Не верилось, что это о нём, об Илье Юрьевиче, написано: «скончался». Позже я узнал из очерка его (и моего) приятеля Алика Борина, что у Зверева уже в 1952 году была диагностирована «злокачественная гипертония» – болезнь, с которой долго не живут. Тем не менее, выявив эту страшную болезнь, врач прогнозировал Звереву ещё полгода жизни.

А он прожил ещё 13 лет.

Думаю, подпитывал свой больной организм постоянной работой. Он легко уезжал в командировки, легко писал отчётные очерки и статьи.

Сейчас переиздана с предисловием Бенедикта Сарнова книга «Защитник Седов» (1990). Очень советую прочесть. Трагическая повесть об адвокате, взявшемся защищать четверых обвиняемых, которым, как «врагам народа», грозит расстрел. Их освободить удалось, но трагедия случилась не с ними, а с теми, кто их освободил.

По-моему, я видел эту книжечку не так давно на книжном развале.

* * *

О романе «Санин» Михаила Петровича Арцыбашева я был наслышан с подростковой юности. В Ленинке его не выдавали: книги эмигрантов были в спецхране. Так что прочитал я роман поздно. И, надо сказать, с изрядной долей скуки.

Может быть, я воспринял бы его иначе, прочитай роман подростком, на кого Арцыбашев и рассчитывал. Но куда больше, чем роман, мне понравилась блистательная рецензия на него Корнея Ивановича Чуковского, названная «Геометрический роман»:

«I

У героинь этого романа очень пышные груди, у героев очень сильные мускулы, и вообще весь роман ужасно как старается, чтобы мы сочли его поэмой телесности, солнца, половой радости, звериного счастья, греха.

Но при всем нашем желании, мы не можем угодить ему. Именно оттого, что какая же при зверином счастье – старательность? Чем больше в романе доказательств в защиту солнца, тем меньше мы им верим, именно опять-таки оттого, что это доказательства.

Г. Арцыбашев старательно и добросовестно строит запутанные свои силлогизмы. И, сколько бы потом он ни описывал женских грудей, дрожащих мужчин, сколько бы потом он ни говорил «звериных», пугающих слов, – всё это никого ни увлечь, ни испугать не может, ибо из-за всего этого торчит силлогизм.

Критики уже сердились на этот роман, зачем в нём так много обнажённых тел и сладострастных образов. Боже мой, если бы это было так. Создать образ, написать живое, дышащее тело – да ведь это величайшая цель и величайшая трудность для художника. Браня так г. Арцыбашева, – мне кажется, ему тем самым делали ужасно лестные комплименты, и по совести мне кажется, он их не заслужил.

II

Свои потаённые доказательства г. Арцыбашев ведёт издалека. Первое положение его теоремы такое: мысли человека всегда лживы и выражают то, чего хочет его тело.

И вот кто бы из героев г. Арцыбашева, что бы у него ни подумал, что бы у него ни сказал, г. Арцыбашев сию же минуту со злорадством шепнёт читателю, что мысли эти – ложь, что думать их вовсе не следовало, а следовало бы думать то-то и то-то, и если герой этого не подумал, то только потому, что его телу этого не хотелось.

Такое уличение своих же героев во лжи ведётся г. Арцыбашевым с первой страницы до последней – без единой поблажки».

Начал я с «Санина», потому что «Санин» прославил Арцыбашева. Роман переводили, писателя обвиняли в порнографии. Даже кое-где возникали судебные процессы по этому поводу.

Но «Санин», появившийся в 1907 году, был далеко не первой книгой Арцыбашева. Сам писатель считал лучшим своим произведением «Смерть Ланде» (1904). После того, как книгу заметили, он отказался от карьеры художника, о которой поначалу подумывал.

Он издал двухтомник «Рассказов» (1905–1906). А после «Санина» роман «У последней черты» (1910–1912), где описывается самоубийство сразу семи героев.

Недаром немецкий славист Вольфганг Казак написал в своём «Лексиконе»: «*Главное у Арцыбашева – свободная любовь, насилие, эгоизм, описания убийств, казней, самоубийств, предсмертных судорог; изображение рассчитано на то, чтобы шокировать читателя*».

Разумеется, преследуя в литературе такие цели, Арцыбашеву нечего было рассчитывать на счастливую писательскую жизнь в России после революции. И он поспешил в эмиграцию.

Эмигрировал в Польшу. Стал одним из руководителей газеты «За Свободу!», где под общим заглавием «Записки писателя» печатал обзор общественно-политической жизни. Он собрал эти статьи и выпустил отдельной книгой «Записки писателя» (1925). По мне, лучшая его книга.

В Варшаве он продолжал выпускать и художественные свои вещи. Но они такого успеха, как когда-то в России, не имели. Умер в Варшаве 3 марта 1927 года. Родился 5 ноября 1878-го.

4 МАРТА

Поэт Николай Отрада был членом литературного кружка при Сталинградском тракторном заводе. Первые стихи напечатал в заводской многотиражке и в «Сталинградской правде».

Он поступает одновременно на очный Сталинградского педагогического института и на заочный Литературного. С 1939 года перешёл на дневное отделение Литературного института.

В декабре 1939 года добровольцем ушёл на финский фронт. 4 марта 1940 года попал в окружение и был убит. Его друг и сокурсник Арон Копштейн попытался вытащить тело товарища и тоже погиб. Родился Николай Отрада 26 декабря 1918 года. И, стало быть, погиб он в 21 год.

Стихов он написал не так уж и много. Но они сохранились:

Гуси летят в закат,
Розовый, как крыло;
В перистые облака
Рвутся они напролом.
Милая! Посмотри —
Гуси летят в Тибет,
Стая, другая, три.
Больше их, больше там,
В воздухе голубом,
Но я не хочу летать,
Я не могу летать —
Я хочу быть с тобой.

5 МАРТА

Я всегда оживлялся, когда в «Литературную газету» приходил прекрасный критик Станислав Рассадин. Вычитав гранки очередного своего блистательного фельетона и дождавшись конца моего рабочего дня, он вместе со мной выходил из здания. Мы шли по Цветному, Рождественскому, Тверскому, Суворовскому, и говорили, говорили, говорили. Сворачивали к Библиотеке Ленина, где Рассадин садился на троллейбус, который вёз его на Ленинский проспект, а я шёл домой на Арбат.

Рассадин жил на Воробьёвском шоссе, которое окрестные жители называли «Воробьёвкой». Потом его переименовали в улицу Косыгина. И в полном соответствии с речевыми и психологическими законами её окрестили «Косыжкой».

Нас связывали не просто профессиональные интересы и приятельство, нас связывала дружба.

Я и сам не заметил, как оказался в сильнейшей зависимости от его манеры мыслить и выражать эти мысли. Для меня он был Мастер, и я охотно пошёл к нему в подмастерья.

Я помню, как однажды Лёня Миль привёл меня в комнату Юрия Домбровского на Сухаревке, где среди прочих гостей сидел писатель Юрий Давыдов, только что издавший какой-то исторический роман и подаривший его Домбровскому. Юрий Осипович надел очки, полистал книгу и, сказав: «Слушай, да ты же написал прекрасную прозу!», стал её читать вслух. Проза звучала действительно очень поэтично. Я посмотрел на Юру Давыдова. Он побледнел и сказал Домбровскому: «Хватит паясничать!» «Ну, как хочешь», – согласился тот и снял очки. Оказалось, что Юрий Осипович Домбровский читал не текст Давыдова, а отредактированный им самим – на лету.

Сказать Рассадину так же, как Давыдов Домбровскому, у меня не хватало духу. Как правило, мы с ним уезжали работать вместе. То есть, в свой зимний отпуск я брал путёвку в тот же Дом творчества, куда и он с женой Алей (чаще всего это были Дубулты). Он писал помногу – иногда до печатного листа в день! И при этом по нескольку раз в день заходил в мой номер, читал написанное мною, зверски меня ругал, а чаще всего – вырывал лист из машинки, вставлял чистый и переписывал мои мысли.

Я ощущал себя третьеразрядником, которому ставит руку гроссмейстер. Я малодушно принимал всё им написанное, объясняя самому себе, что лучше всё равно написать не смогу. И в результате стал так же в нём нуждаться, как наркоман в дозе. Да, у меня началась самая настоящая творческая ломка. Любую

реплику, любую маленькую заметку я прочитывал ему по телефону и нередко послушно рвал, слыша от него жёсткое: «Выкинь это в корзину!»

Всё, написанное мною до нашей встречи со Стасиком, мне казалось ужасным (это так и было!). А подтянуться до уровня его профессионализма я не только не мог, но ощущал, что не смогу никогда. Наше странное (очень-очень мягко говоря) «соавторство» стало приносить душевные муки. Сам удивляюсь, что меня оно не сломало психически. Но поломало изрядно.

Однажды в тех же Дубултах на совещании молодых критиков, куда я, только что принятый в союз писателей, поехал помощником руководителя семинара, на обсуждении какой-то моей статьи критик Иосиф Львович Гринберг сказал, что она очень напоминает ему по стилю статьи Станислава Рассадина. Я усмехнулся про себя: *напоминает*? Да она практически вся им переписана!

В своё оправдание скажу, что я любил Стасика. И моя любовь к нему была совершенно бескорыстна. Я восхищался им, гордился дружбой с ним и прощал присущую ему по отношению к друзьям (и значит, ко мне тоже!) хамоватость, не потому что зависел от него, а потому что объяснял себе это бронёй, в которую человек вынужден облачать свою очень легко ранимую душу.

Оглядываясь назад, я ничего кроме благодарности к Рассадину не испытываю. Его жёсткая, даже жестокая школа помогла мне в обретении профессионализма. И мне трудно представить, что было бы со мной, не встреться на моём пути этот глубоко когда-то во мне заинтересованный человек.

Поэтому и вспоминаю его, родившегося 5 марта 1935 года, добром. Умер 20 марта 2012 года.

* * *

Александр Маркович Гаркави (родился 5 марта 1922 года) окончил Ленинградский университет в 1947-м. В этом же году опубликовал первую свою работу «Некрасов и Лермонтов», которую сильно разругали в печати. Правда, вкупе с Гуковским и Ямпольским.

Хуже было, что, защитив диплом у Эйхенбаума, и получив от последнего направление в аспирантуру, он столкнулся с партбюро, которое его не поддержало, мотивируя тем, что Гаркави – кабинетный учёный.

Поскольку в период борьбы с космополитами Эйхенбаум оказался лакомой мишенью, Гаркави стал писать диссертацию у

В.Е. Евгеньева-Максимова. В 1951 году Гаркави защищает диссертацию и получает приглашение к сотрудничеству в издании Полного собрания сочинений и писем Некрасова. Но не в штат. В штат он должен был устроиться сам.

Он нашёл место в Калининградском государственном педагогическом институте, где проработал с 1951 по 1980 год. То есть, по год его смерти. Он умер 9 октября 1980 года на посту заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы.

Труды Гаркави были посвящены публикации и распространению некрасовских произведений в нелегальной печати. Уже в «Учёных записках Ленинградского государственного университета» в 1957 году Гаркави опубликовал «Список цензурных дел о произведениях Некрасова», где указал 187 дел, из которых 81 ни разу до этого не упоминалось в научной литературе. В 1956 году Гаркави отыскал ранее неизвестное сочинение Некрасова «Сказку о добром царе, злом воеводе и бедном крестьянине».

Поклонником таланта Гаркави был Корней Иванович Чуковский, который, получив от Гаркави оттиск брошюры, пророчески пошутил: «Древний Кёнигсберг становится оплотом некрасоведения».

Что ж. Гаркави оставил более 130 научных трудов. Большинство из них не утратили своей научной ценности и до сего времени.

* * *

Василий Кириллович Тредиаковский (родился 5 марта 1703 года) учился в школе монахов-капуцинов, но, чтобы не принимать сана, убежал в Москву и поступил в Славяно-греко-латинскую академию.

В 1726 году, не кончив курса академии, уехал в Голландию, где пробыл два года. После пришёл в Париж, где учился в Сорбонне математическим и философским наукам, слушал богословие.

В Россию вернулся в 1730 году. Издал перевод романа Поля Тальмана «Езда в остров любви». К переводу приложил собственные стихи на русском, французском и на латыни. В предисловии к роману впервые высказал мысль об употреблении в литературных произведениях русского, а не церковнославянского языка, как было принято.

В 1745 году избран академиком.

Он перевёл и издал девятитомную «Древнюю историю»

Шарля Роллена, шестнадцатитомную «Римскую историю» того же автора. В 1766 он издал «Телемахиду» – вольный перевод романа Франсуа Фенелона «Приключения Телемака» – бестселлера того времени. Но перевод Тредиаковский выполнил гекзаметром. Из-за чего он был осыпан градом насмешек, в том числе и императрицы.

Василий Кириллович один из основателей силлабо-тонического стихосложения в России. До него поэзия строилась на силлабической основе, то есть ударения были не упорядочены. Считали только количество слогов в строке (так писали в Польше). Но Тредиаковский предложил обновить традиционные размеры силлабического стихосложения (13– и 11-сложник) путем введения постоянного ударения и цезуры.

Он дал также определение различных жанров: сонета, рондо, эпистолы, элегии, оды.

С критикой такой системы выступил Ломоносов. Именно он указал, что, кроме хорея, можно использовать ямб и трёхдольные размеры – дактиль, амфибрахий, анапест. Ломоносов оспорил и утверждение Тредиаковского, согласно которому в стихе могут быть использованы только женские рифмы. Ломоносов кроме них ввёл в русский стих мужские и дактилические рифмы.

Ломоносов считал, что для героических произведений подходит ямб, а хорей подходит только элегии. Ломоносова поддержал Сумароков. Тредиаковский был против категорически. Спор завершился весьма оригинально. Три поэта выпустили книгу «Три оды парафрастические псалма 143». В ней один и тот же псалом был переведён Ломоносовым и Сумароковым – ямбом, а Тредиаковским – хореем.

Тредиаковский умер 27 августа 1769 года. Оставшись в литературе, с одной стороны, гениальным новатором, с другой, – нередко плохим стихотворцем.

* * *

Алексей Иванович Фатьянов (родился 5 марта 1919 года) поступил в театральную студию Алексея Денисовича Дикого при театре ВЦСПС, по окончанию которой был принят в театральную школу актёрской труппы Центрального Театра Красной Армии. Играл в спектаклях – с 1940 года в ансамбле Орловского военного округа.

В 1942-м встретился с композитором Василием Соловьёвым-Седым. Их содружество дало нашей песенной поэзии поистине золотой репертуар.

Где-то в Интернете проскочило, что Фатьянов был удостоен сталинской премии. Но подтверждения этому я не нашёл. Скорее всего, его выдвигали на сталинскую премию, но в знаменитом постановлении ЦК по фильму «Большая жизнь» он, автор песни, назван «певцом кабацкой меланхолии». Потому и не стал лауреатом. Хотя из всех песенников на премию имел самое большое право.

Что Фатьянов злоупотреблял алкоголем, не пишет только ленивый. Но с другой стороны, представьте его состояние, его самоощущение. Ошибочно думать, что поэты не знают себе цены. Очень даже знают.

Фатьянов был гениальным песенником. У одних хорошие песни появлялись часто, у других – реже. У Фатьянова – ВСЕГДА! И это притом, что он написал 200 песен.

Другое дело, когда он брался не за свой жанр. Писал поэмы «Наследник», «Хлеб». Они подтверждали: не был Фатьянов эпиком. Он был автором возрождённого им жанра народной песни.

Умер Алексей Иванович 13 ноября 1959 года.

6 МАРТА

Зиновий Михайлович Вольшонок (родился 6 марта 1934 года) впервые напечатался со стихами в 1962 году у Твардовского в «Новом мире».

Первая книга вышла в Харькове в 1964 году. В Союз писателей его приняли в 1969 году.

Но киевские власти всё делали для того, чтобы воспрепятствовать появлению стихов Вальшонка. Набор его новой книги рассыпан в 1970-м. Чтобы не голодать, он несколько лет работает ночным сторожем.

В 1976-м переехал в Москву. В его творческой судьбе принимают участие самые разные литераторы – от Бориса Чичибабина до Арсения Тарковского.

В дальнейшем Вальшонок становится признанным литератором. Он автор более сорока книг и прозы, автор Собрания сочинений в семи томах. Он – лауреат нескольких литературных премий и автор популярных песен, написанных композиторами на его стихи.

Одно из лучших стихотворений Вальшонка:

Увалы Дробицкого Яра
огнём осеннего пожара
испепеляющее горят.
В траве и ветках дикой груши
парят расстрелянные души,
горюют, молятся, скорбят.
Вот этот кустик цвета меди
носил когда-то имя Мендель,
он был сапожник и трепач.
Тот одуванчик на полянке
никто иной, как ребе Янкель,
весёлый харьковский скрипач.
В ромашке – призрак человека;
библиотекарша Ревека
вдыхает солнечную пыль.
А там, в круженье листьев прелых,
танцует вечный танец «Фрейлехс»
босая девочка Рахиль.
«Жи-ды!..» – предатели орали,
когда толпу фашисты гнали
сюда, на тракторный завод.
Людей в евреях отрицая,

толкали в яму полицаи
калек, и старцев, и сирот.
Как вещий символ катастрофы,
мать восходила на Голгофу,
собой прикрывши малыша.
Хор автоматов монотонно
отпел библейскую Мадонну,
мольбы и выкрики глуша.
Я тот малыш, и невидимкой
лежу с убитыми в обнимку
в том окровавленном яру.
С презрительной нашивкой «юде»
среди затравленного люда.
Я – мёртв… И дважды не умру.
Давным-давно всё это было…
Из черносотенного пыла
не оградили реки слёз.
Не жаль погромщикам усилий,
чтоб в старом эйхмановском стиле
еврейский разрешить вопрос.
На склонах Дробицкого Яра
от оружейного угара
ещё туманится роса.
И тридцать тысяч монолитно,
как поминальную молитву
возносят к небу голоса.

* * *

На сегодняшний день, может быть, лучший писатель России. Хотя Фазиль Абдулович Искандер (родился 6 марта 1929 года) из-за болезни несколько лет ничего не писал.

Но его «Сандро из Чегема», очевидно, сродни «Гаргантюа и Пантагрюэлю», «Гулливеру», «Евгению Онегину», «Войне и миру» и другим гениальным произведениям человечества.

Трудно, конечно, представить ситуацию, при какой «Сандро из Чегема» не был бы написан. Что ж. Искандер был бы в этом случае замечательным писателем: автором «Созвездия Козлотура», «Кроликов и удавов». Искандер был бы великолепным летописцем Чика – живого, умного, наблюдательного, доброго мальчика. Искандер оставался бы прекрасным бескомпромиссным поэтом:

Эта страна, как огромный завод, где можно ишачить и красть.
Что производит этот завод? Он производит власть.
Власть производит, как ни крути – хочешь, воруй и пей!
Ибо растление душ и есть – прибыль, сверхприбыль властей.
И вещество растленных душ (нация, где твой цвет?)
Власти качают для власти, как из кита спермацет.
Как время крестьянам погоду ловить – самая благодать! —
Как время женщину удержать и время с женщиной рвать,
Так, думаю я, для каждой страны есть исторический миг…
Встань за свободу и стой стоймя! Не устоял – не мужик.
Мы прозевали время своё, прошляпили, протрепав.
В этой стране все зыбко плывёт, даже тюремный устав.
Мы припозднились, гоняя дымы, вина, шары, чаи,
Глянул в окно, а там давно гниют, фашизея, свои.

Наконец, Искандер оставался бы со своим удивительным афористическим языком. Кажется, что он провидит в жизненных парадоксах защиту самой жизни от нежизни:

«*Удивительно, что во всей мировой литературе самые пронзительные, самые потрясающие образы людей с прекрасной душой обязательно связаны с тем, что они умственно неполноценны. Таков Дон-Кихот Сервантеса, князь Мышкин в «Идиоте» Достоевского, таковы «Старосветские помещики» Гоголя, «Простая душа» Флобера, Герасим в «Муму» Тургенева, Матрёна в «Матрёнином дворе» Солженицына.*

Не о них ли сказано в Писании, что нищие духом первыми войдут в Царство Небесное? Но почему именно они отличаются такой привлекательной силой? Не потому ли, что нормальный развитый ум обладает способностью к самозащите. Что бы мы ни говорили, развитый ум прежде всего развивается для самозащиты. Кроме того, множеством вопросов, возникающих в нём, он невольно отвлекает душу от её главного дела.

И только эти люди, безоружные и беспомощные, как дети, брошенные в наш звериный мир, творят единственное, что они могут: любовь, добро. И они обречены погибнуть. И тут мы, так сказать, умственно полноценные люди, потрясаясь и выпрямляясь, хотя бы на время, догадываемся, что именно они лучше всех выполняли главное предназначение человека в этом мире – творить добро. А если это так, они-то и были самыми умными

людьми – умом сердца.

В таком случае слава и уму писателей, создавших образы этих людей, как знак преклонения перед ними, как знак несуетности и ненапрасности своего ума».

То есть и без «Сандро из Чегема» Искандер оставался бы великолепным писателем. Но с «Сандро» он – писатель великий!

Эта заметка потребовала трагического окончания: 31 июля 2016 года Фазиль Искандер скончался.

* * *

Самым известным трудом Николая Фёдоровича Остолопова является «Словарь древней и новой поэзии» (ч. 1–3; 1821), над которым он работал 14 лет. Словарь основан на произведениях европейских классицистов и раскрывает историю и толкование многих литературных терминов.

Вот, к примеру, мы встретили у Остолопова термин «романический или романтический». Историей этого термина словарная статья заканчивается: «Происхождение слова романический относят к тому времени, как распространившиеся по Галлии войска Цезаря начали вводить в оной римский язык: из смешения двух языков произошло наречие, названное romanus, романическим. Первые книги в Галлии писаны сим наречием и от того получили имя романов, а как в них ничего не могло быть, кроме описания происшествий военных, любовных или волшебных, то и по сиё время таковые сочинения в стихах называются поэмами романическими, а в прозе просто романами; небольшим же стихотворениям, описывающим часть какого-либо происшествия, дано имя романсов».

Сам же термин истолкован так: «Поэма романическая есть стихотворческое повествование о каком-либо происшествии рыцарском, составляющем смесь любви, храбрости, благочестия и основанном на действиях чудесных. От героической поэмы различествует как по содержанию своему, так и по самой форме; ибо содержание в ней бывает всегда забавное, а форма, требуемая героическою поэмою, как то в рассуждении приступа, разделения, и даже самого рода стихов, изменяется по воле автора, между тем как в героической требуется непременное последование принятым правилам. От герои-комической же поэмы отличается тем, что оная описывает происшествие, хотя также забавное, но не рыцарское, и по большей части принадлежащее к настоящему времени, то есть к тому, в которое пишет автор».

Опирается в этих рассуждениях Остолопов на отрывки из

поэмы Пушкина «Руслан и Людмила».

То есть, по существу это была первая русская литературная энциклопедия. Так же, как одним из первых опытов литературного комментария в России явился написанный Остолоповым «Ключ к сочинениям Державина с кратким описанием жизни сего знаменитого поэта» (1822).

Был Остолопов ещё и поэтом. Писал басни, пасторальные, патриотические стихи. Входил в «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств». Кандидат на вступление в него прочитывал какую-нибудь свою работу, на основании которой решалось, принять его в «Общество» или нет. Остолопова приняли в 1802 году, прослушав его басню «Зяблик»:

Зяблик, летая,
Вольность хвалил;
Чижичек в клетке
Слушал его.
«Милая вольность! —
Зяблик сказал. —
Ты мне дороже
В свете всего!
Там я летаю,
Где захочу, —
Нет мне преграды
Вечно нигде.
В роще, долине,
В тёмном лесу,
Лишь пожелаю,
Быть я могу.
Здесь я с подружкой
Милой резвлюсь,
Там, с нею сидя,
Песни пою.
Всё мне к веселью
Служит везде, —
Всё мое счастье,
Вольность, в тебе!
Чижичек! – полно
В клетке сидеть,
Станем со мною
Вместе летать!»
Только лишь зяблик
Речь окончал,
Видит мой зяблик —

Коршун летит.
«Где мне укрыться?..» —
Чуть он успел
В страхе ужасном
Только сказать, —
Коршун стрелою
Вмиг налетел,
Вмиг вольнодумца
В когти схватил.
Чижичек вздрогнул,
Сел в уголок
И потихоньку
Так говорил:
«Мне здесь и в клетке
Жить хорошо,
Только б хозяин
Добренькой был».

Надо сказать, что басня не лишена актуальности и сегодня. Свобода лучше, чем несвобода? А свобода быть предоставленным самому себе, самому о себе заботиться лучше, чем неволя, в которой твоё благополучие полностью зависит от тюремщика? Речь не о том, как мы словесно отвечает на это, но о том, как мы на это отвечаем делами. Так называемый конформизм – скрытный личный выбор в пользу несвободы.

Скончался Николай Фёдорович 6 марта 1833 года. Родился 3 ноября 1783-го.

7 МАРТА

Владимир Алексеевич Чивилихин (родился 7 марта 1928 года) печататься начал в 1946 году.

В 1954 году окончил факультет журналистики МГУ.

В 1957 году опубликовал повесть «Живая сила». За повести «Про Клаву Иванову», «Серебряные рельсы» (все – 1964), «Ёлки-моталки» (1965) удостоен премии Ленинского комсомола (1965). За книгу «По городам и весям» (1976) – Госпремии РСФСР им. Горького (1977). Наконец, за роман-эссе «Память», вышедшем в двух книгах – Госпремии СССР (1982).

«Память» – это размышление автора на темы ранней истории Руси. Чивилихин резко критикует Льва Гумилёва за его утверждение о симбиозе Великороссии с Золотой Ордой.

Поначалу «Память» была поддержана группой так называемых патриотических писателей. До тех пор, пока против неё резко выступил критик В. Кожинов, защитивший Л. Гумилёва и обвинивший В. Чивилихина в дилетантстве (справедливо!).

Надо сказать, что в «Памяти» Чивилихин высказал версию, что автором «Слова о полку Игореве» является его главный герой – князь Игорь Святославович, а дата создания «Слова» – конец жизни князя. Он не был здесь первым. Ещё в 1967 году Н.В. Шарлемань в своём докладе в киевском Доме учёных стремился доказать, что «Слово» создал сам князь Игорь. Но утверждать, что Чивилихин был знаком с этим докладом у нас нет оснований: напечатан доклад Шарлеманя был только в 1985 году. В 1978 году предположение об авторстве Игоря высказал в «Литературной России» поэт Игорь Кобзев. Его Чивилихин прочесть мог. Но развил эту гипотезу намного подробней в «Памяти» (благодарю А. Чернова за это указание).

Такая версия опровергнута многими учёными.

Чивилихину повезло: госпремию за «Память» Чивилихин получил до того, как эту вещь стали критиковать Кожинов, а с его подачи и другие писатели-«патриоты».

А выступи Кожинов раньше, и Чивилихин мог остаться без премии.

Умер 9 июня 1984 года.

8 МАРТА

Иван Фотиевич Стаднюк (родился 8 марта 1920 года) в 1941 году окончил военно-политическое училище. Воевал, стало быть, как политрук. Но выступал как сотрудник фронтовых газет.

После войны написал несколько повестей и несколько киносценариев. В том числе «Максим Перепелица» (1955).

В 1965–1972 годах работал заместителем главного редактора журнала «Огонёк». Ушёл писать большое эпическое полотно «Война». Написав 3 тома, довёл повествование до июля 1941 года.

Разумеется, он не только писал. Был секретарём Московской писательской организации, членом правления Союза писателей СССР. Возможно, поэтому, не дожидаясь окончания «Войны», ему уже в 1983-м вручили Госпремию СССР. А сразу после перестройки ему стало не до «Войны». Он написал «Исповедь сталиниста» (1993). Хотя мог бы и не исповедоваться: «Война» очень чётко обозначила его пристрастия.

Умер 30 апреля 1994 года.

* * *

Орест Михайлович Мальцев (родился 8 марта 1906 года) участвовал в освобождении Западной Украины и Северной Буковины. В 1941–1945 работал в дивизионной газете. Опубликовал несколько рассказов, повесть «Весенняя свежесть» (1961), романы «Горы тронулись» (1929), «Поход за Дунай» (1960), «Блики на море» (1967).

Можно с уверенностью утверждать, что ни он сам, ни эти его вещи не остались бы в литературе, если б не роман «Югославская трагедия» (1951), отмеченный сталинской премией 2 степени.

То есть, по лживости изложения событий и явно заказному характеру этот роман остаётся не в истории литературы, а в истории литературных скандалов.

Мальцев написал пасквиль. Он оболгал даже партизанское движение в Югославии, представив его сочувствующим фашистам.

Что же до руководителей Югославии Тито, Ранковича, то они действуют как заядлые американские шпионы: ведут двойную игру со Сталиным, который, разумеется, их насквозь видит.

Мальцев умер 26 мая 1972 года. То есть через много лет после нормализации советско-югославских отношений и восстановления исторической правды. Неужели не стыдился

своей чудовищной лжи? Или поступал, как один наш редактор-член редколлегии «Литературной газеты», которого в узком кругу упрекнула одна только что познакомившаяся с ним женщина: как он может спокойно относиться к тому, что его отдел публикует откровенное враньё о Солженицыне. «А что я, – заюлил член редколлегии, – я человек подневольный!» И уже через короткое время забыл об этом упрёке.

* * *

Помню недовольство одного нашего общего с Чухонцевым друга, когда Олег прочитал своё двустишие:

Во сне я мимо школы проходил
И, выдержать не в силах, разрыдался.

Друг не соглашался признавать эти строчки стихами. По его оценке, Чухонцев написал необработанный черновой набросок.

Я и тогда не согласился с ним. И сейчас, перечитав двустишие, не согласен.

Давайте поэкспериментируем – поменяем слова в двустишии местами:

Я мимо школы проходил во сне
И разрыдался, выдержать не в силах.

Что-нибудь изменилось? Изменилось. Оказавшись на периферии, выведенное из-под прежней ударности обстоятельство места «во сне» поменяло жанрово-видовой характер высказывания, сделав его **прозаической** констатацией факта, **прозаическим** куском, обрубком неоконченной слегка ритмизованной **прозы**.

Или, если угодно, **началом** стихотворения. Человек сообщает о своей впечатлительности или лучше сказать – о своей сентиментальности: школа, мимо которой ему довелось проходить во сне, так подействовала на него, что он разрыдался, не в силах сдерживаться. Однако почему школа вызвала нервное потрясение у спящего, он не объяснил. Естественно поэтому ждать, что сообщение будет продолжено.

А двустишие Чухонцева никаких дополнительных мотивировок не требует.

«Во снЕ Я…» – йотированный «я» («йа), продолжающий

гласный «е», словно передаёт всхлипывание спящего. К тому же такое продолжение сообщения «во сне» сцепленным с «я» как бы продлевает слезливое состояние спящего, которое, как выясняется, есть борьба героя с самим собой. И борьбу эту, как зафиксировал конец стихотворения, герой проиграл, не смог сдержаться, – «разрыдался». Конечно, видение школы тут очень важно. Как душевный повод, то есть как импульс зародившегося чувства, всю полноту которого – от возникновения до проявления – вобрало в себя двустишие Чухонцева.

На мой вкус, Олег Григорьевич Чухонцев (родился 8 марта 1938 года) является выдающимся писателем современности. С самого начала он не был, так сказать, начинающим. Что отмечали все писавшие в шестидесятых о Чухонцеве. Я имею в виду благожелательные отзывы. И только на журнальные публикации. Потому что первую книжку ему пришлось назвать «Из трёх тетрадей» – и друзья даже по названиям знали, что одна «тетрадь» должна была именоваться «Замысел» (1960), вторая – «Имя» (1966) – вышла эта книжка в 1976-м, когда, наконец, развеялся скандал, затеянный работником ЦК Мелентьевым, который под псевдонимом оповестил литературную общественность, что стихотворение «Повествование о Курбском» на самом деле представляет собой апологию генерала Власова.

Да и вышла книжка «Из трёх тетрадей» сильно урезанная цензурой. Как, впрочем, и следующая «Слуховое окно». Не поленитесь, сравните стихи в них с теми же стихами, но уже не общипанными цензором. Вы убедитесь, что иные стихи отрезаны чуть ли не наполовину.

Только с книги «Ветром и пеплом» (1989) предстал перед читателями настоящий Чухонцев – умный, гуманный, ироничный. Очень, надо сказать, разный. В этом смысле он несколько похож на Пастернака – вроде с каждой новой книгой и он новый. И в то же время не настолько, чтобы не отличить его от старого.

Вот давнее его стихотворение, нисколько не устаревшее. Поэт взял для него эпиграф из «Слова о полку Игореве»: «*Что ми шумить что ми звенить давеча рано пред зорями*»:

Зычный гудок, ветер в лицо, грохот колес нарастающий.
Вот и погас красный фонарь – юность, курящий вагон.
Вот и опять вздох тишины веет над ранью светающей,
и на пути с чёрных ветвей сыплется гомон ворон.

Родина! Свет тусклых полей, омут речной да излучина,
ржавчина крыш, дрожь проводов, рокот быков под мостом, —

кажется, всё, что улеглось, талой водой взбаламучено,
всплыло со дна и понеслось, чтоб отстояться потом.

Это весна всё подняла, всё потопила и вздыбила —
бестолочь дней, мелочь надежд – и показала тщету.
Что ж я стою, оторопев? Или нет лучшего выбора,
чем этот край, где от лугов илом несёт за версту?

Гром ли гремит? Гроб ли несут? Грай ли висит над просторами?
Что ворожит над головой неугомонный галдёж?
Что мне шумит, что мне звенит издали рано пред зорями?
За семь веков не оглядеть! Как же за жизнь разберёшь?

Но и в тщете благодарю, жизнь, за надежду угрюмую,
за неуспех и за пример зла не держать за душой.
Поезд ли жду шли гляжу с насыпи – я уже думаю,
что и меня кто-нибудь ждёт, где-то и я не чужой.

9 МАРТА

Лев Вениаминович Никулин публиковался в одесской прессе.

До революции был дружен с Вертинским.

Принял большевизм. Участвовал в подавлении Кронштадтского восстания. В 1933–1938 году работал в редакции «Правды».

В 1951 году отмечен сталинской премией 3 степени за роман «России верные сыны».

Сотрудничал с органами НКВД. Умер 9 марта 1967 года (родился (20 мая 1891-го).

* * *

«О моей работе над переводом словаря Фасмера хочется рассказать особо.

Как известно, «Этимологический словарь русского языка» Макса Фасмера был выпущен издательством «Карл Винтер» в Гейдельберге в 1950–1958 годах, т. е. четверть века тому назад. Этимологические словари имеют свою судьбу, они стареют, как люди, которые ***их*** *пишут, они тоже не бессмертны. Их благополучие и продолжительность жизни зависят от того, как с ними обращаются и хорошо ли их «питают», – я имею в виду издания и дополнения. При этом, естественно, ни одно новое издание, ни одно дополнение не вправе считаться совершенным и полным, наиболее естественный ход вещей – это когда за хорошим следует лучшее (не будем сейчас говорить о возможности обратного). Прежде чем рассказать о своём опыте, я хотел бы отметить, касаясь собственного перевода и дополнений к словарю Фасмера, что полностью отдаю себе отчёт в тех или иных недостатках или неровностях этой работы […]*

Инициатива издания русского Фасмера в стране русского языка находит своё начало если не в предложениях московского съезда славистов (IУ Международный съезд славистов 1958 года), то, во всяком случае, в том прекрасном духе этого съезда и последующего за ним времени. 72-летний профессор западноберлинского университета Макс Фасмер прибыл в Москву (уже во второй раз после войны, первый раз был в 1956 году в связи с Международным комитетом славистов), принял участие в конгрессе, был глубоко потрясён тёплым приёмом. У нас все ещё помнят его трогательную речь в актовом зале Московского университета.

Короче говоря, вскоре возникла идея русского перевода его

словаря. Издательство иностранной литературы предложило мне заняться переводом, в январе 1959 года был заключён договор, и я принялся с воодушевлением за дело. В апреле 1961 года работа была окончена, и рукопись в 3200 машинописных страниц, примерно 160 авторских листов (оригинальный текст плюс этимологические и литературные поправки и дополнения переводчика), была передана редакции языкознания издательства. Те два года были для меня, молодого кандидата филологических наук, отличной школой […]

С окончанием перевода словаря Фасмера трудности не кончились. Скорее, наоборот. Перевод мог бы выйти из печати значительно раньше, на самом же деле публикация длилась 9 лет (1964–1973). Дело оказалось новым и не совсем обычным, издательские планы, как всегда, были перегружены, русский Фасмер нуждался в специальной печати, требовалась академическая типография.

От издательства «Карл Винтер» пришёл запрос (переданный мне устно профессором Гертой Хютль-Ворт), действительно ли мы планируем у себя русское издание словаря Фасмера – в Федеративной Республике Германии намеревались предпринять второе издание. Первое немецкое издание Фасмера насчитывало 2 тысячи экземпляров, если не ошибаюсь. Наше русское было в десять раз больше. К сожалению, сам Фасмер не дожил до его выхода. Но ещё перед смертью, в 1962 году, он узнал о намерении издать его словарь на русском языке. Несколько озабоченный этим, он написал академику В. В. Виноградову, тогдашнему академику-секретарю Отделения литературы и языка АН СССР. Как только я узнал о его опасениях, послал ему образец своего перевода с примерными дополнениями в квадратных скобках».

Это вспоминает академик Олег Николаевич Трубачёв.

Я же вспоминаю длинную очередь в Лавке писателей за подпиской на этот четырёхтомный словарь. Лично мне он принёс много облегчения в работе.

Трубачёв награждён золотой медалью В.И. Даля за «Этимологический словарь русского языка».

Был он выдающимся этимологом. Его работы посвящены как этимологии словарей и ономастике, так и этимологии отдельных слов, союзов, лексической семантике не только в русском, но и в славянских языках, но и в праславянских, то есть языках глубокой древности.

Получил премию Пушкина в 2001 году за работу «Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования».

Умер 9 марта 2002 года. Родился 23 октября 1930 года.

10 МАРТА

Даниил Семёнович Данин (родился 10 марта 1914 года) начинал печататься с очень хороших критических работ с 1938 года.

Окончил химический факультет МГУ в 1936 году, потом Литературный институт в 1941-м и тут же ушёл на фронт. Награждён орденом Красной звезды.

Автор трёх критических книжек «Чувство времени и поэтический стиль» (1940), «Пути романтики» (1947) и «Страсть, борьба, действие» (1948).

Но благодаря Николаю Грибачёву, чью поэму он раскритиковал, стал жертвой борьбы с космополитизмом. Был выгнан из всех литературных журналов и издательств. И ушёл из критики в научно-популярную литературу.

Здесь получил премию Всесоюзного общества «Знания» (1962), Ломоносовскую премию (1967), и Госпремию РСФСР им. братьев Васильевых за фильм «В глубины живого».

Умер 14 марта 2000 года.

Писал он замечательно. Вот кусочек об Осипе Мандельштаме:

«*Так являл ли собою нео– или просто ЛАМАРКИСТА Осип Мандельштам? Вполне годилось бы коротенькое «да!», если бы не вмешался в его биологические чтения Чарльз ДАРВИН. А вмешался он, в сущности, ещё раньше Ламарка, ибо уже в школьные годы, очевидно, учебная программа заставила мальчика что-то читать про естественный отбор. И в записках о «Литературном стиле Дарвина» сорокалетний Мандельштам признался: «В детстве я приучил себя видеть в Дарвине посредственный ум… Естественный отбор. Я спрашивал: стоило ли утруждать природу ради столь краткого и невразумительного вывода. Но познакомившись ближе с сочинениями знаменитого натуралиста, я резко изменил эту незрелую оценку». Да, теперь он уже не позволил бы себе отнести Дарвина к «научным дикарям XIX века»! Его покорило то, что он назвал «научной прозой» Дарвина. И только поэт мог написать то, что написал о «Происхождении видов» Мандельштам: «Бодрящая ясность, словно погожий денек умеренного английского лета, то, что я готов назвать «хорошей научной погодой», в меру приподнятое настроение автора заражает читателя, помогает ему ОСВОИТЬ ТЕОРИЮ ДАРВИНА». Короче: он, романтический поклонник Ламарка и друг неоламаркиста, сам со всей несомненностью стал искренним – не «марксистско-ленинским творческим», – а подлинным ДАРВИНИСТОМ*».

* * *

Михаил Афанасьевич Булгаков – выдающийся писатель XX века.

Врач по специальности, он воевал у белых и не покинул страну, потому что заболел тифом.

В конце сентября 1921 года переехал в Москву и стал сотрудничать в печати как фельетонист и репортёр.

С октября 1926 года в Москве с успехом шли «Дни Турбиных». Постановка этой пьесы была разрешена на год, но несколько раз продлевалась. Пьеса нравилась Сталину.

Но все остальные пьесы в лучшем случае доходили до премьеры, а потом запрещались.

Так, к примеру, в 1926 году с большим успехом в театре Вахтангова прошла пьеса «Зойкина квартира». И несмотря на поразительный успех, была запрещена.

Фактически та же история происходила с прекрасной прозой Булгаковой. Она тоже вся была под запретом. Причём не только при Сталине. Каждый рассказ, каждая новеллка, каждая повестушка печатались с огромным трудом, обдирая себе бока через главлитовскую решётку.

Я горд тем, что впервые у нас в стране напечатал рассказ Михаила Афанасьевича «Псалом» (в журнале «РТ-Программы»). Печатаю в отрывках:

«Первоначально кажется, что это крыса царапается в дверь. Но слышен очень вежливый человеческий голос:

– Можно войти?

– Можно, пожалуйста.

Поют дверные петли.

– Иди и садись на диван. (От двери). – А как я по паркету пойду?

– А ты тихонечко иди и не катайся. Ну-с, что новенького?

– Ницше.

– Позвольте, а кто сегодня утром ревел в коридоре?

(Тягостная пауза). – Я ревел.

– Почему?

– Меня мать наслёпала.

– За что?

(Напряжённая пауза). – Я Сурке ухо укусил.

– Однако.

– Мама говорит, Сурка – негодяй. Он дразнит меня, копейки поотнимал.

– Всё равно, таких декретов нет, чтоб из-за копеек уши людям кусать. Ты, выходит, глупый мальчик.

(Обида). – Я с тобой не возусь.

– И не надо.

(Пауза). – Папа приедет, я ему сказу. (Пауза). – Он тебя застрелит.

– Ах, так! Ну, тогда я чай не буду делать. К чему? Раз меня застрелят…

– Нет, ты цай делай.

– А ты выпьешь со мной?

– С конфетами? Да?

– Непременно.

– Я выпью.

На корточках два человеческих тела – большое и маленькое. Музыкальным звоном кипит чайник, и конус жаркого света лежит на странице Джером Джерома.

– Стихи-то ты, наверно, забыл?

– Нет, не забыл.

– Ну, читай.

– Ку…Куплю я себе туфли…

– К фраку.

– К фраку, и буду петь по ноцам…

– Псалом.

– Псалом… и заведу… себе собаку…

– Ни…

– Ни-це-во-о…

– Как-нибудь проживём.

– Нибудь как. Пра-зи-вё-ём.

– Вот именно. Чай закипит, выпьем, проживём.

(Глубокий вздох). – Пра-зи-вё-ём […]

– Ну, иди сюда, ко мне. Голову клади. Так. Сказку? Какую же тебе сказку рассказать? А?

– Про мальчика, про того…

– Про мальчика? Это, брат, трудная сказка. Ну, для тебя, так и быть.

Ну-с, так вот, жил, стало быть, на свете мальчик. Да-с. Маленький, лет так приблизительно четырёх. В Москве. С мамой. И звали этого мальчика Славка.

– Угу… Как меня?

– Довольно красивый, но был он, к величайшему сожалению, – драчун. И дрался он чем ни попало – кулаками, и ногами, и даже калошами. А однажды на лестнице девочку из 8-го номера, славная такая девочка, тихая, красавица, а он её по морде книжкой ударил.

– Она сама дерётся…

– Погоди. Это не о тебе речь идёт.

– Другой Славка?

– Совершенно другой. На чем, бишь, я остановился? Да… Ну, натурально, пороли этого Славку каждый день, потому что нельзя же, в самом деле, драки позволять. А Славка всё-таки не унимался. И дошло дело до того, что в один прекрасный день Славка поссорился с Шуркой, тоже мальчик такой был, и, недолго думая, хвать его зубами за ухо, и пол-уха – как не бывало. Гвалт тут поднялся, Шурка орёт, Славку порют, он тоже орёт… Кой-как приклеили Шуркино ухо синдетиконом, Славку, конечно, в угол поставили… И вдруг – звонок… И является совершенно неизвестный господин с огромной рыжей бородой и в синих очках и спрашивает басом: «А позвольте узнать, кто здесь будет Славка?» Славка отвечает: «Это я Славка». – «Ну, вот что, – говорит, – Славка, я – надзиратель над всеми драчунами, и придётся мне тебя, уважаемый Славка, удалить из Москвы. В Туркестан». Видит Славка, дело плохо, и чистосердечно раскаялся. «Признаюсь, – говорит, – что дрался, я и на лестнице играл в копейки, и маме бессовестно наврал – сказал, что не играл… Но больше этого не будет, потому что я начинаю новую жизнь». – «Ну, – говорит надзиратель, – это другое дело. Тогда тебе следует награда за чистосердечное твое раскаяние». И немедленно повел Славку в наградной раздаточный склад. И видит Славка, что там видимо-невидимо разных вещей. Тут и воздушные шары, и автомобили, и аэропланы, и полосатые мячики, и велосипеды, и барабаны. И говорит надзиратель: «Выбирай, что твоя душа хочет». А вот что Славка выбрал, я и забыл…

(Сладкий, сонный бас). – Велосипед!..

– Да, да, вспомнил – велосипед. И сел немедленно Славка на велосипед и покатил прямо на Кузнецкий мост. Катит и в рожок трубит, а публика стоит на тротуаре, удивляется: «Ну и замечательный же человек этот Славка. И как он под автомобиль не попадёт?» А Славка сигналы даёт и кричит извозчикам: «Право держи!» Извозчики летят, машины летят, Славка нажаривает, и идут солдаты и марш играют, так что в ушах звенит…

– Уже?..

Петли поют. Коридор. Дверь. Белые руки, обнажённые по локоть.

– Боже мой. Давайте, я его раздену.

– Приходите же. Я жду.

– Поздно…

– Нет, нет…И слышать не хочу…

– Ну хорошо […]

Мучительнее всего в жизни – пуговицы. Они отваливаются, как будто отгнивают.

Отлетела на жилете вчера одна. Сегодня одна на пиджаке и

одна на брюках сзади […]

– Пальцы у вас замечательные. Вам бы пианисткой быть.

– Вот поеду в Петербург, опять буду играть.

– Вы не поедете в Петербург… У Славки на шее такие же завитки, как и у вас… А у меня тоска, знаете ли. Скучно так, чрезвычайно как-то. Жить невозможно. Кругом пуговицы, пуговицы, пуго…

– Не целуйте меня… не целуйте… мне нужно уходить… Поздно…

– Вы не уйдёте. Вы там начнёте плакать. У вас есть эта привычка.

– Неправда. Я не плачу. Кто вам сказал?

– Я сам знаю. Я сам вижу. Вы будете плакать, а у меня тоска… тоска…

– Что я делаю… что вы делаете…

Конусов нет. Не светит лампа сквозь реденький сатинет. Мгла. Мгла.

Пуговиц нет. Я куплю Славке велосипед. Не куплю себе туфли к фраку, не буду петь по ночам псалом. Ничего, как-нибудь проживём».

Михаил Афанасьевич умер 10 марта 1940 года. Родился 15 мая 1891-го.

11 МАРТА

Анатолий Ефимович Горелов (родился 11 марта 1904 года) из тех, кто очень рано политически созрел в молодости. Работал в Выборгском райкоме ВЛКСМ. В 23 года вступил в партию.

В 1926 году был секретарём газеты «Смена». Также был ответственным редактором журнала «Звезда» в Ленинграде.

Весной 1931 года обком партии во главе с Кировым направляет Горелова и ещё несколько журналистов в Хибины для организации газеты «Хибиногорский рабочий». В 1931–1932 был её редактором, работал в Хибиногорске.

В 1934–1937 годах – первый секретарь Ленинградского отделения Союза писателей СССР. Участник Первого съезда советских писателей.

Но в 1937-м, когда Сталин почти везде меняет руководящие кадры, Горелов арестован. Приговорён к 10 годам тюремного заключения и пяти – к поражению в правах.

Однако через два года приговор был отменён, и дело Горелова рассматривалось снова. На этот раз приговор – 5 лет лишение свободы.

Наконец – третий суд в 1949-м и 1 июля 1950-го Горелов был сослан на поселение в Красноярский край.

Реабилитирован Горелов в 1954 году.

В «Пережитом» он вспоминает о себе и о жене:

«*Комсомолка двадцатых годов, Роза сохранила прямолинейную беспощадность суждений. Попав в условия лагеря, она сделала из этого неукоснительные политические и организационные выводы. Она порвала с партией, а позже не восстанавливалась в КПСС. Я же продолжал ощущать себя коммунистом и литератором, нравственно живя как бы вне заключения. Не берусь утверждать, что именно я поступил честнее. Мы оба были правы. Потеряв веру, Роза иначе поступать и не могла. Время сняло наши разногласия.*

Через девять лет после встречи у айкинской церкви меня снова арестовали в комнатке Розы. Снова попал в тюрьму, а там – в «особую камеру» с её обыкновенными обитателями и их необыкновенными историями.

Ещё через шесть лет, уже в Ленинграде, в 1955 году, мы с сыном дожидаемся прибытия поезда. Менее двух лет было Жене, когда он остался без матери и отца. И за ним приходили тогда, и его предназначали в детский отстойник, где сирот обучали благодарить за счастливую жизнь. Но бабушка спрятала внука. Так он уцелел. Теперь он студент.

Вместе встречали Розу, возвращающуюся из мест, где она

оставила восемнадцать лет своей жизни…»

Кто здесь прав: Горелов или Роза? Муж или жена?

Конечно, Горелов любил и хотел писать, хотел печататься. Он уже во время ссылки написал книгу «Подвиг русской литературы» (издана в 1957-м). И после освобождения выпустил «Очерки о русских писателях» и другие.

И всё же лично я не понимаю людей, приходящих из коммунистического лагеря, где их топтали, унижали, избивали, и продолжающих нравственно считать себя коммунистами.

Умер Горелов в декабре 1991 года.

* * *

Одно время (начало шестидесятых) их объединяли в некую группу поэтов-единомышленников: Владимира Цыбина, Анатолия Поперечного, Дмитрия Блынского.

Но с разницей разобрались быстро.

Владимир Дмитриевич Цыбин (родился 11 марта 1932 года) явно подражал поначалу Павлу Васильеву: крестьяне, похожие на казаков (они такими и были: уроженцы Киргизии), хлёсткий, размашистый стих. Не скажу, что Цыбину удалось до конца преодолеть это влияние, но постепенно оно отдавалось в его стихах очень глухо.

К сожалению, сам Володя Цыбин был человеком бесхарактерным. Поэтому несколько раз менял ориентировку: то это – комсомольский поэт, то – националистический, то напротив, интернациональный.

Была у Цыбина страсть – библиомания. Он собирал книги, собирал редкие книги, порой – редчайшие. Где он их держал до того, как получил квартиру в доме в Астраханском переулке, я не знаю. Знаю только, что ему и жене на двоих дали большую трёхкомнатную квартиру, и что одну из комнат он приспособил под библиотеку.

После этого его избрали сперва председателем объединения поэтов при Московской писательской организации (а председатели входили в её секретариат), членом правления СП СССР с 1981 года. Входил он во многое количество редсоветов, и везде вёл себя так, как нужно было начальству.

Умер 25 июля 2001 года.

Книг он выпустил много. Но, увы. Ранние стихи интересней поздних. Хотя поздние по объёму намного перекрывают ранние.

Впрочем, его стихи достаточно профессиональны:

В больнице умер инвалид,
и три солдатские медали
за то, что не был он убит,
теперь в ногах его лежали.
Чист пиджачишко, и чиста
на нём рубашка, галстук – криво.
Так обрядила медсестра
его для смерти суетливо.
Под плач привычный двух старух
прощался этот мир с солдатом,
и тополиный влажный пух
накрыл его,
как маскхалатом.
Один. Давно в земле жена.
А дети? Кто их знает – дети.
Она ещё жива, война,
с тех пор так и идёт на свете.
Так и не смог никто из нас
припомнить, воскресить слезою,
что он в прощальный, строгий час
любил забытою душою…

* * *

Дмитрий Дмитриевич Нагишкин в газетах печатался с 1929 года, но чаще всего как художник-график. В 1938-м он опубликовал первые сказки, по мотивам собранного им фольклора.

Наиболее известен как автор романа «Сердце Бонивура» (1944–1953), в основе которого судьба реального Виталия Борисовича Бонивура (настоящая фамилия Баневур), комсомольца, участника партизанского движения на Дальнем Востоке. Убит казаками.

Автор сборника сказок «Мальчик Чокчо» (1945), «Амурские сказки» (1946), «Храбрый Азмун» (1949). Посмертно опубликован роман «Созвездия Стрельца».

Дмитрий Дмитриевич попал под поезд 11 марта 1961 года в Риге. Родился 13 октября 1909 года.

12 МАРТА

Гриша Горин. Писатель и драматург Григорий Израилевич Горин родился 12 марта 1940 года и скончался 15 июня 2000 года, немало уже лет назад, но до сих пор не верится, что этого мудрого и жизнерадостного человека нет больше…

Как и его приятель Аркадий Арканов, Горин окончил медицинский институт, ещё прежде давший литературе и эстраде немало сатириков. Поначалу Горин с Аркановым выступали тандемом: печатались в «Юности», в «Литературной газете», с юморесками, с фельетонами с эстрадными монологами. Вместе они написали в 1966 году весёлую комедию «На всю Европу». Но потом каждый предпочёл выступать отдельно, обозначив свои различия: Аркадий более склонен к парадоксу, Гриша – к философичности.

А дальше пути друзей и вовсе разошлись. Арканов остался на эстраде, Горин стал писать для театра и кино.

Пьесы, которые написал Горин, очень памятны: «Забыть Герострата!», «Тиль», «Поминальная молитва», «Кин IV».

Конечно, не один только Григорий Горин «повинен» в успехе таких его пьес, как «Тот самый Мюнхгаузен», «Формула любви», «Дом, который построил Свифт». Он разделяет их успех с режиссёром Марком Захаровым. Как с кинорежиссёром Эльдаром Рязановым Горин-сценарист отвечает за массовую любовь зрителей, какая до сих пор сопровождает их фильм «О бедном гусаре замолвите слово…»

Последняя работа Горина – пьеса «Чума на оба ваши дома». Он назвал так пьесу, указывая на преемственность. Ведь известные эти слова впервые произнесены в трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта». А пьеса Горина явилась продолжением этой Шекспировой драмы. Поставил её Московский театр имени Маяковского.

А кроме того, телезрители, конечно, помнят передачу «Белый попугай», авторами которой вновь (с 1993 года) выступил тандем Арканов-Горин. Горин одно время был её соведущим с Юрией Никулиным. И, наверное, это были её лучшие годы: анекдоты, которые рассказывали Никулин и Горин, запоминались и передавались из уст в уста.

Оглушительная слава нисколько не испортила Гришу. Он оставался человеком, отзывчивым к чувствам других, мыслящим трезво и любящим не одних только друзей, но и людей вообще.

13 МАРТА

Я много раз встречался с Сергеем Владимировичем Михалковым, родившимся 13 марта 1913 года. (Скончался 27 августа 2009 года.) Был он, как и литератор, очень разным человеком: боялся любого партийного начальства, одобрял любой подарок, который ему давали на каких-нибудь днях литературы. Я ездил с ним в Хабаровский край. Насмотрелся, как он почти выпрашивал у партийного руководства какую-нибудь безделушку.

А уж как он любил получать грамоты! Казалось, зачем ему? «Н-нич-чего, – заикался он, – п-по-овешу! Пусть д-другие з-зав-видуют!»

Что говорить, его прозвище «лукавый царедворец», конечно, к месту. И дело не только в трёх бездарных редакциях гимна. Он таких гимнов (по смыслу, конечно!) написал великое множество.

Вот убедитесь:

ПЯТИЛЕТКА!

Слово это
Всем теплом страны согрето.
Как в насущный хлеб зерно,
В нашу жизнь вошло оно.
Это значит: год за годом
От завода до села
Труд советского народа
Воплощается в дела:
В миллионы тонн металла,
Чтоб страна сильнее стала,
В миллионы тонн зерна,
Чтоб сыта была она.
Это – уголь, это – руды
И цистерны молока,
Покорённая река,
Ясли, школы и повсюду —
НАШЕЙ
ПАРТИИ
РУКА![…]
Знают в школах все ребята,
Что в столице в феврале
Собирался
ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ
НАШ

ПАРТИЙНЫЙ СЪЕЗД
В КРЕМЛЕ.
Собирались делегаты,
Нашей партии солдаты, —
Совесть Родины моей,
Что несут сегодня Знамя
В авангарде, перед нами, —
ЗНАМЯ
ЛЕНИНСКИХ
ИДЕЙ.
Те, кто пашет, те, кто строит,
Ищет нефть, каналы роет,
Службу в армии несёт —
От глубин и до высот;
Кто алмазы добывает,
За ягнятами глядит,
Путь к планетам пробивает
И страной руководит.

Пришлось сильно сократить это стихотворение, которое от сокращения не стало ни хуже, ни лучше. Потому что с самого начала было никаким. Набором лозунгов.

А ведь с большой охотой публиковал подобные вирши. Кстати, ему, как лауреату ленинской премии, платили намного больше за строку, чем простому поэту!

14 МАРТА

Оба отдела русской литературы – Смоляницкого и русской критики – Синельникова попросили собраться в пустующем просторном кабинете члена редколлегии «Литературной газеты». Открылась дверь. Вошёл зам главного Кривицкий и представил нам улыбающегося Георгия Дмитриевича Гулиа (родился 14 марта 1913 года).

– Только что на редколлегии Георгий Дмитриевич согласился возглавить отдел русской литературы. Синельников и Смоляницкий утверждены его заместителями. Так что прошу любить и жаловать, – сказал Кривицкий и вышел, оставив нас с Гулиа наедине.

– Я вас, конечно, никого не знаю, – смеялся Гулиа. – Вы, значит, Михал Хананыч, по критике, а вы, Соломон Владимирович, – по публикациям. Нет? – удивился он, услышав возражения. – А как же?

Ему разъяснили.

– Отлично! – одобрил Гулиа и засиял ещё более ослепительной улыбкой. – Так и будем работать дальше. Надеюсь, что сработаемся! – и он жизнерадостно засмеялся.

Мы располагались на шестом этаже здания на Цветном бульваре, а у Гулиа был свой кабинет на пятом. Выезжать из него он не захотел. И никого из нас туда к себе не вызывал. Мы его вообще почти не видели. Встречались с ним только в тех редких случаях, когда собирались перед редколлегией обсуждать журнальные новинки, чтобы выработать общее мнение отдела.

Странные это были обсуждения.

– Лидия Георгиевна! – неизменно обращался Гулиа к секретарю нашего отдела, синеокой Катуниной, по чьей красоте и стройности никто бы не сказал, что ей уже перевалило за пятьдесят. – Соедините меня с Сухуми!

– Это какой Воронин? – останавливал он сотрудника Лёню Миля. – Из Ленинграда? Ну, и о чём он пишет?

Он прикрывал глаза и как бы подрёмывал, слушая Лёнин пересказ. Но немедленно оживлялся, когда Катунина сообщала ему, что Сухуми на проводе.

– Сейчас, – останавливал он Лёню, хватая трубку. И кричал в неё: – Лена, это ты? Это я, Георгий. Ну, как там у вас дела? Все здоровы? Как погода? Да у нас тут, – он морщился и неопределённо вертел рукой, – так-сяк. По-разному! А Витя где? Скажи ему, чтобы прислал немного вина, у нас кончается. А где Софья? В саду? Сходи за ней. Нет, я не буду класть трубку. Я

подожду.

– Продолжайте, – говорил он Лёне, не отнимая трубку от уха. Лёня заканчивал пересказ. Предлагал не заметить публикацию.

– Ну, как мы её можем не заметить? – не соглашался Гулиа. – Воронин в Ленинграде – большая шишка! – и снова оживлялся, почти мурлыча в трубку: – Софичка! Ну, как ты, дорогая? Как твоя нога? Мазь помогает? Я ещё пришлю. Какое спасибо, лишь бы ты была здорова! Ну, расскажи, чем вы там живёте? Хурму? Есть у нас ещё немного. Спасибо, спасибо! А где Миха? Ну, пусть возьмёт трубку.

Очевидно, за Михой надо было идти, потому что, не кладя трубку, он снова обращался к Милю:

– Нет, не заметить нельзя. Скажем, что дадим аналитическую, – он всегда произносил это слово, похохатывая. – Так что думайте, кто мог бы написать. А что у нас в «Новом мире»? Чья повесть? Я такого не знаю. Это что, молодой писатель? – и вдруг кричал в трубку: – Миха! Что ты сейчас делал, бездельник? Знаю, как работал! Небось, чачу пил с приятелями. Не пил чачи? Так я тебе и поверил! Когда собираешься ехать? Возьми у Вити вина. Нет, ты у Вити возьми, у него лучше!

Словом, своеобразное это обсуждение сильно затягивалось. Правда, проработал нашим начальником Гулиа недолго.

Однажды, когда мы вот так обсуждали с ним журналы и слушали его беседы с сухумскими родственниками и знакомыми, Синельникова вызвали к Чаковскому. А вернулся Синельников вместе с Кривицким как раз в тот момент, когда Гулиа разговаривал с Сухуми. Пообещав кому-то перезвонить, Гулиа положил трубку и услышал вместе с нами от Кривицкого, что редакторат затеял кадровую реорганизацию. В газете создаётся отдел публикаций русской прозы и поэзии, который возглавит Гулиа. А мы получаем нового руководителя – исполняющего обязанности редактора отдела русской литературы Михаила Ханановича Синельникова. Его заместителями решено назначить Смоляницкого и Чапчахова.

Как-то раз в Дубултах я поймал передачу радио «Свобода», посвящённую какой-то сталинской годовщине, кажется, 90-летию тирана. Автор передачи обильно цитировал статьи, напечатанные в декабре 1949-го года, когда людоед отмечал своё семидесятилетие, и с особенным тщанием статью в «Правде»: «Если ты, встретив трудности в борьбе или работе, вдруг усомнился в своих силах, – подумай о нём, о Сталине, и ты обретёшь нужную уверенность. Если ты почувствовал усталость в час, когда её не должно быть, – подумай о нём, о Сталине, – и

усталость уйдёт от тебя. Если ты замыслил нечто большое, нужное народу дело, – подумай о нём, о Сталине, – и работа пойдёт споро. Если ты ищешь верное решение, – подумай о нём, о Сталине, – и найдёшь это решение, – проникновенно читал диктор. – Сказал Сталин – значит, так думает народ. Сказал народ – значит, так подумал Сталин.

Приехав из Дубулт, я взял в библиотеке комплект «Правды» за 1949-й год и прочитал эту статью молодого тогда Георгия Гулиа, уже получившего сталинскую премию за книгу «Весна в Сакене», которую немедленно экранизировали.

Я застал Гулиа не только не сталинистом, но наоборот любившим рассказывать об исковерканных при Сталине человеческих судьбах. Его отец Дмитрий Гулиа считается чуть ли не основоположником абхазской литературы, во всяком случае, выдающимся абхазским поэтом. Не зная языка, не могу это подтвердить или опровергнуть. А сын писал на русском. «Весну в Сакене» я не читал, но фильм по этой книге видел. Очень давно. Многого, конечно, в нём не помню. Но его начало не забыл. Он начинается с того, как возвращается с войны на свою родину солдат. На солдате безукоризненно подогнанная по фигуре гимнастёрка с подрагивающими на груди многочисленными наградами. Он идёт горной тропой, подставляет ладони под весело сбегающий с высоты водопадик, умильно смотрит на стадо упитанных коров, на луг, где щиплют траву ухоженные козы и овцы. И вот он у цели. Домик. Солдат медленно оглядывает двор. Вот девочка созывает кур, насыпая им в кормушку зерно. Вот мальчик играет с собачкой. А вот женщина сидит на маленькой скамеечке возле большого казана, куда забрасывает овощи, которые чистит. Она поднимает глаза. Видит солдата. Встаёт. Её глаза светятся счастьем. Она протягивает руку и обводит ею всё вокруг:

– Посмотри, как похорошела наша Абхазия!

Это встреча мужа с женою, которые несколько лет не виделись. Это первая фраза, которая сказала жена мужу, вернувшемуся с войны.

Конечно, режиссёр фильма вряд ли буквально перенёс на экран текст книги Гулиа. Но он действовал по её мотивам, по мотивам той литературы, которую я книгу за книгой проглатывал в детстве, не слишком ощущая разницы между ними: «Кавалер Золотой Звезды» и «Семья Рубанюк», «Я сын трудового народа» и «Борьба за мир», «Ясный берег» и «Белая берёза».

Назначение Гулиа заведующим всеми русскими публикациями в «Литературке» сильно укрепило его позиции в издательском мире. Он и прежде не испытывал проблем с

выпуском своих книг: многолетний работник «Литгазеты», он был ещё и членом ревизионной комиссии большого союза, то есть союза писателей СССР. Но недаром в нашем «Клубе 12 стульев» существовала рубрика «Ты – мне, я – тебе». То, над чем потешались на шестнадцатой странице газеты, пышным цветом процветало в её первой тетрадке и, в частности, в отделе Гулиа. Там печатались прозаики и поэты, бывшие одновременно директорами издательств или главными редакторами периодических изданий. Они в свою очередь печатали прозу Гулиа, его исторические романы о древних философах или о египетском царе Тутанхамоне. Причём, чем дальше, тем больше Георгий Дмитриевич входил во вкус. Вот вышло из печати его избранное в четырёх томах. А спустя небольшое время начинает выходить его шеститомник… Это уже пропуск в советские классики!

Умер Георгий Дмитриевич 18 октября 1989 года.

* * *

Странный это был человек – писатель Николай Дмитриевич Телешов. Что он не бедствовал – понятно: из купеческой семьи. Тем более кончил московскую Промышленную коммерческую академию в 1884 году.

Ранние стихи его подражательны (Надсону, Никитину, Плещееву). Ранняя проза отмечена подражанием Чехову, с которым Телешов был знаком.

Потихоньку вырисовывается круг знакомств Телешова. Это Гиляровский, братья Бунины, И. Белоусов, Н. Златовратский, Д. Мамин-Сибиряк, К. Станюкович. В 1899 году Телешов знакомится с Горьким, который добавляет в его кружок Л. Андреева, Скитальца. В кружок идут Чириков, Вересаев, Куприн, Серафимович. Словом, составляется солидное общество литераторов и редакторов иных изданий. Все они собираются на квартире Телешова по средам. «Среды» – так и будут называться эти собрания, просуществовавшие 17 лет – с 1899 по 1916. Из произведений кружка составляются сборники «Знание», «Слово», «Нижегородский сборник».

Благодаря жене Телешова Елене Андреевне Карзинкиной, представительнице богатого купеческого рода, ученице Поленова, окончившей Московское училище живописи, ваяния и зодчества, к кружку примыкают художники А. Головин, К. Первухин, А. Васнецов, И. Левитан.

После 1905 года Телешов организовывает в Подмосковье

сельскую гимназию, где бесплатно или за сниженную цену учатся рабочие, железнодорожные служащие, крестьяне. Возглавлял Телешов кассу взаимопомощи литераторов и учёных, являлся присяжным суда чести при обществе печати и литературы. Издавал разные сборники «Друкарь», «1914 год», «В помощь пленным русским воинам».

Хорошо отнёсся к революции 1905 года. Но не слишком расстроился, когда революционная волна схлынула. Его рассказы и повести по-прежнему были отмечены оптимизмом.

Октябрьскую революцию Телешов, судя по всему, принял беспрекословно. Сразу же устраивается по линии Наркомата просвещения. Участвует в организации музея Художественного театра. Становится директором музея с 1923 года.

Пишет детские книжки. Пишет воспоминания. На его квартирах происходят заседания членов городской комиссии «История московских улиц» Охраны культурных памятников истории и культуры Москвы.

В историю литературы вошёл как организатор «Сред» и автор мемуаров «Записки писателя».

Всё это так. Никакого интереса органы к Телешову не проявляли. А ведь это был почти единственный писатель, который открыто переписывался с Буниными и другими эмигрантами. В его биографии есть сообщение, что советское правительство после войны очень рассчитывало при его посредничестве вернуть на родину Бунина. Бунин, как известно, от возвращения отказался. Но Телешову за невыполнение задания даже не погрозили пальчиком. Удивительно!

Умер он 14 марта 1957 года. Родился 10 ноября 1867-го. Написал около 30 книг.

* * *

Виктор Петрович Григорьев (родился 14 марта 1925 года) был тяжело ранен на Великой Отечественной. После войны окончил Московский городской педагогический институт им. В.П. Потёмкина. Ученик Реформатского.

С 1958-го и до конца жизни работал в Институте русского языка АН СССР. В 1975 году был назначен заведующим сектором структурной лингвистики и лингвистической поэзии. В 1990-м он пригласил к себе в сектор М.Л. Гаспарова, а в 2002 году передал ему заведование.

Всю жизнь занимался поэтикой поэтического слова. За цикл работ «Теория и история поэтического языка» получил в 1995

году премию имени А.С. Пушкина. В последние годы руководил составлением «Словаря языка русской поэзии XX века».

Автор 5 крупных монографий.

Скончался 9 февраля 2007 года.

15 МАРТА

Уж на что был Чаковский всеведущим царедворцем с тончайшим чутьём, безошибочно определяющим, что сегодня можно, а что нет, но и он прокололся!

Думаю, потому что не читал нового романа Бондарева «Горячий снег».

А ведь Бондарев приходил в редакцию, давал редактору, которая сидела на прозе Римме Коваленко какие-то отрывки из своего романа, она ходила с ними к Кривицкому, и на этом всё заканчивалось. Для нашего начальства Бондарев оставался автором «Тишины», напечатанной в «Новом мире». И анонсировать его новый роман у Кривицкого не было никакого желания.

Напротив, с большой охотой он поставил в номер статью нашего обозревателя Игоря Золотусского, который прочитал «Горячий снег» в журнальных гранках. Номер со статьёй Золотусского вышел чуть ли не на следующий день после появления журнала с окончанием романа Бондарева.

Золотусский громил роман темпераментно и бескомпромиссно: убогий язык, плоские образы, раскрашенные банальности, наконец, фигуры Сталина и маршалов, словно списанные из книг недавнего прошлого.

Я удивился, для чего Бондареву понадобились сталинские маршалы и генералиссимус? Ведь он был из тех литераторов, которых критика прописала в прозу «окопной правды».

Самые громкие бои между сторонниками и противниками подобной прозы отгремели ещё в хрущёвские времена. Но ощущалось, что наверху с гораздо большим энтузиазмом относятся к тому, как изображена война у Алексеева или Стаднюка, чем к тому, как она представлена в книгах Виктора Некрасова, Бакланова, того же Бондарева.

И вдруг – вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Летучку ведёт сам Чаковский. Прежде чем предоставить слово сотруднику, назначенному обозревать номер, он хочет сделать заявление. «Во избежание возможных недоразумений», – объясняет он сотруднику и нам, сидящим в зале. Оказывается, что руководство газеты (и Чаковский с себя вины не снимает!) совершило чудовищную идеологическую ошибку. Он, Чаковский, вчера на одном дыхании прочитал «Горячий снег» Юрия Бондарева и категорически несогласен с той оценкой романа, какую дал ему Золотусский! Ка-те-го-ри-че-ски! Наконец-то писатель сумел преодолеть свойственную ему былую узость взгляда на войну, дал

её широкое панорамное изображение, а Золотусский пишет так, будто речь идёт о прежнем Бондареве. И даже больше! Золотусский (Чаковский не утверждает, что намеренно, но это факт) исказил главные мысли писателя в этом романе, дал карикатуру на впечатляющее батальное полотно, изображённое Бондаревым.

– Да, статья Золотусского – диверсия! – кричит с места Наум Мар и, вскакивая на ноги, продолжает: – Я думаю, что нужно создать комиссию, которая проверила бы, каким образом эта статья могла быть напечатанной в газете.

Мара недаром называли у нас Маром Советского Союза. Его раболепные интервью с военачальниками постоянно печатались к соответствующим воинским датам. Сотрудникам он давал понять, что не просто интервьюирует маршалов, но со многими из них крепко дружит. Пройдёт несколько лет. Наш большой кабинет, где мы некогда сидели с Золотусским, разделят не слишком плотной перегородкой на два. Один кабинет оставят за мной, а в другой въедет Мар, обладавший зычным, мощным голосом. Я стану всякий раз вздрагивать, когда чуть ли не над ухом будет раздаваться: «Здравия желаю, товарищ маршал Советского Союза!» Ликующий, имитирующий парадное приветствие голос Мара означает, что ему позвонил сейчас какой-то маршал. Как правило, спустя несколько минут Мар открывал мою дверь и говорил озабоченно что-нибудь вроде: «Конев звонил. Сдаёт потихоньку старик! Печень, говорит, прихватило!» А через некоторое время захлёбывающаяся от смеха Нина Подзорова рассказала мне, что по какому-то делу зашла к Мару как раз в тот момент, когда он выкрикивал своё победное парадное приветствие некоему маршалу, глядя в нашу общую с ним стену. Телефонной трубки у Мара в руках не было!

Думаете, его смутило это разоблачение? Нисколько! Конечно, ни с кем из тех, у кого брал интервью, он не дружил. Но умел быть им необходимым. И был настолько убедителен в этом, что, когда его долго отказывались принять в союз писателей, то Ираклий Луарсабович Андроников, которого Мар сопровождал повсюду, воспевая в газете любые его шаги, – сам Ираклий Андроников гневно заявил, что сдаст писательский билет, если такой же не получит Наум Мар!

А на летучке предложение Мара не прошло. Чаковский сказал, что не видит необходимости в создании какой-то комиссий, но отреагировать на статью Золотусского газета просто обязана. И ответили в следующем же номере, расточая льстивые похвалы Бондареву и проклиная критика его романа.

Но именно с этого романа следует вести отсчёт всех

бесчисленных наград Бондарева (родился 15 марта 1925 года), которыми, как конфетти, стали осыпать Юрия Васильевича советские власти.

Итак. Герой соцтруда, два ордена Ленина, Орден Октябрьской Революции, орден Трудового Красного Знамени, орден Отечественной войны II степени, орден «Знак Почёта», две медали «За отвагу», медаль за оборону «Сталинграда» (судя по 2 степени ордена Отечественной войны, Бондарев пришёл с войны с этими тремя медалями. Орден Отечественной войны к 50-летию выдали всем фронтовикам. Но награжденные хоть каким-нибудь орденом, получали 1 степень).

Ну вот. А теперь за литературу. За «Горячий снег» – золотая медаль имени Довженко. За сценарий к этому фильму – Госпремия РСФСР им. Братьев Васильевых. За сценарий киноэпопеи «Освобождение» – ленинская премия. Госпремия СССР за роман «Берег». Госпремия СССР за роман «Выбор».

Не слабо! А ведь всё это за то, что надоело писать правду!

* * *

По случаю сорокалетия «Литературной газеты» нам расширили штатное расписание и прибавили зарплату. Я получил высшую обозревательскую ставку, которую мне установил первый зам главного редактора Сырокомский.

Из литдрамвещания Радикомитета к нам пришла Ксения Васильева, оказавшаяся впоследствии неплохим прозаиком. Её посадили на ленинградские книги и журналы.

Остальные периферийные издания отдали Нине Александровне Подзоровой. Она уже работала в «Литгазете» (это было до меня), но уехала с мужем, которого послали работать за границу. Вернувшись, без особой надежды зашла в газету. Оказалось: есть место!

Она пришла перед самыми торжественными церемониями, которые должны были состояться в Колонном зале, где Председатель Президиума Верховного Совета СССР Подгорный прикрепит к нашему знамени орден Ленина.

Среди других её выдвинули в одного из часовых у знамени, который стоит, пока его не сменили.

С репетиций она возвращалась невероятно весёлой.

– Вот представьте, – говорила. – Чаковскому вручают знамя.

– Кто? – спрашивают.

– Ну, тот, кто там в Кремле отвечает за такие мероприятия.

– Церемониймейстер, – говорят ей.

– Да что-то в этом роде. Чаковский несёт знамя развёрнутым. Оно полуспущено. Он держит древко двумя руками. А за ним – в цепочку гуськом – первый зам, замы, ответственный секретарь, члены редколлегии.

– Ну и что? – спрашивают.

– А то, что каждый идёт, закрывая ладошками ширинку.

– А церемониймейстер?

– А он: отставить! Вы не в бане! Руки держать по бокам.

В самом Колонном зале всё прошло безукоризненно. И орден Подгорный прикрепил, и речь толкнул по бумажке.

Ну, а после банкета отправился куда-то за кулисы с редколлегией. Но, видимо, она ему наскучила, если он с большой свитой, в которой были и наши руководители, внезапно возник в комнате, где мы, члены месткома, партбюро и комсомольского бюро редакции, упаковывали знамя, к которому был прикреплён орден, грамоты и другие вещи.

– Это наш актив, – сладко улыбаясь нам, сказал Подгорному Чаковский.

– Да у вас тут цветник! – почти пропел Подгорный, оглядывая Подзорову, крупные формы которой были подчёркнуты облегающим их платьем.

Нина Александровна улыбнулась, а Сырокомский что-то прошептал Чаковскому. Я понял, что. Чаковский мало кого знал из сотрудников по фамилии, имени и отчеству.

– Это Нина Александровна Подзорова, – почтительно представил её Подгорному Чаковский.

– А меня зовут Николай Викторович, – сказал Подгорный Подзоровой.

– Я знаю, – отозвалась та.

– Всё-то вы знаете, – медовым голосом пропел Подгорный. И завздыхал: – Эх, где мои тридцать пять лет! Просто уходить от вас не хочется, – промурлыкал он Подзоровой. – Но надо.

Он пожал Подзоровой руку и исчез вместе со свитой.

Когда Подзорова впервые появилась в газете, забила тревогу недавно пришедшая вместо Лёни Миля Ксения Васильева. «Только пришла, – сокрушалась о себе Ксана, – а уже нужно подумывать о переходе куда-нибудь ещё. Потому что я хорошо знаю Подзорову. Это невероятно карьерная баба. Она всё будет сокрушать на своём пути. Вот увидишь, она сбросит Смоляницкого и сядет на его место».

И хотя Ксения Васильева и вправду ушла очень быстро, а на её место взяли из того же литдрамвещания, откуда была Ксана, Лялю Полухину, ничто, казалось бы, не предвещало, что сбудется такой прогноз.

Нашим расширенным отделом руководит Смоляницкий. И когда он заболевает, начальство просит поруководить меня: обозреватель – следующая по старшинству должность за заведующим.

Первое, что я делаю, оставшись за Смоляницкого, обхожу всех сотрудников, интересуюсь, есть ли у него сейчас работа. Отпускаю тех, у кого нет: чего бессмысленно точить лясы.

– Ох, неправильно ты себя ведёшь, – говорит мне Ляля Полухина. – Больше тебя за Смоляницкого не оставят.

– Да, ну и Бог с ним, – говорю. – Не очень рвусь!

Нина Подзорова на моё приглашение идти домой, говорит, что ей надо побыть в редакции. Поначалу она никак себя не проявляла. Ей, как я уже сказал, достались периферийные издания: заказывать на них рецензии, искать авторов на обзорные статьи о творчестве литераторов того или иного российского региона. И, казалось, она этим вполне удовлетворена. Так что я даже стал недоумевать по поводу поспешного бегства из редакции Ксаны Васильевой.

Но вот – началась подписная кампания. Нас с Подзоровой послали объездить писательские организации Тулы, Воронежа, Курска, Орла, поговорить об их нуждах (обычно после окончания подписки об этом прочно забывали), встретиться с читателями. И я увидел совсем другую Подзорову.

Она охотно садилась в президиум, легко перебивала или переспрашивала выступающего, сбивала его своими репликами и многозначительно делала пометки в блокноте, – то есть вела себя как привычное партийное начальство.

– Нина, – сказал я ей мягко, – для чего вы играете в секретаря обкома?

– В секретаря я не играю, – ответила она. – Но они должны понимать, что мы для них – начальство. И я советую вам, Гена, тоже держаться так, чтобы они об этом не забывали.

Я не внял её совету. Но не переставал удивляться, наблюдая, как нарастает в ней некая снисходительная вельможность по мере того, как мы объезжали города.

В Ясной Поляне за обедом, произнося тост, она не забыла о «зеркале русской революции», в которое, по её словам, смотрелся великий Ленин, и совершенно неожиданно для изрядно охмелевших писателей предложила выпить за великое дело ленинизма, удивив этим, по-моему, даже сопровождавших нас работников обкома.

Словом, когда через некоторое время вместо уходящего в отпуск Смоляницкого назначили временно исполнять его обязанности Подзорову, я не удивился.

Другое дело, когда Смоляницкий ушёл из редакции совсем – перешёл на работу в «Знамя».

Членом редколлегии отдела русской литературы назначили Чапчахова. Одним из его заместителем стала Подзорова. Но я, помня о том, как удивительно некомпетентно она вела себя, оставаясь за Смоляницкого, категорически отказался ей подчиняться. Меня уговаривали. «Старик, – говорил мне Чапчахов, – ну, какая вам разница, ей-Богу! Ведь в любом случае вы выходите на меня». «Но для общения между нами мне не нужны посредники! – возражал я. – Тем более, которые ничего не понимают в поэзии». Фёдор Аркадьевич, который больше всего на свете боялся, что заместители его подсидят, такие вещи выслушивал очень благосклонно. «Думаете, она в прозе, что-нибудь понимает? – спрашивал он про Подзорову. – Но не я назначил её замом – Кривицкий».

Нечего было думать, что Фёдор Аркадьевич станет хлопотать о каком-нибудь моём особом статусе в отделе, позволяющем не подчиняться напрямую Подзоровой. К начальству Чапчахов ходил исключительно по вызову и сам от себя ничего не предлагал. Он откровенно радовался, если ему удавалось угадать желание начальника, которое он горячо и безоговорочно поддерживал.

Я отправился к Кривицкому. Тот решил проблему неожиданно легко. «Пожалуйста, – сказал он. – Будете числиться обозревателем поэзии при редакторе Чапчахове. Это вас устроит?» Меня это устраивало.

Не могу сказать, что Подзорова на меня обиделась. Во всяком случае, она этого никак не показывала. Отделом она руководила очень уверенно и твёрдо. Контраст её со Смоляницким был разителен. Подраспустившимся во время вольницы сотрудникам пришлось подтянуться.

Конечно, качество материалов, которые печатал отдел русской критики, не стало лучше. Литературный вкус Нины Александровны не отличался особенно от вкуса ушедшего из газеты Соломона Владимировича. Но чего в газете стало намного больше, так это всякого рода писем из областных писательских организаций, выступлений их руководителей и интервью с секретарями союза писателей РСФСР, которые в основном рассказывали о своих творческих планах.

За это однажды отдел ругали на летучке. «Мы же всё-таки не «Литературная Россия», – говорил обозреватель. «Но и не «Литературная Москва», – отвечала Подзорова, – наш читатель должен быть в курсе того, что происходит в российской глубинке».

Года через два объяснилось такое исключительное внимание

Нины Александровны к нуждам периферийных писателей. Издательство «Московский рабочий» выпустило её книжечку о союзе писателей РСФСР, о его истории, о его руководителях, о руководителях областных организаций, входящих в правление союза. Оказалось, что Подзорова установила с Бондаревым, Михаилом Алексеевым, Проскуриным, Шундиком весьма прочные связи. С Бондаревым Подзорова обменивалась шутливыми поздравительными открытками с днём рождения, благо, как выяснилось, он у них был общим. То есть, родилась Подзорова, конечно, позже – в 1930 году, но 15 марта, как и Бондарев.

Очень занервничал Чапчахов. Тем более, когда Подзорову за её книжку приняли в Союз писателей, а Чапчахов членом Союза не был.

Но, работая с Подзоровой, нервничал Фёдор Аркадьевич напрасно. Нина Александровна обладала не только напором, но и нетерпением. Поэтому с удовольствием ухватилась за первое же бондаревское предложение стать ответственным секретарём журнала «Наш современник», куда первым замом главного редактора Викулова только что назначили Юрия Селезнёва, который проработал недолго. Убеждён, что дружбы с Бондаревым и его протекции оказалось бы достаточно, чтоб Нина Александровна смогла заменить собой Селезнёва, когда того пришлось убирать из журнала. Но сделать это ей было не суждено. Эта энергичная, волевая и очень жизнелюбивая женщина не успела толком поработать на новой своей должности. Рак сгубил её со страшной скоростью. Умерла она 10 апреля 1981 года.

* * *

Борис Степанович Рябинин в шутку называл себя «собачьим» писателем. У него действительно немало повестей и рассказов о собаках. Написал книгу «Друг, воспитанный тобой», в которой запечатлел бесчеловечность людей, жестоких в обращении с животными, в частности, с собаками.

Собирал статуэтки собак из разного материала: бронзы, фаянса, фарфора, моржовой кости.

Но, разумеется, писал не только о собаках.

Первая его книга «Каменные загадки» вышла в 1936 году. Её одобрил земляк Рябинина П. Бажов, с которым Борис Степанович ездил по Уралу. Вторая его книга «Мои друзья» (1937), посвящённая собакам, вызвала одобрение К.И. Чуковского.

Произведения Рябинина не просто проникнуты любовью к

природе, но они написаны как бы её, природы, голосом. Борис Степанович очень хорошо её чувствовал. И потому, как хороший музыкант, мог воссоздать всё оттенки её богатого голоса.

Книг Рябинин написал немало. И о нём написано немало. В основном, критиками-уральцами.

Скончался Рябинин 15 марта 1990 года (родился 3 ноября 1911-го). Мне, любителю собак, близка его убеждённость в том, что «*ни одно животное не платит человеку такой привязанностью, как собака… Старое правило собаководства гласит: сколько вы вложите в собаку, столько она и отдаст вам*».

* * *

Михаил Иванович Сухомлинов (родился 15 марта 1828 года) в 1854 году напечатал работу «О языкознании в древней России». С 3 декабря 1855 года он – член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук по отделению русского языка и словесности.

В марте 1858 отправился за границу, где посетил все крупнейшие европейские и западнославянские центры культуры, слушал курсы словесности, изучал памятники мировой литературы. Описал свои впечатления в статьях, которые разместил в «Русском Вестнике».

В декабре 1860 назначен экстраординарным профессором Санкт-Петербургского университета, с 1864 – ординарный профессор на кафедре русской словесности.

С 3 ноября 1872 года – экстраординарный академик, с 6 февраля 1876 – ординарный академик. С 1899 года Председатель II Отделения академии наук, в 1900-м там же учредил и возглавил разряд изящной словесности.

В 1858-м составил и издал книгу «О сочинениях Кирилла Туровского», куда вошли сочинения Туровского и исследования о нём. В дальнейшем он опубликовал книги и очерки о Радищеве, Кайсарове, Ломоносове, Новикове, Пушкине, Гоголе, Аксакове, Вяземском. Многие из этих работ вошли в сборник «Исследования и статьи по русской литературе и просвещению».

Сухомлинов – автор восьмитомной «Истории Российской академии» (1874–1888). Он успел подготовить и издать десять томов «Материалов для истории императорской Академии наук» – систематическое собрание более 8 тысяч архивных материалов. Занялся подготовкой академического издания сочинений М.В. Ломоносова. Первые пять томов были им отредактированы (1891–1902); тома с шестого по восьмой

закончены после его смерти, случившейся 21 июля 1901 года. И потому изданы только в 1934–1948 годах.

16 МАРТА

По всем свидетельствам знавших её людей, Фрида Абрамовна Вигдорова (родилась 16 марта 1915 года) была талантливым, мужественным и очень доброжелательным человеком.

До кампании борьбы с космополитизмом она работала в «Комсомольской правде», писала статьи о школе, о молодёжных проблемах. Но во время кампании её уволили.

Перешла на работу с письмами читателей, которые приходили в редакцию. За ответы внештатникам платили мало. Но Вигдорова сумела, основываясь на письмах, писать статьи, которые начали печатать, едва схлынула людоедская кампания.

В 1949 году она написала повесть о молодой учительнице «Мой класс». А до этого сделала литературную запись с Л.К. Космодемьянской, матерью Зои и Шуры. В 1961 году выйдет её трилогия: «Дорога в жизнь», «Черниговка», «Это мой дом» – о трудных подростках, о воспитанниках детского дома.

Человек огромного гражданского мужества, она сумела в феврале 1964 года проникнуть в зал, где судили Иосифа Бродского, и сделала очень подробные записи слушаний. Они как бы начали традиции Самиздата: люди перепечатывали и распространяли правду о процессе.

А. Гинзбург посвятил Ф. Вигдоровой свою «Белую книгу» о процессе Синявского-Даниэля.

Умерла Фрида Абрамовна 7 августа 1965 года.

* * *

Валерий Владимирович Медведев (родился 16 марта 1923 года), конечно, всем хорошо известен своей повестью «Баранкин, будь человеком!» (1961). Репрессированные в 1937 родители (отец расстрелян) вынудили трёх их сыновей находиться в челябинском детском доме. Валерия усыновил близкий друг его отца актёр Челябинского драматического театра Владимир Медведев, дав подростку фамилию и отчество.

В конце 1930-х Валерий стал играть небольшие роли в Челябинском драматическом театре, челябинской опереттe. В 1940-м он поступил на режиссёрский факультет ГИТИСа, откуда был призван в армию. В 1942-м снялся в роли Петьки в фильме А. Столпера и Б. Иванова «Парень из нашего города». В 1943-м выступил в роли Васеньки в фильме А. Эрмлера «Она защищает родину».

Демобилизовавшись, окончил ГИТИС (1952). Играл в театре Моссовета. Написал либретто музыкальной комедии «День чудес» и совместно с Альбертом Ивановым киносценарий «Свистать всех наверх!».

Ещё студентом он сочинял сатирические монологи, интермедии для Аркадия Райкина, тексты песен и комические миниатюры для Л. Утёсова, К. Шульженко. В Московском театре драмы и комедии поставили его пьесу «Ночной вор».

В «Мурзилке» начал печататься с 1957 года. Быстро достиг известности произведениями для детей: повестями и романами «Гусёнок третьего сорта» (1960), «Вовка Веснушкин в стране заводных человечков» (1963), «Тире-тире-точка» (1965), «Сделайте весёлое лицо» (1970), «Свадебный марш» (1974), «Флейта для чемпиона» (1980). Но, как я уже писал, прославился циклом о Юрии Баранкине. Повесть «Баранкин, будь человеком!» стала мультфильмом Александры Снежко-Блоцкой (1963), опереттой Серафима Туликова (1965), диафильмом Марка Драйцуна (1980). Повесть отмечена дипломом Международного конкурса им. Г.-Х. Андерсена. И продолжена повестями «Сверхприключения сверхкосмонавта» (1977), «И снова этот Баранкин, или Великая погоня» (1989), «Неизвестные приключения Баранкина» (1996).

В 1983 году за книгу «Фантазии Баранкина» Медведев получает Госпремию РСФСР им. Н.К. Крупской.

«*Я всегда мечтал расположить книги, которые я написал, в порядке возрастов, чтобы стать спутником жизни читателя*», – говорил Медведев.

У него было много интересных замыслов, которые оборвала болезнь. Скончался писатель 16 февраля 1997 года.

17 МАРТА

Ну, разумеется, что Василия Петровича Рослякова, родившегося 17 марта 1921 года, я знал прежде всего по книге «Один из нас» (1962). Росляков был того же поколения, что и погибшие Павел Коган, Николай Майоров, Михаил Кульчицкий. Так же, как они, ушёл на фронт со студенческой скамьи. И запечатлел своих товарищей в довольно правдиво написанной повести.

Другое дело – роман «Последняя война» (кн. 1–2, 1972–1973). Тематически он связан с повестью, а стилистически больше похож на отход от неё. Кажется, в споре между сторонниками «окопной правды» и «правды Генштаба» Росляков занял позицию последних, введя в роман Сталина, мудрого, всё понимающего, безошибочного. Тем более что роман вообще-то о партизанском движении, за которым, оказывается, Сталин следил, как и за всем другим.

Третья вещь «Утро» (1985) – тоже о войне. Критики даже пишут о военной трилогии. Но такая трилогия разностильна. Рослякова всё больше уносит от фронтовой правды в картины боёв, рекомендованные Главпуром для литературы.

Исследование Рослякова «Советский послевоенный очерк» (1955) написано на основе кандидатской диссертации, которую он защитил в МГУ после того, как окончил аспирантуру филологического.

Умер Росляков 6 декабря 1991 года.

18 МАРТА

Фридрих Наумович Горенштейн (родился 18 марта 1932 года) поступил на Высшие сценарные курсы в Москве в 1962 году. Он приехал из Киева. В 1963-м Высшие сценарные и Высшие режиссёрские курсы объединялись. В это время в Москве был создан Комитет по кинематографии, куда я пришёл работать редактором сценарной коллегии. И постепенно я познакомился со многими слушателями курсов. Познакомился и с Горенштейном, который был там вольнослушателем. Познакомился через А. Аскольдова, который до этого работал у нас в Комитете, но потом стал учиться на Курсах, если я не ошибаюсь, в одно время с Горенштейном. Но именно познакомился, то есть мы обозначили друг друга, здоровались, встречаясь.

Иное дело, когда в «Юности» появился «Дом с башенкой» (1964), оказавшийся единственным произведением Горенштейна, напечатанным в СССР. Я не помню, для кого я делал небольшой обзор-аннотацию журнальных публикаций. Но упоминание рассказа Горенштейна прошло! Прошла ещё и небольшая рецензия Анны Самойловны Берзер в «Новом мире». После этого – как отрубило! В СССР о рассказе больше не было написано ни слова.

А я ещё раз увидался с Горенштейном. Это было в 1965-м. Мы с Рощиным работали в журнале «РТ-программы» и к Мише пришёл его приятель Андрей Тарковский. Вместе с Горенштейном. Посидели рядом с журналом (через бульвар) в ЦДЖ (его называли «Домжуром»). И расстались уже навсегда.

Надо покаяться: когда мой приятель Лазарь Лазарев дал мне прочитать роман «Место», роман мне не понравился. Сам же я прочитал ещё в «Континенте» «Зима 1953-го», и снова не было у меня того радостного ощущения, которое я получил после прочтения «Дома с башенкой».

Словом, по-настоящему я вернулся к чтению Горенштейна после перестройки. Да, это крупный русский писатель. Жаль, что в России его знают мало.

Умер Фридрих Наумович 2 марта 2002 года.

* * *

Арон Иосифович Копштейн (родился 18 марта 1915 года) первую свою книгу выпустил на украинском языке в 1933 году. С тех пор книги выходили ежегодно. В 1938 году вышел сборник на

русском «Радостный берег». Арон Иосифович свои стихи переводил сам.

В 1939-м он приезжает в Москву, поступает в Московский институт философии, литературы и истории, но оттуда уходит добровольцем на фронт – на финскую войну.

Они отправились выносить раненых – поэты-сокурсники Николай Отрада и Арон Копштейн. Копштейн выносил уже не раненного Отраду, а убитого только что: 4 марта 1940 года. Но донести тело друга Копштейн не смог. Пуля финского снайпера оборвала жизнь Арона.

Это стихотворение – из его последних:

Мы с тобой простились на перроне,
Я уехал в дальние края.
У меня в «смертельном медальоне»
Значится фамилия твоя.
Если что-нибудь со мной случится,
Если смерть в бою разлучит нас,
Телеграмма полетит как птица,
Нет, быстрей во много тысяч раз.
Но не верь ты этому известью,
Не печалься, даром слёз не трать.
Мы с тобой не можем быть не вместе,
Нам нельзя раздельно умирать.
Если ты прочтёшь, что пулемётчик
Отступить заставил батальон, —
За столбцом скупых газетных строчек
Ты пойми, почувствуй: это он.
Ты узнаешь, что советский лётчик
Разбомбил враждебный эшелон, —
За столбцом скупых газетных строчек
Ты пойми, почувствуй: это он.
Пусть я буду вёртким и летучим,
Пусть в боях я буду невредим,
Пусть всегда я буду самым лучшим —
Я хотел при жизни быть таким.
Пусть же не проходит между нами
Чёрный ветер северной реки,
Что несётся мёртвыми полями,
Шевеля пустые позвонки.
Будешь видеть, как на дне колодца,
Образ мой всё чище и новей,
Будешь верить: «Он ещё вернётся,
Постучится у моих дверей».

И как будто не было разлуки,
Я зайду в твой опустевший дом.
Ты узнаешь. Ты протянешь руки
И поймёшь, что врозь мы не умрём.

* * *

Трудно представить себе человека более преданного поэзии, чем Лев Адольфович Озеров. Он рано начал печататься. Первую книгу издал в 1940-м. Но почти одновременно с собственными стихами он печатал и свои переводы советских поэтов, и свои статьи о поэзии.

В конце концов с 1943 года и до самой смерти (18 марта 1996 года; родился 23 августа 1914-го) Озеров преподавал на кафедре художественного перевода в Литературном институте, был там профессором, доктором филологических наук. Но сколько он сделал для национальных литератур, будучи председателем Совета, допустим, по литовской литературе или членом совета по украинской. Сколько поэтов он вывел на всесоюзную арену!

Его краткие предисловия открывали сборники советских и русских классиков. 23 июня 1959 года он печатает в «Литературной газете» статью «Стихотворения Анны Ахматовой», и это была первая ласточка, вылетевшая с газетной страницы после долгого непечатания поэтессы.

Его знаменитое четверостишие потому и знаменито, что все его знают:

Пренебрегая словесами,
Жизнь убеждает нас опять:
Талантам надо помогать,
Бездарности пробьются сами.

Конечно, жизнь подсказывает, что это, скорее, душевное пожелание, чем обычное явление. Обычно бездарности держат очень цепкую круговую поруку. И пробиться через неё бывает совсем не так легко.

Но Лев Адольфович был рыцарем идеала. Умел его видеть. Умел его воспевать:

У старика гипертония,
А у старухи диабет.
Супруги встретились впервые

Тому назад полсотни лет.
На подоконник клал записки
Студентик – не было скромней,
И все соседские модистки
Завидовали молча ей.
Он рано отпустил бородку,
Пенсне держалось на шнурке.
Влюблённые садились в лодку
И долго плыли по реке.
И жизнь прошла, как лодка эта
Под беспокойный шорох вод,
В мельканье тени, в блесках света —
За годом год, за годом год.
Шесть дней труда и день досуга.
Вдвоём – всегда, до гроба впредь.
Им, видно, потерять друг друга
Ещё страшней, чем умереть.
И мне мила их нераздельность —
Она возникла так давно!
И эта цепкость, эта цельность
Двоих, живущих, как одно.

19 МАРТА

Первым спектаклем, поставленным по пьесе Исидора Владимировича Штока (родился 19 марта 1908 года) была «Божественная комедия» в Театре кукол в 1961 году в постановке С. Образцова и с музыкой Н. Богословского. Мне говорили, что автор – завлит «Ромэна». А что он написал и до «Божественной комедии» много пьес, я знал.

Но больше, чем его пьесы, мне нравилась его проза: «Рассказы о драматургах» (1967), «Премьера» (1975).

Умер Шток 18 сентября 1980 года.

* * *

Фёдор Дмитриевич Батюшков, внучатый племянник поэта К.Н. Батюшкова. Писал работы по западной литературе и по романо-германской филологии. Написал много статей о театре, в том числе и для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона.

В 1912–1914 под его редакцией была выпущена «История западной литературы» в 3 томах. В 1902–1906 был главным редактором журнала «Мир Божий».

После Февральской революции в апреле 1917 был назначен главным уполномоченным по петербургским государственным театром. Но грянула Октябрьская, и Луначарский снял Батюшкова с должности.

У Батюшкова осталась неизданная книга «Около талантов». В Интернете доступен отрывок из неё: «Две встречи с Чеховым». Батюшков сумел попасть к Чехову, приехавшему в Петербург: «*Я попал только в 11-ом часу вечера, ибо всё время было заранее разобрано. Застал за чайным столом Чехова, Горького, ещё несколько человек. Антон Павлович отозвал меня в сторону и шепнул: «Заканчиваю пьесу…» – «Какую? Как она называется? Какой сюжет?» – «Это вы узнаете, когда она будет готова. А вот Станиславский, – улыбнулся Чехов, – не спрашивал меня о сюжете, пьесы не читал, только спросил, что в ней будет, т. е. какие звуки? И ведь представьте, угадал и нашёл. У меня там в одном явлении должен быть слышен за сценой звук, сложный, коротко не расскажешь, аочень важно, чтобы было то именно, что мне слышалось. И ведь Константин Сергеевич нашёл как раз то самое, что нужно… А пьесу в кредит принимают», – снова улыбнулся Антон Павлович. «Неужели так важно – этот звук?» – спросил я.*

Чехов посмотрел строго и коротко ответил: «Нужно». Потом улыбнулся: «А Вам сюжет хочется знать? Нет, теперь не буду рассказывать, пока не закончу».

Звук, о котором шла речь, как известно теперь, – это некое предзнаменование того, что должно было произойти. Чехов в ремарке указывает, что он напоминает шум упавшей бадьи в шахте, и в «Вишнёвом саду» во втором акте и в последней картине он играет особую роль. Когда-то Чехов его слышал в натуре, и он сильно запечатлелся в его памяти. Упоминается он и в одном из его более ранних рассказов, и Чехов словно придавал ему какое-то мистическое значение. Любопытно во всяком случае, что этот аксессуар пьесы найден был Станиславским раньше не только постановки пьесы, но и знакомства с ней».

Лично для меня – очень интересный кусочек воспоминаний. Каждый год мы разбирали со студентами «Вишнёвый сад», и каждый раз обращали внимание на этот упавший, словно с неба, «звук лопнувший струны, замирающий, печальный». Да, два раза заставил Антон Павлович в своей комедии упасть этот звук с неба. Любопытно, как, ничего о нём не зная, смог воспроизвести его Станиславский?

Скончался Батюшков 19 марта 1920 года. Родился 7 сентября 1857-го.

20 МАРТА

Мария Остен (родилась 20 марта 1908 года) настоящую фамилию имела Гресхёнер. Немка, она взяла себе псевдоним, показывающий её любовь к СССР, к Востоку (так и переводится Остен).

В 1927 году вступила в компартию Германии. Первый рассказ опубликовала в 1928 году в сборнике «24 новых немецких рассказа». Вместе со своим вторым мужем, режиссёром Евгением Червяковым, впервые в 1929 году посетила СССР.

В 1932 году познакомилась с Михаилом Кольцовым и вступила с ним в гражданский брак. В 1933-м пара – Остен и Кольцов усыновили десятилетнего мальчика из Саара по имени Гувер и привезли в СССР. О судьбе немецкого мальчика, для которого СССР стал родиной, Остен написала документальную книгу «Гувер в стране чудес» (1935).

Работала секретарём антифашистского журнала «Das Wort». Сопровождала Л.Фейхтвангера в поездке по СССР (декабрь 1936 – март 1937).

Выехала в Испанию вместе с Кольцовым. Наблюдала за действиями республиканцев. Была оклеветана французским коммунистическим деятелем, секретарём Коминтерна (1935–1943) Андре Марти, которого негативно вывел Хемингуэй в романе «По ком звонит колокол». Марти написал Сталину вот такое письмо:

«*Мне приходилось уже и раньше, товарищ Сталин, обращать Ваше внимание на те сферы деятельности Кольцова, которые вовсе не являются прерогативой корреспондента, но самочинно узурпированы им. Его вмешательство в военные дела, использование своего положения как представителя Москвы сами по себе достойны осуждения. Но в данный момент я бы хотел обратить Ваше внимание на более серьёзные обстоятельства, которые, надеюсь, и Вы, товарищ Сталин, расцените как граничащие с преступлением. 1. Кольцов вместе со своим известным спутником Мальро вошел в контакт с местной троцкистской организацией ПОУМ. Если учесть давние симпатии Кольцова к Троцкому, эти контакты не носят случайный характер. 2. Так называемая «гражданская жена» Кольцова Мария Остен (Грессгенер) является, у меня лично в этом нет никаких сомнений, засекреченным агентом германской разведки. Убеждён, что многие провалы в военном противоборстве – следствие её шпионской деятельности*».

Ясно, что письмо это ни Сталин, ни органы без внимания не

оставили. Кольцов был арестован и после «обработки» заявил, что начал действовать против советской власти ещё в 1919-м. Многих оклеветал Кольцов. В частности, о своей жене, об Остен, написал: «*С моей второй женой, немецкой коммунисткой Марией Остен (настоящая фамилия – Грессгенер), я познакомился в 1932 году в Берлине. До меня её знали Горький, Эренбург, Федин, Маяковский, Тынянов. Она уже бывала в СССР и хотела поехать на более продолжительное время. Я предложил поехать вместе со мной. Вскоре у нас началась связь, которая перешла в семейное сожительство… У неё были широкие связи в среде политэмигрантов, а также с литераторами Фединым, Тыняновым, режиссером Эйзенштейном и другими. Бывала у Радека. Некоторые её знакомства были крайне подозрительны, и разговоры, которые велись, носили антисоветский характер. Но так как я сам уже был повинен в более значительных преступлениях, то молчал и продолжал покровительствовать. Летом 1937-го я узнал, что она находится в связи с немцем – певцом Бушем. Наша личная связь на этом прервалась, однако я оставил Марии денег и устроил на работу в Ассоциации писателей в Париже*».

Возможно, что он написал это, уверенный, что в Париж Сталину до неё не дотянуться. Тем более что незадолго до ареста он звонил ей в Париж и категорически не рекомендовал возвращаться в Москву.

Между тем, узнав об аресте Кольцова, она помчалась в Москву на выручку и была арестована органами ровно в день начала войны 22 июня 1941 года.

16 сентября 1942 года её расстреляли в саратовской тюрьме.

21 МАРТА

Эта женщина является выдающимся учёным и прекрасным писателем. Поскольку мы следим за *литературным* календарём, то и говорить будем о писателе, не забывая впрочем, что она – учёный.

Елена Сергеевна Вентцель (родилась 21 марта 1907 года) в 1929-м окончила физико-математический факультет Ленинградского университета.

С 1935 по 1969 работала в Военно-Воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского. И с 1969 по 1987 на кафедре прикладной математики в Московском Институте Инженеров Транспорта.

Автор множества учебников по теории вероятности. В частности, её применения к задачам стрельбы и бомбометания.

Литературный псевдоним выбрала: И. Грекова (от названия буквы «игрек»). В основном выступала в журнале «Новый мир», которым руководил А.Т. Твардовский. Первая повесть «За проходной» (1962) была хорошо встречена читателями. Но настоящий успех выпал на следующую публикацию И. Грековой «Дамский мастер» (1963).

Однако после публикации повести «На испытаниях» (1967) отношение военных к писательнице меняется. Эта повесть о буднях ракетного полигона, написанная очевидцем. Вызвала раздражённое недоверие военных. «Где вы видели пьяного офицера?» – терзали Елену Сергеевну. На неё, беспартийную, завели персональное дело. Потребовали увольнения. Она выступила и сказала, что увольнение оспорит по суду, который, конечно, будет на её стороне. Но после того как её восстановят, она уйдёт сама: работать в такой атмосфере она не может.

Здесь как раз подоспел срок очередного профессорского конкурса: она его прошла. И, как обещала, подала заявление об уходе. Её с радостью взяли на работу в МИИТ.

А писать она продолжала. «Кафедра» (1978), «Вдовий пароход» (1981), «Пороги» (1981). МХАТ поставил спектакль по её пьесе, написанной в соавторстве с А. Галичем «Будни и праздники». Театр Моссовета поставил «Вдовий пароход», написанный совместно с С. Лунгиным. С ним же эта вещь экранизирована. Экранизирована «Кафедра». Экранизирован «Благословите женщину» (по повести И. Грековой «Хозяйка гостиницы»).

Уже было сказано, что крёстным литературным отцом Елены Сергеевны был А.Т. Твардовский. Ему в 1962 году она принесла

роман «Свежо предание». Твардовский помнил, как обошлись с романом Гроссмана «Жизнь и судьба» властные органы: роман они арестовали. И чтобы не повторять прецедента, запер роман Грековой в сейф: роман был на тему государственного антисемитизма.

Из сейфа его вынимать не стали. Оказалось, что копия романа давно лежит на Западе и ждёт своего часа. Роман напечатали в США в 1995-м. Через два года он появился и в России.

Елена Сергеевна прожила большую жизнь, умерев в 95 лет 15 апреля 2002 года.

* * *

Женя Храмов позвонил мне десятикласснику, пославшему стихи в журнал «Юность», и пригласил в журнал. Это был первый поэт, с которым я сидел рядом и беседовал. Он позвонил Григорию Михайловичу Левину, руководителю литературного объединения «Магистраль», в котором состоял и сам. И мы подружились быстро и крепко.

Евгений Львович Храмов, родившийся 21 марта 1932 года, окончил юридический факультет МГУ. Но, помимо занятия криминалистикой, около года провёл в поисковых партиях.

Первая его книга стихов вышла в 1963 году. Он позвонил мне в 1965-м и попросил временно вместо него, берущего творческий отпуск, поработать на его месте в журнале «Кругозор» заведующим отделом литературы. Поскольку именно «Кругозор» привёл меня по короткой цепочке в «Литературную газету», где я проработал 27 лет, я считаю Женю дважды своим наставником: с его лёгкой руки я стал печататься, вступил в Союз писателей. С его лёгкой руки я стал редактором, проработав им больше сорока лет.

Женя был очень приятным, интеллигентным, добрым человеком. Хорошим шахматистом (кандидат в мастера), хорошим переводчиком. Причём не только поэзии, но и прозы (романы Генри Миллера «Сексус», «Аэродинамический кошмар», Эммануэль Арсан «Эммануэль», Анаис Нин «Дневники», Маркиз де Сад «Жюстина, или Несчастья добродетели», «120 дней Содома»). Поэзии он переводил много – и западной, и из советских республик.

Но главное – его стихи. Он хорошо писал. Убедитесь в этом:

Что за жизнь в те времена вершилась!

Римская империя крошилась,
Варвары врывались в города.
Что ни день властителей паденье,
Областей отдельных отпаденье —
Очень было весело тогда.
Был вчера мозольный оператор,
Нынче стал великий император,
Завтра – не останется следа.
Выбежал за водкой – не вернулся.
Мирный пахарь волком обернулся.
Очень было весело тогда.
Вот она, эпоха катаклизма,
Торжество идей феодализма,
Низверженье всяческих святынь.
А на крышах города Вероны
Милые античные вороны
Всё долбят ненужную латынь.

Умер Женя 4 ноября 2001 года.

* * *

Борис Георгиевич Реизов ещё до войны стал профессором ленинградского университета и старшим научным сотрудником Института мировой литературы АН СССР (Пушкинского дома).

Был он крупным специалистом по французской литературе. Избран членом-корреспондентом АН СССР, получил в 1974 году Госпремию СССР. Автор книг «Творчество Бальзака» (1939), «Творчество Флобера» (1955), «Французская романтическая историография» (1956), «Французский исторический роман в эпоху романтизма» (1958), «Французский роман 19 в.» (1969), «Стендаль. Годы учения» (1968), «Стендаль. Философия истории. Политика. Эстетика» (1974).

Писал он и о творчестве Вальтера Скотта, и об итальянской литературе XVIII века, и книгу «Из истории европейских литератур» (1970), и много чего ещё. Интересовался даже Достоевским.

Вполне заслужил свои научные регалии.

Умер 21 марта 1981 года. Родился 1 ноября 1902-го.

* * *

Павел Александрович Шестаков (родился 21 марта 1932 года) работал вместе со мной в «Литературной газете» собственным корреспондентом в Ростове-на-Дону. Встречались часто. Порой он давал читать свои детективные романы в рукописи.

Он их начал печатать рано. В 1966-м его первую повесть напечатал журнал «Урал». Почему-то не его родной «Дон», а «Урал» напечатал большинство его произведений «мазинского» цикла (по имени героя Шестакова – инспектора Игоря Николаевича Мазина).

В 1976 году по повести «Страх высоты» на киностудии «Мосфильм», снята картина, съёмки которой проходили в основном в Ростове-на-Дону.

Да и там, в местном издательстве, Паша выпустил большинство своих произведений. Хотя вполне мог выпускать их и в Москве. Но детективы – книги многотиражные. Они спасали издательство в выполнении плана. Давали хорошую прибыль. И Паша шёл навстречу землякам.

Он писал не только детективы. Написал художественно-историческое исследование «Самозванец», литературоведческую работу – размышления о Гоголе «Между днем и ночью», эссе «Иуда из Кариота».

Умер Павел Александрович 29 июля 2000 года.

22 МАРТА

Иоганн Вольфганг Гёте умер 22 марта 1832 года (родился 28 августа 1749-го). Предлагаю почтить гения его высказыванием о творце, поэте, которое записал за ним секретарь Гёте Эккерман: «*Покуда он выражает лишь свои субъективные ощущения, он ещё не поэт; поэтом он станет, когда подчинит себе весь мир и сумеет его выразить*».

Кратко и по существу!

* * *

Юрий Фёдорович Гончаров в декабре 1919 года в составе Донского кадетского корпуса, в котором он учился, эвакуировался из Новочеркасска в Новороссийск, а оттуда в Египет.

В начале 1922 года Гончаров попал в число тех донских казаков, которых англичане переправили в Болгарию, где они учились в гимназии для русских. После окончания гимназии Гончаров выехал в Чехословакию и в городе Брно поступил на электромеханический факультет Брненского политехнического института. Однако из-за частых болезней и тяжёлого материального положения продолжать учиться там не смог.

В начале 1929 года издатель журнала «Вольное казачество» кубанский казак Игнат Архипович Билый приглашает Гончарова секретарём редакции, находящейся в Праге. В Праге он печатает свои стихи и рассказы. Отмеченные талантом, они говорили о том, что из Гончарова мог бы развиться крупный писатель.

Но не развился. 22 марта 1939 года он умер. Родился 20 ноября 1903 года.

К сожалению, смог найти в Интернете только вот эту цитату с пропуском:

Чёрным кружевом за речкой лес сквозит;
Над рекою рог серебряный висит.
На воде играют блики и блестят;
Меж собой о чём-то вербы шелестят.
Тени шмыгают беззвучно в тишине,
Серебрятся мягко звёзды в вышине.
……
От болот туман потянется волной,
За рекою серп исчезнет золотой.
Огонёк костра под пеплом чуть блестит,

И, задумавшись, корявый пень стоит.

Но и она (цитата), на мой взгляд, передаёт незаурядный дар молодого поэта.

* * *

Отец Лидии Алексеевны Алексеевой был полковником Генерального штаба. Поэтому в 1920-м она вместе с семьёй эмигрировала в Турцию, оттуда в Болгарию, а затем в Югославию, где Алексеева жила до 1944 года, окончила Белградский университет.

Но в 1944-м она, родившаяся 22 марта 1909 года, бежала от советских войск в Австрию, и через пять лет перебралась в США, где жила до смерти 27 октября 1989 года.

Дебютировала в русских журналах Югославии. Издала в разное время пять сборников стихов «Лесное солнце» (1954), «В пути» (1959), «Прозрачный след» (1962), «Время разлук» (1971) и «Стихи» (1980). Много переводила. Особенно сербохорватских поэтов. Главной её переводческой работой считается поэма Ивана Гундулича «Слёзы блудного сына» (отдельное издание – 1965 год).

Её поэзию ценили Глеб Струве, Валерий Перелешин, Дмитрий Кленовский и другие литераторы.

И было за что:

Где круто бьёт и пенится
Поток над крутизной,
Мой стих растёт поленницей
На вырубке лесной, —
Пахучей, неотёсанной,
Увянувшей во мхи;
Крест-накрест в ней набросаны
Смолистые стихи, —
А под корой древесною
До срока залегло
Для очага безвестного
Таимое тепло.

* * *

К ней обратился в пятой главе «Евгения Онегина» Автор, называя её домашним именем: Зизи:

Да вот в бутылке засмолённой,
Между жарким и бланманже,
Цимлянское несут уже;
За ним строй рюмок узких, длинных,
Подобной талии твоей,
Зизи, кристалл души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал,
Ты, от кого я пьян бывал!

Зизи – это Евпраксия Николаевна Вревская. А в ту пору, когда пишет о ней Пушкин, она ещё не поменяла своей девичьей фамилии Вульф. Одна из сестёр-приятельниц Пушкина, соседка по имению.

Пушкин поддерживал с ней отношения и после её замужества. Считается, что именно ей он рассказал о предстоящей своей дуэли с Дантесом. Правда, не понятно, почему она не рассказала об этом Наталье Николаевне. Пушкинский приятель А.И. Тургенев рассказывает, что вдова Пушкина упрекала Вревскую за её молчание. Правильно, конечно, упрекала.

В отличие от своей матери, Прасковьи Александровны Осиповой, которая перед смертью уничтожила переписку, но сохранила переписку с Пушкиным, Евпраксия Николаевна не отозвалась на просьбы своей дочери – умирая (22 марта 1883 года), уничтожила свою переписку с Пушкиным. Родилась 25 октября 1809 года.

* * *

Елена Андреевна Земская – прежде всего выдающийся лингвист. В 1986 году удостоена премии имени А.С. Пушкина Российской Академии Наук за серию работ: «Русская разговорная речь. Проспект», «Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения», «Русская разговорная речь», «Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис», «Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест», «Русская разговорная речь. Тексты».

Понятно из этой формулировки, что она специалист в области словообразования, разговорной речи. Занималась ещё

детской речью, развитием русской речи за границей. Работала в Институте русского языка РАН имени В.В. Виноградова.

Но она ещё и племянница Михаила Афанасьевича Булгакова. Участвовала в пополнении коллекции Благотворительного фонда своего дяди. Издала книгу «Михаил Булгаков и его родные: Семейный портрет» (2004), где собрала различные материалы о Булгакове: письма, дневники, воспоминания писателя и его родственников.

На базе коллекции фонда Булгакова, которую, в частности, пополняла и Елена Андреевна, 26 марта 2007 года учреждён Государственный музей М.А. Булгакова в Москве.

Скончалась Елена Андреевна 22 марта 2012 года. Родилась 5 ноября 1926-го.

23 МАРТА

23 марта 1900 года – день рождения выдающегося философа Эриха Фромма (умер 18 марта 1980-го). Вот – небольшой фрагмент из его работы «Искусство любить»:

«Любовь это не обязательно отношение к определённому человеку; это установка, ориентация характера, которая задаёт отношения человека к миру вообще, а не только к одному «объекту» любви. Если человек любит только какого-то одного человека и безразличен к остальным ближним, его любовь это не любовь, а симбиотическая зависимость или преувеличенный эгоизм. Большинство людей всё же уверены, что любовь зависит от объекта, а не способности. Они даже уверены, что это доказывает силу их любви, раз они не любят никого, кроме «любимого» человека […] Поскольку они не понимают, что любовь это активность, сила духа, они думают, что главное – это найти правильный объект, а дальше всё пойдёт само собой. Эту установку можно сравнивать с установкой человека, который хочет рисовать, но вместо того, чтобы учиться живописи, твердит, что он просто должен дождаться правильного объекта; и когда найдёт его, то будет рисовать великолепно. Но если я действительно люблю какого-то человека, я люблю всех людей, я люблю мир, я люблю жизнь. Если я могу сказать кому-то «я люблю тебя», я должен быть способен сказать «я люблю в тебе всё», «я люблю благодаря тебе весь мир, я люблю в тебе самого себя».

* * *

Князь Владимир Владимирович Львов (родился 23 марта 1805 года) был на военной службе, служил в лейб-гвардии Гренадёрского полка в чине поручика.

В ноябре 1850 года назначен цензором Московского цензурного комитета. Но прославился тем, что пропускал в печать то, что решительно не пропускали другие. За пропуск первого тома «Московского сборника», а затем и «Записок охотника» Тургенева был в августе 1852 года уволен от должности без права на пенсию.

Что ж. Львов переключился на писательство. Не только для детской, но и для взрослой аудитории он написал фольклорным сказом притчи «Сказки о трёх братьях: Семёне, Пахоме да Иване…» (1851), «Сказка о двух Иванах» (1852). Он написал

изложение русской истории «для народа»: «Сказание о том, что есть и была Русь» (1856).

По ходатайству Абрама Сергеевича Норова, занимавшего должность министра народного просвещения в декабре 1855 года, Львов снова назначается цензором. Но пробыл на этом посту недолго. Умер 3 апреля 1856 года.

И.С. Тургенев навсегда остался признателен смелому цензору и незаурядному сказителю.

24 МАРТА

Александр Силыч Новиков-Прибой (родился 24 марта 1877 года) попал во флот в 1899 году. С 1899 по 1906 он – матрос Балтийского флота. В 1903-м арестован за революционную пропаганду. Как неблагонадёжный переведён во 2 Тихоокеанскую эскадру на броненосец «Орёл». Попал в плен после цусимского сражения.

В лагере, куда попал Новиков-Прибой, были матросы разных стран. Он охотно записывал их воспоминания о цусимском сражении. Освободившись из плена и вернувшись в родное село, написал два очерка по этим материалам, издав их брошюрами и под псевдонимом.

Однако брошюры были сразу же запрещены правительством. И поскольку полиция взяла верный след, Новикову-Прибою пришлось бежать. Он оказался сперва в Финляндии, потом в Англии. За годы эмиграции (1907–1913) он побывал во Франции, Испании, Северной Африке, плавал матросом на судах торгового флота.

Уже в 1911 году Новиков-Прибой написал свой крупный рассказ «По-тёмному», который понравился Горькому (о революции 1905 года). Горький помог опубликовать рассказ в «Современнике».

С 1912 по 1913 Новиков-Прибой жил у Горького на Капри. Много писал. Так что, получив в связи с 300-летием дома Романовых амнистию, Новиков-Прибой вернулся с немалым количеством произведений.

Правда, подготовленную им книгу «Морские рассказы» в 1914 году не напечатали. Опубликовали только в 1917-м.

Во время Мировой войны работал в госпитале на санитарных поездах Земского союза. Весной 1918-го его назначают начальником эшелона, отправленного в Барнаул для обмена мануфактуры на хлеб для Московского продкомбината. Он написал об этом очерк «За хлебом». В июле 1918 его с группой писателей отправили в тот же Барнаул для культурно-просветительской работы. В Барнауле он жил до 1920 года.

Там он вошёл в круг местных писателей. Печатался в журнале «Сибирский рассвет». 8 номер журнала вышел под его редакцией.

В конце 1920-х Новиков-Прибой приступил к главному писательскому труду своей жизни – к исторической эпопее «Цусима». Он получил доступ к архивам. Работал там тщательно. В 1932 году первая книга эпопеи вышла в свет и получила хорошую прессу.

В 1930-е годы Новикову-Прибою удаётся добиться передачи Литературному фонду усадьбы «Малеевка» для дома творчества.

Малеевку с литературой связал некогда издатель и редактор журнала «Русская мысль» В.М. Лавров. В разные годы у него жили и отдыхали Чехов, Достоевский, писатели помельче. И вот, благодаря Новикову-Прибою, правительство СССР отдаёт «Малеевку» в собственность Литфонду. Правда, нынешний Литфонд больше не хозяин усадьбы. Сразу же после распада СССР, руководство Литфонда продало эту прекрасную лесную плантацию. Сейчас это Закрытое акционерное общество «Малеевка». Кто там хозяйничает, не знаю.

Во время Великой Отечественной войны Новиков-Прибой пишет статьи и очерки о моряках в газеты и журналы. Издаются «Морские рассказы», «Боевые традиции русских моряков», «Во имя долга».

Вторую книгу «Цусимы» писатель закончил перед войной и был отмечен только что возникшей литературной наградой – сталинской премией 2 степени (1941).

Главы из нового романа Новикова-Прибоя «Капитан I ранга» начал в 1942 году печатать журнал «Знамя». Увы, этот роман писателем не закончен.

В 1958 году по первой части этого романа поставлена одноимённая пьеса. И вышел одноимённый фильм.

Но это произошло уже после смерти писателя, которая последовала 29 апреля 1944 года.

* * *

Смешно, конечно, что Пушкиным всю жизнь занимался человек по фамилии Онегин. Но это не была его фамилия. Была, скорее, воля так назваться.

По паспорту Александр Фёдорович (так он себя называл) числился «петербургским мещанином». От своей воспитательницы крёстной матери получил фамилию Отто, хотя не был ею усыновлен. Наименовал себя Онегиным в честь пушкинского героя в 1866 году. А в 1890-м официально получил от императора Александра III разрешение на эту фамилию.

Правда, в это время он уже жил в Париже, где в трёх комнатах своей квартиры на улице Мриньян, 25 в начале 1880-х создал музей, который состоял из экспонатов, заполученных Александром Фёдоровичем в коллекцию. Коллекция пополнялась быстро. Онегин дружил с П.В. Жуковским, сыном поэта Жуковского, с И.С. Тургеневым, которые существенно помогли

коллекционеру. Наконец, Онегин был связан с антикварными и букинистическими фирмами Европы и России.

В 1880-х годах П.В. Жуковский передал в музей 60 рукописей Пушкина, документы своего отца, касающиеся дуэли и последних дней Пушкина, план квартиры на Мойке, посмертную пушкинскую маску и много ещё других ценных материалов.

Онегин с благодарностью принял в свою коллекцию дары художников А.Н. Бенуа и И.Ю. Крачковского, скульпторов М.М. Антокольского, С.Д. Меркулова, П. Трубецкого. Передали в музей семейные реликвии потомки А.О. Смирновой и Е.П. Ростопчиной.

Позднее П.В. Жуковский передал Онегину часть библиотеки своего отца, около 400 томов, и его собственный архив, в котором хранилась такая ценность, как переписка поэта (2000 писем!), рукописи, альбомы с рисунками пушкинских современников. Но музей уже перерастал музей одного поэта. Он стал как бы музеем русской литературы определённого периода.

В музее имелось рукописное, музейное и книжное отделение – так в будущем будет устроен Пушкинский дом.

В 1907 году министр финансов граф В.Н. Коковцов поставил вопрос о приобретении коллекции для Пушкинского дома, учреждённого двумя годами раньше. В 1908 году музей посетил Б.Л. Модзалевский, который составил опись материалов музея. Она была опубликована.

15 мая 1909 года с Онегиным был подписан договор, по которому коллекция переходила в собственность Российского государства с условием пожизненным ею пользованием самим Онегиным. Ему было выплачено 10000 рублей единовременно и пожизненная пенсия в 6000 рублей для пополнения коллекции.

Разумеется, октябрьская революция эти выплаты скорректировала.

Тем не менее, и после революции не изменилось решение Онегина отдать коллекцию в Россию. Он написал завещание на всё своё собрание и отдал коллекцию Российской Академии наук. В 1922 году он получил 100000 франков, и коллекция перешла в собственность Академии.

В дальнейшем единая коллекция была разобщена: нынче часть экспонатов находится в Государственном музее Пушкина в Москве, библиотеке Академии наук, Государственном Эрмитаже.

Великое дело сделал этот энтузиаст, однофамилец пушкинского героя. Он умер 24 марта 1925 года. О его рождении известно только, что он родился в 1845 году в Царском Селе.

25 МАРТА

Ну кто из моего поколения не знал Владимира Абрамовича Дыховичного, родившегося 25 марта 1911 года? Кто не знал этого знаменитого дуэта: Дыховичный-Слободской?

А между тем, дуэт этот возник только после войны, в 1945-м (пьеса «Факир на час»). А во время войны (в том числе и финской) Дыховичный выступал один. Писал фронтовые фельетоны и юморески для армии и для армейской печати. Много написал для великих супругов Мироновой и Менакера. В 1942 году театр имени Евгения Вахтангова поставил водевиль Дыховичного «Свадебное путешествие» (впоследствии они его в соавторстве со Слободским переработают). В 1943-м пьеса Дыховичного «Братишка» поставлена в Ленинградском театре комедии.

Но, конечно, дуэт Дыховичный-Слободской стал вехой в истории эстрады. За 18 лет совместного творчества авторы создали «Человек с того света», «Воскресенье в понедельник», «200 тысяч на мелкие расходы», «Ничего подобного», «Женский монастырь» и другие пьесы, сатирические стихи, пародии, фельетоны. А сколько эстрадных программ было создано для пародийного театра «Синяя птичка», Московского театра миниатюр, театра эстрады.

«Вместо концерта» – полновесная программа для Шурова и Рыкунина. «Вот идёт пароход» (в соавторстве с Б. Ласкиным) – для театра сада «Эрмитаж», «Москва-Венера, далее везде» – для Мюзик-холла. И для него же – «Тик-так, тик-так». А блистательный водевиль «Гурий Львович Синичкин» (совместно с В. Массом и М. Червинским) для ленинградского театра комедии. Музыку к водевилю написал Никита Богословский.

Дыховичный в одиночестве написал стихи к таким известным песням, как «Весёлый танкист», «Поезд идёт в Чикаго», «Два Максима», «Морской козёл». Ну, а уж со Солободским! «Днём и ночью», «На кораблях ходил бывало», «Машенька-Дашенька», «Перед дальней дорогой», «Старушки-бабушки», «Ленинградские мосты» и, как говорится, так далее.

Этот чудесный дуэт выступил автором киносценариев фильмов «Жених с того света» (режиссёр Л. Гайдай», «Приятного аппетита» (режиссёр В. Семаков) короткометражного фильма «Фонтан» (режиссёр Э. Гарин).

Умер Владимир Абрамович 24 июня 1963 года.

* * *

Сам по себе Лев Романович Шейнин (родился 25 марта 1906 года) – фигура невероятно интересная.

Он рано стал работать в Прокуратуре. Ещё не закончив Высший литературно-художественный институт им. В.Я. Брюсова, а после окончания параллельно учась в МГУ.

В 1927 году Шейнин, который до этого работал в лаборатории психолога А.Р. Лурия, задолго до американцев пытавшегося соорудить «Детектор лжи», направлен в Ленинград, где до 1931 года работает старшим следователем областного суда.

Его приметил и оценил Вышинский, который вызвал его в Москву и с 1931 года сделал следователем по особо важным делам Прокуратуры СССР. В 1934 году участвует в расследовании убийства Кирова, в допросах арестованного Л. Николаева.

В 1935-м он госсоветник юстиции 2 класса (что приравнивалось к генерал-лейтенанту), начальник следственного отдела Прокуратуры СССР.

Принимает участие во всех громких делах – «Московского центра», Каменева и Зиновьева.

Однако в 1936-м его арестовывают, отправляют в лагерь на Колыму. Почему? Точного ответа мы не знаем. Этот эпизод весьма туманно отражён в воспоминаниях солагерника Шейнина, некоего Реева:

«*Осенью 1936 года я оказался с некоторыми друзьями в районе Берелеха (река на севере-востоке Якутии, левый приток Индигирки), куда мы пробивали трассу, на Еврашкале (на золотодобывающий прииск).*

[…] Появился среди нас писатель Шейнин или Ляля Шейнин, как мы его звали. Он быстро исчез, увезённый на переследствие в Москву, а потом освобождённый. Говорили, что у него огромный блат».

Всё! Но освободить заместителя Вышинского по особо важным делам может только тот, кто концентрирует в своих руках этот «огромный блат».

Доводилось читать, как Сталин, которому принесли список арестованных отреагировал на фамилию Шейнин: «Это он написал «Записки следователя»?» И, получив подтверждение, якобы сказал: «Хороший писатель! Пусть работает дальше!»

Правда, этот эпизод многие относят к более позднему аресту Шейнина. Но Шейнин действительно уже в это время прославлен как автор «Записок следователя», которые он будет дописывать и дописывать. До 1938-го они печатались во многих изданиях, вплоть до «Правды». А в 1938-м выйдут отдельной книгой.

Всё-таки мне кажется, что заступничество Сталина было

именно в этот раз. В 1949, когда Шейнина освободят от должности и в 1951-м, когда его арестуют, Шейнин для Сталина станет нежелательным свидетелем.

А пока после первого освобождения написана пьеса «Ошибка инженера Кочина» совместно с братьями Турами). В 1939-м на экраны выходит одноимённый фильм. И критика пишет о первом шпионском детективе.

Новый военный детектив себя ждать не заставил. «Поединок», объявленный лидером проката 1945 года.

В 1945–1946 годах Шейнин участвует в работе Нюрнбергского трибунала, где он, помимо прочего, выступает обвинителем по разделу об ограблении музеев и вывозу в Германию ценнейших произведений искусства.

Всем присутствующим очень хорошо запомнился Геринг, которому надоело слушать о собственных ограблениях: «А не кажется ли обвинителю, что он пользуется фальшивыми данными?»

Шейнин среагировал сразу: «А не кажется ли господину Герингу, что он больше не фельдмаршал, которому дозволено перебивать кого угодно, а преступник, отвечающий за свои действия».

В 1949-м их вместе с братьями Тур сценарий фильма «Встреча на Эльбе» отмечен сталинской премией 1 степени. Но в этом же году он освобождён от работы в органах.

До этого его послали в Минск расследовать убийство Михоэлса. Не думаю, что у Шейнина были по этому поводу какие-то сомнения. И знай он, что ждёт от него Сталин, он бы сделал, как тот хочет. Но произошла заминка. И его арестовали 19 октября 1951 года.

Он шёл сперва по делу Еврейского антифашистского комитета. И подтверждал всё, что говорили ему следователи. Он панически боялся избиений.

Но фигуранты Еврейского антифашистского комитета уже получали свои приговоры, и из Шейнина стали делать шпиона.

Он писал Сталину в это время: «*У меня нет чувства обиды за свой арест, несмотря на перенесённые физические и нравственные страдания. Скажу больше: тюрьма помогла мне многое осознать и переоценить. И если мне вернут свободу, этот процесс нравственного очищения и глубокого самоанализа даст мне как писателю очень многое. Слишком легко мне раньше удавалась жизнь*».

Сталину на раздумье Бог отпустил не так уж и много времени. А после смерти тирана арестовали главных врагов Шейнина, и его дело прекратили 21 ноября 1953 года.

И Шейнин отошёл от судебных дел. Занялся творческими. Был заместителем главного редактора журнала «Знамя», редактором киностудии «Мосфильм», стал фактически отцом-основателем телевизионной серии «Следствие ведут знатоки».

Умер 11 мая 1967 года.

* * *

Вообще Аркадий Георгиевич Горнфельд был последователем А.А. Потебни. И для него очень важна в творчестве антиномичность знака и значения. Но процесс, проистекающий из этой антиномичности для Горнфельда, – это борьба художника с материалом. Недаром он назвал свою книгу «Муки слова» (1900).

Публиковаться он начал у Короленко в журнале «Русское богатство». До закрытия журнала большевиками помогал Короленко как член редакции по отделу беллетристики и критики.

Его работы интересны. Ибо основаны на анализе текста. Его «О толковании художественных произведений» (1912), «О русских писателях. Т. 1» (1912) и более поздние «Пути творчества» (1922), «Романы и романисты» (1930), «Как работали Гёте, Шиллер и Гейне» написаны научно увлекательно.

В 1915 году он осуществил первый русский перевод «Тиля Уленшпигеля» под псевдонимом Б.Ю. Коршан. В связи с этим переводом уже в 1929 году разгорелся конфликт между Горнфельдом и Мандельштамом, не любившими друг друга.

Увы, Горнфельда многие не любили. Не любили и большевики, высылавшие бывших энесов, кадетов из страны. Ленин написал Сталину 16 июля 1922 года письмо, где среди тех, кого необходимо выслать из России, назвал Горнфельда.

Но Аркадий Георгиевич остался в России и дожил в ней почти до начала Великой Отечественной. Умер 25 марта 1941 года. Родился 30 августа 1867-го.

* * *

Вспомним стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». Выразил ли Пушкин словом «нерукотворный» убеждённость в божественном происхождении творчества, как полагают иные исследователи? Возможно. Заимствовал ли он это слово из восьмистрочной стихотворной надписи к подножию петербургского Фальконетова памятника Петру, сочинённой

Василием Григорьевичем Рубаном (родился 25 марта 1742), на что впервые (1933) указал И.Л. Фейнберг? Очень возможно. Во всяком случае, эта надпись прославила имя незначительного стихотворца XVIII века. Точнее – не его имя прославила, а на себя обратила внимание именитых. Например, Мицкевича, который публично объявил о том, что взял из восьмистишия строчку для своего стихотворения «Памятник Петру Великому», присовокупив при этом, что не помнит имени её русского автора. Пушкин помнил: «Смотри описание памятника в Мицкевиче, – пишет он в примечаниях к «Медному Всаднику». – Оно заимствовано из Рубана, как замечает сам Мицкевич».

Но даже если и перенёс Пушкин из Рубана в свой «Памятник» слово «нерукотворный», он придал ему значение, прямо противоположное тому, какое оно имело. У Рубана оно связано с куском скалы:

Нерукотворная здесь Росская гора,
Вняв гласу Божию из уст Екатерины,
Прешла во град Петра чрез Невские пучины
И пала под стопы великого Петра.

К тому же в его стихотворении нерукотворность унижена – «пала под стопы». Пушкинский нерукотворный памятник высится над александрийским столпом «главою непокорной».

Василий Григорьевич печатался во многих журналах, переводил с французского и немецкого, сам издавал журналы «Ни то, ни сё» (1769), «Трудолюбивый Муравей» (1771), издал несколько книг по русской истории.

Но остался в литературе той самой «Надписью к камню, назначенному для подножия статуи императора Петра Великого», из которой я привёл цитату.

Умер Рубан 24 сентября 1795 года.

26 МАРТА

Стихотворение Марии Сергеевны Петровых (родилась 26 марта 1908 года):

Назначь мне свиданье
на этом свете.
Назначь мне свиданье
в двадцатом столетье.
Мне трудно дышать без твоей любви.
Вспомни меня, оглянись, позови!
Назначь мне свиданье
в том городе южном,
Где ветры гоняли
по взгорьям окружным,
Где море пленяло
волной семицветной,
Где сердце не знало
любви безответной.
Ты вспомни о первом свидании тайном,
Когда мы бродили вдвоем по окраинам,
Меж домиков тесных,
по улочкам узким,
Где нам отвечали с акцентом нерусским.
Пейзажи и впрямь были бедны и жалки,
Но вспомни, что даже на мусорной свалке
Жестянки и склянки
сверканьем алмазным,
Казалось, мечтали о чём-то прекрасном.
Тропинка всё выше кружила над бездной…
Ты помнишь ли тот поцелуй
поднебесный?..
Числа я не знаю,
но с этого дня
Ты светом и воздухом стал для меня.
Пусть годы умчатся в круженье обратном
И встретимся мы в переулке Гранатном…
Назначь мне свиданье у нас на земле,
В твоём потаённом сердечном тепле.
Друг другу навстречу
по-прежнему выйдем,
Пока ещё слышим,
Пока ещё видим,

Пока ещё дышим,
И я сквозь рыданья
Тебя заклинаю:
назначь мне свиданье!
Назначь мне свиданье,
хотя б на мгновенье,
На площади людной,
под бурей осенней,
Мне трудно дышать, я молю о спасенье…
Хотя бы в последний мой смертный час
Назначь мне свиданье у синих глаз.

Я потому его процитировал, что подруга Петровых Анна Ахматова назвала это стихотворение «шедевром лирики последних лет».

Мария Сергеевна в 1925 году поступила на высшие государственные литературные курсы, когда там учились А. Тарковский, Ю. Домбровский, Ю. Нейман, Д. Андреев. Но закончила их экстерном в 1930 году как студентка литературного отделения МГУ.

Дружила со многими достойными поэтами. Мандельштам посвятил ей стихотворение «Мастерица виноватых взоров».

В 1936 году она вышла замуж за библиографа и музыковеда Виталия Головачёва. В 1937-м родилась их дочь Алина. А через несколько месяцев после её рождения Головачёв был арестован, осуждён на 5 лет лагерей и сослан в Медвежьегорск. В лагере в 1942-м он умер.

Летом 1941 года Петровых и её четырёхлетняя дочка вместе с группой писателей были эвакуированы в Чистополь. Пастернак организовывает читки её стихов. Её принимают в Союз писателей, но издательство «Советский писатель» отказывается от издания её книжки, несмотря на положительные рекомендации выдающихся мастеров поэзии.

При жизни (а умерла она 1 июня 1979 года) вышла всего одна книжечка стихов «Дальнее дерево» (1968). И та – в Ереване.

В основном жила на стихотворные переводы, которых изготовила множество. Причём в основном переводила поэтов высочайшего класса, таких, как С. Капутикян и О. Туманян, Р. Тагор и М. Икбал, С. Нерис и Ю. Аннусявичус, К.К. Бачинский, В. Броневский, К.И. Галчинский, Б.Лесьмян, Ю. Тувим, Л. Стаффа. Переводила с грузинского М. Квливидзе, с идиша И. Борисова, П. Маркиша, С. Галкина.

В Ереване издали её книжку, отдавая дань не только её

поэтическому таланту, но и тому, что она сделала для армянских поэтов, которых познакомила с русским читателем. Она перевела драматическую поэму Н. Зарьяна «Ара прекрасный». Под редакцией М Петровых вышла книга «Армянская классическая лирика», «Книга скорби» поэта-монаха Г. Нарекаци. В 1979 году Петровых получила литературную премию Союза писателей Армении имени Е. Чаренца. А ещё раньше – в 1970-м стала Заслуженным деятелем культуры Армении.

Её собственные стихи недаром были добро встречены крупными русскими мастерами. «*Русская литература*, – писал Арсений Тарковский, – *всегда несла на своих плечах груз «всемирной отзывчивости». Мария Петровых знает свои способы претворения языка и умеет проникать в сердце читателя».*

«Тайна Марии Петровых в том, – подытоживает Тарковский, – *что она поистине большой русский поэт*».

Это верно. И стихи, которые она написала в 1971 году, звучат как назидание мастера:

Одно мне хочется сказать поэтам:
Умейте домолчаться до стихов.
Не пишется? Подумайте об этом
Без оправданий, без обиняков.
Но, дознаваясь до жестокой сути
Жестокого молчанья своего,
О прямодушии не позабудьте,
И главное – не бойтесь ничего.

* * *

Володя Максимов был очень разным человеком. Мог отдать тебе последнюю свою рубашку. Но мог пропить и последнюю твою.

Его отец пропал на фронте в 1941 году. А он, которого звали Лев Алексеевич Самсонов, убежал из дома, беспризорничал, сменил имя отчество и фамилию, находился по разным детским домам, откуда часто убегал в Сибирь, в Среднюю Азию, на Кавказ, был осуждён по нескольким уголовным статьям, провёл несколько лет в лагерях и в ссылке.

А потом утихомирился. Занялся литературной работой. Повесть «Мы обживаем землю» печатает в «Тарусских страницах» (1961). Но тут же демонстрирует полную беспринципность – отдаёт повесть «Жив человек» Кочетову в «Октябрь» и – мало

того! – принимает приглашение Кочетова стать членом редколлегии «Октября».

Однако не присоединяется к решению редколлегии журнала, одобрившему ввод наших войск в Чехословакию в 1968-м. Изгоняется из редколлегии и становится известным правозащитником. Издаёт на Западе романы «Карантин» и «Семь дней творенья».

Выехав в эмиграцию в 1974-м, Максимов сумел основать в Париже литературный журнал «Континент», долгое время, занимавший ведущее положение в эмигрантской прессе.

У Максимова оказалась весьма сильная деловая хватка. Он умел находить нужных спонсоров, организовывать конференции по линии антикоммунистической организации «Интернационал сопротивления», исполнительным директором которой он был.

В эмиграции написал романы «Ковчег для незваных», «Прощание из ниоткуда», «Заглянуть в бездну». Написал несколько пьес.

Однако очень раздражённо принял перестройку в России. Не только потому, что в неё не поверил. А потому ещё, что с отменой цензуры его журнал «Континент» захирел и упал в тираже.

Фактически Западу журнал был больше не нужен. И Максимов перевёл его в Россию, передав журнал Игорю Ивановичу Виноградову, который с десяток лет вёл поквартальные номера.

Сам Максимов стал активным автором «Правды» и «Советской России» – злейших врагов Ельцина и его команды. Фраза Максимова: «Мы метили в коммунизм, а попали в Россию» стала в то время одной из самых популярных.

Умер в Париже 26 марта 1995 года (родился 27 ноября 1930-го.)

27 МАРТА

Поэтессу Веронику Тушнову (родилась 27 марта 1911 года) я очень хорошо помню. Это была красивая женщина, дважды замужем, её внук и внучка Миша Логинов и Наташа работали в конце 1980-х со мной в «Литературной газете».

Миша ушёл незадолго до моего ухода. Он потом работал весьма крупным шеф-редактором различных изданий. Лена при мне вышла замуж за нашего сотрудника, уволилась и исчезла.

Ничего я о ней больше не знаю.

А бабушка их Вероника жила гражданским браком с поэтом Александром Яшиным.

Её бывший второй муж, Юрий Павлович Тимофеев, тоже работал со мной в «Литературной газете». Но намного раньше, чем её внуки. Юра Тимофеев умер в 1982 году.

А Яшин сохранял семью. Но любил Веронику Тушнову. Они оба безумно любили друг друга.

А потом Вероника заболела и сгорела от рака мгновенно 7 июля 1965 года. На смертном одре написала Яшину:

Я прощаюсь с тобою
у последней черты.
С настоящей любовью,
может, встретишься ты.
Пусть иная, родная,
та, с которою – рай,
всё равно заклинаю:
вспоминай! вспоминай!
Вспоминай меня, если
хрустнет утренний лёд,
если вдруг в поднебесье
прогремит самолёт,
если вихрь закурчавит
душных туч пелену,
если пёс заскучает,
заскулит на луну,
если рыжие стаи
закружит листопад,
если за полночь ставни
застучат невпопад,
если утром белёсым
закричат петухи,
вспоминай мои слёзы,

губы, руки, стихи…
Позабыть не старайся,
прочь из сердца гоня,
не старайся,
не майся —
слишком много меня!

Когда её хоронили, Яшин был безутешен. Так же, впрочем, как и Юрий Тимофеев, последний муж Вероники. Яшина пыталась утешить его жена, которая, конечно, знала о его любви. Но ничего не вышло. Он заболел. После смерти Вероники прожил недолго. Плакал, каялся, писал ей, вспоминая их любовь:

Думалось, всё навечно,
Как воздух, вода, свет:
Веры её беспечной,
Силы её сердечной
Хватит на сотню лет.
Вот прикажу —
И явится,
Ночь или день – не в счёт,
Из-под земли явится,
С горем любым справится,
Море переплывёт.
Надо —
Пройдёт по пояс
В звёздном сухом снегу,
Через тайгу
На полюс,
В льды,
Через «не могу».
Будет дежурить,
Коль надо,
Месяц в ногах без сна,
Только бы – рядом,
Рядом,
Радуясь, что нужна.
Думалось
Да казалось…
Как ты меня подвела!
Вдруг навсегда ушла —
С властью не посчиталась,
Что мне сама дала.
С горем не в силах справиться,

В голос реву,
Зову.
Нет, ничего не поправится:
Из-под земли не явится,
Разве что не наяву.
Так и живу.
Живу?

Умер через три года после смерти Тушновой. Тоже от рака.

* * *

О трогательной и удивительной по силе страсти любви поэтов Вероники Тушновой и Александра Яшина я написал.

С Александром Яковлевичем Яшиным (родился 27 марта 1913-го) я познакомился в Переделкине, куда поехал от журнала радиокомитета «Кругозор» интервьюировать Ярослава Смелякова и брать у него стихи. Смелякова дома не оказалось, и нашей бригаде из журнала (он выходил с пластинкой, поэтому со мной был звукооператор с аппаратурой и фотограф) указали на дачу Яшина, где мы и нашли Смелякова. Тот познакомил нас с хозяином.

Держался Яшин просто и дружески. Охотно читал стихи по просьбе Смелякова. Улучив момент, я сказал ему, как ценю его рассказ «Рычаги», который подвергался страшной партийной критике. Яшин на мой вопрос ответил, что этот рассказ не удаётся вставить ни в одну книгу. Так он и остаётся напечатанным однажды.

Надо сказать, что и после смерти Яшина «Рычаги» длительное время не перепечатывали. Сделали это только в годы перестройки.

Но то, что его вообще напечатали в 1956 году, показывает, какие немыслимые преобразования в духовной сфере общества связывали с недавно прошедшим XX съездом партии, развенчавшим культ Сталина.

До той поры (да и после) партийное собрание изображали в советском искусстве как ареопаг высшей нравственной мудрости, который никогда не ошибается ни в оценках ситуации, ни в определении меры наказания или поощрения человеку.

И вот рассказ Яшина эту традицию развенчал. Разумеется, что, обстреляв рассказ, о нём побуждали забыть: советская власть не могла согласиться с тем, что посягали на её священные

фетиши.

Яшину с тех пор удалось напечатать ещё рассказ «Вологодская свадьба», где он воспроизвёл колхозную реальность такой, какой она была в реальности. Это тоже не понравилось партийным церберам.

Им многое не нравилось в творчестве позднего Яшина. Он в 1954 году, выступая на Втором съезде советских писателей, поддержав статью В.М. Померанцева «Об искренности в литературе», обвинил большинство захваленных критикой книг в неискренности и призвал коллег быть честными с читателями. С тех пор и до смерти сам следовал этому призыву. О чём и писал в стихах:

Хочется исповедаться,
Выговориться до дна.
Может, к друзьям наведаться
С бутылкой вина?
Вот, дескать, всё, чем жил я,
Несу на ваш суд,
Не отвернитесь, милые,
Весь я тут.
Смута сердешная
Невмоготу одному.
Не оттолкните грешного,
Сам себя не пойму.
Будто на медкомиссии,
Гол – не стыжусь,
Только ладошка листиком,
И не боюсь, что высмеют,
Ни лешего не боюсь.
Хватит уже бояться мне,
Душа нага.
Только бы не нарваться ей
С исповедью на врага.
Выговориться дочиста —
Что на костёр шагнуть.
Лишь бы из одиночества
Выбиться как-нибудь.
Может, ещё и выстою
И не сгорю в огне,
И, как на той комиссии,
– Годен! —
Запищут мне.

Скончался 11 июля 1968 года

28 МАРТА

Илья Самойлович Зильберштейн (родился 28 марта 1905 года) первые свои статьи и книги, посвящённые жизни и творчеству А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева начал публиковать с 1926 года. Надо сказать, что он ещё будучи студентом философского факультета Ленинградского университета сблизился с пушкинистом П. Щёголевым, художником и коллекционером искусства С.П. Яремичем, сестрой художника Константина Сомова – А.С. Сомовой-Михайловой.

Круг общения Зильберштейна расширился, когда он приехал в Москву. Здесь он подружился с известными коллекционерами Н.П. Пахомовым, Н.В. Власовым, П.Д. Эттингером.

С марта 1931 года Зильберштейн начал осуществлять свою заветную мечту – издать сборники публикаций, архивных материалов по истории русской литературы и общественной мысли. Эти сборники он назвал «Литературное наследство». До самой своей кончины (22 мая 1988 года) он был руководителем этого уникального издания, насчитывающего почти сто томов. Причём половину из них Зильберштейн подготовил лично.

В 1948–1949 вышло в свет два тома издания «Художественное наследие», посвященное И.Е. Репину. И вслед за ними «Александр Бенуа размышляет» (1968), «Константин Коровин вспоминает» (1971), «Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников» (1971), «Сергей Дягилев и русской искусство» (1982), «Валентин Серов в переписке, документах и интервью» (1988).

Страсть к коллекционированию появилась у Зильберштейна ещё в одесской юности, когда ему удалось приобрести два замечательных рисунка Бориса Григорьева. А через 60 лет из этой коллекции выросла история русского рисунка и акварели конца XVIII – начала XX вв. Почти все значительные имена имеются в коллекции Зильберштейна.

Особенно обширен русский отдел. 60 работ Репина, 22 рисунка Федотова, почти 50 работ Л. Бакста и столько же К. Сомова, 72 рисунка А.Н. Бенуа…

В западноевропейском разделе наибольшую ценность представляют несколько листов XVI века. Есть там и рисунок Рембрадта. Обширна коллекция французского рисунка XVII века.

Воистину неутомим был Илья Самойлович и разыскивая неизвестные рукописи известных писателей. И снабжая своё «Литературное наследство» всё новыми открываемыми им

материалами.

Что же до наград, то не скажу, что они сыпались на Зильберштейна. Академическая премия Белинского за подготовку вместе с другими трёхтомника Белинского в «Литературном наследстве» и Государственная премия СССР 1979 года. Кавалер ордена «Знак почёта».

Что ж, таково тогда было государство, которое так оценивало труд подвижника, вернувшего на родину массу ценных документов и произведений искусства.

Умер Илья Самойлович 22 мая 1988 года.

* * *

«Среди долины ровные». Кто не знает этой песни? А кто знает автора слов – Алексея Фёдоровича Мерзлякова, родившегося 28 марта 1778 года?

Да, Мерзляков не слишком известен. Хотя в своё время он пользовался большим успехом благодаря своим стихам, на которые писали песни и романсы русские композиторы.

А вообще-то он с 1804 года и до самой смерти 7 августа 1830 года занимал кафедру российского красноречия и поэзии в МГУ. С 1817 по 1818 был деканом словесного отделения.

Преподавал он и в Благородном пансионе при МГУ, где в 1828–1830 учился Лермонтов, на которого Мерзляков оказал несомненное влияние.

29 МАРТА

Сколько я встречал людей, вспоминавших Якова Ефимовича Эльсберга. Сектор теории, который он возглавлял в ИМЛИ, состоял из таких литературоведов, как С. Бочарова, В. Кожинов, П. Палиевский, и считался одним из самых авторитетных в академических учреждениях.

Сам Эльсберг начал писать рано. Написал в 1922 году книгу о футуризме.

За что-то в годы НЭПа попал в тюрьму, где написал книгу «Во внутренней тюрьме ГПУ. (Наблюдения арестованного)» (1924).

Почему был арестован Эльсберг? В 1962 году Всеволод Иванов выступая на президиуме Московской писательской организации, собравшейся исключить Эльсберга из Союза писателей, вспоминал: «*Это было лет 30 тому назад, Эльсберг был не то директором, не то управляющим издательства «Круг», я был членом правления, председателем был Воронский. Мы издали несколько книг. По первоначалу издали очень плохо, и Центральный комитет сказал Воронскому, что писатели растратили деньги, которые им дали. Мы произвели следствие, и оказалось, что Эльсберг украл около 30 тыс. рублей золотом. Его предали суду, и он был осуждён*». По другим воспоминаниям, Эльсберг украл эти 30 тысяч ради шикарной жизни с одной из красавиц.

Так или иначе, но судя по книге, написанной Эльсбергом в тюрьме, где он высмеивает своих товарищей по нарам – бывших эсеров и меньшевиков, и судя по позиции руководства тюрьмы, способствовавшей выходу книги, о чём-то они – Эльсберг и руководство договорились. На что-то он пошёл.

Некоторое время после был секретарём Каменева, который тогда возглавлял ИМЛИ. С 1953 года – научный сотрудник этого института.

Пишет много: «А.И. Герцен. Былое и думы» (1930), «Стиль Щедрина» (1940), «А.И. Герцен. Жизнь и творчество» (1948), «Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество» (1953), «Стиль Горького и стилевые искания советской прозы» (1968). Причём за книгу «А.И. Герцен. Жизнь и творчество» получает сталинскую премию 2 степени.

Пишет и такие книги, как «Современная буржуазная литературная теория» (1972).

Но в 1962 году собирается, как уже было сказано, президиум Московской писательской организации под руководством Степана Щипачёва. Писателям демонстрируют связи Эльсберга с ГПУ-НКВД-МГБ. По доносам Якова Ефимовича погиб Бабель,

отправлены в лагеря многие литераторы. Президиум исключает Эльсберга из Союза писателей.

Однако 10 июня 1963 года секретариат Союза писателей России это решение отменил. Основание: со стороны прокуратуры к Эльсбергу претензий нет.

29 марта 1976 года Яков Эльсберг умер. Родился 22 мая 1901-го.

30 МАРТА

Александр Константинович Гладков (родился 30 марта 1912 года) начал публиковаться со статьями о театре с 1928 года. Сдружился с А. Арбузовым, В. Плучеком, И. Штоком. В 1934–1937 годах работал в Театре имени Вс. Мейерхольда.

Первая пьеса, которая его прославила, – героическая комедия в стихах «Давным-давно» (1940). Её премьера прошла в осаждённом Ленинграде. Постановка пьесы в 1943 году в ЦТКА была отмечена сталинской премией. В день Победы 9 мая спектакль шёл в Большом Драматическом театре. Пьеса была переведена на многие языки, послужила основой для музыкальной комедии «Голубой гусар» (композитор Н. Рахманов), киносценария самого Гладкова (при участии Эльдара Рязанова). Рязанов в 1962 году снял по ней фильм «Гусарская баллада». На материале Великой Отечественной патриотическая тема была продолжена пьесой «Бессмертный» (1941, совместно с А. Арбузовым), драматическими этюдами «Неизвестный матрос», «Нахал», «Новейший метод» (1942).

Но пьеса «Новогодняя ночь» («Жестокий романс»), поставленная в 1945 году была осуждена Постановлением ЦК ВКП(б), которое назвало её «слабой и безыдейной», уводящей в мир «фальшивых переживаний».

Для Гладкова начались чёрные дни. Его пьеса «До новых встреч», написанная в 1948 году, осталась лежать на столе драматурга, которого именно в этом году 1 октября арестовали якобы за хранение антисоветской литературы.

От него потребовали «отречения» от своего учителя Мейерхольда, но Гладков это сделать отказался. Позже один из «солагерников» Гладкова напишет в «Новом мире» (1993): «Не могли его освободить ещё и потому, что он дружил в своё время с Мейерхольдом, и от этой дружбы не отказался». Не отказался Гладков и от арестованного брата – посылал ему деньги, помогал семье.

Его сослали в Каргопольский лагерь, где он в течение шести лет писал стихи, организовал театральную труппу из бывших актёров-заключённых.

Через шесть лет он вернулся, но не в Москву, а в Петушки Владимирской области. В Москву он вернулся в 1956 году после реабилитации.

Он написал книгу о Мейерхольде, представил рукопись ленинградскому отделению издательства «Искусство», но её зарубили.

Он задумал (но не осуществил) трилогию о Мейерхольде – от начала его жизни до «последних художественных свершений».

Не увидел Гладков опубликованной и другую свою книгу «Театр. Воспоминание и размышление». Гладков всю свою сознательную жизнь вёл дневник, который намеревался включить в книгу. Кроме того в книгу вошли разные по характеру очерки и этюды о Маяковском, Платонове, Олеше, Паустовском, А. Белом, Ахматовой, Эренбурге, Кольцове, Бабеле.

Он написал киносценарий «Зелёная карета» (1967), посвящённый печальной судьбе рано умершей актрисы В. Асенковой. Кинофильм поставил режиссёр Ян Фрид. Написал киносценарий «Невероятный Иегудил Хламида» (1969) о молодом Горьком, которого в фильме Николая Лебедева играет Афанасий Кочетков.

Умер Александр Константинович 11 апреля 1976 года. Многие его работы напечатаны только в годы перестройки и после. Как и это стихотворение, помеченное 1952 годом, – временем, когда писатель находился в каргопольском лагере:

Мне снился сон. Уже прошли века
И в центре площади знакомой, круглой —
Могила неизвестного Зека:
Меня, тебя, товарища и друга…
Мы умерли тому назад… давно.
И сгнил наш прах в земле лесной, болотной,
Но нам судьбой мозолистой и потной
Бессмертье безымянное дано.
На памятник объявлен конкурс был.
Из кожи лезли все лауреаты,
И кто-то, знать, медаль с лицом усатым
За бронзовую славу получил.
Нет, к чёрту сны!.. Бессоннницу зову,
Чтоб перебрать счёт бед в молчаньи ночи.
Забвенья нет ему. Он и велик и точен.
Не надо бронзы нам – посейте там траву.

31 МАРТА

Я не был близко знаком с Корнеем Ивановичем Чуковским, хотя получил от него рекомендацию в Союз писателей. Но некоторых его друзей хорошо знаю. Читал воспоминания о нём. Так что представляю себе характер этого умного, ироничного, любящего розыгрыши и одновременно замкнутого в себе человека, родившегося 31 марта 1882 года. Именно потому иначе, чем многие, написавшие об этом, отношусь к знаменитой его дневниковой записи от 22 апреля 1936 года о том, как они с Пастернаком на съезде комсомола восприняли появление Сталина:

«Что сделалось с залом? А ОН стоял, немного утомлённый, задумчивый и величавый. Чувствовалась огромная привычка к власти, сила и в то же время что-то женственное, мягкое. Я оглянулся: у всех были влюблённые, нежные, одухотворённые и смеющиеся лица. Видеть его – просто видеть – для всех нас было счастьем. К нему всё время обращалась с какими-то разговорами Демченко. И мы все ревновали, завидовали, – счастливая! Каждый его жест воспринимали с благоговением. Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства. Когда ему аплодировали, он вынул часы (серебряные) и показал аудитории с прелестной улыбкой – все мы так и зашептали: «Часы, часы, он показал часы» – и потом расходясь, уже возле вешалок вновь вспоминали об этих часах.

Пастернак шептал мне всё время о нём восторженные слова, а я ему, и оба мы в один голос сказали: «Ах, эта Демченко, заслоняет его!» (на минуту).

Домой мы шли вместе с Пастернаком, и оба упивались нашей радостью…»

Я не верю в искренность чувства, выраженного здесь Корнеем Ивановичем.

Ну, посудите сами. За два месяца до этого: «Вчера вечером позвонили от Главного начальника политической милиции: когда он мог бы меня посетить. Говорили каким-то угрожающим тоном. Я страшно взволновался. Уж не натворила ли чего-нибудь Лида». Через две недели: «Вчера позвонил Алянский и сообщил, что в «Комсомольской правде» выругали мой стишок «Робин Бобин Барабек». Это так глубоко огорчило меня, что я не заснул всю ночь». Ещё через неделю: «Вчера нагрянул на меня Цыпин. Очень сладко и любовно предложил мне выбросить из программы несколько моих книжек. «Нельзя. Нельзя. По настоянию Ц. К.»».

А за полтора года – в конце декабря 34-го: «Сейчас говорил с

Главлитом – оказывается, мой «Крокодил» запрещён опять». И до самого конца года безуспешная борьба за «Крокодил», закончившаяся окончательным цензурным запретом.

Не мог не понимать Корней Иванович, в какой он живёт стране и что с ней происходит. Его запись об аресте Каменева звучит, как обвинительное заключение: «Неужели он такой негодяй? Неужели он имел какое-нб. отношение к убийству Кирова? В таком случае он лицемер сверхъестественный, т. к. к гробу Кирова он шёл вместе со мною в глубоком горе, негодуя против гнусного убийцы. И притворялся, что занят исключительно литературой». Но не потому ли появилась такая запись, что перед арестом был Каменев директором издательства «Academia», тепло и дружески общался с Корнеем Ивановичем, и дружеское это общение могло оказаться теперь для Чуковского смертельно опасным?

Не оставляет меня ощущение, что писал Корней Иванович с оглядкой и на того, кто может прочесть его дневник, если за ним, как и за многими тогда, придут.

Боже, как они с Пастернаком подогревают друг друга: «Пастернак шептал мне всё время о нём восторженные слова, а я ему…» Не доверяют друг другу? Да нет, не в этом дело. А в том, что оба сейчас наигрывают чувство. Каждый, скорее всего, знает про другого, что тот играет, и старается от другого в этом не отстать.

О том, как обстояли у Корнея Ивановича Чуковского дела в апреле 1936 года, я уже говорил. От многого он отказался, многое захотел забыть. Был он некогда блистательным критиком. А теперь бросил этот опасный жанр, в котором хочешь не хочешь, но следует обозначить свои симпатии и антипатии. Не получалось и стать безобидным детским поэтом. Даже такие стихи, как «Робин Бобин Барабек», брали под подозрение. Ну, а если кому-нибудь пришло бы в голову вспомнить из его «Тараканища»: «Покорилися звери усатому. / (Чтоб ему провалиться проклятому!)»? Чем Корней Иванович докажет, что не о том усатом идёт речь? Не этими же строчками из той же сказки:

Но однажды поутру
Прискакала кенгуру,
Увидала усача,
Закричала сгоряча:
«Разве это великан?
(Ха-ха-ха!)
Это просто таракан!

(Ха-ха-ха!)
Таракан, таракан,
таракашечка,
Жидконогая
Козявочка-букашечка.
И не стыдно вам?
Не обидно вам?
Вы – зубастые,
Вы – клыкастые,
А малявочке
Поклонилися,
А козявочке
Покорилися!»

За эти, как и за те, свободно можно было получить не меньше того, что уже получил Мандельштам. И у него в стихах: «Тараканьи смеются усища»! Причём мандельштамовские стихи не оставляли сомнения, о чьих тараканьих усищах идёт речь. Помнил ли о такой параллели Корней Иванович? Не мог не помнить, хотя, конечно, вёл речь в 1923 году не о сталинских усах. И не мог её не страшиться, коль скоро ночь не спал после того, как «Комсомолка» обругала его стишок!

Умер Корней Иванович 28 октября 1969 года.

* * *

Осип Иванович Сенковский (родился 31 марта 1800 года) поначалу увлекался Востоком. Перевёл на польский баснописца с арабского. В 19 лет составил обзор поэтического сборника Хафиза (с персидского подлинника). Виленские учёные собрали денег, и Сенковский совершил путешествие по Турции, Сирии и Египту (1819–1821). Из него он привёз в Петербург научные труды и древние арабские рукописи.

Он знал много языков, поэтому служил переводчиком в Иностранной коллегии в Петербурге.

В 1822–1847 – ординарный профессор Санкт-Петербургского университета по кафедре арабской и турецкой словесности. Фактически он основал русскую школу ориенталистики. Многие его ученики внесли весомый вклад в развитие восточного востоковедения. Сам же Сенковский весьма быстро отошёл от научной деятельности, согласившись в 1828–1833 исполнять роль цензора.

Его влекла литература.

В 1822 году он сошёлся с земляком Булгариным, через него познакомился с Н. Гречем и А. Бестужевым.

Первым опытом Сенковского в русской литературе стал цикл «Восточных повестей», которые наполовину были переводами с восточных языков.

В 1828 году опубликовал первый опыт в пародийно-сатирическом наукообразном жанре: «Письмо Тутунджи-оглы-Мустафа-аги, истинного турецкого философа, г-ну Фаддею Булгарину, редактору «Северной пчелы»; переведено с русского и опубликовано с ученым комментарием Кутлук-Фулада, бывшего посла при дворах бухарском и хивинском, а ныне торговца сушеным урюком в Самарканде» (на французском языке).

В 1833 году в альманахе известного издателя Смирдина «Новоселье» Сенковский появился как Барон Брамбеус. В том же году ошеломляющий успех имели его «Фантастические путешествия Барона Брамбеуса». Это один из самых известных псевдонимов Сенковского, но не единственный.

В основном Барона Брамбеуса сделал популярным ежемесячный журнал «Библиотека для чтения», где Сенковский в 1834–1847 году был редактором. Журнал принадлежал Смирдину, который платил Сенковскому по 15 тысяч рублей в год. Немыслимый для тех времён тираж – 5000 экземпляров приносил Смирдину огромные прибыли. Это был журнал энциклопедического характера. Объём одного номера доходил до 30 печатных листов. Сенковский демонстрировал замечательные качества редактора, у которого статья была не статьёй «вообще», а компонентом целого. Кроме того, Сенковский следил, чтобы подписчики получали журнал точно 1 числа каждого месяца. Такая точность тоже была в новинку.

В 1856–1858 в еженедельнике «Сын Отечества» вёл колонку «Листки Барона Брамбеуса».

Он стал очень богатым человеком. Снял дом, в котором устраивал музыкально-литературные вечера.

Он проявил склонность к изобретению. С 1842 по 1849 строил «оркестрион» – инструмент, который мог бы заменить ему весь оркестр. После нескольких вариантов переделок и огромных издержек, он построил инструмент, на котором никто не мог играть, кроме жены Сенковского, да и та исполняла на «оркестрионе» две-три вещи. Попытался Сенковский создать и пятиструнную скрипку.

Всё это требовало денег. Изрядно подразорившись, Сенковский вынужден вернуться к перу. Возобновляет публикации еженедельных «Листков Барона Брамбеуса» в «Сыне

Отечества», разом увеличив этим тираж. Последний «Листок» Сенковский продиктовал за три дня до смерти. Умер он 16 марта 1857 года.

Боготворившая его вдова напечатала не только собственный очерк «Осип Иванович Сенковский» (1859), но и сочинения своего мужа (1858–1859).

Сенковский был женат на ней, урождённой баронессе Аделаиде Александровне Раль с 1829 года. Но женился для того, чтобы породниться с её старшей сестрой, которую любил. Старшая сестра, зная о любви младшей к Сеньковскому и не любя его, многое сделала, что бы составить сёстрино счастье. Но когда старшая в 1833 умерла, Сенковский опасно занемог и сам едва не умер. Эти события отражены в автобиографической повести Сенковского «Любовь и смерть».

* * *

С Владимиром Семёновичем Жуковым, ивановским поэтом, мне доводилось несколько раз ездить по стране в составе делегаций Союза писателей на разные Дни литературы.

Был он доброжелателен, молчалив, выпивал умеренно, ничего особенного не рассказывал. Разве только на сцене, перед тем, как прочитать стихи, вспоминал, как их писал.

Рита Ломунова, работница «Литературной России», которую я знал, составила его, кажется, последний и очень большой сборник (во всяком случае, толстый!) «Избранного» в издательстве «Современник». Я его читал. Наверное, это почти полное собрание поэта, у которого в творчестве превалирует военная тема.

Удивительного в этом ничего нет. Жуков был пулемётчиком в финскую войну. Остался им и в Великую Отечественную.

Его строки стихотворения «Пулемётчик» зацитированы:

С железных рукоятей пулемёта
Он не снимал ладоней в дни войны…
Опасная и страшная работа.
Не вздумайте взглянуть со стороны.

Видимо, воевал он хорошо, если с войны принёс орден Красного Знамени и орден Отечественной войны 2-й степени. Хотя, если верить его биографам, не был офицером.

Это позже, окончив литературный факультет Ивановского педагогического института и Высшие литературные курсы при

Литинституте, став членом Союза писателей с 1947 года, он потом возглавил Ивановскую писательскую организацию, то есть вошёл в номенклатуру обкома и номенклатуру Союза писателей РСФСР. Избирался ещё и депутатом Ивановского городского совета народных депутатов. Поэтому перечислять его награды не хочется. Не лично его награждали – номенклатурную единицу.

О нём в Иванове, скорее всего, помнят. Недаром он, родившийся в этом городе 31 марта 1920 года, является Ивановским почётным гражданином. В Иванове же учреждена премия имени поэта Владимира Жукова. Умер он 27 октября 1997 года.

Список имён тех, кому посвящены календарные заметки

Агапов Борис
Ажаев Василий
Алексеева Лидия
Антоновская Анна
Арго Абрам
Арцыбашев Михаил
Ашукин Николай
Бажов Павел
Байрон Джордж Гордон
Балтрушайтис Юргис
Баратынский Евгений
Батюшков Фёдор
Бек Александр
Белкина Мария
Белый Андрей
Беляев Александр
Беляев Владимир
Билибин Виктор
Билль-Белоцерковский Владимир
Благой Дмитрий
Богданович Ипполит
Бондарев Юрий
Бременер Макс
Булгаков Михаил
Вальшонок Зиновий
Варрава Иван
Варшавский Владимир
Василевская Ванда
Васильев Павел
Вацуро Эразм
Велембовская Ирина
Вербицкая Анастасия
Вергасов Илья
Вересаев Викентий
Вигдорова Фрида
Виленкин Виталий
Вирта Николай
Волков Олег
Воронов Юрий

Воскресенская Зоя
Востоков Александр
Вревская (Вульф) Евпраксия
Гааль Франческа
Гальперина Елена
Гарин-Михайловский Николай
Гаркави Александр
Гаршин Всеволод
Герман Юрий
Герцык Аделаида
Гёте И.-В.
Гладков Александр
Глазков Николай
Глинка Владислав
Гнедич Николай
Гнедич Татьяна
Голомшток Игорь
Гончаров Юрий
Гор Геннадий
Горелов Анатолий
Горенштейн Фридрих
Горин Григорий
Горнфельд Аркадий
Городецкий Сергей
Гранин Даниил
Грекова И. (Вентцель Елена Сергеевна)
Грибоедов Александр
Григоренко Пётр
Григорьев Виктор
Гроссман Леонид
Гудзенко Семён
Гулиа Георгий
Гусев Виктор
Гусев Константин
Данин Даниил
Демидов Георгий
Державин Константин
Дижур Белла
Долгоруков Пётр
Доризо Николай
Дыховичный Владимир
Дьяконов Игорь
Жемчужников Алексей
Жигулин Анатолий

Жуков Владимир
Жуковский Василий
Зайцев Борис
Замятин Евгений
Зверев Илья
Земская Елена
Зильберштейн Илья
Иванов Вячеслав И.
Ивнев Рюрик
Искандер Фазиль
Ишимова Александра
Казак Вольфганг
Казакевич Эммануил
Казакова Римма
Капутикян Сильва
Карпеко Владимир
Карпов Владимир
Катаев Валентин
Катанян Василий
Кашежева Инна
Керсновская Евфросинья
Кибиров Тимур
Киплинг Редьярд
Кожухова Ольга
Козлов Иван
Козлов Сергей
Копштейн Арон
Коринец Юрий
Корнилов Владимир
Крахмальникова Зоя
Крепс Владимир
Крестовский Всеволод
Кривенко Лев
Крюков Фёдор
Кузмин Михаил
Кузнецов Феликс
Кузнецов Юрий
Лавлинский Леонард
Лазарев (Шиндель) Лазарь
Лазарев Владимир
Лапин Владимир
Лебедев-Полянский Павел
Левитанский Юрий
Ленч Леонид

Лесков Николай
Лозинский Михаил
Лонгви́нов Михаил
Лунгина Лилиана
Львов Владимир
Львов Михаил
Львовский Зиновий
Льдов Константин
Майоров Николай
Макашин Сергей
Максимов Владимир
Мальцев Орест
Малюгин Леонид
Марин Сергей
Марьенков Ефрем
Медведев Валерий
Медынский Григорий
Мельников-Печерский Павел
Мерзляков Алексей
Мещерский Владимир
Минц Климентий
Минчковский Аркадий
Михалков Сергей
Мятлев Иван
Нагишкин Дмитрий
Надсон Семён
Незнанский Фридрих
Некрасов Андрей
Некрасова Ксения
Николаевская Елена
Никулин Лев
Новиков-Прибой Александр
Норов Авраам
Озеров Лев
Онегин (Отто) Александр
Остен Мария
Остолопов Николай
Отрада Николай
Павлинов Владимир
Пастернак Борис
Петёфи Шандор
Петровых Мария
Писемский Алексей
Платонов Андрей

Подзорова Нина
Поздняев Михаил
Поповкин Евгений
Правдухин Валериан
Пришвин Михаил
Проскурин Пётр
Пушкин Александр
Пыляев Михаил
Радлова Анна
Разорёнов Алексей
Рассадин Станислав
Реизов Борис
Рецептер Владимир
Росляков Василий
Рощин Михаил
Рубан Василий
Рубинов Анатолий
Рубцов Николай
Рудаков Сергей
Рыбаков Анатолий
Рябинин Борис
Савинков Борис
Самарин Роман
Самохин Николай
Саянов Виссарион
Свербеев Дмитрий
Седых Константин
Семёнов Сергей А.
Сенковский Осип
Серафимович Александр
Скафтымов Александр
Скобелев Владислав
Скрябина Елена
Слободской Морис
Смеляков Ярослав
Соколов Михаил
Срезневский Измаил
Стаднюк Иван
Стаханов Алексей
Стороженко Николай
Стюарт Елизавета
Сухомлинов Михаил
Сэлинджер Джером
Таурин Франц

Телешов Николай
Тимофеев Леонид
Тредиаковский Василий
Труайя Анри
Трубачёв Олег
Тушнова Вероника
Успенский Лев
Фатьянов Алексей
Федотов Лев
Фромм Эрих
Фукс Александра
Хазанов Борис (Файбусович Геннадий)
Храмов Евгений
Цыбин Владимир
Чайковская Ольга
Чарушин Евгений
Чивилихин Владимир
Чудаков Александр
Чуковская Лидия
Чуковский Корней
Чулков Георгий
Чумандрин Михаил
Чухонцев Олег
Шаликов Пётр
Шаховской Александр
Шейнин Лев
Шершеневич Вадим
Шестаков Павел
Шестинский Олег
Шефнер Вадим
Шток Исидор
Шубин Павел
Шугаев Вячеслав
Шундик Николай
Щеглов (Варшавер) Юрий
Щёголев Павел
Щепкина-Куперник Татьяна
Эльсберг Яков
Эренбург Илья
Языков Николай
Ямпольский Борис
Яшин Александр

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

«Strelbytskyy Multimedia Publishing»

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www. audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2016
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

notes

Примечания

1

Hamlet. (Примеч. А.С.Пушкина.)